

KIX

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

127

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 127

TRIMESTRIEL

IV - 1978

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: В. Аллой (зам. ред.), прот. Алексей Князев, **И. В. Морозов**

Америка: Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

120 Фр. или 30,- \$

200 Фр. или 50,- \$

35 Фр. или 9,- \$

LE MESSENGER

669

~~СПРАВОЧНИК~~

... могут делать денежный
почтовый счет:
501-57 U Paris

АНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

des Etudiants Russes,
France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

127

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

638

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
Н. РАДИЧЕВСКАЯ Д. 2
шкв. 669

© Copyright Le Messenger. Paris 1978.

COMMISSION PARITAIRE
№ d'inscription 29.425

ОТ РЕДАКЦИИ

С этого выпуска «Вестник» открывает новый отдел, посвященный истории и проблемам эмиграции. Первая, вторая, третья... В 1922 Ленин высылает из России мозг страны: двести литераторов и ученых. Прошло более полувека и ничего не изменилось: снова люди пера и искусства либо изгоняются, либо вынуждаются к эмиграции.

«Изгнанием из страны родной, / Хвались повсюду как свободой» — «И изгнания воздух горький, как отравленное вино». В этих двух строчках Лермонтова и Ахматовой вся диалектика эмиграции, вся ее трагедия. Изгнание — стояние за свободу и как таковое доблесть и служение. Но оно же горький, трудный, отравленный путь, так как нарушает естественную, необходимую связь с родной стихией.

Первая эмиграция носила особый характер своею многочисленностью (более миллиона человек), цельностью, всеословностью, высокой культурой. Но и она не избежала с течением времени той разлагающей отравы, которую носит в себе всякое длительное изгнание: оторванность от почвы, отсутствие среды, самозамкнутость, — искривляющие перспективы и плодящие раздоры.

Прежде всего распад коснулся общественно-политической жизни, как наиболее призрачной. Долше держалось художественное творчество, менее зависимое от среды. Но если в пределах первого поколения проблемы эмиграции, хоть и с трудом, но преодолимы, то с особым трагизмом, безвыходностью они становятся перед детьми изгнанников. Эмиграция, чей смысл в верности высшим ценностям, затоптанным на родине, не может позволить своим детям пойти по пути непосредственной ассимиляции, утери языка и связи с отчизной. Но волей-неволей или новая среда (школа, профессия, семья) берет свое, или верность уже только умопостигаемой, но не осязаемой отчизне, сохраняется ценой ущербного сознания, оскудения жизненных сил, ценой «полуобморочного» бытия.

Во всех эмиграциях могучим инстинктом сохранения самобытности служит религиозное чувство, принадлежность к вере отцов. Но такое естественное и в какой-то мере

подсобное отношение к религии несет в себе искривление и самой религиозной жизни, ослабляя ее действенность. Церковь — не уголок России, а то высшее и непреложное, что имеет универсальное значение. И потому источник света, то есть религиозное начало, должен мыслиться вне национально-эмигрантских категорий. И это особенно верно о Православии, единственно догматически чистой ветви христианства.

Второе, это связь с отчизной. Эмигрант уносит с собой свою родину, и велик соблазн остановиться на обособленном и раз навсегда затвердевшем представлении о ней. Задача эмиграции, не замыкаясь в себе, прислушиваться к процессам, протекающим вдали, чтобы продолжать жить вместе с родиной, чтобы мочь вместе с ней войти в ее будущее.

Третье, не менее существенное и трудное, — восприятие новой среды, не как ненужного одеяния или обузы, а творчески, как культурной данности и заданности. В приобщении к Западу как к общему достоянию — залог неусыхания эмиграции. Европа — а в каком-то отношении весь мир становится Европой — все еще «страна чудес», по Хомяковскому определению, несмотря на кризис и оскудение, несмотря на тень надвигающейся мировой катастрофы.

Осуществляя творчески свою свободу, эмиграция преодолевает отраву, текущую в её жилах. Такая борьба требует колоссального духовного напряжения. И потому непростительно истрачивать силы в пустых ссорах и раздорах. Объединить эмиграцию в её разных слоях способен только ежедневный всесторонне-созидательный труд. Напрягать свой слух для уловления духовных процессов на родине, возделывать на свободе родную культуру, расширять её через приобщение к культуре местной, возводить веру отцов до универсального масштаба, вот тот многотрудный путь эмиграции, который не только уберезет её от распада, но послужит к её оправданию.

Никита Струве

Богословие, Философия

АКАФИСТ ЗА ЕДИНОУМЕРШЕГО

Кондак 1

Избранный ходатаю и первосвященниче мира грешного, о спасении нашем душу свою положивый, даровавый нам власть чадом Божиим быти, и обитати в невечернем дни царствия Твоего, даруй прощение и вечную радость усопшему, о нем же с мольбою взываем Ти: Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Икос 1

Господом данный Ангеле Хранителю светлый, прииди помолимся о рабе Твоем, его же на всех путех жизни сопровождал, хранил и наставлял еси: воззови с нами ко Спасу Всещедрому:

Иисусе, истреби рукописание грехов раба Твоего (имя).

Иисусе, уврачуй его язвы душевныя.

Иисусе, да не будет на земли горьких воспоминаний о нем.

Иисусе, сего ради помилуй огорчавших его и обиженных им.

Иисусе, покрый его несовершенства светоносною ризою Твоего искупления:

Иисусе, возвесели его милосердием Твоим.

Иисусе, неизреченный, великий и чудный, явись ему Сам:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 2

Яко безутешная горлица носится душа над юдолию земною, созерцая с высоты божественного разумения грехи и соблазны минувшаго пути, горько скорбя о каждом невозвратном дне, ушедшем без пользы, но помилуй раба Твоего, Владыко, да внидет он в покой Твой, взывая: Аллилуиа.

Аще Ты страдал еси о всем мире и аще проливал еси слезы о всем мире и кровавый пот о живых и мертвых, то кто нас удер-

жит от молитвы за усопшаго, подражая Тебе, сошедшему даже до Ада, молимся о спасении раба Твоего:

Иисусе, жизни подателю, озари его светом Твоим:

Иисусе, да будет он едино с Тобою и Отцем.

Иисусе, всех призывавый в виноградник Твой, не забуди и его:

Иисусе, щедрый, раздаятелю вечных наград, яви его сыном чертога Твоего.

Иисусе, верни душе его благодатныя силы первозданной чистоты:

Иисусе, да умножатся во имя его добрые дела.

Иисусе, согрей осиротевших Твоею таинственной отрадой:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 3

Связанный узами плоти раб Твой падал греховно, но дух его томился по Твоей вечной правде и святости ныне, егда немощь плотская скована могильным тлением, да вознесется душа его превыше солнца к Тебе Всесвятому, и воспоеет, песнь избавления: Аллилуиа.

Икос 3

Верховный апостол Твой в хладную ночь у костра трижды отрекся от Тебе, и Ты спасл еси его, единый ведый человеческого естества немощь, прости рабу Твоему (имя) многовидния отпадения от воли Твоея.

Иисусе, всели его там, где нет заблуждений.

Иисусе, за горькую муку падений его прости его.

Иисусе, избави его от тягостных терзаний совести:

Иисусе, да сгинет на веки память грехов его.

Иисусе, от тайных беззаконий очисти его.

Иисусе, осени его тихим светом спасения:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 4

Бури жизни миновали, страдания земные окончены, бессильны враги с их злобою, но сильна любовь, избавляющая всех, о ком возносится дерзновенная песнь: Аллилуиа.

Икос 4

Ты без числа милосерднее нас, Ты единый избавитель, что мы прибавим к подвигу Твоей спасающей любви, но Симон Киринейский помогал нести крест Тебе всеильному. Так и ныне благи Твоей угодно спасение близких совершать с участием нашим.

Иисусе, Ты заповедал друг друга тяготы носить:

Иисусе, Ты при жизни помогаешь нам через посредство людей.

Иисусе, Ты по смерти милуеши нас по ходатайству близких:

Иисусе, союз любви положивый между мертвыми и живыми.

Иисусе, да послужат подвиги любящих во спасение раба Твоего (имя).

Иисусе, услыши его вопль сердечный, возносимый нашими устами.

Иисусе, в наших слезах прими его покаяние:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 5

Боже, да будет принят Тобою его предсмертный вздох сокрушения, яко мольба благоразумнаго разбойника. Он угас на жизненном кресте: дай наследовать ему Твое обетование: Аминь Глаголю Тебе, днесь со Мною будешь в раи, где сонмы раскаявшихся грешников радостно поют: Аллилуиа.

Икос 5

За нас распятый, за нас измученный, простри ему руки с Твоего креста, каплями крови Твоея беспощадно смой излития его благообразною Твоею наготою, согрей сиротливую душу:

Иисусе, Ты знал его жизнь от рождения и полюбил его:

Иисусе, Ты видел его издалика с высоты креста Твоего.

Иисусе, Ты простирал ему вдаль грядущего изъявленные объятия Твои:

Иисусе, Ты взывал о прощении его на кровавой Галгофе.

Иисусе, Ты кротко умирал за него в тяжких муках:

Иисусе, претерпевый во гробе положение, освети его могильный покой.

Иисусе, воскресший, вознеси ко Отцу озлобленную миром и Тобой спасенную душу.

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 6

Спит он вечным сном могильным, но душа его не дремлет, ча-
ет Тебя, Господи, жаждет Тебя, вечного жениха, да исполнятся на
умершем слова Твои: «Ядый мою плоть и пей мою кровь иметь
живот вечный», дай ему ясти от манны сокровенныя и пети у пре-
стола Твоего: Аллилуиа.

Икос 6

Смерть разлучила со всеми, ближнии стала далече, знаемии
сокращаея и токмо Ты, един остался близок, разрушились пре-
грады плоти, и Ты открылся в неприступном величии Божества с
ожиданием ответа:

Иисусе, любовь превыше всякого разумения, помилуй раба
Твоего:

Иисусе, удаляясь от Тебя, он тяжко страдал.

Иисусе, обманутые надежды рождали тоску по Тебе:

Иисусе, вспомни те часы, когда душа его трепетала восторгом
Твоим.

Иисусе, дай скончавшемуся неземную радость и покой:

Иисусе, единый, вечный, неизменный, прими его.

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба
Твоего.

Кондак 7

Веруем, что недолго будет разлука наша, мы хороним тебя,
как на ниве зерно, ты произрастешь в иной стране, да погибнут
в могиле плевелы грехов твоих, а дела добрые там проспят, где
семена добра приносят нетленные плоды, где духи света поют:
Аллилуиа.

Икос 7

Когда уделом умершаго станет забвение, когда образ его
поплекнет в сердцах и время изгладит вместе с могилой и рев-
ность молитвы о нем, тогда не остави его, дай отраду одинокой
душе.

Иисусе, твоя любовь не охладевает:

Иисусе, неистошимо Твое благоволение.

Иисусе, в неумолкаемых мольбах церкви вспоминай имя его.

Иисусе, да смоятся грехи его приношением святяга крови
Твоея:

Иисусе, предстательством всех святых яви его совершенным.

Иисусе, дай ему благодать молитвы о живых:

Иисусе, во дни испытаний наших прими его ходатайство за
нас.

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба
Твоего.

Кондак 8

Будем молиться со слезами, когда память об усопшем му-
чительное свела, будем поминать его имя в нощи и во дни, разда-
вая милостыню, питая гладных, из глубины души взывая Богу:
Аллилуиа.

Икос 8

Тайнозритель Иоанн Богослов видел у престола Агнца Божия
великое множество людей, облеченных в белые ризы. Это те, ко-
торые пришли от великой скорби. Они радостно служат Богу день
и ночь, и Бог обитает в них и не коснется их мука.

Иисусе, причти к ним и раба Твоего (имя).

Иисусе, он много страдал и томился.

Иисусе, Тебе известны все горькие часы и тягостные мину-
ты его:

Иисусе, на земли были печали и скорби, дай на небе ему от-
раду.

Иисусе, услади его от источников живяга воды.

Иисусе, отыми всяку слезу от очей его.

Иисусе, всели его, где не опаляет, но живет солнце правды
Твоея.

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба
Твоего.

Кондак 9

Кончено странствие земное, какой благодатный переход в мир
духа, какое созерцание новых невидимых миру земному вещей и
небесных красот, душа возвращается в отечество свое, где свет-
лее солнца правда Божия просвещает поющих: Аллилуиа.

Икос 9

Если отблеск и след Твой полагает сияние на лица смертных,
то каков же Ты Сам, если плоды Твоих рук так прекрасны и земля,
отражающая только тень Твою, полна невыразимым величием, то
каков же невидимый лик Твой, открой славу Твою усопшему рабу
Твоему.

Иисусе, усоверши чувство его к восприятию Твоего богатства.

Иисусе, обостри его слух к слышанию небесных.
Иисусе, да будет его радость преисполненная.
Иисусе, пролей утешение близким и любящим его.
Иисусе, возведи их ум и сердца к небесам:
Иисусе, подкрепи их надеждою встречи в обителях блаженных.

Иисусе, дай нам почувствовать благодатную силу заупокойной молитвы:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 10

Отче наш, прими скончавшегося во царствие Твое, где нет греха и зла, где нерушима Твоя святая воля, где в сонмах чистейших душ и непорочных ангелов светится Твое благодатное имя и благоухает хвала: Аллилуиа.

Икос 10

В тот день, когда ангелы поставят престол Твой, судие, и Ты воссияеши во славе Отца Твоего, неся воздаяние всякому человеку. О! Воззри тогда милостиво на смиренного раба Твоего (имя), Рцы ему: прииди одесную мене.

Иисусе, имаши яко Бог власть оставляти грехи.

Иисусе, прости его согрешения забытые или стыдом утаенные.

Иисусе, отпусти беззакония немощи и неведения:

Иисусе, избави его от несветимых глубин адского отчаяния.

Иисусе, сопричти его к благословенным Отца Твоего.

Иисусе, дай ему во веки нескончаемое блаженство:

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 11

Владыко всеблагий, да отверзнутся усопшему солнцевидные врата райские, да встретят его с ликованием соборы праведных и святых, сонмы близких и любивших его, да возрадуются о нем светоносные ангелы Твои, да узрит он и присноблаженную мать Твою там, где победно звучит: Аллилуиа.

Икос 11

Под дыханием Твоим оживают цветы, воскресает природа, пробуждаются сонмы мельчайших тварей, Твой взор светлее весенних небес, Твоя любовь, Иисусе, теплее лучей солнечных, Ты из

праха земного воскресил бrenную плоть человеческую к расцвету вечной нетленной весны, тогда озари и раба Твоего (имя) светом милостей Твоих.

Иисусе, в Твоей деснице благоволение и жизнь:

Иисусе, во взоре Твоем свет и любовь.

Иисусе, избави усопшего от вечныя смерти духовныя.

Иисусе, он уснул с надеждою, подобно пчеле пред холодной зимой.

Иисусе, пробуди его, когда терния земли облекутся цветами вечности:

Иисусе, да не омрачит ничто земное его последнего сна.

Иисусе, Ты счастье неизменное и цель нашего бытия:

Иисусе, судия всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 12

Христе, — Ты царство небесное, Ты земля кротких, Ты обители многи. Ты питие совершенно новое, Ты одеяние и венец праведных, Ты ложе упокоения святых, Ты сладчайший Иисусе и Тебе подобает хвала: Аллилуиа.

Икос 12

Под образом тихих садов неземной красоты и светлых, как солнце, обителей, в символах благоухания райских нетленных цветов и в великолепии небесных поспопений, Ты открыл нам блаженство любящих Тя.

Иисусе, облеку его сиянием славы Отца:

Иисусе, просвети его озарением Духа Святаго.

Иисусе, да услышит он неизреченную песнь херувимов:

Иисусе, да прославит он Тя с лики праведных.

Иисусе, да будет восходить он от славы в славу.

Иисусе, да узрит он Тебя лицом к лицу.

Иисусе, судие всемилостивый, рая сладости сподоби раба Твоего.

Кондак 13

О! Женише бессмертный, в полночь греха и неверия грядый с небесе со ангелы судити миру всему. Отверзи двери славного чертога Твоего рабу Твоему (имя). Да в бесчисленных сонмах святых во веки поет: Аллилуиа.

(Сей кондак глаголи трижды и паки икос 1 и кондак 1).

ИЗ ДУХОВНЫХ БЕСЕД*

О ВОСКРЕСЕНИИ МЕРТВЫХ

ВОПРОС:

Нагими ли предстают перед Богом воскресающие тела Адама или имеют на себе одежду (1 Тим. 6,8), и питаются ли они пищей; как тогда одевается в одежду тело и питается пищей (ведь нужно находящимся в этом мире мужам и женам одеваться и прикрывать срам и питаться смертной пищей)? Будет ли еще надобно такое воскресшему, или нет? (1 Кор. 15,35 сл.).

ОТВЕТ:

1. Это кажется мне неуместным и крайне нелепым; ведь мы знаем, что вся тварная **красота вида** (Иак. I,II) и весь тварный состав оставляется при разрешении, и уже не земля несет свои плоды для пропитания тела, но приходит небо со всем его устройением. Зачем же еще людям будет доставляться питание и изготавляться облачение, если, по слову Господа, разрешится все зримое? Не ясно ли, что есть нечто иное превыше зримого, что и будет дано? Ибо должно и облаченным быть, и напитанным. Но если для израильтян манна, которая дана была им в пустыне, была непривычна и иноприродна их природе (ибо написано, что **хлеб ангельский ел человек**, Пс. 77,25), то сколь превосходнейшую в веке грядущем пищу и одежду даст Он людям, чуждую их природе. И все приемлющие отныне **залог Духа в сердца** свои (2 Кор. 1, 22) и небесное сокровище, и все ныне носящие одеяния славные и небесные, и все рассевающие на земле небесное и духовное семя сердца, все они несомненно наслаются и телесной славой. Ибо скрываемая и растимая теперь их душой Божественная красота в воскресении внезапно и изобильно раскроется и осияет внешнее тело вечным светом. Достоянейший разум необходимо будет благовестуем там, и Дух Божий проявится, а вместе с этим воссияет славой и тело. Ибо Бог, уже и теперь облакающий душу славой и дающий ей питаться от своего огня, в ожидаемое время и тело оденет и **сообразно славному телу Его представит** (Фил. 3,21), давши тогда успокоение пищею и одеяниями небесными, работы нетленной ангельской.

* Начало см. в "Вестнике" № 126.

2. В видимом своя работа есть у ночи и своя у дня. И труды ночные злы: в это время злодеи являют свое беззаконие, под укрытием мрака злоумышляют и воруют и блудят и прелюбодействуют безопасно, никем не удерживаемые. Но светлы дневные труды, труды праведности и благочестия; ибо все, сотворенное явно, **свет есть** (Еф. 5,13), будучи совершено в Боге. Так и совершающие беззаконие как бы в ночи многое скрывают, но потом **все обнаруживаемое делается явным** (Еф. 5,13). Поэтому носящие уже теперь семя зла в своем сердце, имея разум отягченный стыдом злых дел, стараются сокрыть и спрятать свои злые дела, но не могут остаться незамеченными для Бога, ибо все Ему **обнажено и открыто**, и **Ему дадим отчет** (Евр. 4,13). Ибо та тьма, которая сейчас объемлет их душу и сердце, в судный день и тело затмит и сокроет, и они будут пить из темных сосудов зла, благие же дела праведных воссияют **как солнце** (Мф. 13,43), ибо они не могут оставаться сокрытыми. Но как плодоносящее дерево, во все летнее время вынашивая в себе плоды, не может скрыть, как они наливаются, потому что подошедшая пора некоей увлекающей силой невольно приводит плоды в зрелость; и как зерно, захороненное в землю, сначала неявно в недрах земли пускает корни и тяжелеет, а потом, проросши и выйдя на поверхность земли, напоаясь соками, становится зримым и возвышается стеблем, и наливается в **колос** (Марк 4,28) и отдает зерно; и как лоза, перенесенная в виноградник, сначала назревает внутри в своей сердцевине и так появляется на виду, вся плодоносящая, и дает в свою пору вино — таким же образом христиане, сейчас еще напрягающиеся в борении и в небесном вертограде укрепляющиеся сладчайшими корнями в землю сердца, не могут скрыть плодов, но внутреннее внезапно в день воскресения озарит и тело, возвеселив и облагодатствовав его. Также опять-таки и деяния грешников обнаружатся. Как целомудренная девица, впавшая в блуд и зачавшая, старается сокрыть свое мерзкое распутство и сокрыть не может, потому что плод, придя в свой полный рост, представляет доказательство беззакония собирающейся родить, так зачавшие в сердце от греха и рождающие плоды беззакония не могут в судный день избежать страшного и невыразимого огня, но и души и тела их будут равно осуждены.

3. Но того надо искать, чтобы отныне мы возревновали в краткий отпущенный нам срок стать достойными воспринять и зачать в сердцах наших святого Духа Божия, чтобы через Него

в судный день и тела наши облеклись славой и миром, чтобы Он воскресил к жизни новой и нетленной, сотворив для них **новое небо и новую землю** (Апок. 21,1; Ис. 65,17) и светила новые, и дал им Свой образ и всё **обетование наследия** (Евр. 9,15). Такие суть камни драгоценные и жемчужины отборные, стоящие пред лицом Божеским; ибо праведники суть нареченные камни драгоценные, орлы и голуби (1 Кор. 3,12; Мф. 24,28; 10,16). Зодчий Христос, воздвигая (внутреннего человека), разрушает построения тьмы лукавых помышлений, о чем сказано: Ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия (2 Кор. 10,4-5), (ибо они же, входя как бы в опустелое место, вопиют в наших сердцах); разровняв, Он кладет в основание в сердцах наших свою скалу, и принеши остальные камни (говорю, природные помышления), слагает здание до вершины, до высот неба, уподобляя его святому телу Христову и соединяя его со строением святых апостолов (Еф. 2,21; 4,16). Из двух сущностей складывается божественное строение. Сначала Христос вводит нашего внутреннего человека в строение Тела Своего, исполненное ангелами и святыми духами, а после нисходит Сам из вышних в земные и возлегает там, укрепляя собою обитель, и избрав для себя место, пребывает.

4. Как очи чувственного зрения видят чувственное солнце, так очами души необходимо зреть умный свет солнца **правды** (Мал. 4,2). И как ласточки, улетающие в зимнюю пору, когда не могут перенести суровость ветров и жестокость холодов, возвращаясь весной, когда они находят воздух более мягким и спокойным, а всю землю разогретой, влетают, входя как бы к себе домой, в дома людей и, безопасно садясь на землю и изготовив себе келии, устраивают гнезда и беспрестанно щебечут природными голосами — так и Господь, поселившись в домах наших душ, упокаивается в келии сердца нашего и в ней обитает, когда проходят бури и злая зима и мрак; и тогда в ней сияют лучи, полные Его сладчайшего света, а дом этот посещает глубокий мир. В весеннюю пору, когда прибывает наконец и устанавливается солнечное тепло, земля, пробудившись, одевается всеми своими плодами и растениями; виноградники и все деревья дубрав и пашни облачаются в зелень, осеняясь юной листвой и украшаясь светлым цветением. Также и неразумные из живых существ приносят плод, рождая дитя чрева своего, так что наконец появляются и новые тела агнцев и иных существ, беззлые и невинные сердца новорожденных детей, и всё, еще недавно

сумрачное, тоскливое, недвижимое и бесплодное, теперь вдруг преобразается, живет, плодоносит и возрастает. Земля, затвердевая от стужи, оттаяв, украшается яркими луговыми цветами; пустынные горы, одевшись зеленью, оставляют свою суровость, и все источники, изобилуя притоком вод, изливают сладкие и прозрачные ручьи, и скачет и веселится всякий род живности летающей и четвероногой, преобразившись в эту сладостную и благодатную пору, и радуется обилием пищи.

5. Но все это суть образы духовных и умственных вещей. От устрашающего мрака и злых ветров разум стеснен, скован и бесплоден, все помышления его низменны и объаты великой тоской: ибо тогда возникают многие чуждые природе помышления, а каждое злое помышление — от сатаны. В **пору же посещения** Духа Святого (Иер. 28,18) происходит великое изменение и преобразование. Ибо разум начинает цвести и изводить плоды духовные из земли сердца, волчцы же и частоколы и лукавые демоны сокрушаются силой Святого Духа. Да и само сердце начинает пробуждаться и воспринимать небесное семя и возделываться истинным возделывателем. Великий покой в нем, великий мир, и блаженны посещаемые и возделываемые Святым Духом. Как голуби, прилетев на окна, занимают свое гнездо, так праведные летят к славе тела Христова, к утешению (ибо **где будет труп,* там соберутся орлы**, Мф. 24,28). Христу слава.

О РАСИЯТИИ ГОСПОДИЕМ И О ТЕРПЕНИИ

1. Древо беззащитное, крест безоружный, мертвое тело победило и истребило днавола и ангелов его: ибо через его собственное вооружение (**сильнейший**), победив, предал смерти сильного воина (Мф. 25,41; Лук. II, 21,22). И ныне ко всякой ищущей Его душе Он воистину приходит и, приблизившись к ней, сокрушает и истребляет силу зла, стерегущую душу и теснящую ее. Такова должна быть тоска и такова любовь души к обрученному ее жениху Христу, какова тоска и любовь добродетельной и преданной жены, которая, видя часто мужа под стражей, в цепях и в других наказаниях, через свою любовь кажется вместе с ним страдающей, и истязуемая в сердце своем, более мучится, чем сам теснимый. И как Мария, предстоя распинаемому Господу (Ио. 19,25), проливала слезы и стенала под стрекалом тоски и казалась сама распинаемой, так и душа, любящая Госпо-

* Или "добыча".

да и воспринявшая жар желания и стремящаяся воистину слиться со своим женихом Христом, должна страдать Его страданиями, всегда имея пред очами и вспоминая раны Его, ради нее полученные, и сколь пострадал ради нее бесстрастный, и как ради нее был наказан высший всех наказаний, и как, будучи **образом Божиим**, он принял **образ раба** (Фил. 2,6-7); и должна во всем сострадать и соединяться с ним; тем она с ним и сопрославится (Рим. 8,17). И как тогда силой Божьей отвалился камень гробницы и Мария увидела Господа (Мф. 28,2; Ио. 20,14), так силой и смотрением Святого Духа камень, належащий душе, **покрывало** греха (2 Кор. 3,14-16), откатывается и истребляется, и душа удостаивается видеть лицо Христово и успокоиться в Духе Его, разрешаясь и освобождаясь от тяжкого камня греха. Ибо всякая душа, любящая Господа, бывает мучима злыми демонами, ополчающимися на нее и не дающими идти к Жизнетворцу Иисусу. Но это происходит с поущения и повеления Божьего, ибо Он испытует ее, истинно ли она любит Господа, претерпит ли в своей решимости теснящие труды, не отречется ли оробев от Него, уклоняясь от тягот пути и избегая войны **против духов злобы** (Еф. 6,12); а медлящая и долгие годы откладывающая испытания злом душа осуждается перед лицом Господа как оставленная в щедрости и никоим образом не удостоившаяся помощи.

2. И Господь, видя мужество души и ее терпение в испытаниях, и что она вышла испытанною из искушения, открывается в благодати Своей, являясь озаренный блистающим Своим Светом, и призывая ее к Себе, говорит: **Выйди с миром, возлюбленная моя** (Песн. 2,10; 5,7); и она, притекши к Нему, взывает к Нему и говорит: почему, Господи, столь надолго оставил Ты меня, сильно страдающую и поносимую врагами? **Встретили меня**, ищущую Тебя, **стражи** ночи, обходящие город, и мучили меня. Господь же, исполненный несказанного света, отвечает, успокаивая и утешая ее и говоря ей: Хорошо ты говоришь; **выйди же с миром, возлюбленная моя, прекрасная моя, голубка моя** (Песн. 2,10-14). И Он рассуждает с ней, показывая ей следы гвоздей и говоря: вот следы гвоздей, вот бичи, вот оплевания, вот раны. Все это ради тебя, многими ранами ранимой и многими врагами терзаемой в великом страдании, Я претерпел. И Я в Моем человеколюбии пошел искать тебя и освободить тебя, потому что изначально по Моему образу Я сотворил тебя и Своей невестою создал тебя, и ради тебя пострадал, Бесстрастный, и, не оскорбляющий, много перенес оскорблений ради твоего искупления. Ты же ради самой

себя, столько зла имевшей и в такой мрак погруженной, не должна была пострадать и перенести мучения? И беседуя мирно и ответствуя душе, Он открывает ей, что и претерпевать страдания Сам научил ее и Сам тайно давал ей силу в испытаниях и добрил ее.

3. Услышав это, душа признает, что ничего своего не имела, но все от Господа, прекрасного и цветущего Жениха (Песн. 1,15; 2,9). Сознав же волю, и любовь, и желание, которое Он вложил в нее, она от полного сердца отвечает и говорит: вот, Господи, взгляни на это тело непорочное, взгляни на эту душу чистую, прими меня всю под твою хранительную десницу, в твое миротворное лоно. Открывается ей Господь в двух видах, в Своих стигматах и в сиянии Своего Света, и зрит душа страдания, которые Он за нее претерпел, зрит и блистательную славу Божественного Его света, (зрит) **тот же образ**, преображаясь **от славы в славу, как от Господня Духа** (2 Кор. 3,18); и в обоих видах усовершаясь, в виде страдания и в виде исполненной славы Света, она неким образом забывает тварность, приемлемая Богом, соединяясь и сливаясь с небесным человеком и Духом Святым, сама становясь духом (1 Кор. 15, 47-48), сильно нуждающийся и переходящий от дома к дому ради **дневного пропитания** (Иак. 2,15), внезапно став вдруг царем, забывает нищету ради (держимого) им в руках счастья, так и душа, обогатившись небесным богатством, уже не помнит о прежних бедствиях. Ведь если Христос, от природы **будучи образом Божиим**, неким образом забыл свою славу, **приняв образ раба, сделавшись подобным человекам** (Фил. 2,6-7), то насколько легче душа, восприняв Божественную природу, сущность и силу, забудет прежний позор.

4. Воззовем же к Господу и будем ждать Его явления в любви и нашего отныне избавления от мрака, чтобы в воскресении и тело немощное сокровенным озаряющим душу светом озарилось, само став причастным ее славе. **Господь близко** (Фил. 4,5), лишь бы мы в истине сердца искали его. Всякий, слушающий слово, да жаждет воспринять в сути сокровенное слово и от него научиться всей праведности. Зри же, о человек, надеющийся наследовать Богу и сочетать душу с духом Господа, какое тебе надо принять гражданство и какой чин жизни и в каком гражданствовании пребывать тебе и обращаться: все это, сколько есть в тебе силы, ты должен творить и являть. Аминь.

СОФИОЛОГИЯ СМЕРТИ*

*Все, что может рука твоя делать, по силам делай,
потому что в могиле, куда ты пойдешь, нет ни
работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости.*

(Экл. 9,10)

Человек, и в нем все творение, есть нетварно-тварная София, сотворенное божество, тварный бог по благодати. Ему дана Богом жизнь, однако, Им не дана смерть, — «смерти Бог не сотворил» (Прем. Сол. 1,13), но лишь попустил. Смерть вошла в мир путем греха, который разрушил устойчивость человеческого существования и как бы отделил в нем нетварное от тварного. Тварное, как неимущее в себе собственной силы бытия, стало смертно, получив недолжную самостоятельность от нетварного. Такова и природа смерти. Ею полагается и граница для этой последней. Смерть не безусловна и не всеильна. Она лишь надрывает, надламывает древо жизни, но она не непреодолима, ибо уже побеждена воскресением Христовым. Человечество воскресает во Христе и со Христом, однако для этого и прежде этого оно со Христом и во Христе умирает. Смерть человеческая есть и смерть Христова, и к полноте этой смерти надлежит нам приобщиться, как и Он приобщился к нашей смерти, воплотившись и вочеловечившись: «распятого же за ны при Понтийском Пилате, и страдавша и погребенна» (после приятия смерти). Что же означает эта смерть Богочеловека, средоточие смерти, сама смертность? Как может умереть Богочеловек, в котором сам Бог «нераздельно и неслиянно» соединился с человеком? Как в Нем самом могло не только соединиться, но и как бы разделиться начало Божественное и тварное, Бог и человек? Или, поскольку Божество Его есть София Божественная, как могла она отделиться от Софии тварной? Образ смерти, как таковое разделение, остается один и тот же и у человека и у Богочеловека: Богочеловек умирает по образу человека, а человек по образу Богочеловека, в некоей дивной взаимности. Как же ее понять?

Смерть Христова включается в общую силу кенозиса Божества, как вольное Его самоуничижение и самоумаление. Бог

* Печатается впервые.

в Богочеловеке как бы оставляет Божественную Свою полноту, как бы перестает быть Богом, но в то же время сохраняет во всей силе Свое Божество. Он, неизменно пребывая Богом, однако Своего Божества не суживает, напротив, Его даже как бы совлекается. Эта антиномия кенозиса — Бог и не Бог вообще есть предельная тайна самооткровения Божия: Бог есть абсолютное

О. Сергий Булгаков

существо, имеющее жизнь в себе, но вместе и творец, нераздельно связанный с творением и его относительной и органической жизнью. Эта антиномия пронизывает до глубины все отношения Бога к миру. Она выражается в боговоплощении и богочеловечестве и находит предельное осуществление в Божественной смерти, которая соединяется со всей полнотой Божественной жизни: «во гробе плотски, в аде же с душою яко Бог... и на престоле

был еси, Христе, со Отцем и Духом». Кенозис не ограничивается лишь второй ипостасию, но распространяется на всю Св. Троицу, соответственно характеру каждой из ипостасей. Но он обращен к миру и человеку Второй ипостасию, в полноте раскрывается в Богочеловеке, «смирившем Себя до смерти крестной» (Фил. 2,8). Откровение Богочеловека для нас является поэтому неизбежно и откровением Его с м е р т и в нас, и нам надо постигнуть всю безмерность Его жертвенной любви к нам в Его соумирании с нами. Но это возможно лишь чрез наше со-умирание с Ним.

Смерти противоположно бессмертие, оно ей предшествует и ею предполагается как предусловие. Если смерти Бог не сотворил, то это значит, что в человеке по сотворении заложена по крайней мере в о з м о ж н о с т ь бессмертия и отсутствует необходимость смерти. Эта возможность перестает быть как таковая, но переходит в неизбежность смерти лишь силою первородного греха. Однако эта неизбежность отсутствует для Единого Безгрешного в силу свободы Его от греха, как первородного, так и личного. Смерть жертвенно воспринимается Им силою свободы, она приемлется Им ради спасения нашего от смерти — «смертию смерть поправ». Однако эта свобода не может явиться прямым насильем Божественного произвола над творением или как бы новым творческим актом. Она должна быть о н т о л о г и ч е с к и обоснована в творении. Иными словами, в боговоплощении и в богочеловечестве должно быть дано место... смерти.

Боговоплощение, как принятие Богом всего человеческого естества, — души и плоти, в нераздельном и неслиянном соединении с Божеством, это естество как будто уже обожает, сообщая бессмертие Богочеловека Его человеческому естеству. Во всяком случае, очевидно так это было бы в том случае, если бы боговоплощение совершилось при отсутствии первородного греха и, следовательно, при усвоении Богом в Богочеловечестве человеческого естества не-падшего. *Posse non mori* здесь перешло бы в *non posse mori*, возможное лишь бессмертие сделалось бы преобладающей действительностью. Человеческое естество не носило бы в себе разложения смертного, и начало жизни умножалось бы и укреплялось бы воздействием Божества. То состояние воскресшего и прославленного человечества, которое соответствовало бы сидящему одесную Отца Богочеловеку, было бы свойственно человечеству, с Ним соединенному. Тому переходному состоянию, которое соответствовало земному служению Господа до Его распятия, смерти и воскресения, и включало бы в себя *posse mori*, возможность смерти, не было бы места. Однако та-

кое допущение есть лишь абстрактная возможность, ее можно ввести лишь как вспомогательную богословскую гипотезу, но она не имеет для себя места в действительности. Боговоплощение совершилось прежде всего не только как обожение человека, бывшее изначальной конечной его целью, но как искупление, — освобождение от первородного греха через принятие смерти Христом и победы над ней в воскресении. Господь воспринял в боговоплощении не только человеческое естество, как тварную Софию, в связь со Своим же собственным Божеством, как основой миротворения, но естество падшее, умаленное, ослабленное, смертное. Падшее человеческое естество даже в боговоплощении уже — или еще — не было способно воспринять божеское естество во всей полноте. Даже и оно имело пройти кенотический путь обожения, — прославление: «ныне прославится Сын Человеческий; и Бог прославится в Нем» (Ио. 17,1). И на этом кенотическом пути человечество Христово восприняло смертность; «себя умалил, зрак раба прим, послушлив был даже до с м е р т и». С этой смертностью, сначала лишь как возможностью смерти, непрестанно встречается человеческое естество Христово на всем пути земного служения, начиная от Рождества Его. Царь Ирод тщится убить Богомладенца, и ниоткуда не видно, чтобы этот замысел был неосуществим, напротив, бегство в Египет оказалось необходимо для спасения Его. На протяжении Евангельского повествования многократно Иудеи хотят убить Иисуса, который, уклоняясь от этого, проходил среди них, причем, если и можно видеть чудесность в этом прохождении, то как уклонение, оно во всяком случае не означает невозможности самого убийства, которое, наконец, становится действительностью на кресте. И доступность естества Христова смерти сопровождается всей полнотой крестных страданий. Эта доступность не означает, конечно, греховности, которая была бы свойственна человеческому естеству во Христе и собою обосновывала бы смертность его в Едином Безгрешном. Сын человеческий остается свободен от греха, как личного, так и всеобщего, «первородного»: впрочем, здесь мы имеем полное совпадение личного и всеобщего, поскольку Новый Адам является всечеловеком. Но будучи свободен от греха, Он остается несвободен от его силы в человечестве, поскольку Христово человечество не есть новое творение. Богочеловек есть Сын Человеческий, и Новый Адам воспринял человечество от ветхого Адама. «Иисус был сын А д а м о в, Божий» (Лк. 3,23-38). Но быть сыном Адама, а в нем и через него всего человечества, значит воспринять Адамово человечество, т. е. уже не первоздан-

ное, но падшее, пораженное грехом, хотя и свободное от личного греха в Богочеловеке самом. Это человечество вследствие греха низведено к смертности, для человека уже непреодолимой, а для Богочеловека во всяком случае возможной: хотя и *posse non mori*, но и *posse mori*. Сын Человеческий вступил в мир незащищенным от смерти. Адамово человечество во Христе, конечно, могло бы силою соединения с Божеством явиться свободным от внутренней необходимости смерти и силою этого оставаться бессмертным, но оно свободно было уступить смерти насильственной, от распятия, как об этом и свидетельствует крестная смерть Господа. Его человечество в воскресении и прославлении еще должно было получить силу бессмертия, подвигом искупления. «За претерпение смерти увенчан славою и честью Иисус, который не много унижен был пред Ангелами (как смерти не знающими), дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2,9). Итак, антропологически боговоплощение само по себе не является уже преодолением смерти, которая имела еще быть побеждена. Смерть была включена в божественный кенозис: «сделавшись подобным человекам»... смирил Себя, быв послушлив даже до смерти, — и смерти крестной (Фил. 2,7-8). Освобождение от смерти всемогущим действием Божиим, как *deus ex machina*, было бы уничтожением человечества, умалением его свободы, низведением его к положению объекта, пассивно воспринимающего спасение, т. е. упразднением самого человеческого естества. Но его достойна лишь победа над смертью, чрез преодоление смертности переход от *posse mori* к *non posse mori*. Однако это недостижимо одними лишь человеческими силами. Падение человека означает собой и его обессилиние: «если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет» (Эккл. 11,3). Смертность в человеке может быть преодолена лишь силою Божественной, чрез Богочеловека. Однако, для того чтобы быть преодоленной, смерть должна быть воспринята Богочеловеком в ипостасном единении обеих природ. Это восприятие не может ограничиваться лишь человеческой природой, но должно распространиться и на ипостасирующую ее во Христе Божественную ипостась Логоса, а в Нем и через Него и на самое Его Божество, т. е. на Божественную Софию. Иными словами, возникает сложный вопрос христологии и софиологии о смертности в Богочеловеке. Как можно понять и принять эту мысль, эту догматическую истину, которая извне кажется величайшим и как бы кощунственным противоречием, — смерть Богочеловека, человека в Боге и Бога в человеке?

Надо вспомнить, чем было боговоплощение. Оно является, с одной стороны, соединением двух «природ», божеской и человеческой. «Природа» Божества есть Божественная София, единство жизни и самооткровения трех ипостасей. В Божественной Софии не разделяется Божие триединство во Св. Троице. «Природа» Божества и в боговоплощении принадлежит всей Св. Троице в Ея небесном, премирном бытии и в Ея ипостасном единстве, единице в троице и троице в единице. Воплощается Божество Второй ипостаси, но от этого не происходит выделения или отдаления его от всего единства Божественной Софии. Здесь тайна Боговоплощения и его антиномия: тожество Софии троичной и Сыновней. Одна и та же Божественная София принадлежит Св. Троице в «небесах» и она же есть Божество Сына в Богочеловеке на «земле». Антиномия раскрывается и далее. В «небесах» «Божественная София» есть сущая слава Божия, которою осиявается Св. Троица, как и сущая Ея Премудрость. Она есть полнота Божественной жизни, которая одинаково присуща как Божественному Триединству во Св. Троице, так и каждой из ипостасей, в частности ипостаси Логоса, Сына Божия. Она есть в этом смысле «Бог истинный от Бога истинна». В небесах эта полнота не терпит умаления славы, уничтожения Божества. И однако -- антиномически -- она уничтожается в кенозисе Сына Божия, «шедшего с небес», в себеумалении Христовом. Христово естество, в соединении двух природ, в сошествии с небес и вочеловечении, терпит самоумаление Божества, каковым именно и является это соединение. Человеческое естество не достигает окончательного обожения уже в самом начале боговоплощения, поскольку оно есть только начало, а не конец пути, еще не достигнутая цель, которою является полнота прославления: «прославих и паки прославлю» (Ио. 12,38), «прославь Сына Твоего» (17,1), «прославь Меня Ты, Отче, славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира». Эта слава принимается Сыном от Отца в Воскресении и Вознесении, однако лишь после прохождения пути земного страдания. Этот кенозис Божественной Софии во Христе, самоумаление божественной природы, составляет самое основание боговоплощения как соединения двух природ: не человеческая природа равняется по божеской, изначально до нее возвышаясь, но божеская умалается до человеческой, хотя и оставаясь сама собою. Только при таком кенотическом самоумалении Божества возможно блюение человеческой свободы в искупительном подвиге Христовом, который иначе становится делом Божия всемогущества, проявленного над человеческим естеством

Христа. Иными словами, отпадает сама возможность жертвенного искупления.

Кенозис Божественной природы во Христе выражается не просто в восприятии человеческого естества с уравнием по нем, но естества Адамова, ослабленного первородным грехом. Поскольку это ослабление выражается в смертности человека, следует заключить, что и кенозис Божества должен выразиться в принятии именно смертного человеческого естества. Это выражает всю глубину человеческого кенозиса. Непостижимым для человека образом Божественная природа умалила себя до п о п у щ е н и я смерти человеческого естества, с нею, хотя и неслиянно, но и нераздельно соединенного. Она не разлучается с ним даже в самой смерти, а постольку и в этом смысле с ю у м и р а е т с ним. Очевидно об умирании здесь можно говорить только в совершенно особенном смысле, ином нежели человеческий, т. е. именно как об известной пассивности, бездейственности, которая и допускает смерть человеческого естества по некоей незавершенности его обожения. Последнее наступает в полноте лишь в воскресении и совершается силою Отца чрез действие Св. Духа. Кенозис Христа выражается в принятии не только смерти, но и смертности. Последнее не включает в себя и принятие страдания, каковое осуществилось в крестной страсти (не говоря о способности испытывать голод, жажду, утомление, вообще немощь человеческого тела). Все это в совокупности свойственно способному к страданию человеческому естеству и было воспринято Господом в Его человечестве и вместе попушено было Его Божеским естеством, включено было в жизнь Богочеловека, как Сына Адамова. Отличие смерти Богочеловека от смерти сынов Адама заключается в неизбежности второй и насильственности первой. Однако даже эта насильственность своею возможностью уже предполагает восприятие Господом смертности человеческого естества, вместе со способностью воспринимать телесные страдания. Телесность, как и вообще человечность Христова, хотя и отличается от человеческой, ее превышая силою начинающегося обожения, однако изначально остается все-таки ослабленной, силою первородного греха, живущего в человеке. Человечность Христова есть тварная София, проницаемая Софией Божественной и этим соединением с нею уже пред-обожимаемая. Однако эта тварность является ущербленной в сравнении с первозданностью, которая была свободна от смертности, хотя ей и недоступна, как это показала сама возможность первородного греха. Тварная София, как человеческое естество Христово, допускала

дальнейшее ософиевание или обожение, которое и совершалось в воскресении Христа и Его прославлении. Последнее и есть полнота обожения, ософиевание тварной Софии во Христе, ее полное проницание Божественной Софией, совершившееся Богочеловечество. Над этим Богочеловечеством во славе его уже не властны смерть и страдание, но само оно уже властно над ними в применении ко всему человечеству, ибо несет в себе силу всеобщего воскресения. Т. е. самая возможность воскресения, как совершившегося Богочеловечества, предполагает Софийность Христова естества, в соединении двух природ Софии, Божественной и тварной. В этом и состоит строй мироздания, как соединение вечности и времени, полноты и становления.

Но здесь мы должны сосредоточить внимание на другой стороне боговоплощения, уже не только софиологической, но тринитарной, именно на боговоплощение в жизни Второй ипостаси, а с нею и всей Св. Троицы. Боговоплощение в его ипостасном аспекте должно быть понято, прежде всего, как ипостасный кенозис Сына, выражающийся в принятии Им меры человеческого естества: «Себе умалив, зрак раба прим». Антиномия кенозиса состоит в том, что Сын, сохраняя пребывание «в небесах», «на престоле со Отцом и Духом», в воплощении своем живет в мире как обожасмый и лишь в конце пути обоженный человек, точнее Богочеловек. И на путях этой жизни совершается принятие всего человеческого бытия, конечно, кроме греха, принятие страданий и смерти. Это принятие надо принимать во всереальнейшем смысле, т. е. не только как попушение и согласие на него, но и как самое изживание смерти, как умирание. Страшно даже высказать такую мысль, как умирание Бога, однако, именно об этом и говорится в Евангелии, свидетельствуется в Откровении. И здесь не может быть места какому-либо докритизму, допущением которого обращается в миф все наше упование. Речь идет именно об умирании и смерти... Бога в человеке, Богочеловека.

Однако в какой же мере может идти речь именно о с м е р т и Богочеловека? Берем здесь прежде всего аналогию человеческой смерти. Даже и в этой последней мы различаем смерть от уничтожения. Смерть человека не есть полное уничтожение, но лишь разрушение сложности человеческого естества, отрыв духа от (одушевленного) тела, которое совершается чрез умирание. При этом смерть, как разделение, предполагает возможность и нового воссоединения духа и тела в воскресении. Разделение их в смерти таким образом предполагает двойкий процесс — духовный

и телесный: дух, после мучительнейшего отрыва от тела, отдается в удел загробному состоянию во всей его ущербности, тело же предается тлению, сохраняя однако в себе жизненную силу для воскресения, и в связи с ним бессмертия. И, конечно, тем более смерть Богочеловека. Непостижимая тайна Богочеловеческой смерти соединяет в себе не только смерть человеческую, но и умирание Бога. И в этой непостижимости нам однако открыты некоторые черты, связанные именно с ипостасным триединством. Руководящим началом в постижении тайны боговоплощения остается все-таки то, что его надо постигать в свете троичности. Хотя и воплощается именно Сын, Вторая ипостась, но в Своем воплощении Он не отделяется от Св. Троицы, но пребывает в божественном единении со Отцом и Духом Святым. Это единение, нерушимое в вечности, в «небесах», по-своему нерушимо и в боговоплощении, на «земле». И в нем наличествует соучастие всех трех ипостасей, каждой по-своему: Отец посылает Сына, и это посылание есть акт Отеческой жертвенной любви, кенозиса Отца, который обрекает на крест возлюбленного Сына, приемлющего на себя крестный подвиг. Подвиг Сына есть и самоотвергающаяся любовь Отца, который, «посылая» Сына, себя самого обрекает на со-страдание и со-распятие, хотя и по-иному, иначе чем Сын. По силе того, что существует крестная страсть Богочеловека, существует и крестная страсть Отчая, страсть сострадающей любви, Отчего самораспятия. Надо понять «посылание» Сына Отцом не как акт власти и повеления, но согласия, инициативы, начала, ипостасно свойственных Отцу. Оно включает в себя всю полноту принятия страсти Богочеловека через Божественное отцовство. Даже человеческое отцовство указывает собой образ этого единения жизни отца и сына в судьбах их, несмотря на всю ограниченность любви отцовской и сыновней в человеке. Отец и Сын все же имеют единую жизнь, одну радость и страдание, хотя и по-разному. Нельзя даже сказать, что Сын страдает, а Отец не страдает, или что Первый страдает больше, а Второй меньше, оба вместе со-страдают. Спасение мира и искупление, обожение человека есть единый акт Отца и Сына. Сын творит волю Отца, и это единство воли и взаимного ведения («никто не знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает токмо Сын») свидетельствуют о единстве жизни и о единстве страдания в общем, хотя и для каждого различном, кенозисе любви.

Но то же соучастие в искупительной жертве Сына свойственно и Св. Духу, который посылается Отцом в мир на Пречистую Богородицу, чтобы совершилось богоматерное за-

чатие, и на Божественного Сына в Его служении. Дух Святой почивает на Сыне как пребывающее начало боговоплощения. Но постольку на Него распространяется и кенозис. «Дух Господен на Мне, Он помазал Меня...» (Лк. 4,18). Служение Сына является вместе с тем и служением Св. Духа, точнее Его со-служением. Это со-служение есть любовь Отца к Сыну, соединяющая их в двуединство, как и само это соединение есть ипостасная Любовь, Дух Св. Но мы должны понять и эту ипостасную любовь Духа Св. как участие в самоумалении, умирании, смерти, хотя и не крестной. Не может быть, чтобы, когда умирает Сын, не со-умирал с Ним и в Нем и почивающий на нем Дух уже тем, что Он Его в этом умирании «оставляет». Умирание Богочеловека есть поэтому не только со-умирание Отца, но и Духа Св., Троицы единосущной и нераздельной. В чем же выражается это троичное со-умирание?

Остановимся на смертном томлении Сына Божия, о котором Он сам говорит «душа Моя скорбит смертельно» (Мф. 26,38). Что может означать эта тоска Сына Божия, на котором почивает Дух Св., сама Радость и Любовь, сама Слава, которую Он прославлен от Отца? Не означает ли эта скорбь некоего действия Отца в отношении к Сыну и Духу? Это действие выражается, прежде всего, в молитве страждущего Сына: «Отче Мой, если возможно, да минует Меня чаша сия, впрочем не как Я хочу, но как Ты» (26, 39). И «еще, отшед в другой раз, молился, говоря: Отче мой, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя», но Отец послал на страдание, повелел испить чашу, которую постольку и Сам испивал с Ним в Отеческой любви Своей. Но самое это действие Отца выражается не только в повелении испить чашу с посыланием на страсть, но и в оставлении Сына: «около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или, лама савахфани? т. е. Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27,46). Что же именно означает это оставление — для Отца, для Сына, для Св. Духа, для Св. Троицы, единосущной и нераздельной, для единого Ее существа в Божественной Софии? Надо, конечно, прежде всего отказаться от такого понимания этого оставления, при котором оно означало бы выделение Второй ипостаси из Божественного Триединства, следовательно с разделением Св. Троицы, — такая мысль была бы кощунственна. Вечное (онтологическое) триединство Св. Троицы не доступно ни умалению, ни разделению. Но и «икономическое» триединство в отношении к миротворению и искуплению, хотя и выражается в различии

действия отдельных ипостасей, остается неколебимо и только в своем осуществлении сопровождается изменяющимся взаимоотношением ипостасей. Таким изменением является сшествие с небес и воплощение Сына, посланного от Отца, вместе с ниспосланием Духа Св. в мир на воплощающегося Сына, подобным же изменением является и оставление Сына Отцом. Такое изменение, конечно, должно быть понято иконономически, а не онтологически в применении к каждой из ипостасей. И прежде всего к ипостаси Отца. Что означает «оставление» Отцом Сына? Прекращение ли любви Отчей к Сыну? Но это невозможно и совершенно исключено. Однако не невозможно и, напротив, совершается прекращение осязаемости, явления этой любви. Любовь Отчая как бы замыкается в Себе, становится к Сыну не доходна. Сын чувствует как бы отделение или отдаление от Отца, кенотически-жертвенное одиночество на кресте. Чаша не миновала, она имела быть испита Сыном, такова была воля Отца. Но эта воля не есть лишь властная и могущая, авторитарно повелевающая воля. Она есть раздирающий акт во Св. Троице: Отчая любовь замыкается для Сына в Его наивысшем страдании, и это есть величайшая жертвенность любви Отчей. Отец «оставляет» Сына не тем, что перестает Его любить, но тем, что перестает являть Ему эту любовь, делает ее неощутимой, сокрывается в небесах, завеса которых становится непроходимой: налегла тьма над миром, в котором одиноко вкушает крестную смерть Сын Божий. «От шестого же часа тьма была на земле до часа девятого. А около девятого часа (когда была до конца изжита тьма богооставленности) возопил Иисус громким голосом (как бы от лица всего этого богооставленного мира) «Или, Или, лама савахфани?» (Мф. 27,45-6). И то была уже смерть: «Иисусе же, опять возопи в громким голосом, испустил дух». Повеление Отца об испитии чаши смертной было исполнено. Но приговор распространился и на Отца повелевающего: конечно уже не в богочеловеческом, но божественном принятии со-вкушения смерти Сына любовью Отчею. В храмовой росписи обычно изображается повергающийся в скорби Отец над крестной смертью Сына, но Сын одинок был в оставленности Своей, от Него сокрыта была любовь Отца и Его скорбь. Сын остается один в своем умирании, равно и Отец как бы лишается Сына в жертвенном Его «совершишася». «Тако возлюби Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного... чтобы мир спасен был через Него» (Ио. 3, 16-17). Еще недавно научал Он Своих учеников: «Я исшел от Бога. Я исшел от Отца и пришел в мир, и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Ис. 16, 27-28). Но

это исхождение от Отца в мир еще не было оставленностью. Напротив, хотя «вы Меня оставите одного, но Я не один, потому что Отец со Мною». Но пришел час, когда Отец сокрылся, и Бог Его оставил. «Или, Или, лама савахфани?».

Но как можно понять эту оставленность Сына Отцом в умирании? Ответ на это может быть дан лишь в свете того, как именно может быть понята самая связь Отца и Сына в Их со-пребывании, соединении до наступления разъединения и оставления Сына Отцом. Эта связь любви есть ипостасное Их единение в Духе Св. Он есть ипостась любви и сама ипостасная любовь. И Духом Св. исходящим от Отца на Сына, Отец любит Сына, как и Сын, приемлющий на Себя почивание Духа Св., в Нем любит Отца. Оставление Сына Отцом означает удаление Духа Св. на Сыне почивающего. Отец как бы перестает посылать Своего Духа на Сына. Опять-таки надо помнить, что онтологически, в «небесах», в жизни Св. Троицы, взаимная связь ипостасей нерушима, и не может быть места какому бы то ни было взаимному оставлению. Но «иконномически», в отношении Бога к миру, как Творца к творению, совершается как бы разъединение ипостасей, потому что самая ипостась единения, Дух Св., «оставляя» Сына, как бы перестает соединять Сына с Отцом, но остается у Отца. Это же можно изъяснить и таким образом: Дух Святой, как ипостась воплощающая, действием которой совершается боговоплощение, пребывает на Сыне, но уже не в нарочитом посланничестве от Отца, как было при Крещении, а в своем собственном действии. Мир в Богочеловеке как бы отделяется от Отца, хотя Дух Св., силою Своею и сохраняет его в бытии, даже потрясенном в своем основании. «И вот завеса во храме раздралась на-двое, сверху донизу» (Мф. 27,51), — это символ отделения неба от земли, в котором как бы перервалось Божественное ипостасное присутствие с прекращением силы ветхозаветного храма, как места присутствия Божия, именно Его и Славы Его. И это мистическое потрясение сопровождалось и не могло не сопровождаться потрясением стихий мира (хотя это и было ограничено в своей внешней видимости): «и земля потряслась, и камни расселись». Совершилось нечто, что преобразовало последний час мира пред вторым пришествием Сына Божия.

Но уместно остановиться мыслями и на том, чем же было это оставление Сына Отцом в Духе Св. для самой ипостасной любви. Хотя в Слове Божием прямо не говорится, однако есть все данные для заключения об этом. Коли Дух Св. есть ипостась Отчей и Сыновней любви во Св. Троице, то что же может означать для

Нее самой как бы прекращение этой любви в «оставлении Сына Отцом»? Мы можем это постигнуть лишь в аналогии взаиморазлучения Отца и Сына. Оставление Сына Отцом можно понять только как Отчее соучастие в умирании Сына, в страдании любви самоотвергающейся, жертвенной. Но что же можно мыслить об ипостаси любви, которой стало нельзя любить, ибо для дела этой любви наступило «оставление», как бы невольное бездействие. Любовь как бы не любящая ради любви, действительность совершительная, пребывающая в бездействии, — таково непостижное противоречие ипостасному свойству Св. Духа. На человеческом языке нет даже слов, чтобы выразить эту невозможность любить для самой Любви, и нет мысли для ее постижения. «Дух дышит, где хочет» (Ио. 3,2), но ныне Дух перестает дышать на Сына, как бы останавливается Его дыхание. Быть может, естественнее всего выразить эту невозможность, делающую Любовь неощутимой, как бы не существующей для Любимого, как смерть, точнее, как то же общее умирание вместе с Сыном. С умирающим Сыном со-умирает Отец, со-умирает и Дух Св., каждый соответственно ипостасному своему характеру, и лишь в этом тройственном со-умирании совершается умирание Сына. Именно оно есть смерть Сына, ее предусловие. И со-умирание ипостаси Любви не относится лишь к этой одной ипостаси в Ее наступившей отъединенности от других, Отец и Дух Св. со-умирают в своем взаимном единении, вместе с умиранием Сына, одна вместе с другою, Отец с Духом Св. Ибо единение в любви соединяет и в смертной скорби со-умирания. Даже и по человечеству, умирание сына и скорбь отца, теряющего сына, не есть ли вместе с тем и скорбь брата или дочери, и не только об умершем, но и о том, кто его теряет, и притом скорбь взаимная, двойственная. Потому и образ Св. Троицы в этой скорби, хотя и сохраняет свою тройственность, но как бы в затмившемся светиле. Это не есть разъединение, но единение в умирании для каждой ипостаси по-своему, в отдельности и для всех в совокупности. Не может быть онтологического отъединения Отца и Духа Св. от Сына, хотя и оставленного Богом, но совершается в полной мере это «икономическое» оставление, настолько, что Сын зывает уже не к Отцу (что было еще в Гефсимании: XXVII,39,42), но псаломски и к Богу: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты оставил Меня?» (Пс. 21,2). И еще далее продолжается псалом: «Далеко от спасения моего слова вопля моего, Боже мой, я вопию днем, — и Ты не внемлешь мне, ночью, — и нет мне успокоения» (Пс. 21,3 — Мф. 27,46 — Мр. 15,34). Через это оставление и происходит умирание Сына, которое за-

канчивается «с о в е р ш и ш а с я», возвращением к Отцу в Духе Св.: «Отче, в руки Твои предаю Дух Мой» (Лк. 23,46), крестная смерть. Здесь же говорится именно об умирании, в котором проявляется сила смерти, смертность. И умирание Богочеловека для Него самого и есть богооставленность. Если скорбь со-умирания состоит в оставлении Сына, в разлучении с Сыновней ипостасией, то само умирание заключается не только в скорби, но и в силе этого оставления: «един-сый Святыя Троицы» остается один и одинок в нем. Это страшное одиночество для Того, кто говорит о Себе: «Пославший Меня есть со Мною, Отец не оставил Меня одного» (Ио. 8,29), и «Отец во Мне, и Я в Нем» (10,36), ныне свидетельствует сам, что Он оставлен Отцом, и это и есть наступление смерти, само умирание.

Что же значит оставление Богом Богочеловека, который есть и Бог по Божеству Своему, как может оно совершиться? Или прекратилось соединение естеств, и оставленный не есть уже богочеловек, а только человек, так что как бы не удалось боговоплощение, окончившись разъединением естеств. Но эта мысль, и сама по себе кощунственно-нелепая, ниспровергается свидетельством Откровения об воскресшем и прославленном Боге. Что же значит тогда смертоносная оставленность для самого Богочеловека? Или она означает, если не разделение, то столь предельную меру кенозиса Божества во Христе, такое Его умаление, за которым наступает уже и самое разделение естеств. И однако оно ни в какой мере не наступает и к тому даже не приближается. Но Божество кенотически низводит себя в потенции, как бы себя упраздняет. Как это может быть? Силою спасительной любви Отца и Духа, которая вполне разделяется с Сыном, согласно велению троической любви. Сын сам Себя кенотически опустошает, «Себя умалает». Будучи Богочеловеком, Он Себя являет лишь как человек. И тем самым Он обнажает Себя смерти, ей становится доступен, воспринимлет смертность. Но спрашивается, возможна ли такая мера кенозиса, которая не есть уже «разделение естеств»? Возможна ли такая победа смерти, за которой нет уже воскресающей жизни и наступает тление? Нет, невозможно, ибо сказано: «не оставишь души Моей во аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Д. А. 2,27 — Пс. 15,10). Кенозис есть лишь с о с т о я н и е, которое может быть усвояемо божественным бытием, — временно и преходяще, как п у т ь к воскресению, но не само смертное бытие, в которое преизменилось бы бытие божественное. В глубине кенозиса как бы обесиливается божество, но лишь до его прекращения, когда оно

преодолевается. Такова имманентная диалектика кенозиса в богочеловечестве. Кенотически оно доступно умиранию, но Смерть Богочеловека может быть только победой над смертью: «смертию смерть поправ». И однако, если смерть невозможна для Богочеловека, то Он делается кенотически доступен умиранию. Тем не менее это умирание, не будучи подлинной смертью истления, является тем ее состоянием, в котором Господь почивает во гробе. Богочеловек изживает смерть, ее вкушая, хотя и не отдаваясь ее силе по Своему Божеству и по обоженному человечеству. Его Богочеловечество вступает в полноту силы и славы именно через умирание.

Кенотический характер умирания Христова выражается в том, что, будучи исполнением воли Отца, чрез удаление Св. Духа, оно в то же время остается его в о л ь н ы м приятием. Когда приходит Иуда со множеством народа с мечами и кольями от первосвященников и старейшин народных, Господь говорит отсекшему ухо раба первосвященника: «Или ты думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит мне более, нежели двенадцать легионов ангелов? Как же сбудется Писание, что так должно быть?» (Мф. 26, 53-4). Это таинственное допущение как бы возможности того, что страсть Христова могла бы и не совершиться силою Его молитвы Отцу о том, и веление Отца о принятии чаши все-таки не было насилием над Сыном, но является вольным ее приятием: «Не как Я хочу, но как Ты, — да будет воля Твоя» (39,42). И лишь вслед за сим приятием начинаются страдания Христова: поношение, заплевывание, заушение, истощание (вплоть до крестного «жажду» (Ио. 19,28)). Воля Отца и Сына встречается и отождествляется в Духе Святом: «совершишася» (Ио. 19,30). Богооставленность преодолевается. Кенозис смертный должен быть понят не только в применении к ипостаси, но и к природе Христовой, в неслитном и нераздельном соединении Божеского и человеческого естества, Софии божественной и тварной. В богооставленности Христа София Божественная становится как бы бездействительна в Нем, остается в полной силе лишь человеческое естество, София тварная, притом в состоянии страдания и смертной немощи. Это софийный кенозис, непосредственно являющийся как бы разделением естеств с утратой Божества в человечестве, есть п у т ь к полнейшему их соединению в воскресении: человечество, София тварная, должна была раскрыться до глубины не только в положительной силе своей, которая ей присуща, как образу Софии Божественной, но и в Адамовом естестве, ослабленном падением, приобщившемся смертности. Но

в соединении с Софией Божественной, она приобщается этого божественного естества, и в этом соединении достигается предельная глубина кенозиса, до дна раскрывается глубина человеческой немощи, через вольное приятие Христом человеческого падения для его восстановления и спасения.

Однако этот кенотический характер смерти Христовой не делает ее более легкой и, так сказать, призрачной. Здесь нет места докетизму. Именно кенотическая ее противоестественность делает ее смертью смертей, самой смертностью (ср. Агнец Божий), универсальной смертью всего человечества. Различие здесь остается в том, что для человека в умирании осуществляется полнота и победа смерти, чего, разумеется, нет в смерти Христовой. Христос смертью своей победил человеческую смерть на пути к воскресению. Христос есть воскреситель, освобождающий свое человечество от смерти, но для всей полноты этого освобождения Ему надлежит испить всю полноту чаши смертной, которую дал Ему Отец, во спасение человечества, со всей ее горечью. Можно сказать, что в эту полноту смерти, точнее, умирания Христова, включена смерть всякого человека и всего человечества. Если Христос искупает и воскрешает всякого человека, то потому лишь, что Он с ним и в нем со-умирает. Отсюда следует, что Христос прославленный и одесную Отца сидящий, и ныне страдает и умирает с человечеством, страдания и смерть которого Он в совокупности единожды принял в Себя и изжил на Голгофе. Мы останавливаемся здесь пред мыслью о тождественности единой, единственной, личной и универсальной смерти Христовой и множественности всех личных человеческих смертей, в эту все-смерть включенных. Этот парадокс смерти необходимо приводит к заключению, что Христос продолжает вкушать смертную чашу вместе с каждым умирающим человеком, болеть с ним смертной болью и со-умирать с ним смертным истощением. Нам уже приходилось выражать эту мысль в связи с истолкованием Евангельского повествования: (Ио. 19,34), об излиянии крови и воды из ребра Иисусова, о Св. Граале. Она включает в себе более общую мысль о сопребывании, сожитии и сострадании Христа на земле вместе со Своим человечеством. Св. Грааль, кровь и вода из тела Христова, оставшиеся на земле, есть самый общий символ продолжающегося подвига Христова, в котором временная длительность отождествляется с совершившейся и пребывающей вечностью.

Как можем мы приблизиться к сей священной тайне, в какой мере она нам может быть доступна? Страшно сказать, но должно сказать, что она для нас становится доступна, в полной мере

каждому, в его собственной смерти, которая есть и смерть Христова, как умирание с Ним, откровение смерти о смерти. Ибо, как умирание, смерть Христова есть именно человеческая смерть. В предельной мере кенозиса очеловечивается оставленный Богом, в умирании сошедший с обожения Христос. Богочеловек в умирании есть человек, Божество которого от Него самого сокрыто, — оно сокрывается и для нас, чрез Него обожаемых. В смерти Христос пребывает с нами как бы на одной линии, — человеческой беспомощности, страдания и ужаса во тьме сидящих: «положиша мя в рове присподних, во тьме и сени смертной». Если Христос в восприятии почтил человеческое естество, то Он почтил его и чрез восприятие человеческой смертности, потому что без этой последней это восприятие было бы неполным, докетическим, а потому и бессильным. И насколько мы узнаём, вернее, узнаём нашу собственную смерть, в ней и через нее узнаем мы и смерть Христову. Но пока мы не достигли самого порога смерти и не испили смертную чашу, мы можем лишь предузнать смерть свою, а в ней и через нее смерть Христову. Такое предузнание нам доступно и нужно, ибо открывает нам наше собственное, как и Христово, человечество, в его глубинных и страшных безднах, в свете смерти являет нам нас самих. И кому дано приблизиться волею Божией к этому краю бездны, да будет он вестником о т т у д а, которое для каждого некогда станет т у д а и т а м.

Мне дано было стать этим вестником, и я чувствую зов и долг поведать о том, что мною было там изведено. Но как глубоко чувствую я свое бессилие, — немому, которая растет по мере удаления оттуда. Немощь забвения и сила обмирщения, погружения в стихию мира притупляют откровение о смерти, точнее, об умирании. Разверзаются хляби забвения, все больше поглощая пережитое, чувствуешь греховную немому сказать то, что повелевает Бог. Страшно и радостно впасть в руки Бога живого...

В марте этого (1939) года определилась моя болезнь, — рак гортани, требовавшая быстрой и притом двойной операции, причем наиболее вероятным исходом являлся смертный, в благоприятном же случае — потеря голоса навсегда. Я плохо понимал медицинскую сторону дела. Но могу сказать, что то, как я встретил и пережил огромную весть, было настоящим чудом Божиим. Я не испытал ни страха, ни печали, вернее это было радостное возбуждение в ответ на зов Божий. От страха (я знал уже, что

обе операции будут без общего наркоза и, следовательно, сулят тяжелые страдания) меня спасало и чувство некоего любопытства в отношении к опасности, мне свойственное. Это Пушкинское:

Есть упоение в бою
И бездны мрачной на краю...
Все, что нам гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимо наслажденье.

Во время первой операции я наблюдал ее в зеркало, которое было надо мной в потолке и отражало все подробности разреза горла (трахеотомии), и мне было как-то все-таки интересно, хотя и мучительно. Во второй операции против этого наблюдения были приняты меры, да и сознание было притуплено от наркотиков. Тем не менее и здесь я слушал суждения и замечания и по возможности наблюдал происходящее в полном сознании, воспринимая, конечно, всю боль, но не страх. От печали же и страха меня освобождала сила Божия, об этом вспоминаю я с радостным чувством глубокого умиления. Да, это было состояние какого-то восторга, который я мог передавать и другим. В последнюю субботу и воскресение перед операцией я исповедовал и причащал своих друзей, с ними прощался, и, насколько я могу судить, не было печали и в них, как и у меня ее не было. Был лишь восторг любви. А я считал и считаю себя трусливым и воспринимаю эту радость как чудо Божие, действие Св. Духа. Конечно, мне было тяжело и странно за близких, семью, но и это как-то чудесно умерялось. И в таком состоянии я прибыл в клинику накануне операции,* так же бодро и спокойно. Обе операции следовали одна через две недели после другой, — вторая в Страстной вторник, в дни Страстной седмицы. Я потерял речь уже после первой операции и нечувствительно перешел на карандаш. Это как-то

* Вот та запись, которую (неожиданно для самого себя, потому что давно уже перестал что-либо записывать) я сделал незадолго до операции: 6.3.1939 "Да будет воля Твоя. Сегодня грянула в лицо мне смерть, — от раковой опухоли голосовых связок, или же операция тоже со смертельной опасностью, или с неизбежной немотой. Я смиренно и покорно, даже спокойно принимаю волю Божию. Не смею сказать: "желание имый разрешиться и со Христом быть", но и светло встречаю загробную жизнь. Только разлука с любимыми и их судьба заставляет сжиматься мое сердце, но верю Господу, владеющему жизнью и смертью, что Он их не оставит. Стараюсь обдумать, как и с кем надо примириться, кого утешить и обласкать, что сделать... Стараюсь всех вспомнить и никого не забыть. Да пошлет Господь светлого Своего ангела. Когда-то умирал я духовно в своем рукоположении, а теперь, умирая телесно, хотел бы умириться и всех возлюбить...

...Слава Богу за все".

само собой разумелось и даже не было тягостно. Страдания начались в дни Страстные, когда было вырезано горло и прежде всего мучительно затруднено было дыхание вместе с удушливыми, злыми, отвратительными перевязками, которые превращали меня в какой-то неподвижный сверток, лишая движения и сна. Само собою разумеется, что я был лишен и еды, ибо не мог раскрыть рта для глотательных движений, а тем более глотать через разрезанное горло. Мне была вставлена в нос отвратительная трубка, через которую вливалась какая-то жидкость. «Жажду». И «вкусил уксуса» (Ио. 19,28,24). Но не это было самое мучительное, — не боль, но удушье, отсутствие воздуха, соединенное со смертной, невыносимой слабостью. Было несколько раз, — преимущественно ночью, — страшного, убийственного удушья, когда я и объективно был на границе смерти. За все время своей болезни я не переживал ничего, по силе мучительности, равного этому. Иногда это было сравнительно коротко, но бурно, а порой длительно, сопровождаясь состоянием затемненного полубредового сознания, да и вообще я не выходил из состояния униженной зависимости от аппарата, освобождавшего (чаще же не освобождавшего) дыхание от слизи. Это было умирание — с перерывами, но без просвета. Я погружен был в какую-то тьму, с потерей сознания пространства и времени и лишь со смутной памятью о том, что идут Страстные дни, наступает Страстная Пятница с Благовещением. Хронологически сознавал я наступление Пасхи, принимал пасхальные приветствия, но Голгофская тьма не рассеивалась и была непосильна, отсутствовала пасхальная радость для умирающего, которому однако не дано было вкушения смерти. Да, приближения смерти не было, было лишь одно умирание. В дни былые мне дано было изведать смерть с ее радостью и освобождением, здесь же тяготели только ее оковы и мрак. Что сделалось с той радостью и что осталось от того восторга, который дано мне было изведать перед операцией? Как будто ничего, вернее, хуже, чем ничего, одна лишь смертная сень в рове преисподнем. Свет жизни погас, наступило безблагодатное бесчувствие, то, о чем сказано: «вскую Меня оставил?». Оставалось, правда, тупое сознание, что я пребываю в воле Всемогущего, и именно эта воля определила меня к страданию или как-то попустила его как неизбежное. Насколько могу себя вспомнить, не было мысли о смерти, кажется, ни на одно мгновение. Не было ее ожидания, ужаса перед ней, — слишком подавлено было сознание и тупа мысль. Слишком был далек я от света смерти в своем умирании, слишком погружен был в свое задыхание, слишком опустошена

была телесным страданием душа моя. Уже не было и молитвы, как пути восхождения к Богу, как не было восхождения у «оставленного». Была безрадостная ночь без зари, без утра. Оставалось чувство физических страданий, но даже и это бледнело перед общим чувством утраты силы духа, оставленностью... может быть, это и было самое страшное...

И что же во мне оставалось еще человеческого и оставалось ли что? Да, оставалось, и это было какое-то последнее чудо в страждущей душе моей, — оставалась любовь. Я любил братьев своих, и всех любил. Я перебирал любящей мыслью знакомых в прошлом, как любимых, так и не любимых, — как тех, кого мне легко и радостно было любить, так тех, кого любить было трудно. Но я только любил, и всех кого помнил. Не знаю, была ли это любовь в Боге. Кажется, да, и, вероятно, да — как же бы иначе мог я любить. Конечно, из находившихся около моей постели одни больше, другие меньше радовали меня, одни утешали собой, другие утомляли, но никто не мог нарушить гармонии любви, которая как-то прорывалась через диссонансы моего смертного дня.

Но где была моя мысль, никогда во мне не угасавшая? Где «проблематика», всегда меня сверлившая? Где комплекс идей, вдохновляющих и радующих, с которыми я переступил порог даже и этого госпиталя? Все это как будто угасло, перестало существовать. Я стал пуст, мне была, очевидно, мысль уже непосильна. Мое существование оскудело, упростившись до телесного бытия, ставшего лишь возможностью страдания. Чувствовалась ли близость Божия? Да, она была ощутима, поскольку меня ничто от Бога не отдаляло, кроме телесного страдания, потому что отошло все другое. Эта близость Божия, стояние пред Ним лицом к лицу, было трепетно. В своей болезни ни раньше, ни после, никогда и ни в чем я не противился воле Божией, не роптал, не просил Его о помиловании и освобождении от страдания, принимал его как неизменное и несомненное Божие определение. И в этом смысле была близость страшная и святая, как у Иова. Но... она не была радостная, ибо... была насквозь пронизана одним чувством: вскую меня оставил? Однако наряду с этим еще одно, чего я не ведал доселе и что явилось для меня настоящим духовным событием, которое останется навсегда откровением, — не о смерти, но об умирании, — с Богом и в Боге. То было мое умирание, — со Христом и во Христе. Я умирал во Христе, и Христос со мною и во мне умирал. Таково было это

страшное и потрясающее откровение, которое тогда я пожалуй не мог бы выразить в словах и понятиях и сознал только позднее. Одно лишь не поддающееся исчислению времени мгновение прошло между «вскую Меня оставил» и «испустил дух», между умиранием Христа в Его богооставленности и смертью. Но оно содержит в себе безвременную длительность и полноту умирания для всякого человека, поскольку он им и в нем умирает. Иначе, как в богооставленности человеку и нельзя умереть, как нельзя было умереть всечеловеку, Новому Адаму, в Богочеловеке. Я видел Христа в своем умирании, мне была ощутима Его близость ко мне, почти телесная, но... как лежащего со мной «изъязвлена и ранена мертвеца». Он мог помочь мне в моем страдании и умирании, только сострадая и умирая со мной. Я видел этот образ внутренним зрением, я чувствовал Его так, как Его почувствовал Гольбейн, а за ним Достоевский в своем страшном образе смерти Христовой, в котором передана однако не смерть, но умирание, не сила посмертного преображения, грядущего с воскресением и на пути к нему, но застывшая, остановившаяся на умирании смерть. Это именно соответствовало смертным дням Страстной седмицы, которые входили и проникали в мое существо. Раньше, в дни здоровья, я противился Гольбейновскому трупному образу, как неверующему и хульному изображению. Теперь оно для меня ожило именно в этом образе смерти как умирания, откровения о смерти в человеческом умирании в Богочеловеке. Есть еще один, также раздирающий душу образ страдания Христова, — Грюневальдский Христос. Однако это было другое, а потому не вспомнилось: распятие Грюневальда есть лишь момент в диалектике смерти, неразрывно связанный с воскресением во славе, что и дается рядом другими изображениями в полиптихе. Грюневальд дает страшный образ смерти в ее трупности после совершившегося уже и тем обессилившего себя умирания. Но у Гольбейна, хотя и в трупном образе, дано почувствовать не совершившееся, но еще лишь совершающееся умирание, самая его сила. Так я это чувствовал, — не мыслью, но внутренним ведением, — тогда, когда я сам лежал вместе с Ним, не мертвый, но лишь умирающий, и еще не труп, но в трупности не живой, хотя и не мертвый. Этому Христу я не мог — или не умел еще тогда — молиться, я лишь мог Его любить и с Ним сострадать, поскольку и Он сострадал со мною. Чрез мое, человеческое, умирание для меня открывалось Его, человеческое в Богочеловеке, умирание. Божественность как бы угасала в богооставленности, а человечность умирала. Умирание, совершившееся в смерти Бо-

гочеловека, только и могло совершиться человечески, т. е. в богооставленности человека. Оно отождествлялось со всяким человеческим умиранием и в этом смысле было универсально, включая в себя все его образы, все смертные болезни, было их синтезом. И общим содержанием всех этих многообразных умираний была смерть. Богочеловек в богооставленности Своей открыл Себя, сделал Себя доступным умиранию. Смерть приступила к Нему в Его человечности. И это умирание было мукою всех человеческих мук. В человечности своей оно было естественно, т. е. не было облегчено растворением с силой Божественной. Совершилось в предельном кенозисе, как бы разделение естеств, которое не могло, конечно, явиться таковым в онтологическом смысле в силу нераздельности обоих естеств во Христе, но при бездейственности одного естества осталось в своей собственной силе другое. В этом самоуничтожении Богочеловка и заключается спасительная сила Его смерти, ее человечность является путем ее богочеловечности. Христос умер нашей, человеческой смертью, чтобы принять через нее смерть Богочеловка. Поэтому-то и наше умирание, как со-умирание с Ним, есть откровение о смерти Христовой, хотя еще не об его славе. Здесь я познал, что значат слова апостольские: «всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась смертной плотью нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас» (2 Кор. 4,10-12). И еще: «вся тварь совокупно стенает и мучится донныне, и не только она, но и мы сами, имея начаток духа, и мы в себе стенаем, ожидая осыновления и искупления тела нашего» (22-3).

В умирании я не умер и не познал света смерти (как мне это дано было ранее), но так в нем и остался на некоторое, длительное, время, если не навсегда. И когда доктор после одного из очередных осмотров неожиданно сказал мне: «vous êtes guéris», и предложил взять меня из больницы домой, я не ощутил никакого выздоровления, разве только легче стали перевязки. И мучительное бессилие, отсутствие чувства жизни, как в умирании, сопровождало меня тем более, что теперь иногда приходилось двигаться, вообще жить. Я стал вымогать от себя какое-нибудь занятие, вроде чтения, причем как в тумане, полусознательно воспринимал привычные религиозно-философские сюжеты. Это было еще переносимо и как-то естественно. Но продолжающимся умиранием было не оставлявшее меня чувство богооставленности. В мрачном молчании томилась душа моя, нема была молитва,

безрадостна и безблагодатна жизнь. О, и тогда во всем моем существе не было места для ропота. Напротив, «да будет воля Твоя» и «слава Богу за все», несокрушимо звучали во мне, настолько несокрушимо, что не допускали проверки или сомнения. Если можно назвать эту несокрушимость радостью, какою-то благодатью веры, то мне была дана эта радостная твердость в вынесении посланного. Но она не сопровождалась радостью встречи с Богом в той близости Божией, которую я все-таки познал даже в своем умирании. Моя жизнь оставалась безрадостной. И главное, — потерялась радость церкви, — церковной молитвы и праздника. Шли недели Пятидесятницы, и я сознавал это умом, но не сердцем. Моя жизнь была окутана мраком, тяжело лежал на мне крест моей немoty. Я должен был записками говорить в семье, с женой, сыном, близкими, и это создавало особое страдание унижения и как бы стыда. Главное же страдание было от сознания, что никогда я не смогу стоять у св. Престола и совершать литургию. Этого словами нельзя передать. Правда, даже и оно не исторгало из моего сердца ропота, и оно разрешалось в покорное: «Бог дал, Бог и взял, да будет благословенно имя Господне», но мрак его оставался нерассеянным. Особенно же он сгустился после того, когда мне было сказано якобы из компетентного источника, что я могу рассчитывать на восстановление речи. Хотя мне говорили и противоположное, но это не доходило до моего сознания. Продолжающееся умирание темной тенью лежало на моей церковной жизни. Я был не в состоянии еще ходить на богослужение. Но в этом и не чувствовалось потребности. Я не мог еще приступить к святому причащению. Близились дни Св. Троицы и Св. Духа, 21 мая, годовщина моего рукоположения, — и я думал об этих днях, таких для меня всегда торжественных и светлых, со страхом и тоскою, как мертвый... В этом чувстве, казалось, сосредоточивалось мое страдание, умирание без смерти...

И вдруг оно прервалось милостью Божией. Это чудо совершилось чрез посредство верного, любящего друга, который принес мне радостную весть от доктора, что он клянется о возвращении моего голоса. Конечно, теперь я знаю всю преувеличенность этой клятвы. Но как тогда я был потрясен и обрадован этой вестью, которая все-таки обещала мне преодоление молчания. Как будто небесный свет прорвался чрез мрак моего существа. Бог явил мне Свою милость. Радостными слезами рыдал я как никогда еще в жизни. Да будет благословенно Имя Господне. В канун и в день Св. Троицы я был в храме, а в день Св. Духа при-

частился Св. Таин (после исповеди) у себя на дому. День моего рукоположения был для меня радостным как, кажется, никогда еще раньше. Друзья мои переполнили дом мой собою и цветами, приветствуя мое возвращение к жизни. Умирание кончилось. Началась жизнь со своими новыми задачами и трудностями. Умирание не разрешилось в смерть, но осталось лишь откровением о смертном пути, который предлежит всякому человеку вслед за Христом, хочет ли он того, или не хочет. Смертность заключена в самой падшей человеческой природе, которую воспринял Христос в смертном человеческом естестве. Всякая болезнь есть уже ведение смертности, откровение о ней, которого никто не может миновать, и мера его определяется силою болезни, приближением к смерти. Объективно я был на волосок от нее в первой половине болезни, субъективно же я был почти всецело охвачен смертностью и потому познал ее. Познал как крестное умирание Господа в Его Богооставленности даже до смерти, от «вскую Меня оставил» до «в руки Твои предаю дух Мой». Умирание не содержит откровения о смерти самой, оно дается только ее вкушением, и тем самым безвозвратно этот мир оставившим. За гранью смерти следует откровение загробной жизни как начала нового бытия, о нем не говорит нам посторонний человеческий опыт. Умирание само по себе не знает откровения и о загробной жизни и о воскресении. Оно есть ночь дня, сам первоуродный грех. Можно забывать о смерти, отворачиваясь от нее, и, конечно, не следует наполнять жизнь одним лишь предчувствием смерти. Однако и забвением о ней нельзя уйти от него, — оно приходит рано или поздно ко всякому человеку, и это есть вопрос только времени.

Однако, если в самом умирании остается недоступен нам опыт смерти в ее реальности и полноте, то все же является возможным предварение такого опыта. Оно не связано даже с последовательностью времени между умиранием и смертью. Станным образом мне дано было испытать именно это предварение смерти, примерно за 15 лет до последней болезни. После смертных мук умирания тогда казалось мне, что я перешагнул уже порог смерти, с ее светом, радостью, законченностью, исходом и освобождением от умирания. Тогда все стало иначе: вместо тьмы свет, вместо богооставленности богоявление. Я не могу об этом рассказать иначе, как только воспроизведя мою запись, сделанную тогда, непосредственно после болезни, когда это позволили силы.

СВ. ГРИГОРИЙ ПАЛАМА, ЕГО МЕСТО В ПРЕДАНИИ ЦЕРКВИ И СОВРЕМЕННОМ БОГОСЛОВИИ

За последние десятилетия в самых широких кругах многих стран мира чрезвычайно возрос интерес к религиозному, общественному и общекультурному движению XIV века в Византии и других странах Восточной Европы. Особенно важно то, что этот интерес пробудился не только среди богословов и философов, но и среди историков, искусствоведов и исследователей византийской и древнеславянской литературы.

В богословском и философском отношении представители византийского мистического богословия, продолжая духовную традицию восточно-православного монашества, возродили именно в XIV веке представление об **опытном** познании Бога и связанное с этим целостное учение о человеке и человеческой судьбе. Этот подход привлекает многих наших современников, разочарованных разбедненностью в современной культуре разума и чувства, материи и духа, красоты и добра.

С другой стороны, историки славянских стран и древней Руси за последние годы приложили много усилий к уяснению смысла культурного наследия, завещанного под ударами турок умирающей Византией южно-славянским странам, а через них — молодому великому княжеству Владимирскому. Преобразование этого княжества и сильное государство, централизованное Москвой и сумевшее начать процесс освобождения от татарского ига, было бы невысказимо без культурных и идеологических влияний, пришедших из Византии. Примером этого может служить участие преп. Сергия Радонежского и митрополита Киевского Киприана — т. е. учеников византийских исихастов — в событиях, приведших к Куликовской победе. Наконец, историк литературы и искусства не может не видеть соотношения между так называемым Палеологовским Ренессансом в Византии и искусством Феофана Грека и преп. Андрея Рублева на Руси. О связи этих взлетов творчества в области живописи с духовным возрождением монашеского исихазма современные историки много спорят, но никто не отрицает необходимости совместного изучения и памятников искусства и литературных произведений этого времени для понимания истинного смысла тех и других.

По сравнению со светским историком или искусствоведом православный богослов находится в привилегированном положении при изучении основных памятников духовной культуры этого времени: его главные интересы совпадают с интересами самих творцов средневековой культуры, которая была культурой церковной. Он придерживается той же иерархии ценностей и тех же духовных установок. Ему не надо доказывать, что иконописец, автор богословского трактата и агиограф имеют одну цель (хотя осуществляют ее по-разному): выразить истину явления Бога во Христе, в прославленном и спасенном «новом человеке». Таким образом, именно в свете православного богословия, замечательные достижения современных литературоведов, искусствоведов и историков обретают тот смысл, который хотел передать средневековый иконописец или автор.

Между тем в русском православном богословии византийский период долго не пользовался заслуженным вниманием. О. Георгий Флоровский давно уже писал о «западном пленении» православного богословия нового периода, т. е. периода турецкого ига в Греции и на Балканах, и торжестве западного «школьничества» в послепетровской России. Академическая церковная наука XIX века, в значительной мере открывшая вновь доступ к святоотеческой литературе ранней церкви и эпохи Вселенских Соборов, не успела по-должному использовать поздневизантийских богословских достижений. На это указывают и некоторые современные — преимущественно католические — критики «неопаламитов», т. е. той группы православных богословов, которая в последние десятилетия возродила интерес к Паламе и его учению. Эти критики иногда с удовлетворением утверждают, будто бы Православная Церковь надолго «забыла» Паламу, потому что не произошло настоящей «рецепции» его взглядов. Такой подход к вопросу о месте богословия св. Григория Паламы в Православном Предании, конечно, неприемлем ни принципиально, ни исторически. Православная Церковь никогда не переставала торжественно праздновать память Св. Григория во вторую неделю Великого поста и прославлять его как выдающегося учителя Церкви в «Синодике Православия», т. е. особой службе первой недели поста (см. греческую Триодь постную; в славянских Триодях русского издания эта служба больше не печатается по практическим соображениям, но отнюдь не из-за желания ограничить почитание Паламы). Да и о богословии Паламы не все забыли: оно только было обойдено вниманием в «школьном» Догматическом богословии митрополита Макария (Булгакова), но живое вдохновение, восхо-

дящее к святоотеческому преданию через старца Паисия Величковского, никогда не теряло своей связи с исихастской и паламитской традицией. Конечно, без Паламы не могло обойтись и русское духовное возрождение начала нашего века.

Только незначительная часть богословских произведений св. Григория Паламы имелась в русском переводе до последнего времени¹. Нет полного перевода и главного и основоположного труда св. Григория — его «Триад», т. е. девяти трактатов в защиту исихастов, направленных против Варлаама Калабрийца².

1. Биографические сведения.

Св. Григорий Палама и Варлаам Калабрийец.

Личность св. Григория Паламы стоит в центре религиозной жизни византийского общества XIV века³.

Родившись в 1296 г. в большой и знатной семье, Григорий Палама (Παλαμῆς) получил в Константинополе обычное для молодых людей его круга образование, основанное на чтении Аристотеля и греческих классиков. Достигнув двадцатилетнего возраста, он принял монашество на Афоне, вступив в братство Великой

Лавры св. Афанасия, где и провел большую часть двух последующих десятилетий. Его привлекала исихастская форма монашества, т. е. уединение в подвиге Иисусовой молитвы: для этого он удалялся из общежительной Лавры то в Афонский скит Глоссиа, то в Фессалоники, то в Веррию (где в 1326 г., в «каноническом» возрасте тридцати лет, он был рукоположен в иеромонаха) и, наконец, основался на многие годы в скиту св. Саввы на Афонской горе близ Лавры св. Афанасия. В лавру он спустился из скита для участия в воскресных богослужениях. Около 1335-1336 гг. он кратковременно занимал должность игумена Эсфигменского монастыря, затем снова вернулся в скит св. Саввы.

Именно тут до Григория дошли писания новоприбывшего в Константинополь философа, калабрийского монаха Варлаама. Интеллектуальный и духовный облик Варлаама не легко описать.⁴ По рождению он, вероятно, принадлежал к среде южно-италийских греков-униатов, но сам св. Григорий Палама, в первом письме к Акиндину, признает, что «он покинул родину из любви к истинному благочестию»,⁵ т. е. приехал на Восток, чтобы присоединиться к Православию. В Константинополе он сделал блестящую карьеру в качестве ученого и философа, пользуясь покровительством двора и Великого Доместика Иоанна Кантакузина. Но с Запада Варлаам привез не столько философские или вероисповедные убеждения, сколько общий подход к вопросу о религиозном «знании»: подход этот основывался, с одной стороны, на аристотелевском понятии о чувственном опыте как единственном источнике точного знания, с другой — на неоплатоническом понятии «озарения», отличающемся от христианского, святоотеческого, со-

tions du Scuil, 1959; англ. пер.: A Study of Gregory Palamas, London, Faith Press, 1964), где исторические и богословские данные о спорах XIV века приводятся более подробно. Недавно появившийся библиографический обзор новой литературы о Паламе и паламизме охватывает более двухсот названий: D. Stiernon, Bulletin sur le palamisme, Revue des études byzantines, 30, Paris, 1972, pp. 231-341. Автор обзора включает только некоторые издания на русском языке и совсем не касается искусствознания.

⁴ См. нашу статью «Un mauvais théologien de l'unité au XIVe siècle: Barlaam le Calabrais», 1054-1954: L'Eglise et les Eglises, II, Chevetogne, 1954 (перепечатано в сборнике: J. Meyendorff, Byzantine Hesychasm: historical, theological and social problems, London, Variorum Reprints, 1974, pp. 47-64). Письма Варлаама Паламе изданы G. Schirò: Barlaam Calabro, Epistole greche, Palermo, 1954.

⁵ Письмо издано много в журнале θεολογία, XXV, Афины, 1954, сс. 602-630 (перепечатано в Byzantine Hesychasm ... и в полном издании Творений Паламы: Γρηγορίου Παλαμῆ Συγγράμματα, I, Фессалоники, 1962, 206 с.; это последнее издание цитируется ниже в сокращении как Твор.

¹ См. переводы еп. Феофана Затворника в Добротолюбии, V, М., 1900, сс. 254-302 (четыре кратких трактата о духовной жизни, включая «Декалог», и одна из девяти книг «О священнобесмолвствующих» («Триады» 1, 2) и две проповеди; «Декалог» имеется также в переводе иером. Антония, напечатанном вместе с житием Паламы (Одесса, 1887); Слово к философу Иоанну и Феодору, пер. еп. Арсения (Ивашенко), Новгород, 1895; шесть «Бесед» (Воскресное чтение, 1853, № 16; Церковные Ведомости, Прибавл., 1898, №№ 18-20; 1900, № 34; Православная мысль, Париж, 1951, № 8). Новый русский перевод всех «Бесед» Паламы недавно напечатан архим. Амвросием (Погодиным): Беседы (Омиллии) святителя Григория Паламы, 2 тт., Монреаль, 1968-1975; наконец, перевод «Прения с хионами», сделанный Г. Прохоровым, напечатан в Трудях Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР, Л., XXVII, 1972, сс. 364-369 — далее ссылки на это издание приводятся сокращенно: ТОДРЛ, т. ...). Переводы некоторых других произведений Паламы, сделанные в Париже архим. Киприаном (Керном), имеются лишь в рукописи.

² Патриарх Константинопольский Филофей (1353-1354, 1364-1376) близкий ученик Паламы и автор его «Жития», описывая события 1339-1341 гг., сообщает: «Мудрый Григорий тогда составил всего девять слов, разделенных на три «Триады»» (Житие, Migne, Patrologia Graeca 151, col. 588 D; русский перевод — не слишком точный — иером. Антония: Житие и подвиги св. Григория Паламы, Одесса, 1899, 58 с.). В современной литературе Слова против Варлаама для удобства именуется «Триадами», далее сокращенно: Тр.

³ См. наше Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, Paris, Edi-

зерцания своим субъективным и индивидуалистическим подходом к мистическому знанию. Практическая мысль Варлаама была близка к современному ему западному номинализму Вильгельма Оккама: реально б о г о п о з н а н и я н е т ; е с т ь т о л ь к о л и б о р а ц и о н а л ь н ы е в ы в о д ы и з ч у в с т в е н н о г о о п ы т а , л и б о н е д о к а з у е м ы е и н е с о о б щ и м ы е м и с т и ч е с к и е « о з а р е н и я » .

Успех Варлаама при дворе привел к его назначению в качестве греческого представителя при переговорах о соединении церквей. После удаления с престола императора Андроника II Старшего (1326), переговоры с латинянами возобновлялись постоянно. В 1333-1334 гг. Варлаам вел собеседования с папскими легатами в Константинополе, а в 1339 году сам отправился в Авиньон, где был принят папой Венедиктом XII. В период переговоров Варлаам составил несколько трактатов против латинского учения об исхождении Св. Духа от Отца и Сына (*Filioque*): в этих трактатах, а также в проектах соединения Церквей, представленных им папе в 1339 году, Варлаам проводил точку зрения, согласно которой ни одна сторона — ни греки, ни латиняне — не могут «доказать» правильности своего учения по той простой причине, что Бог всецело непознаваем и что рассуждения о Нем не могут покоиться на чувственном опыте. Что же касается «мистических озарений», то они у латинских и греческих отцов различны. Следовательно, соединение Церквей может быть достигнуто, даже если обе стороны останутся при своих мнениях: Бога все равно ни те, ни другие, по существу, н е з н а ю т .

Этот подход Варлаама оказался приемлемым для некоторых византийских гуманистов, которые, так же как и Варлаам, предпочитали ограничиваться в области богословия доводами, заимствованными из греческой философии, и оставались, по существу, чужды подлинной святоотеческой традиции византийского богословия. Само собою разумеется, доводы Варлаама были также удобны политикам, которые интересовались соединением Церквей только в той мере, в какой оно могло способствовать западному крестовому походу против турок.

К несчастью для Варлаама, папа Венедикт XII резко отверг его доводы: с точки зрения Латинской Церкви, никакой релятивизм в догматах, определенных Римским Престолом, не был допустим: от греков требовалось признание и *Filioque*, и всего латинского богословия как единственно истинного. Но разочарование калабрийский монах пережил не только в связи с позицией папы: с Варлаамом начал переписку, а затем и прямой спор

св. Григорий Палама, за которым последовало большинство монашества и других богословских сил Византийской Церкви.

К точке зрения Паламы на основной вопрос полемики: о знании Бога — мы еще вернемся. Для Паламы знание Бога «во Христе» не есть ни «чувственный опыт» (хотя чувства, «материя» участвуют в восприятии Божественной жизни), ни субъективное «озарение», — а целостное восприятие, не определяемое категориями, установленными греческими философами, которые христианской веры не знали и не могли знать.

Полемика Паламы с Варлаамом нашла выражение в переписке, а затем в «Триадах в защиту исихастов». Заглавие это объясняется тем, что Варлаам, получив текст недоуменных писем Паламы, адресованных общему знакомому Григорию Акиндину, заинтересовался движением исихазма и монашеской практикой Иисусовой молитвы, сопряженной с дисциплиной дыхания. Поверхностно образованный и мало осведомленный в святоотеческой духовной традиции, Варлаам с трудом переносил критику своих взглядов, особенно, когда она исходила из среды, с его точки зрения, «темных», непросвещенных монахов. Он сразу же осудил не только взгляды Паламы на богопознание, но и сам исихазм.

Переписка Паламы с Варлаамом относится к 1337-1338 годам. Встреча состоялась тогда же в Фессалониках, где калабрийский философ познакомился с исихастами Игнатием, Давидом Дисипатом и Иосифом Калофетом. В письме к Игнатию он жалуется, главным образом, на слишком материальное понимание богообщения у исихастов, будто бы верящих в то, что «ум заключен в части тела»⁶. В том же письме он карикатурно изображает монашеское «умное делание», приравнивая его к практике евхитов или мессалиан⁷, известных также на Балканах под славянским названием богомилов. Богомильство, или мессалианство, было, по существу, антицерковной религиозной сектой, восходящей по своим верованиям к манихейскому дуализму, а также раннемонашескому «харизматическому» истолкованию христианства: мессалиане считали, что индивидуальная молитва — в частности, постоянно повторяемая молитва Господня — может и должна заменить собою все церковные таинства, в том числе таинства Крещения и

⁶ Письмо IV, изд. G. Schirò, с. 315; учителя Иисусовой молитвы часто говорят об «опущении ума в сердце» для достижения сосредоточенности и более успешной борьбы с помыслами.

⁷ Письмо V, там же, сс. 323-324.

Евхаристии⁸. Возможно, что в народных «низах» между некоторыми исихастскими кругами и богомилами существовали иногда соприкосновения, но отождествить оба движения — строго-православный исихазм и сектантское мессалианство, как это сделал Варлаам — можно было только при желании скомпрометировать монахов в глазах властей и общественного мнения. Тот же смысл имеет и кличка «пуподушники» (*ὀμφαλόψυχοι*), которую Варлаам применил к исихастам⁹, так как они, следуя заветам некоторых афонских старцев, творили молитву Иисусову, преклоняя голову, сосредотачивая взор на груди — для обретения внимания в молитве — и связывая постоянно повторяемые слова ее с ритмом дыхания¹⁰.

Таким образом, спор Варлаама с Паламой и монахами-исихастами касался не только вопроса общего и философского — «возможно ли познать Бога?» — но и весьма конкретных проблем: что такое человек? Является ли его тело только тюрьмой души, или оно может способствовать богообщению и само приобщиться преобразующей и благодатной силе Божественного света? Или человек должен стремиться к развоплощению и пренебрегать телом? — А если так, то допустимы ли психо-соматические приемы, способствующие молитве? Каков смысл всех вековых литургических преданий Церкви, жестов, поклонов и других действий, выражающих предстояние человека Богу? И, наконец, если богообщение относится только к «уму» или «душе»,

⁸ О средневековом богомильстве существует огромная литература; см. например: D. Obolensky. *The Bogomils. A Study in Balkan Neo-Manicheism*, Cambridge, 1948; Д. Ангелов. *Богомиство в България*, изд. 3-е, София, 1969.

⁹ Палама. Второе письмо Варлааму, 50; наше издание в Твор., I, с. 288.

¹⁰ Варлаам особенно нападал на краткое Слово «О трезвении и хранении сердца» Никифора Исихаста (Migne, PG 147, coll. 945-966; русск. пер.: *Добротолюбие*, V, сс. 239-251), писавшего в конце XIII века и упоминаемого в «Триадах» Паламы (I, 2, 12; II, 2, 2) и в первом письме Варлааму (Твор. I, с. 234). Психо-соматические приемы при творении молитвы Иисусовой упоминаются часто в исихастской литературе XIII-XIV веков, например, в приписываемом преп. Симеону Новому Богослову «Методу священной молитвы и внимания» (изд. I. Hausherr: *La méthode d'oraison hésychaste*, *Orientalia Christiana*, XI, 2, 1927), упоминаемой Паламой (Тр. I, 2, 12), а также у Григория Синаита: «Главы о молитве и безмолвии» (русск. пер.: *Добротолюбие*, V, сс. 228-229) и у Игнатия и Каллиста Ксанфопулов, со ссылкой на Никифора (см. там же, сс. 334-335). Как известно, исихастский метод молитвы сохранился вплоть до нашего времени (см. книгу «Откровенные рассказы странника» и многие другие).

то не является ли христианство бегством из истории, отказом от творчества в области искусства, от ответственности за жизнь человеческого общества?

Варлаам напал на исихастов и в устной и в письменной форме. В начале 1338 года, отправившись в Константинополь, он даже послал жалобу на монахов в патриарший Синод, но жалоба не была принята.¹¹ Между тем, в Фессалониках, куда Варлаам вернулся, монахи, во главе с будущим патриархом Константинопольским Исидором, упросили Паламу выступить с письменной защитой исихастов от нападок Варлаама¹². Так увидела свет первая «Триада». В это же время Палама и Варлаам неоднократно встречались и публично спорили¹³. Варлаам согласился несколько смягчить свои писания против исихастов и, в этой новой редакции, опубликовал их.

Интересно, что спор с монахами отнюдь не помешал карьере Варлаама при константинопольском дворе. Весной 1339 года его проект соединения церковей получает принципиальное одобрение и он отправляется в Авиньон, к папе, в качестве личного посла императора Андроника III Младшего¹⁴.

В отсутствие Варлаама Палама создает вторую «Триаду»¹⁵, уже на основании только что опубликованных писаний калабрийского философа. Кроме того, вернувшись на Афон, он представляет на подпись всех видных афонских монахов своеобразный манифест исихазма — «Святогорский томос» (*Τόμος ἁγιορειτικὸς*), т. е. определение веры афонского монашества по вопросам, затронутым в споре¹⁶.

¹¹ Филофей. *Житие св. Григория Паламы*, Migne, PG 151, col. 585 В (русск. пер. Антония, с. 52).

¹² *Житие Паламы*, там же, col. 586 А (русск. пер., с. 53); патриарх Филофей является и автором «Жития Исидора», где эти события также подробно описаны (изд. А. Паладопуло-Керамева в Записках ист.-филолог. факультета СПб. Университета, LXXVI, 1905, с. 85).

¹³ Палама. Третье письмо Акиндину, изд. Мейендорфа, Твор. I, сс. 310-311.

¹⁴ Проект Варлаама напечатан у С. Gianelli: *Un progetto di Barlaam per l'unione delle Chiese in Miscellanea Giovanni Mercati*, III (Studi e testi, 123), Città del Vaticano, 1946, pp. 167 ss. Ср. нашу оценку деятельности Варлаама в статье «Un mauvais théologien de l'unité au XIVe siècle: Barlaam le Calabrais» (см. выше, примечание 4).

¹⁵ См. Филофей. *Житие Паламы*, col. 589 ВС (русск. пер. с. 58).

¹⁶ Migne, PG 150, coll. 1225-1236 (перепечатка издания «Филокалии» Никодима Агиорита, Венеция, 1782). Текст издан также у еп. Порфирия Успенского: *История Афона*, III; *Афон монашеский*, II; *Оправдания*, СПб., 1892, сс. 683-688. Более исправное критическое издание В. Pseutogas'a см. в Твор. II, 1966, сс. 567-578.

Варлаам и Палама имели еще одну, последнюю, встречу по возвращении Варлаама из его неудачной западной миссии¹⁷. Но и эта встреча оказалась безуспешной. Почти сразу после нее калабрийский философ выступил с новым публичным обличением монахов, озаглавив его «Против мессалиан» (*Κατὰ μασσαλιανῶν*) и отождествляя исихастов с осужденным Церковью еще в XI веке еретиком Феодором Влахернитом¹⁸. Отвечая ему, Григорий издал в начале 1341 года третью «Триаду» в защиту своих братьев-монахов.

Между тем, видимо, надеясь на свои связи в столице, Варлаам добивается формального синодального обсуждения вопросов, затронутых в его полемике с Паламой. Патриарх Иоанн Калека вызвал Паламу и других монахов в Константинополь, где 10-го июня 1341 года состоялось публичное соборное разбирательство дела в храме Св. Софии. Присутствовал сам император Андроник III Палеолог, члены патриаршего Синода и многие церковные и государственные сановники. Собор признал обвинения Варлаама несостоятельными и даже привел Варлаама к публичному покаянию. Конечно, покаяние это вряд ли было искренним, поскольку в тот же день Варлаам бежал из Византии в Италию, где продолжил свою карьеру гуманиста, в частности, как преподаватель греческого языка поэта Петрарки. Со временем он получил и сан епископа в католической церкви.

О дальнейшем развитии богословского спора в Византии мы не имеем возможности говорить подробно. Внезапная смерть императора Андроника III, через четыре дня после Собора, привела к внутренней политической борьбе, а затем и к гражданской войне между правительством вдовы Андроника Анны Савойской и ее малолетнего сына Иоанна V, с одной стороны, и с другой — Великим Доместиком, а затем императором, Иоанном Кантакузиным.

Кантакузин провел, в августе 1341 года, второе заседание Собора, которое утвердило текст «Определения» (Синодального томоса), осуждающего Варлаама¹⁹. Во время гражданской войны (1341-1347), патриарх Иоанн Калека оказался одним из руко-

водителей правительства императрицы Анны, стремящегося удалить Кантакузина от власти. Поскольку Палама примыкал к части византийского общества, симпатизирующей Кантакузину²⁰, патриарх оказал поддержку его критикам, в первую очередь — Григорию Акиндину. С 1342 по 1346 год Палама находился в заключении. Но еще до победы Кантакузина, в 1347 году, императрица Анна приказала его освободить и начала дело о низложении патриарха Иоанна.

После окончания гражданской войны сам Григорий Палама был возведен в сан архиепископа Фессалоникийского, а его афонские ученики, один за другим, занимали патриарший престол. Патриархи — исихасты этого периода — Исидор, Каллист и, особенно, Филофей — сыграли огромную роль в культурном и религиозном развитии не только Византии, но и всей Восточной Европы.

В течение войны, а также в последующие годы Палама вел активную полемику с Акиндином, а затем с его последователем, философом и историком Никифором Григорой. В отличие от Варлаама, Акиндин и Григора воздержались от критики исихазма как такового и ограничивались неприятием паламитского учения о Божественных нетварных энергиях. Этому вопросу, который был уже затронут в «Триадах», посвящены почти все произведения Паламы этого периода. Соборы, созванные в Константинополе в 1347 и 1351 годах, утвердили учение Паламы как общецерковное и включили анафематизмы против Варлаама и Акиндина в «Синдик недели Православия»²¹.

²⁰ В науке встречается точка зрения, согласно которой партия Кантакузина пользовалась симпатией монахов-паломников, потому что она представляла интересы феодальных землевладельцев, к числу которых относились и монастыри. Эта упрощенная схема не выдерживает добросовестной критики: с одной стороны, исихасты в большинстве своем не сочувствовали обогащению монастырей (ср. позицию их русских последователей — преп. Нила Сорского и других «несвяжателей» в XV—XVI веках); с другой стороны, среди сторонников императрицы Анны были и паламиты, а некоторые антипаламиты (Никифор Григора, Димитрий Кидонис и др.) принадлежали к партии Кантакузина. Таким образом, богословские расхождения не соответствовали в византийском обществе этого периода расхождениям политическим (См. наше Introduction, сс. 120-128; см. также новую книгу G. Weiss'a *Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert*, Wiesbaden, 1969).

²¹ Томос Собора 1347 г. опубликован мною в издании: *Зборник Радова Византолошког Института*, Белград, 1963, VIII, сс. 209-227 (перепечатано в *Byzantine Hesychasm...*); тот же текст, в неполном виде, был издан еп. Порфирием: *Афон монашеский*, II, сс. 713-726. Томос Собора

¹⁷ Третье письмо Акиндину, изд. Мейендорфа, Твор. I, с. 581.

¹⁸ Ссылки на этот аргумент Варлаама см.: Тр. III, 1, 7; III, 2, 3; III, 3, 4; об осуждении «энгузиаста», или «мессалианина», влахернского священника Феодора, см.: Анна Комнена. *Алексиада*, кн. X, гл. 1 (éd. Budé, Paris, 1937, II, p. 189; русск. пер. Я. Н. Любарского, М., 1965).

¹⁹ Текст см. у Migne, PG 151, coll. 691-692.

2. «О священо-безмолвствующих»

Под таким необычным, архаизированным заголовком один — самый краткий — трактат из «Триад» св. Григория Паламы был напечатан в «Добротолюбии» в русском переводе еп. Феофана Затворника²⁵. Перевод сделан с греческого текста, не вполне исправного, изданного в «Филокалии» преп. Никодима Агиорита²⁶.

Полный текст «Триад», основанный на главных доступных рукописях, был издан нами в 1959 году, с переводами на французский язык²⁷.

Поскольку поводом для написания «Триад» послужила деятельность Варлаама в Фессалониках и Константинополе, их план и содержание всецело определяются развитием спора калабрийского философа с Паламой между 1338 и 1341 годами. Как было показано выше, первая «Триада» составлена в начале спора. В ней не упоминается имени Варлаама: Палама опровергает взгляды своего противника на основании отрывков из его произведений, получивших лишь частное распространение, и устных сведений о его деятельности. Этим объясняется литературная форма первой «Триады»: она состоит из трех вопросов-ответов; причем вопросы обращены к Паламе от лица братьев-монахов, ищущих поддержки против обвинений еще не названных лиц. Составляя эту «Триаду», Григорий ведет с Варлаамом переписку в надежде его переубедить. Ссылки, имеющиеся в «Триадах», дают основание думать, что сама триадическая форма восходит к книгам Варлаама. Он тоже составил три книги против монахов под следующими заголовками:

1. «О человеческом совершенстве и приобретении мудрости».
2. «О молитве».
3. «О знании».²⁸

²⁵ Добротолюбие, т. V, сс. 289-299.

²⁶ *Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν ὑπητυκῶν*, Венеция, 1782, сс. 955-961; этот же текст перепечатан в Патрологии Migne'я (PG 150, coll. 1101-1118).

²⁷ Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes. Introduction, texte critique, traduction et notes par Jean Meyendorff, *Spicilegium sacrum Iovaniense*, 30-31, 2 vols., 767 pp. Наше предисловие к этому изданию содержит характеристику использованных рукописей и более подробные сведения о писаниях Варлаама. Второе, исправленное, издание вышло в 1973 году. Греческий текст «Триад» — на основании тех же рукописей — был независимо издан в Фессалониках в первом томе Твор.

²⁸ См. Тр. II, 1, 38-39; II, 2, 16; II, 3, 78.

В сане архиепископа Фессалоникийского св. Григорий Палама проявил себя как выдающийся, глубокий и общедоступный проповедник. Сборник его «Бесед» свидетельствует об общецерковной широте взглядов и интересов, неожиданной у афонского монаха. В лице Паламы Византийская Церковь породила не только духовного вождя в узко монашеском смысле, но также проповедника духовного возрождения всего общества: понятно, почему ученики Паламы сыграли такую большую историческую роль и вне ограниченных пределов упадочной Византийской империи.

Продолжающаяся борьба между императором Иоанном Кантакузиным и семьей Палеологов, а также внутреннее нестроение в Фессалониках не позволили св. Григорию занять свою архиерейскую кафедру до 1350 года. На ней он пробыл всего девять лет, с перерывом в 1354 году, когда он попал в плен к туркам. Находясь в неволе, он, по приглашению турецкого эмира, участвовал в прении с «хионами», иудействующей группой бывших христиан (может быть, караимов), пользовавшейся покровительством турок в оккупированной ими Малой Азии²².

Св. Григорий скончался 14 ноября 1359 года. В 1368 Константинопольский Синод, под председательством патриарха Филофея, причтил его к лику святых²³. Сам Филофей участвовал в составлении службы св. Григорию, вошедшей в Постную Триодь как служба второй недели Великого поста²⁴.

1351 г. см. в PG 151, coll. 717-762, у Порфирия, там же, сс. 741-780 и у И. Кармириса: *Τὰ δογματικά καὶ συμβολικά μνημεῖα τῆς Ὀρθοδόξου καθολικῆς ἐκκλησίας*, I, Афины, 1952, сс. 310-342. О «Синодике» см. Ф. Успенский. Синодик в неделю Православия, Одесса, 1893, и, особенно: J. Gouillard. *Le Synodikon de l'Orthodoxie, Travaux et mémoires*, 2, Paris, 1967, pp. 3-316 (греческий текст «Синодика», франц. перевод и подробный комментарий).

²² О прении см. J. Meyendorff. *Grecs, Turcs et Juifs en Asie Mineure au XIVe siècle*. *Byzantinische Forschungen*, I, Amsterdam, 1966, SS. 211-217 (перепечатано в *Byzantine Hesychnism ...*). Движение хионов находится в несомненной связи с новгородской «жидовствующей» ересью XV века; отсюда интерес к «прению» Паламы в Московской Руси, где оно стало известно в славянском переводе и цитируется преп. Иосифом Волоцким в «Просветителе». — См. Г. Прохоров. Прение Григория Паламы «с хионы и турки» и проблема «жидовская мудрствующих». ТОДРЛ, XXVII, сс. 329-369.

²³ «Томос» 1368 года. Migne, PG 151, coll. 711 D-712 A.

²⁴ См.: И. Карабинов. Постная Триодь. СПб., 1910, с. 100. О патриархе Филофее и его литургическом творчестве, широко распространенном и в славянских странах, см. Г. Прохоров. К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. ТОДРЛ, сс. 120-149 (см. особенно с. 144).

После устных увещаний и прочтения первой «Триады» Паламы, Варлаам, как уже говорилось, смягчил текст своих книг, но, разумеется, не удовлетворил этим ни Григория, ни других исихастов. Вторая «Триада» направлена именно против этого смягченного — но уже открыто распространяемого — текста Варлаама²⁹. Она создана по тому же, что и первая, плану, определяемому книгами Варлаама. Получается следующий параллелизм между темами двух первых «Триад»:

1. Необходимо ли изучение греческой философии для достижения истинного знания Бога?	1. В чем состоит спасительное знание.
2. О «низведении ума в сердце» и о допустимости психо-соматических приемов в молитве.	2. О молитве.
3. О Божественном свете как знаке совершенства во Христе.	3. О Божественном свете и его «нетварности».

Тематика «Триад» и обстоятельства их составления привели к неизбежным повторениям и параллелизму мыслей и ссылок. Но сравнение стадий развития мысли Паламы позволяет определить контекст его главных богословских прозрений. В ходе спора как Варлаам, так и Палама пытались найти общий язык: Варлаам считал себя специалистом в области «апофатического богословия» и постоянно ссылался на творения Дионисия Ареопагита, который был признанным авторитетом для всех византийских богословов. Калабриец не отрицал идеала мистического совершенства и молитвенного подвига, но настаивал — не без основания — на влиянии неоплатонизма и вообще греческой философии на взгляды псевдо-Дионисия. Со своей стороны, Палама не спорил с тем, что в греческой философии можно найти мысли, которыми пользовались отцы Церкви³⁰, но суть его полемики с Варлаамом заключалась в противопоставлении христианского знания «эллинской мудрости», в утверждении действия благодати на все го человека (включая его тело), а не только на его «ум», в защите святоотеческого учения об «обожении» чело-

века, происходящем не путем естественного усовершенствования ума, а жизнью «во Христе» и «во Святом Духе», т. е. приобщением человека к обоженному, воскресшему, прославленному чело-вечеству Христа. В этом и состоит важность понятия «нетварности» в отношении к тому Свету, который исходил из преображенного Тела Спасителя на Фаворской горе и который также является тем, кто приобщается этому Телу в жизни Церкви, особенно, в таинстве Евхаристии. Опыт монахов-исихастов, по мысли св. Григория, не есть только опыт отдельных мистиков, а опыт, в принципе доступный всем христианам: опыт знания с а м о г о Б о г а (а не только Его тварных проявлений), усыновление во Христе Самому Богу Отцу и причастие Самому Святому Духу. Таким образом, защита монашеского духовного опыта в писаниях св. Григория Паламы была также защитой самого христианского благовестия, самого православного понимания богообщения.

Это, уже вполне догматическое и богословское, измерение спора по-настоящему выявилось в тексте «Святогорского томоса» 1340 года, а также в произведении Варлаама «Против мессалиан», открыто обвинявшем Паламу и его сторонников в ереси мессалианства. Варлаам определяет мессалианство как учение, согласно которому человек, через постоянную молитву, может т е л е с н ы м в з о р о м созерцать саму с у щ н о с т ь Б о г а. Неважно, действительно ли такое учение существовало у средневековых мессалиан-богомиллов, или обвинение в мессалианстве было лишь нарекательной кличкой со стороны Варлаама. Во всяком случае, именно это обвинение требовало от Паламы дальнейшего развития учения об «обожении», т. е. о природе «новой жизни», данной человеку «во Христе» и преображающей всего человека, а не только его душу. Необходимо было также установить различие между сущностью и действиями («энергиями») Бога, которое допускало бы для человека возможность реально видеть Самого Бога («нетварный свет») и соблюдало бы Его абсолютную трансцендентность и неприступность Его сущности («усии»).

Третья «Триада» Паламы посвящена именно этим пунктам его системы. Все дальнейшие писания св. Григория, направленные против Акиндина и Никифора Григоры, лишь уточняют смысл учения об обожении и различии между сущностью и энергиями Бога. Основные позиции Паламы по этим вопросам уже ясно выражены в третьей «Триаде».

²⁹ Филофей, Житие (PG 151, col. 589 В; русск. пер. с. 58); об изменениях, внесенных Варлаамом в первоначальный текст своих писаний, см. Тр. II, 1, 12-14; II, 2, 27; II, 3, 78.

³⁰ Палама пользуется образным примером: медицина изготавливает лекарства и из змеиных тел (Тр. I, 1, 11).

3. Сущность и энергия Бога

В православном святоотеческом богословии, основанном и на Откровении Нового Завета, и на опыте святых, истинное богообщение предполагает два главных утверждения: 1) Бог в Самом Себе непознаваем и недоступен; 2) человек призван соединиться с Богом. Если рассматривать эти два утверждения в качестве логических постулатов, они друг друга исключают: между ними — абсолютная антиномия. Но можно ли свести христианский опыт богообщения к логическим постулатам?

Непознаваемость Бога есть основание так называемого апофатического, или отрицательного, богословия, которое нашло свое выражение у Плотина и других неоплатоников и было также воспринято святоотеческой письменностью. В полемике с Евномием — еретиком-арианином, считавшим, что человек может познать сущность Бога, каппадокийские отцы (особенно, свв. Василий Великий и Григорий Нисский) подчеркивали, что ни одно понятие, доступное человеческому уму, не может выразить Сущности Божией. О Боге человеческий ум может рассуждать только путем исключения или отрицания: Бог не есть ничто из того, что познается человеческим рассудком. отождествление Его с чем бы то ни было есть уже идолопоклонство, почитание твари «паче Создавшего». Мысль каппадокийских отцов нашла новое и блестящее выражение в творениях псевдо-Дионисия Ареопагита, особенно, в его произведениях «Об именах Божиих» и «О мистическом богословии». Как хорошо показал В. Н. Лосский, псевдо-Дионисий, несмотря на почти буквальные совпадения, имеющиеся в части его трудов с писаниями неоплатоника Прокла и самого Плотина, понимает трансцендентность Бога иначе, чем неоплатоники: «отрицательный» метод неоплатоников приводит только к понятию Божественной простоты («Единое» Плотина), тогда как для Дионисия Бог абсолютно трансцендентен: «Он — ни единое, ни единство, ни божество, ни добро, ни дух в том смысле, в каком мы разумеем (эти понятия) ... никакое утверждение не соответствует единой и совершенной Причине всех вещей; никакое отрицание не соответствует трансцендентности Того, Кто вне всего и выше всего».³¹ «Непознаваемый по Своей природе, Бог Дионисия, Который, по словам псалмопевца, «мрак соделал покровом Своим» (Пс. 17, 12), не есть первичный Бог —

³¹ О мистическом богословии, 5, PG 3, col. 1048 AB.

Единство неоплатоников. Если Он непознаваем, то не в силу простоты, которая не может примириться с множественностью, поражающей всякое познание, относимое к существам; это непознаваемость, можно сказать, более глубинная и более абсолютная».³²

В споре между Варлаамом и Паламой писания псевдо-Дионисия играют существенную роль. Интересно, что Варлаам истолковывает Ареопагита именно в платоновском смысле: признать «непознаваемость» Бога — это значит принять высшую форму «мудрости», которой достигли не только христианские отцы Церкви, но и языческие философы. Для Варлаама апофатическое богословие не выходит за пределы диалектических приемов: оно есть только удобный способ освободиться от «доказательств» и от догматической уверенности в истинности богословских положений, оказывающихся невыгодными в обстоятельствах момента. Его схемы соединения церковью покоятся именно на таком сведении догматов на уровень диалектических гипотез³³. О возможной связи мыслей Варлаама с идеями современных ему западных «номиналистов», последователей Вильгельма Оккама, мы уже упоминали ...

Иначе понимает Дионисия св. Григорий Палама: он утверждает, что Бог в Своей природе непознаваем не только для людей, но и для ангелов³⁴. Поэтому «видение Бога» предполагает не только «очищение ума», но и выход из самого тварного бытия. Способность человека «выйти из себя» — так как ведь и сам человек тварен! — есть знак особого антропологического теоцентризма, который в Писании назван «образом Божиим» в человеке. Человек имеет цель, назначение — выше тварного мира: его природа несводима просто к категориям тварного бытия; он подобен Творцу, он сам может «творить» и господствовать над тварным миром. Но господство это возможно именно в силу «родства»

³² Вл. Лосский. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Богословские труды, 8, М., 1972, с. 21. Независимость Дионисия от неоплатонизма в области богословия (т.е. в точном смысле «учения о Боге»), на которую правильно указывает Лосский, не распространяется на его иерархическую концепцию космоса: в этой области неоплатонические категории вряд ли преодолены Дионисием. См. об этом наши работы: *Christ in Eastern Christian Thought*. New York, St. Vladimir's Seminary Press, 1974, pp. 91-111; и *Byzantine Theology*. New York, Fordham University Press, 1975, pp. 27-29.

³³ На чисто словесный «апофатизм» Варлаама правильно указывает Палама в Тр. II, 3, 49.

³⁴ См., например, Тр. III, 2, 16.

человека с Единым Творцом, а поэтому «соединение с Богом» и есть назначение его существования.

Соединение с Непознаваемым, выход из себя не есть для Паламы интеллектуально-философский прием: его Бог не «Бог философов», а, по словам Паскаля, «Бог Авраама, Исаака и Иакова», т. е. Бог, открывающийся человеку как Личность и любящий его. От человека Он ждет ответной любви. Хорошо выразил эти отношения Бога и человека преп. Симеон Новый Богослов, которого Палама считает одним из великих учителей исихастского движения³⁵:

Созерцать, любить Нетварность
Отрешиться совершенно
От всего, что возникает
И тотчас же исчезает,
И умом соединиться
С Безначальным, Бесконечным,
И Нетварным и Незримым.
Вот любви и суть и сила.³⁶

В опыте соединения с Богом «отрицательное» богословие утверждает совершенную исключительность, единственность и несравнимость той формы восприятия, которую обретает «человек во Христе». Но само это восприятие — не опыт «отрицания», а положительная и личная встреча с Богом³⁷. «Отрицательное богословие» только показывает, что восприятие Божественной жизни не сводимо ни к рассудочному знанию, ни к чувственному видению, ни к эмоциям, потому что Предмет восприятия не подлежит ни рассудку, ни области чувств. Но тем не менее в восприятии Божественной реальности весь человек — дух, душа, рассудок и тело — активно участвуют. Духовное зрение, обретаемое человеком «во Христе», не есть просто «шестое чувство», но всеобъемлющее преобразование человека, при котором все его духовные и телесные силы открываются общению с Богом.

Именно это учение о богообщении является главным основанием критики варлаамизма на всем протяжении «Триад».

В «Триадах» I, 1 и II, 1 мысль Паламы направлена на опровержение идеи о том, что «приобретение светской мудрости» есть

³⁵ См. Тр. I, 2, 12.

³⁶ Гимн XVII, ст. 400-407, изд. J. Koder, Sources chrétiennes № 174, pp. 41-43; русск. перевод С. С. Аверинцева: Памятники византийской литературы IX-XIV веков, М., 1969, с. 131.

³⁷ См. особенно Тр. II, 3, 53; I, 3, 19; II, 3, 8, 35 и т. д.

условие богообщения, как будто «новая жизнь во Христе» может быть поставлена в зависимость от достижений интеллекта. В «Триадах» I, 2 и II, 2 утверждается возможность и желательность преобразования не только души, но и тела и опровергается интеллектуальный «платонизирующий» спиритуализм Варлаама, во имя которого он отвергал психо-соматические приемы монахов-исихастов при молитве. «Триады» I, 3 и II, 3 посвящены учению об обожении человека.

Многие исследователи паламитского богословия — особенно западные — подходят к унаследованному от древних отцов учению об обожении человека и к неизбежно вытекающему из него различению между Божественной сущностью (*οὐσία*) и нетварными Божественными «действиями», или энергиями (*ἐνέργειαι*) как к философским понятиям, подлежащим тому же истолкованию, что и сходные понятия в философии неоплатонизма. Такой подход к мысли Паламы приводит к утверждению превосходства западных схоластических систем Средневековья над паламизмом³⁸.

В третьей «Триаде» учение о сущности и энергиях уже вполне ясно определено, хотя оно получит и дальнейшее развитие в более поздних писаниях Паламы, направленных против Акиндина и Никифора Григоры.

Абсолютная трансцендентность Бога как Творца, как Единого Сущего, выражаемая в утверждении, что Его сущность непознаваема даже для ангелов, а тем более — для человеческого ума, не может, по мысли Паламы, служить препятствием для

³⁸ Наиболее известными критиками паламизма — среди католиков — были D. Jugie (см., например: *Theologia dogmatica christianorum orientalem*, I, Paris, 1926, pp. 436-451; II, Paris, 1933, pp. 47-183) и S. Guichardan (см. *Le problème de la simplicité divine en Orient et en Occident du XIVe et XVe siècles: Grégoire Palamas, Duns Scot, Georges Scholarios*, Lyon, 1933). Появление на Западе трудов нескольких православных богословов (архиеп. Василия Кривошеина, В. Лосского, архим. Киприана Керна и автора настоящих строк) привело к более серьезному отношению к паламизму во многих западных кругах (см. например: *Ch. Journet. Palamisme et thomisme. A propos d'un livre récent. Revue thomiste*, 60, 1960, pp. 430-452; и особенно: A. de Halleux. *Palamisme et scholastique. Revue théologique de Louvain*, pp. 409-442). Правда, старая философско-схоластическая критика паламизма была — довольно неожиданно — возобновлена в журнале «Istina», занимающемся проблемами экуменизма и посвятившем целый номер антипаламитской полемике (1974, № 3, статьи Hourdet, Garrigues, Nadal, Le Guillou и неподписанная передовица). В академическом журнале Св. Владимирской академии (Нью-Йорк) появились и православные реакции на возобновившийся спор, затрагивающий самое существо понятия христианского богообщения (статьи проф. G. Barrois и греческого богослова X. Яннараса, *St. Vladimir's Theological Quarterly*, 19, 1975, № 4).

Божественной любви, явленной в акте творения, а затем — в величайшей тайне Боговоплощения. Не изменяясь в «сущности», Бог полагает **вне Себя** иное бытие, тварный мир, а затем, для спасения этого мира, Сам воспринимает человеческую природу, т. е. **лично**, или «ипостасно», становится тем, чем раньше не был — человеком, оставаясь при этом непознаваемым и трансцендентным Богом. Благая весть христианства как раз и состоит в том, что Бог не остался в области трансцендентной, не ограничил Себя небом, а сошел на землю в образе Человека, сделался доступным людям, которые изначально, с момента их сотворения были предметом Его любви.

Св. Григорий Палама очень ясно пишет о том, что Бог ветхозаветного и новозаветного Откровения не есть философское понятие, хотя бы и самое высокое, являющееся объектом рассудочной мысли и доказательства. Он не есть «совершенство», «полнота», «недвижимая простота» и т. д., а действующий, живой Бог³⁹. Он — не сущность, а Сушый⁴⁰. В этом смысле богословие Паламы возможно рассматривать как экзистенциальное: опыт Божественной жизни, видения Бога, возможность богообщения, т. е. ответной любви, при которой человек тоже «выходит из себя», превосходя ограниченность своей природы, чтобы найти единство с Богом, являются фактами, предшествующими системе понятий, благодаря которым религиозный опыт может получить словесное выражение.

С одной стороны, Палама со всей определенностью утверждает, что между Богом и тварью существует реальное общение, что Божественные свойства действительно сообщаются твари; с другой стороны, он хорошо понимает, что отождествление Бога с тварью означало бы пантеистическое их смешение и исчезновение твари как таковой в бездне Божественного бытия. Именно поэтому ему необходима мысль не только о присутствии Бога в твари, но и о Его существенной трансцендентности⁴¹. В этом и состоит различие между усией и энергиями. Оно реально, а не фигуративно, поскольку Божественная трансцендентность и Божественное присутствие в тварном мире одинаково реальны, но различие это не предполагает, что энергии сводимы к неоплатоническим эманациям, которые представляют собою несколько «низ-

шее» или «растворенное» состояние Божественного бытия. «Каждая энергия есть сам Бог», — пишет Палама.⁴²

Но если учение об энергиях необходимо для уяснения отношений между Богом и тварным миром вообще, то свою окончательную завершенность оно получает в связи с учением об **обожении человека во Христе**. Многие исследователи, не имевшие возможности пользоваться недоступными для них «Триадами», излагали учение Паламы вне этой связи с его центром — христологией. «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом», — писал св. Афанасий Великий. И для Паламы обожение также не философское понятие, а возможность, открытая по вере всем людям, того единства между Богом и человечеством, которое раз навсегда осуществилось в богочеловеческой Личности Иисуса, воплощенного Слова. Указания на это христологическое основание учения Паламы встречаются почти на каждой странице «Триад»; именно оно и определило окончательно форму доктрины об энергиях.

Во Христе Божество и человечество едины «по ипостаси» (халкидонское определение 451 года) и каждое сохраняет свое собственное «действие», «энергию», или «волю» (шестой Вселенский Собор 680 года). Если бы соединение их совершилось «по природе», или «по существу», оказались бы правы монофизиты, сливающие Божество и человечество в единую природу. С другой стороны, человечество Христа, оставаясь отличным от Божества по природе, обожено в силу Своего ипостасного единства с Логосом: такое (т. е. ипостасное) обожение, конечно, недоступно людям, но им доступно — путем приобщения к обоженному человечеству Христову — обожение по благодати, или по энергии. Палама именно в этом смысле понимает причащение Телу Христову в таинстве Евхаристии⁴³. В церкви человек получает единство во Христе с Божественной жизнью, но единство

⁴² Письмо Иоанну Гавре, 13, Твор, II, с. 340. Учение Паламы об энергиях хорошо изложено в нескольких работах: статье монаха Василия (Кривошеина), ныне архиеп. Брюссельского и Бельгийского, «Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы», «Seminarium kondakovianum», 8, 1936, сс. 99-154; у Лосского (цит. соч. сс. 39-50) и, более подробно, в нашей Introduction à l'étude de Grégoire Palamas (pp. 279-310). Для понимания связи между учениями об энергиях и о Св. Троице важна докторская диссертация сербского иеромонаха Амфилохия Радовича: Τὸ μυστήριον τῆς ἁγίας Τριάδος κατὰ τὸν ἅγιον Γρηγόριον Παλαμῶν (Тайна Св. Троицы, по учению св. Григория Паламы), Афины, 1973.

⁴³ Тр. I, 3, 38.

³⁹ См. особенно: Тр. III, 2, 24.

⁴⁰ Тр. III, 2, 12.

⁴¹ См. особенно: Тр. III, 2, 7; III, 3, 6.

не по существу (ибо тогда человеческие личности приравнивались бы лицам Св. Троицы и Бог стал бы многоипостасным)⁴⁴ и не по ипостаси (ибо ипостасное, т. е. личное единство Бога и Человека совершилось только в личности Единого Богочеловека Иисуса), а по благодати, или по энергии.⁴⁵ То есть, паламитское различие между Сущностью Бога и энергиями необходимо уже в силу традиционной православной христологии, утвержденной Вселенскими Соборами. Поэтому Собор 1351 года определил учение Паламы как развитие постановлений Шестого Вселенского Собора о двух волях и двух энергиях во Христе⁴⁶.

4. Историческое значение богословского творчества св. Григория Паламы

Спор Варлаама с Паламой первоначально касался тонких вопросов богопознания, а затем, после вынесенных Варлаамом отрицательных суждений о монашеской практике молитвы Иисусовой, перешел к самым основам учения о Боге и о судьбе человека. Поэтому победа паламизма, закрепленная постановлениями Соборов 1341, 1347 и 1351 годов, была важна не только для сравнительно узкого круга монахов-созерцателей, но и для всего православного мира.

Калабрийский монах привез с Запада не (как иногда полагали) влияние католичества как такового, а основные принципы секуляризации культуры, связанные с итальянским Возрождением. Его неуспех и победа Паламы были яркими проявлениями факта, имевшего решающее значение не только для Византии, но и для православных славянских стран. Факт этот блестяще установлен Д. С. Лихачевым: на Востоке «Предвозрождение так и не перешло в Возрождение».⁴⁷

⁴⁴ Диалог «Феофан», Твор, II, 245 (PG 150, col. 941 A); ср. В. Лосский, цит. соч., с. 40.

⁴⁵ Об этом христологическом основании идеи обожения у преп. Максима Исповедника и св. Иоанна Дамаскина см. мою книгу: *Le Christ dans la théologie byzantine*, Paris, 1969, pp. 195-198, 232-233 (англ. пер.: *Christ in Eastern Christian Thought*, St. Vladimir's Press, New York, 1975, pp. 142-144; 157-159).

⁴⁶ Migne, PG 151, col. 722 B.

⁴⁷ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южно-славянского влияния в России. В сб.: *Исследования по славянскому литературоведению и фольклористике советских ученых на IV Международном*

Для правильного понимания исторической роли того религиозного и богословского движения, которое обычно называется «исихазмом», необходимо разрешить некоторые недоразумения, связанные с самим термином исихазм, который употребляется по крайней мере в **четырёх** различных смыслах. Уже в древней христианской литературе он употребляется для обозначения отшельничества, т. е. формы монашества, отличной от общежительства в больших монастырях: исихаст — это, в собственном смысле, молчальник. В XIII-XIV веках исихазм, как говорилось выше, тесно связан с психо-соматическими методами творения молитвы Иисусовой, т. е. указывает не на отшельничество собственно, а на определенную школу духовной жизни, могущей проявляться и в общежительных монастырях и в миру. В современной литературе вопроса само богословие св. Григория Паламы, т. е. учение о нетварных энергиях, определяется как исихазм, хотя Палама видел в этом учении всего лишь святоотеческое богословие об отношении Бога к тварному миру. Наконец, понятие исихазм применяется, в еще более широком смысле, ко всему движению ревнителей православия, которые во второй половине XIV века распространяли свое влияние на всю Восточную Европу и, особенно, — на Московскую Русь.⁴⁸ Эти четыре несходных словоупотребления необходимо различать хотя бы для того, чтобы верно определить соотношение между исихазмом (будь то в узком или в широком смысле этого понятия) и другими явлениями общественной жизни и культуры.⁴⁹

Так, отшельничество или безмолвие (т. е. исихазм в точном и первоначальном смысле этого слова) не является необходимым элементом в богословии Паламы, которое разделяли и деятельные церковные иерархи типа патриарха Филофея, и видные политические деятели (например, император Иоанн Кантакузин), и их идеологические последователи в Болгарии, Сербии, на Руси.

съезде славистов. М., 1960, сс. 95-151; ср. с работой того же автора: *Предвозрождение на Руси в конце XIV-го — первой половине XV-го века*. В сб.: *Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы*. М., 1967.

⁴⁸ В этом последнем смысле слово «исихазм» употребляется, например, в работах Г. М. Прохорова: *Этническая интеграция в Восточной Европе в XIV веке*. (От исихастских споров до Куликовской битвы.) Доклады Отдела этнографии Географического общества СССР, вып. 2, Л., 1966, сс. 81-110; *Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке*. ТОДРЛ, XXIII, 1968, сс. 86-108.

⁴⁹ См. об этом мою статью: *О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV веке*. ТОДРЛ, XXIX, 1974, сс. 291-305.

В последние годы среди искусствоведов горячо обсуждался вопрос о влиянии исихазма на искусство так называемого Палеологовского Ренессанса, на связанное с ним возрождение искусства южных славян, а также на творчество гениев живописи Северной Руси: Феофана Грека и преп. Андрея Рублева. Некоторые авторы расценивают влияние исихазма отрицательно: торжество византийского монашества на Соборах 1341 и 1351 годов прервало Палеологовский Ренессанс и привело к иссушению форм искусства, тогда как гений Феофана и Рублева не имеет преемственной связи с исихазмом.⁵⁰ Другие, наоборот, объясняют все оживление живописного искусства в Византии и на Руси именно влиянием исихазма⁵¹, но одновременно противопоставляют паламитский «догматический» исихазм (который противостоял «гуманизму» и поэтому задержал творческое развитие искусства в Византии) исихазму «истинному», представители которого (например, преп. Григорий Синаит или, на Руси, преп. Сергей Радонежский) будто бы не интересовались «догматами», но зато вдохновляли творцов искусства⁵². Есть также исследователи, воздерживающиеся от определенного суждения о влиянии исихазма на живопись⁵³.

Более глубокое ознакомление с текстом «Триад», т. е. основного манифеста богословия св. Григория Паламы, должно помочь исследователям прийти к более точным выводам и о природе исихазма, и об его отношении к искусству. Нам лично представляется, что вряд ли возможно установить идеологическое различие между византийскими богословами, возглавляемыми Паламой, и той плеядой деятелей, благодаря которым византийская православная культура проникала в южно-славянские страны, а через них и в Россию. К этой плеяде принадлежал патриарх Константинопольский Филофей, патриарх Тырновский Евфимий и митрополит Киевский и всея Руси Киприан. Последний, как известно, был в близком сотрудничестве с северно-русскими монашескими кругами,

о чем свидетельствует его сохранившаяся переписка с «игуменом всея Руси» преп. Сергием⁵⁴.

Не подлежит сомнению, что творчество Феофана Грека и Андрея Рублева принадлежит тому же движению ревнителей и творцов православной культуры. Византийское «Предвозрождение» было перенесено на русскую почву и тут дало — в области искусства — исключительно богатые плоды. Но эта плодотворность исихазма в России не исключает несколько иных последствий его победы в Византии: здесь Варлаамом и другими византийскими гуманистами проповедовался светский эллинизм, ведущий культурное творчество от Предвозрождения к Ренессансу настоящему, т. е. к секуляризации культуры.

Св. Григорий Палама и его ученики были несомненными противниками этого перехода. Победа паламизма действительно приостановила в Византии развитие искусства в сторону «эллинизма» и секуляризованного Ренессанса,⁵⁵ тогда как на Руси она наоборот способствовала расцвету Предвозрождения. Ученики Паламы возродили на Руси интерес к святоотеческой литературе и духовным традициям Вселенского православия. В лице митрополита Киприана, они боролись с тенденциями, ведущими к раздроблению Русской Церкви на несколько митрополий, защищали единство митрополии Киевской и всея Руси, включавшей в себя не только Московское княжество, но и Литовскую Русь. Это предположало союз и мир между Москвой и Литвой, конец шовинистического провинциализма отдельных княжеств и церковное строительство в соответствии не только с местными интересами, но и с высшими принципами церковной истины и кафолического единства Церкви. Усилия митрополита Киприана отчасти увенчались успехом и способствовали созданию условий, при которых стала возможной Куликовская победа над татарами.⁵⁶

⁵⁴ Об этом см. важные работы М. Н. Тихомирова, особенно: Россия и Византия в XIV—XV столетиях. В сб.: Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, сс. 27-46; ср. Л. А. Дмитриев. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы. ТОДРЛ, XIX, 1963, сс. 215-254; ср. также с работами Г. М. Прохорова, указанными в примечаниях.

⁵⁵ См. мою работу: *Spiritual Trends in Byzantium in the late thirteenth and early fourteenth Centuries*. В сб.: *Art et société à Byzance sous les Paléologues*. Venise, 1971, pp. 55-71 (перепечатана в Underwood, *The Kariye-Djami*, IV, pp. 95-106).

⁵⁶ Наша работа на английском языке, посвященная роли Византии в духовных и общественных движениях в XIV веке, готовится к печати.

⁵⁰ См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи. I, М., 1947, с. 225; ср. A. Grabar. *The Artistic Climate in Byzantium during the Palaeologan Period*, в Underwood, P., ed., *The Kariye-Djami*, IV, Princeton University Press, 1975, pp. 3-12.

⁵¹ См. особенно: Н. К. Голейзовский. Исихазм и русская живопись. Византийский временник, 29 (1968), сс. 196-210.

⁵² М. В. Аллатов. Искусство Феофана Грека и учение исихастов. Там же, 33 (1972), сс. 190-194.

⁵³ «Конкретные формы воздействия исихазма на живопись остаются недостаточно выясненными», — пишет И. П. Медведев. (Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского периода. Л., 1973, с. 136).

Мы уже упоминали о том, что движение религиозного и культурного возрождения в Византии и славянских странах, связанное с победой паламизма в Константинополе, было гораздо шире собственно исихастского или вообще монашеского, хотя истинные отшельники (например, преподобный Григорий Синаит в Болгарии и преподобный Сергей Радонежский на Руси) играли в нем видную роль. К движению примыкали и общественные деятели, и иерархи, и живописцы. Всех их объединяло живое восприятие тех религиозных и богословских истин, которые лучше всего выражены в «Триадах» св. Григория Паламы: Бог не сводим к категориям рассудочного мышления (и тем менее — к каким бы то ни было земным ценностям); он **выше** всего, что человек может о Нем воспринять. Но при этом Бог любит человека и любит мир и поэтому, по Собственной воле, выходит из Своей неприступности и является человеку. Человек также, по самой своей природе, обладает способностью «выхода из себя», т. е. восприятия Того, Кто выше его самого. В этом его богоподобие, в этом его призвание — стать царем твари, потому что выход из себя предполагает не разрыв с обычной жизнью, а наоборот, возвращение в нее с целью ее преображения и спасения от зла и смерти.

Воскресшее и преображенное Человечество Иисуса Христа есть цель и надежда людей. Ему человек приобщается в Церкви. В нем он обретает обожение, т. е. общение с единственно-истинной вечной жизнью. В нем он побеждает смерть и получает новую живительную силу для спасения всего мира.

Именно это откровение о спасенном и Богом возлюбленном человечестве и является предметом многих памятников литературы и церковной поэзии, а также гениальных икон и фресок, созданных в конце XIV века. Они излучали свой радостный свет в храмах и в домах людей. Именно это откровение защищал св. Григорий Палама, выступая против номиналистического агностицизма, принесенного из Италии Варлаамом Калабрийцем.

К 40-летию со дня смерти Льва Шестова (1866-1938)

Алексей РЕМИЗОВ

ПАМЯТИ ЛЬВА ШЕСТОВА

Лев Шестов

Последнее напечатанное Льва Шестова — о Бердяеве; последний рассвет — на рю Буало: окна клиники против нашего окна. Это судьба. И этой судьбой однажды соединило нас, и на всю жизнь. Да иначе и не могло быть. Во всех моих «комедиях» Шестов играл неизменно главную роль да и в нашей литературной «горькой» участи было похоже: оба мы были «без пристанища» — с неизменным редакционным отзывом «не подходит» или деликатно сказанным «нет места» или обнадеживающим безнадёжным «в следующий раз». А познакомил нас Бердяев, всеми

* Было напечатано в «Последних Новостях», № 6451, от 24 ноября 1938 г.

любимый и всегда желанный. Был конец ноября, но не Бодляровский, с болью глухо падающими дровами для камина, а киевский — этот сказочный, захватывающий душу вестник рождественских колядок, с теплым чистейшим первоснегом. На литературном собрании, доклад В. В. Водовозова, Бердяев повел меня куда-то вниз и не в «буфет», как я подумал, или мне так хотелось выдумать, а в «директорскую» с удобными креслами. «Да где же тут Шестов?». И вдруг увидел: за конторкой под лампой... сидевший, сняв пенсне, поднялся, мне показалось, что очень высокий и большие руки, — конечно, «Лев Шестов»! Это и был Шестов. «Рыбак рыбака видит издалека!», — сказал он и на меня глянули синие печальные глаза. Таким я его вижу. И вот, взглянув на него в последний раз в его последнее ноябрьское утро в воскресенье, я увидел, как на мой пристальный взгляд синий печальный свет заструился из-под сомкнутых век, и улыбкой осветилось безкровное застывшее лицо.

«Человек» — я говорю о человеческом мире — пропадает именно от своей тупой «разумности» и холодной «расчетливости», этот самообманывающийся непогрешимой «математикой» игрок! А что это так, не надо и смотреть, чтобы почувствовать, что творится вокруг, какое бездонное горе разливается по миру в этом мире заочных бумажных приговоров, теоретических программ, без слуха к живой трепещущей жизни. Шестовское «безумие» — «апофеоз беспочвенности» был вызов именно этой мировой бездушной машинности, этому подлинно бесчувственному идолу, «логизирующему сухарю», для которого горячее человеческое сердце с его безграничной волей и чудесами — **сапогом!** — «дважды два четыре!». А ведь за каждый вызов по установленным законам жизни («природа» богаче, глубже и разнообразнее, но как-то так повелось и одно из случайных стало нормой!), за каждое наперекор какому-то «ровнению» — так это не проходит. Жизнь ему и показала: годы высидивался он в Коппэ под Женевою, а тут по три часа в день шагал в Булонском лесу. «По нашему не согласен, так вот же, поди посиди или погуляй, посмотрим!»

Мне с моим взбалмошным миром без конца и без начала Шестов пришелся на руку, легко и свободно я мог отводить свою душу на всех путях ее «безобразия». И моим «фантазиям» Шестов верил, доверчиво принимая и самое «несообразное». И никогда я не скажу, говоря «никому нет дела!», чтобы хоть когда-нибудь при этой отчаянной мысли я назвал себе Шестова. Как

один из старших моих братьев, Шестов учил меня житейской мудрости на манер Гофмановского кота Мурра: воображаете, какая выходила ерунда! И еще потому мне было легко с ним и свободно — вот кто не деревяшка, не эти безулыбные, лишенные юмора трезвые люди, среди которых дышать нечем!

«Беспросветно умен», так отозвался о Шестове Розанов, а я скажу и «бездонно сердечен», а это тоже дар: чувствовать без слов и решать без «расчета».

«Лев Исаакович, ты «понимаешь», я поднялся по этой веревке на страшную высоту, крепко вцепился, под ногами пропасть, заглянуть вниз... ветер меня разносит и мой голос сливается с его шемящей бурей, и какие-то остекленелые надутые куклы, они стояли рядами в этом вихревом пространстве, бездушные, они караулили мое подрыгивание на веревке, но я поднимался выше. Ты на путях своего духа в этот миг говорил с Сократом. Я провожал тебя до предела... А эту горстку земли я бросаю тебе в могилу».

1938

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ КНИГИ О ТУРГЕНЕВЕ*

Беспольность и ненужность какой-нибудь мысли или даже целого ряда, системы мыслей, не может служить достаточным основанием, чтоб отвергнуть их. Раз мысль явилась — открывая ворота. Ибо, если ты закроешь ей легальный вход, она ворвется силой или, как крыловская муха, проползет тайком: мысль не считается с законами чести и морали. Пример: реализм в литературе. При своем появлении он вызвал всеобщее негодование. Зачем нам знать грязь жизни? И точно — незачем: реализм не умел честно оправдать себя. Но, так как пройти ему все-таки нужно было, то он, не задумываясь, солгал: сравнил себя с патологией, назвал себя полезным — и добился господства в литературе. Теперь уже все видят, что реализм бесполезен, даже вреден, очень вреден и ничего общего с патологией не имеет — но согнать его с насиженного места не так легко. Давность прошла и есть *justus titulus* владения.

*
**

Как известно Тургенев был реалистом и с первых же своих произведений стремился возможно правдиво изображать жизнь. Хотя у нас не было настоящих теоретиков реализма, но, после Пушкина, русскому писателю нельзя было слишком далеко уноситься от жизни. Даже тем, кто решительно не знал, что можно сделать из «действительности», приходилось говорить о ней и только о ней. Для того же, чтоб впечатление от нарисованных картин не было слишком тягостным — писатель старался припасти заблаговременно мировоззрение, которое в литературе еще до сих пор играет роль волшебного жезла: с его помощью все что угодно может обратиться во все, что угодно.

Большинство тургеневских произведений в этом смысле чрезвычайно любопытны. Но особенно интересным представляется «дневник лишнего человека». Тургенев впервые ввел в русскую литературу выражение «лишний человек». Потом о лишних людях говорили много, бесконечно много, хотя и до настоящего времени так же мало договорились, как и пятьдесят лет тому назад. Лишние люди есть — и сколько еще, а что с ними делать — неизвестно. Остается одно: изобретать по поводу них мировоззрения. В 1850 году Тургенев, тогда еще молодой человек,

* Печатается впервые по рукописи из архива Л. И. Шестова.

так именно и разрешил представившуюся ему задачу. Свой рассказ он заканчивает юмористической припиской от имени неизвестного читателя рукописи:

Сею рукопись читал
И содержание Онной не одобрил
Петр Зудотешин
М М М М
Милостивый Государь
Петр Зудотешин
Милостивый Государь Мой.

Очевидное дело, Тургенев держался того мнения, что за каждой трагедией должен следовать водевиль и что в этом сущность мировоззрения. Не менее очевидно, что в своем суждении Тургенев не стоит одиноко, а имеет за собой всю европейскую философию, точнее всю европейскую цивилизацию. Тургенев был образованнейшим, культурнейшим из русских писателей. Почти всю жизнь свою он провел за границей и впитал в себя все, что могло дать западное просвещение. Он сам это знал, хотя по свойственной ему преувеличенной скромности, иногда даже раздражающей своей демонстративностью, никогда об этом прямо не говорил. Он глубоко верил, что только знание, т. е. европейская наука может открыть человеку глаза на жизнь и объяснить все, требующее объяснения. С этим критерием он подходит и к гр. Толстому: «самый печальный пример отсутствия истинной свободы», пишет уже почти 60-летний Тургенев в своих литературных воспоминаниях, «отсутствия истинной свободы, проистекающего от отсутствия истинного знания, представляет нам последнее произведение графа Л. Н. Толстого («Война и Мир»), которое в то же время по силе творческого, поэтического дара, стоит едва ли не во главе всего, что появилось в нашей литературе с 1840 г. Нет! Без образования, без свободы в обширнейшем смысле — в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям, даже к своему народу, к своей истории, — немислим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя». Послушать Тургенева — и в самом деле подумаешь, что он добыл на Западе великую тайну, давшую ему право бодро и спокойно держаться в тех случаях, когда другие люди приходят в отчаяние и теряют голову... Через год после того, как были написаны литературные воспоминания, из которых взяты мною вышеприведенные строки о Толстом и образовании, Тургеневу пришлось лично присутствовать при казни знаменитого когда-то убийцы Тропмана.

Свои впечатления он бесплодно передает в большой статье, называемой «Казнь Тропмана». Статья производит потрясающее действие — мне кажется, я не преувеличу, если скажу, что это одна из лучших, по крайней мере сильнейших его вещей. Правда, гр. Толстому удалось с неменьшей же силой описать сцены на бойне, так что, может быть читателю, имея это в виду, не следует слишком отдаваться во власть художнику. Но все-таки, когда Тургенев рассказывает, что в решительный момент, когда палачи, точно пауки на муху, набросились на Тропмана и повалили его, когда он рассказывает, что в этот момент у него «земля тихо поплыла под ногами» — не верить ему нельзя. Люди мало умеют отзываться на происходящие вокруг них ужасы; но бывают минуты, когда дикая, вопиющая несообразность и обидность нашего положения вдруг предстает пред нами с неотразимой ясностью, и заставляет нас смотреть на себя. И тогда почва уходит из-под наших ног. Но не надолго. Ужас от чувства беспочвенности быстро отрезвляет человека. Забыть все — только бы вернуться к родной земле! Тургенев, 60-летний старик, оказался в этом смысле столь же пугливым, как и в молодые годы, когда писал свой «дневник лишнего человека». Описание казни Тропмана он заканчивает следующими словами, «кому неизвестно, что вопрос о смертной казни есть один из очередных, неотлагаемых вопросов, над разрешением которых трудится современное человечество? Я буду доволен... если рассказ мой доставит хоть несколько аргументов защитникам отмены смертной казни или, по крайней мере отмены ее публичности». Снова гора родила мышь! После трагедии дается водевиль, мировоззрение вступает в свои права и почва возвращается под ноги. Повторяю и подчеркиваю: Тургенев не является единственно ответственным лицом за свои суждения. Его устами говорит вся европейская цивилизация. Она принципиально отвергает всякого рода неразрешимые вопросы и выработала своим тысячелетним опытом приемы, посредством которых человек научится извлекать пользу из всего, даже из крови своего ближнего. Словом «польза» объясняются какие угодно ужасы и даже преступления. А Тургенев был, как известно мягким, «гуманным» человеком и несомненным идеалистом: в молодости он даже прошел школу Гегеля. От Гегеля узнал, какое громадное значение имеет образование и как необходимо образованному человеку иметь полное и законченное, непременно законченное, «мировоззрение».

**

Пифагорийская система воспитания обрекала учеников на пятилетнее молчание. Теперь со времени Песталлоцци, такой прием считается дурным. Но в сущности у нас ученики молчат, долго молчат — не пять, а десять и более лет — до тех пор пока не научатся говорить, как их учителя. Потом им представляется свобода, которой они не умеют, да и не хотят пользоваться. Может быть у них были, или по крайней мере могли вырасти крылья; но они всю жизнь свою ползали по земле — где уж теперь им летать, даже верить или грезить о полете...

Есть у Тургенева не совсем удачный в художественном отношении рассказ «Довольно», в котором между прочим мы читаем следующие примечательные строки:

«Я привел стихи из Макбета и пришли мне на память эти ведьмы, призраки, привидения... Увы! Не привидения, не фантастические, подземные силы страшны; не страшна Гофманщина, под каким бы видом она ни являлась... Страшно то, что нет ничего страшного, что самая суть жизни мелка, неинтересна и нищенски плоска!»

В этих строках, как и во всем, очень красиво, но бледно и безжизненно написанном рассказе, чувствуется долгие годы молчавший ученик. Молчание ему опостылело, но привыкший к размеренным, заученным звукам язык не умеет и не смеет возвыситься голоса.

Рассказ «Довольно» имеет своим источником приблизительно те же настроения, что и «Исповедь» Толстого. Но Толстой еще верит в себя и в свои силы, Толстому кажется, что его голос может пробудить и его и окружающих его людей, заколдованных злым волшебником. Он не знает еще, как и когда произойдет пробуждение, но он смело бьет в набат. Тургенев же заранее справился у западных учителей, и они сказали ему, что все усилия его напрасны, что больше, чем выдумано до сих пор, никогда не выдумаешь, и что стало быть в лучшем случае, всякого рода субъективные настроения могут послужить материалом для художественного творчества или для построения философской системы. Нет в жизни ничего страшного — т. е. загадочного, обещающего, нового — есть только раз навсегда установленный порядок, полагающий начало и конец человеческой жизни. Тургеневу кажется, что так смотрел на жизнь и Шекспир, у которого он заимствовал несколько стихов, послуживших основной темой для рассказа. Тургенев в литературе, как Лист в музыке, нередко брался писать вариации на чужие темы (особенно Шекспиров-

ские: например «Степной король Лир», «Гамлет Щигровского уезда»). Это плохой в общем признак. Это значит, что писателем овладела летаргия, что он не доверяет своим глазам и хочет говорить с чужих слов. Обыкновенно значительный писатель брезгует говорить понаслышке о вещах, которые он сам не видел. Ему кажется унижительным и скучным занятие передавать «своими словами» вычитанные из книг чужие впечатления. Да ему и не до этого! И как это ни странно, все такого рода опыты популяризации свидетельствуют о том, что популяризатор не понял и не разобрал чего-то в избранном им авторе. В данном случае, можно смело сказать: Тургеневу изменил его слух, он не услышал основной ноты Макбетовского монолога и пленился только его видимой, внешней красотой, которой и старался подражать.

Толстой тоже, как известно, не понимал Шекспира. И он в Шекспире прослушал главное, и ему показалось, что великий английский поэт заботится о «художественности» изображения, минуя наиболее мучительные и глубокие вопросы. Но гр. Толстой, со свойственной ему решительностью, отверг Шекспира, как писателя поверхностного и незначительного, и взял в образец себе св. Писание, простой, «голый» язык которого казался ему соответствующим глубокой серьезности мучавших его вопросов. И потому, как ни странно такого рода утверждение, у Толстого, отрицавшего Шекспира, несравненно более общего с великим английским поэтом, нежели у Тургенева. Шекспир в своих трагедиях, как Соломон Мудрый в «Экклезиасте», не рассчитывает наперед, к каким результатам приведет его мысль. Он, повинувшись чисто стихийному началу, идет вперед — разрушая на пути преграды, — даже те, которые люди считают святынями.

Нет, впрочем, ничего удивительного в том, что Толстой и Достоевский считали Тургенева совершенным европейцем и не умели услышать в его произведениях близких и родных им звуков. Сам Тургенев едва ли отдавал себе ясный отчет в том, что с ним происходит. Он только смутно чувствовал, что европейский костюм не совсем ловко сидит на его русской фигуре, но ему всегда казалось, что время возьмет свое, по поговорке: стерпится, слюбится. Если и вспоминались ему прежние сны, он отгонял их от себя: он хотел быть взрослым и стыдился всего, что

напоминало ему детство и юность. Первым признаком возмужалости в Европе считалось, и до сих пор считается, способность положительного мышления. И Тургенев во всех своих произведениях, по мере сил своих старался доказать, что он не хуже любого европейца, умеет «трезво» смотреть на жизнь и ее задачи. Мы уже видели, как он закончил свой «дневник лишнего человека». Лишнему, погибшему человеку нельзя конечно помочь, но можно привлечь внимание общества к причинам, порождающим лишних людей и принять меры к тому, чтобы в будущем уже не было подобных печальных явлений. То же и по поводу казненного Тропмана. Ужасно поступили с молодым преступником — но его уже не спасешь после того, как гильотина отделила его голову от туловища: нужно, по крайней мере, сделать все зависящее, чтобы предотвратить повторение подобных ужасов.

Европейская мысль 19-го столетия сознательно поставила себя в эти рамки и сделала это с такой твердостью и уверенностью, определенностью, что внушила покорность даже своему вольному жрецу Аполлона. Выработалась своеобразная эстетическая теория, в силу которой даже задача художественной деятельности уже сводилась не к тому, чтоб изображать живого человека, а к тому, чтобы рисовать типы. Эта теория между прочим до сих пор не потеряла своего кредита — большинство современных критиков, обсуждая художественное произведение, прежде всего ставят этот праздный — ненужный вопрос: насколько типичны, т. е. широко распространены изображенные автором герои. Ибо если автор заинтересовался не типом, а единичным человеком, всего только одним человеком и его судьбой — то какое значение может иметь такое произведение для общества? Оно может оказаться не только не полезным, но прямо вредным, приковывая наше внимание к личным нуждам, вместо того, чтобы направлять его на широкие общественные задачи. Как известно, литературные критики всегда стремились «обезвредить» художественное произведение и, нужно отдать справедливость, проявляли в этом почтенном деле много искусства. Как бы опасно не было художественное произведение — после того как оно побывало в руках критика и получило надлежащее истолкование, можно быть спокойным: оно не смутит уже никого. Ибо все, что в нем было загадочного и проблематического, уже получило свое объяснение. Теория типов, равно как одновременно с ней развившаяся теория общественных задач и т. п., легко справлялась с самыми трудными вопросами — переводя их в отвлеченности, теряют свое настоящее значение. Под мундиром вся-

кий человек только солдат, в понятии всякого жизненное событие — только категория. Вот почему Гамлета человека объяснить нелегко, почти невозможно, а Гамлет как тип так прост и понятен.

Тургенев соблазнился простотой и ясностью положительных теорий — и всячески старался в своих произведениях по возможности давать читателям отчетливые и определенные суждения. Так например в заключении «Рудина» — он сам на себя берет роль литературного критика и устами Лежнева объясняет нам «общественное» значение героя неудачника. Из Рудина, разумеется, ничего не может «выйти», он промучается всю жизнь свою в нищете и потом умрет, как собака под забором, — и перед смертью ему не о чем будет вспомнить, кроме ряда постыдных и горьких, унижительных обид. Но это «ничего». Все-таки в общем он был полезен людям, а раз так, все уже понятно, и требовать дальнейших объяснений не имеет смысла. Когда-то, правда, Наталья, идеальная Тургеневская девушка, в которой Рудин пробудил мысль, прогнала его за то, что в решительную минуту полезный герой не проявил достаточно смелости. Потом мать Наталья вытолкала его, потом Волынецов и сам Лежнев почти выгнали беднягу... Сам он говорит, что «испортил свою жизнь», но Лежнев, т. е. Тургенев, не умеет прислушиваться к таким словам. «Молчи», прерывает его Лежнев. «Каждый остается тем, чем сделала его природа, и больше требовать нельзя. Ты назвал себя Вечным Жидом... А почему ты знаешь, может быть тебе и следует так вечно странствовать, может ты исполняешь этим высшее, для тебя самого неизвестное назначение. Всенародная мудрость гласит недаром, что все мы под Богом ходим»...

Народная мудрость?! Верит в нее увалень Лежнев, верит в нее Тургенев? Разумеется нет, — мы опять встречаемся здесь с «миросозерцанием». Тургенев считает своей обязанностью утешить и успокоить читателя, и так как настоящего средства у него нет, то он не брезгает прибегнуть и к бабушкиному нашептыванию. Прямо оборвать рассказ на полуслове, сказать резко и честно: я не знаю, и соответственно этому, обречь себя на все последствия безутешности — исключая возможность какого бы то ни было миросозерцания — этого Тургенев не хочет и не смеет сделать пред лицом европейской науки, однажды и навсегда отвергнувшей всякого рода незаконченности. Нужно закруглить, оформить во что бы то ни стало, — хотя бы ложью, хотя бы незначущей фразой... И, чтобы было еще прочней, нужно проводить Рудина сочувствующим взглядом:

«Рудин быстро вышел. Лежнев долго ходил взад и вперед по комнате, остановился перед окном, подумал, промолвил вполголоса «бедняга» и, сев за стол, начал писать письмо своей жене. А на дворе поднялся ветер и завыл зловещим завыванием, тяжело и злобно ударяясь в звенящие стекла. Наступила долгая осенняя ночь. Хорошо тому, кто в такие ночи сидит под кровом дома, у кого есть теплый уголок... И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам».

Совсем как у европейца Диккенса или как у Виктора Гюго! Рудин погибший, безвозвратно погибший человек, и кроме слова «бедняга» и рассуждений на тему о принесенной им «пользе» ничего о нем сказать нельзя. Но в таком случае, не лучше ли было бы совсем молчать о нем? И не прав ли был Рудин, когда он отверг гуманное предложение.

Самая важная заслуга писателя, мы считаем, — не уметь заканчивать, а иметь смелость, вопреки привычным требованиям, откровенно представить свои мысли отрывистыми и незаконченными. Правда, он вызовет горькие сетования со стороны тех, кому нужно непременно иметь конец — есть готовые великие философские системы — в достаточном количестве и разнообразии, на всякий вкус... (Повторяю) ...достаточно великих философских систем, стройных, последовательных, точно языком облизованных, приводящих к определенному и ясному «концу»...

Но нужно «мировоззрение», — и там, где не хватает знаний, на их место подсовывают «убеждения»; причем постепенно происхождение «убеждений» забывается, и они начинают выступать в роли не допускающих сомнения истин. В них нужно верить — а кто не умеет или не хочет в них верить, считается врагом человеческого рода, ибо убеждения находятся под защитой давно уже объявленной неприкосновенной морали. Тут получается заколдованный круг: с одной стороны существующие мировоззрения в общем все имеют своим источником «моральные» потребности общества, с другой стороны характер нашей морали определяется нашим мировоззрением.

Пусть бы лучше — Лиза, Лаврецкий, Рудин, Веретьев — весь легион Тургеневских лишних людей так бы и остались бродить по земле в качестве вечно страждущих и не находящихся покоя теней. Правда, они бы смущали и наш покой, и сеяли бы

в умах людей вечные сомнения. Но разве не пора уже взрыть убитое и утоптанное поле современной мысли? Этого больше всего оберегаются. Единственным источником современного мировоззрения в конце концов является «боязнь». Это и выразил Тургенев в своей знаменитой и действительно замечательной речи «Гамлет и Дон-Кихот».

Тургенев, как настоящий европеец, слишком заботливо оберегал сегодняшний день, слишком реально его чувствовал, и потому все прошлые и будущие дни обращались для него в фикцию. Он все больше и больше суживал поле своей мысли. Благодаря этому он становился понятнее и занимательнее для своих современников и выросал в их глазах. Людям занимающие их дела всегда кажутся особенно важными и значительными.

Казалось, что ни одно общественное явление не ускользнуло от внимания Тургенева. На все он умел откликаться. У него есть и Рудин, представитель 40-х годов, и Базаров — 60-х, и герои «Нови», характеризующие собою 70-ые годы. Все эти произведения привлекали к себе надолго общественное внимание и возбуждали бесконечное количество самых шумных споров. Какая тревога поднялась из-за «Отцов и детей!» Не было в России ни одного человека, который бы в том или ином смысле не принял бы близко к сердцу дела Базарова. «Новь» подала бы повод к не менее оживленному, если бы о ее героях можно было говорить свободно. Но и в «Рудине» и в «Отцах и детях» и в «Нови» Тургенев смотрит на описываемых людей и события с «точки зрения» европейского образования, т. е. полезны они или не полезны для культуры.

Даже Базаров...

Никто не станет оспаривать, что Тургенев был одним из образованнейших и культурнейших русских писателей.

Больше половины своей жизни он провел за границей и впитал в себя все, что только могло дать западное просвещение. Он не только читал европейские книги, он собственными глазами наблюдал европейские события, он был своим человеком в кругу выдающихся людей Европы, — наряду с именами Золя, Флобера, Тэна, братьев Гонкуров, Мопассана, Ренана., даже в Париже в свое время называли и имя Тургенева.

Он сам высоко ценил свою культурность. Он подбирал в своем словаре самые сильные и самые красивые слова, чтобы из них составить торжественный гимн европейской культуре. Все,

что есть у нас скверного, — это от недостатка знания. Хорошего можно ждать только от распространения знаний.

Пока он касался общественных и экономических вопросов, его западничество казалось вполне понятным. Ничего дурного не может произойти от того, что наш мужик бросит соху и начнет пахать плугом, или что в нашей деревне заведут школы грамотности. Но этого Тургеневу было мало. Ему хотелось все решительно проявления русского духа втиснуть в уже созданные Европой и ставшие для него самого столь привычными, как бы самой природой созданные, рамки — по крайней мере он говорил, что ему этого хотелось.

Сначала европейский плуг и европейские школы, а затем также и европейская философия, европейское мирозерцание, во всей его стройности и законченности. И как это ни странно, он готов был стеснить свободу мысли даже самых замечательных русских людей. Все что не хотело подчиниться выработанным Европой традициям, казалось Тургеневу бесплодным толчением воды в ступе. Можно идти за Европой, вместе с Европой, но отнюдь нельзя думать, что может быть иной Рим, кроме того, который указан нам нашими учителями.

Особенно беспокоили Тургенева бурные и нервные опыты гр. Л. Толстого, которые он считал заранее осужденными на безрезультатность. Ему хотелось верить в существование единой всепасающей истины, а Толстой глядел на Европу так недоверчиво и своими скептическими суждениями расстраивал гармонию законченного мировоззрения. Тургеневу казались непонятными, бессцельными попытки Толстого сбросить с себя европейское ярмо, к которому он сам, незаметно для себя, приспособился в течение своей долгой жизни за границей, так же как и все европейцы.

К нам наука явилась вдруг, когда мы еще были неумелыми дикарями, а она чувствовала себя вполне вооруженной и, сразу став в позицию укротительницы, потребовала себе покорности. В Европе же она действовала хитро и исподволь, — у нее было достаточно времени, она действовала путем, так сказать, постепенной прививки. Она сперва подготовила культурных людей и только затем рискнула объявить культуру и ее права священными. Оттого-то на Западе слышится меньше протестов против науки, чем у нас, где лучшие писатели считали важнейшей задачей своей жизни воевать с европейской культурой. Сам Тургенев, как мы увидим, под конец жизни оказался недостаточным европейцем, в последних своих произведениях он отвернулся от своей святыхни.

Литература и жизнь

Д. БОБЫШЕВ

МЕДИТАЦИИ

о. Александру Меню

1.

Покатой глубиной утолена,
медлительно скользит голубизна
и в бездне опрокинутой витает;
питает и таит она одна
и слёзный, и глазной хрусталик.

Но вспыхивает грань,
голубишной наполненная всклянь
до искристого перелива,
и взгляд в голубизну летит счастливо.

И видится прозрачный взлёт
в бесчисленные полосы высот,
в зенит, к живым высотам,
туда, в лазурь, блаженную, как мёд,
где мысль медовая свеченье льёт
и льнёт к небесным сотам.

А за размытой бирюзой
и взгляд, и мысль, повитые слезой
от незаметных цветowych увечий,
целительные вызывая встречи,
в упор касаются Ресниц
и — взором проникаются Зениц,
и — Мыслью — неземной, не человечесьей...

Июнь 74

2.

Воздушное струенье
и восходящий ток
вдруг вывернули зренье
под лобный потолок,

где, стиснутое в толщу,
отбросило оно
пронзительную точку
подзорное зерно.

И в разуме громоздком
тот высветило толк,
что любованье мозгом
есть первый завиток,

есть вольт самопознания,
залёт в открытый храм,
и — в самое зиянье,
сияющее там...

Так, воспарив, извивы,
сдуваемые вбок,
сквозь листиков оливы
увидел голубок,

до края окоёма
катающуюся течь,
что тяжестью влекома
в излучинах залечь.

По вечной сердцеvine
и вдоль изнанки век
мой замысел и выверт
сквозил навывлет вверх,

где сдавленные ткани
и веющая высь
свернулись завитками
в одну и ту же мысль,

что мы с тобой на память,
вселенная-близнец
живыми черепами
срослись в один венец,

в один блаженный ужас.
Напружась, ум свивал
цветущую окружность,
где центром — идеал.

Да, так наименован,
с тем словом и возник
всем оболочкам новым
образчик и родник, —
самоначало смысла!
Сосок его роста
не в лепесток развился —
в идею лепестка.

В себя же и нацелясь:
исчезнуть, облачась, —
нагая эта целость
отслаивала часть

за частью. И вставала,
спелёнута в постель
в листы, в напластованья
спиральных лопастей, —

Мистическая Роза, —
вместилище и кров
для трепетно и розно
развёрнутых краёв.

Край мозга и пространство
окаинных крутиз,
свирепа и прекрасна,
пронизывает жизнь.

Меж уголков и складок,
среди тенет, где нет
ни тени, — дик и сладок,
всё пронизает свет.

Весь мир светло и страшно,
проскакивает дар —
божественные брашна:
амврозия, нектар...

...Душа, роток открытый,
росу небесных сот
с благословенной сытой
из вечности сосёт!

Сентябрь 74

3.

Не отрицаю: знаю, — не достоин...
А сердце льётся в тихую зарю,
и плавлюсь я, говею и горю,
среди кристально-ясного настоя
страданье вызываю золотое,
и ужасаюсь, и благодарю.

Да, в центре, у каёмки на краю
страшит зрачок, сведённый, окаинный,
впуская мириады, океаны
Твоих сверканий, Свете мой Царю,
и я зарю за цвет благодарю,
за раны в созерцаемом сияньи.

За то, что изумительно слиянны
и зло, и благо; что каратом гвоздь
в незримую зиждательную Горсть
и — далее — в мои проник изъяны;
что муку вижу я как бы из ямы,
но высвечен до сердца и насквозь.

И вдоль извоев зренья, толщу свойств
пронизывая скрытыми путями,
нисходит луч светящимся питаньем
в глубины глаза, до животных звёзд
и тканых средостений — вперехлёт,
единым пульсом пусть бы трепетали

с зарёй, ломимую прозрачным испытаньем!
Стопами сокровенными зари
от крестных единений изнутри
из полуклетки в полуслово прорастая,
блистая, занялась в груди живая Тайна,
открыто-золотая: ведай, зри!

И, зренье новое беря в поводыри,
лети изломами целебного простора
туда, где молодая вечность свет простёрла.
Там, Душе Всеблагий, благое сотвори:
возьми частицей в тело чистое зари!
Смели мои слова в молчание простое,
смети всю тишину в пустые словари,
и да раскроются ребристые устои...
Уста серебряные... Слово золотое...

Март 75

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Из Узла II, « Октябрь Шестнадцатого »

63'

(Государственная Дума, 1 ноября)

В Таврическом дворце, в Белом зале, заполненном восходящими полукругами кожаных кресел с пюпитрами, под стеклянным потолком, собрались на открытие сессии четыре с половиной сотни депутатов Государственной Думы. В глубине на балкончиках меж коринфскими полуколоннами важно расселись дипломаты союзных стран, левые и правые хоры были забиты публикой, сострастной к своим, в двух передних углах переполнены невысокие ложи прессы, а в ложе министров по правую руку от кафедры сидел с несколькими коллегами и сам Штюмер — с длинной как прикладной бородой. О нём знали, впрочем, что он тотчас же после открытия уедет под предлогом молебна в Государственный Совет.

На центральный двувысокий помост президиума в сопровождении своих двух Товарищей взойшёл Председатель — дородный, дюжий, избывающее земляное здоровье своё обративший не к земле же, не волов воротить, но паж, кавалергард, камергер, раздобрив и разрыхлив тело во многих председательствах, предводительствах, попечительствах, а вот и глава всенародного представительства. На самый почётный помост России, ещё своим ростом заметно увьшая сто, он взойшёл, видя каждое своё движение со стороны и сознавая его значительность для отечества. Крупный звонок взял крупною лапой.

И утихали перед ним сектора фракций — узкий левый, многочелюдный кадетский, поредевший октябристский с недосаженными верхними креслами, прогрессисты, националисты русские, националисты окраин и правые.

Знал за собою Родзянко редкий по зычности голос, свободно заливающий этот зал, а хоть бы и четверо больший. Ещё кроме голоса в речи открытия должна звучать историчность — и её он тоже выразит легко.

Но сегодня был даже не просто день открытия годичной сессии: внизу под председателем тигрино напрягся Прогрессивный Блок, до прыжка оставался час или два, а тайна прыжка уже расплзлась, уже знали журналисты, тоже напрягшиеся, и публика, и испуганная стайка министров с расчётом вовремя улизнуть через непритворенную дверь (из ложи министров есть и тайный звонок

Эта глава относится к роду обзорных глав (*), содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц.

тревоги к страже). И даже знала царица в Царском Селе. И вся Земская и Городская Россия уже выпустила свои обращения, что наступил решительный час. И уж не менее всех знал тайну сам Председатель, достаточно посвящённый в планы Блока. Сейчас, на высоте, стоял он монументом, выше его, за его головой — лишь портрет государя (ещё в два родзянковских роста, вытянутый, со снятою фуражкой), но одно неверное слово — и Председатель может сверзиться под когти набгающих. А иное неверное слово — и его постигнут тут, наверху, и раздерут, и стащат вниз.

За последнее время **Родзянко** уже предупреждал лидеров Блока: идёт глухая травля на Думу в лице её председателя. Чтобы упал общий дух. Я могу жестоко оборваться в предстоящей речи на открытии сессий. Но и стесняться тоже не намерен. Могу быть жестоко оборван благодаря влиянию известных лиц, и моё дальнейшее *пробывание* станет невозможным. Тогда я буду апеллировать к Думе.

Обещали поддержать. Однако поддержка Блока — это не всё. Ведь положение Председателя Государственной Думы — несравненно, оно даже уникальнее, чем пост председателя совета министров, ибо тех сменяют чаще. Если смотреть в суть вопроса, Председатель Государственной Думы — второе лицо в России после государя. Он есть — посредник между царём и представителями народа, опора равновесия между монархом и Думой. Чтобы сохранить это выдающееся положение, надо ему же заботиться сохранять: и монархию в её величии, и Думу в её страстности. Он вынужден делать личные внушения и предупреждения также и государю. В его частых докладах у государя — необыкновенная смелость, он очень влияет на монарха — но всё же так, чтоб и своя великая миссия не пострадала. И как ни сердится иногда на государя — но сдерживает себя, щадя обоих. А впрочем, если завтра всё-таки наступит чудо, и будет создаваться *министерство доверия*... По последним планам Блока Родзянко даже не входит в тот кабинет! — Миллюков ему специально это разъяснял. Но Родзянко несколько тому не покорился, ибо сознавал себя фигурой зримо крупней Миллюкова, главным представителем всех народных представителей, как бы персонафицированной Россией, — и ничья другая фигура так не подходила тоже и к премьерскому посту, как Родзянко. Да об этом и слухи ходят (как и намечали в 15-м году). Об этом и великие князья говорят... А для того опять-таки надо — всеми силами укреплять свою независимость от Блока. Своё особое положение — между Блоком и Троном.

Родзянко — Господа члены Государственной Думы! Мы приступаем к нашим занятиям после большого, скажу — слишком длительного их перерыва.
(Укол правительству. *Рукоплекскания. «Браво! Верно!»*)

Первейшая обязанность Государственной Думы — немедленное устранение того (*слева: «Не-того, а-кого!»*), что мешает стране достигнуть единой намеченной цели.

Уже в одну сторону поддал достаточно. Теперь — в другую, нечто прочное, чтобы Дума не развалилась, не отпала от государственной власти. И — заливающим, беспрекословным басом:

Тяжёлым гнѐтом налегла на нашу родину эта кошмарная война. Она должна быть выиграна, чего бы это стране ни стоило! (*Бурные продолжительные рукоплекскания, кроме крайних левых.*) Этого требует народная честь и народная совесть; этого повелительно требует благо грядущих поколений. (*Бурные рукоплекскания. «Верно! Браво!»*) Мы удивили мир своим единодушием и силою сопротивления. Какие же пути ведут нас к цели? Спокойствие внутри страны, твёрдость духа в испытаниях и *твёрдо сказанная правда* здесь, в этих стенах. (*Бурные рукоплекскания.*) Правительство должно узнать от вас, что нужно для страны. (*Голос слева: «Уйти ему!»*)

Ступать уверенно, а балансировать осторожно.

В часы борьбы и напряжения народных сил нельзя гасить народный дух ненужными стеснениями. (*Рукоплекскания в центре и слева.*) Правительство не может идти путём, отдельным от народа, но, *сильное доверием страны*, —

Очень тонкое место. Родзянко не сказал, что это правительство идет путём, отдельным от народа, или не имеет доверия Думы, но слился с Думою в жажде правительства, которое должно возглавить общественные силы, идти в согласии с народными стремлениями, стезёю победы над врагом. (*Голоса слева: «Долой их! Пусть уйдёт правительство!»*)

Осторожно! Теперь обратный наклон:

Внутри себя страна не будет смутой помогать врагу.

Торжественная фраза, так и тянет на стих. И — силою баса, как двигая полк в наступление:

Святая Русь! Никто тебя не сломит!

Ты устоишь пред бурей как грозная скала.

Ну и, собственно, все бездны пройдены. А теперь уже, по прочному ритуальному мосту, — вверх перед собою, через зал, шлёт Родзянко приветствия дипломатам

семьи народов, воюющих вместе с нами во имя высоких принципов... И примкнувшему союзнику, доблестному румынскому народу!

А вся Дума и так уже встаёт, оборачивается, и кадеты кричат:

Да здравствует Англия, ура!

Особенно Англия принято чествовать у кадетов и особенно приветствуют сэра Джорджа Бьюкенена — в пику немцу Штюрмеру, который, по их мнению, недостаточно почтителен с Англией и недостаточно ей благодарен. На это намекает и **Родзянко**:

Нет ухищрений, которых враг не пускал бы с коварною целью расшатать и опрокинуть наш союз. Но напрасны вражеские козни. Россия не предаст своих друзей (*общие рукоплекскания*) и с презрением отвергнет всякую мысль о сепаратном мире!

Это — особенно выигрышное место: и — верноподанно, и на вкус Думы, как будто против Штюрмера.

Мы узнаём тебя, храбрый серый воин, в душевной простоте не ожидающего ни выгод, ни наград... С вами, неустрашимые борцы, наши молитвы!

Всё пройдено благополучно, вступительная речь окончена. Теперь ещё такой жест: послать приветствие Государю Императору, заверить его, что Дума... А чтоб не вспыхнули протесты — мол, не хотим государю! — такая извилина:

Послать привет доблестным армии и флоту *в лице* их Верховного Вождя — Государя Императора!

Никто не поспорит. Единодушно. (Только голоса слева: *Штюрмера—вон! Стыдно присутствовать!*)

Действительно, под такие крики премьер-министру тут не сидеться. Да он и сам уже уходит, эти крики лишь мешают правительству выйти из зала достойно и прилично.

Теперь до всех дел деликатно выдвинуть внеочередным оратором — поляка. Ведь ещё летом 1914 русский Верховный Главнокомандующий в неточных выражениях обещал полякам заветную национальную судьбу, хоть и под скипетром русского Царя. Потом разочли, что с тем торопиться нечего. В прошлом же году Польшу отдали Вильгельму, и упущено было объявить. Ныне, ещё год спустя, независимость Польши провозгласили немцы — да скорей-то всего, чтобы поляков мобилизовать в свою армию. И вот депутат от польского коло заявляет, что

польский народ не согласится на немецкое решение, которое противоречит его стремлениям.

Мол, из немецких рук, без польского моря и без Галиции, Польша независимой стать не хочет.

Далее естественно выпустить на кафедру и декларацию Прогрессивного Блока. (Марков 2-й: *«Прогрессивный Блок без прогрессивистов!» Смех.*) Да, решительные прогрессисты откололись, увы. И сама декларация в бесконечных согласованиях как полиняла! где тот первый грозный воинственный проскт Милюкова? Декларацию скучно ровно читает Шидловский:

Ещё год назад... о бессилии правительства, не опирающегося... Единодушное желание всей Думы о суде над Сукомлиновым до сих пор не исполнено. (Бурные рукоплескания, кроме крайних правых. — *«Изменники покрывают изменников!» «Не позволяет Распутин!»*)

Недоверие к власти сменилось чувством, близким к негодованию. Население готово верить самым чудовищным слухам. Правительство всячески отстраняло общественность... Ничем не заслуженная обида... Цензура занимается охраной несуществующего престижа власти... Растрачивается драгоценное доверие союзников... Горячее сочувствие великому английскому народу (рукоплескания). Правительство в нынешнем составе не способно справиться с опасностью. Лица, дальнейшее пребывание которых во главе... уступить место лицам, которые... Опираются на большинство Государственной Думы и проводить в жизнь его программу.

Умеренным тоном прочтена декларация, стены Таврического не сотряслись. Но кто же следом за декларацией, чтобы сбить её и превысить? кого невидимыми иглами вечно колот снизу депутатское кресло? кто полагает в говорении с трибуны весь смысл деятельности своей? кто посылает самую первую записку, и урывает очередь, и вот уже вызван, и вот уже мимо стенографисток семнит, неряшлив, не молод, а как подвиген? Достиг высоты —

Чхеидзе (с-д) — Конечно, мне придётся повторяться, но, господа, кто ж не повторяется по вопросу о войне. Воспроизведу и я несколько мыслей, которые мы высказывали и раньше. Всемирная война вызвана материалистическим соперничеством великих держав. Объективные интересы... Противоречия капиталистического строя...

Для Чхеидзе России вообще сроду не было, у Чхеидзе — порхающая лёгкость мелкой фракции, ни на что не влияющей, ни за что не ответственной, но имеющей законный ораторский час. А для чего ж ещё Дума? — вот именно для того, чтобы по часу и по часу заставлять выслушивать себя. В комиссиях работать не надо, сидеть изучать думские материалы не надо, а говорить — пожалуйте, насколько не отвечая за выводы, куда не ведя собрания.

Не разрешение старых национальных проблем, а их осложнение, не оставление гнёта милитаризма и диктатуры реакционных классов, а их укрепление... Подчинение капиталистической олигархии... Депутат Милюков говорил, что всё лежит на совести Германии, но от фактов не уйдёшь. А какое освобождение, господа, вы принесли Галиции, когда были победителями? Господа, положи руку на сердце, могли бы я на каком-либо основании утешать грузин относительно тех благ, которые эта нация может ожидать от войны? А что сказать, господа, об украинском вопросе? А отношение к униатскому митрополиту?.. А в Финляндии?.. А Польша?..

Дикция у Чхеидзе неясная, гортанный клёкот, но ему самому это не мешает, не сдерживает разлёта речи. В отведенный ему час, он — самый первый и сильный в Думе человек и бесстрашно размалчивает всех этих поменчиков, капиталистов и финансистов, от монархистов до прогрессистов, не упуская огрызаться и на кадетов. И все тратят по часу свежей головы, выслушивая:

Вы повторяете, что война создаёт условия для сплочения, для объединения — но к чему это единение свелось? И как обстоит единение у вас в Блоке? (Милюков: *«Штюрмер вас поблагодарит.»*) Единение между помещиками и крестьянами? Единение между трудом и капиталом? к милитаризации труда? А как обстоит с лозунгом всеобщего разоружения? (Смех). Мы требуем, господа, ликвидации этой ужасной войны, мы требуем м и р а! Но — не мира, заключённого безответственными дипломатами, никогда! От имени российской социал-демократии, от имени всероссийского пролетариата мы требуем мира, который... координацией сил европейской демократии... без насильственных присоединений!

(И напрасно ведь тянется! Ленин скажет: революционер-шовинист, революции хочет не для развала России. А Шляпников: бо- ровшиеся пролетарии России не напали в речи Чхеидзе ничего руководящего, не падали революционного напряжения, которым дышал рабочий класс.)

Регламент держит Чхеидзе, как воздух птицу. Вся Дума, ли- шённая социал-демократического образования, вынуждена внимать поучениям крайнего оратора. И нет стеснения полёту крыл. Но тактика заставляет Чхеидзе всё же снискаться и вдруг сомкнуться с Блоком:

Конечно, для такой борьбы нужна большая осмотритель- ность и предусмотрительность. (Справа: «Ума побольше!») Но есть препятствие, которое мы должны устранить в первую голову — это, господа, правительство, в руках которого судьба нашей страны.

Однако, соединясь с большинством Думы, пламенный публи- цист, недоученик кутаисской гимназии, харьковского ветеринарно- го, годичный вольнослушатель одесского университета, тут же и жалост презирающе эту трусливо-классовую Думу, и в учительном тоне объясняет ей и выговаривает:

В этом отношении вы, господа, долго себя обманывали, или сознательно делали вид, что не понимаете. Можете ли вы сказать, что и у вас эта мысль созрела? Как будто выходит, что эту мысль разделяете и вы, но способные ли вы, господа, на какие-нибудь репетительные шаги, чтобы совместно с нами выполнить эту первую очередную зада- чу?.. Мы знаем ваш темперамент и темп действий и не зовём на большее, чем законные средства борьбы. Но у вас не хватило смелости, это ваша обыкновенная черта: собраться *сишцу в море жечь*, но это кончается плачев- ным финалом.

Голова оратора и среднего-то ростом приходится лишь чуть выше председательской кафедры. А Чхеидзе и вовсе утоплен где-то ниже. Очень крикливо, но не этого выступления опасается вели- чественный Председатель, кто ж обращает внимание на Чхеидзе? И когда выскочит Керенский с обязательным спектаклем — это тоже будет не самый главный скандал. Но видит Родзянко, что по списку ораторов неуклонно приближается Милоков, а его речь уже известна тесному кругу думцев, и Председатель сам вчера отговаривал Милокова от этих мест, затрагивающих лиц августей- ших. Однако, тщетно. Однако и председательствовать во время такой речи двояко-гибельно: прервать или возразить — значит, погу- бить себя в глазах всей левой части Думы и неизбежно потерпеть поражение на выборах Председателя, имеющих быть послезавтра; остаться безучастным — окончательно погубить себя в глазах царской семьи.

Но как же расстаться с должностью, столь приращённой к человеку, что никто уже и в воображении не может их разор- вать? Если на председательском месте будет не Родзянко, то и Ду- ма — уже как будто не Дума, и Россия — не та Россия. Также и сам

он, не выбранный, — кто он и что? Отделённый от России уже не столи, но пасынок её. Да что там,

это звание есть священный культ — честь, доступная лишь немногим счастливым смертным в нашей земной жизни. А вот — простая уловка: пошептавшись со своим Товарищем, простодушным Варун-Секретом, на почётном месте выставив его вместо себя, тучный Родзянко, беззвучно ступая, всем видом пока- зывая, что это — не надолго, но уж приходится, увы, в такой торжественный день, — покидает зал.

(Накануне заседания я простудился, чувствовал себя не- важно, с трудом закончил свою речь — и тотчас передал председательство.

Но — вот неожиданность!

Этот маловажный факт оказался чреват последствиями!) Теперь Левашов, — заявление фракции правых, скучно напи- сано, серо читается. Зал не хвалит и не возражает.

Наше отечество переполняют выходцы из Германии, за- владевшие лучшими землями, всей нашей торговлей и про- мышленностью... Имеют полную возможность сообщать на- шим лютым врагам сведения о... Портить мосты, взрывать склады, вызывать искусственно народные смуты. Большин- ство Государственной Думы систематически уклоняется об- судить вопрос о борьбе с немецким засилием.

Хищническая спекуляция появившихся повсюду маро- доров тыла, банков и акционерных обществ. Мы, правые, более года назад... Государственная Дума ограничилась... Также и правительство не проявило...

Лишь под конец — касаясь нерва:

Мы осуждаем тех, кто промахи правительства стремит- ся использовать для захвата власти в свои руки при громких словах о служении родине. Мы отвергаем обвинение, что правительство подавляет так называемую общественность. Ошибки правительства совсем в другом: в отсутствии твёр- дой власти, боязни крутых мер. Правительство повинно скорее в желании всем угодить.

(В 1916 это никак не кажется очевидным, ещё надо долго пожить, чтобы сравнить.)

Если на пукды Земского и Городского союзов отпущены сотни миллионов казённых денег, ради этой работы десятки тысяч людей освобождены от воинской повинности — мож- но ли говорить, что правительство препятствует деятель- ности этих организаций?

(Сколько отпущено — 550 миллионов казённых при 10 мил- лионах собранных — никто и не знает, потому что вся свободная либеральная многочисленная печать единодушно отказалась эти не- выгодные сведения печатать.)

Мы призываем прекратить пагубную борьбу за власть или по крайней мере отложить её до конца войны.

Но Дума не хочет такого слышать — и не слышит.

А вот — подошло и Керенскому, еле дотомился. Всё, что было в заседании до сих пор — это скука, вот только теперь пацнётся!

Измученный своею неистовостью, своею особой сладкодрожной ответственностью перед русским обществом и перед Думой — 4-й Государственной, а своєю первой, зная за собой соединение и крайней политической смелости и высочайшего краспоречия, Керенский не упускает ни единой возможности выступить — в прениях, по запросам, по мотивам голосования, для объяснения своего поведения при выгоне из зала, — кажется, едва сбежавши с кафедры, он тут же записывается вновь, и вот дождался, и снова взбегает, взлетает туда же, легконогий, затянутый в талии, нарядный на циппök. (*Справа кричат: «Шафер!» «Пусть расскажет, как он был шафером!»*) Ах, до этого ли, ах, не об этом, когда выются, выются выражения, одно красивее другого, и никакого нет затруднения в языке, изо рта их выпускать втрое быстрее, чем любой оратор в этом зале:

Керенский — Кровавый вихрь, в который по почину командующих классов вовлечена демократия Европы, должен быть окончен! Но, господа, как мы можем подготовку мира, которого жаждет демократия, предоставить тем людям, которые планомерно разрушают организм государства? Разве прошлогодний страшный гром на Сане и у Варшавы заставил их

и с малым поворотом затянутого стана картинно откинул изящную руку направо назад, на опустевшую ложу министров,

опомниться и уйти с этих мест? Они быстро очнулись, и долгий год производились новые издательства над русским народом. Было сделано всё, чтоб уничтожить энтузиазм и бодрость.

Вот это слово — энтузиазм! энтузиазм! — особенно эффектно прокрикивает он даже в самом бешеном риторическом потоке. Да и с гектографических отпечатков будет очень эффектно читаться через несколько дней. Фракция Керенского, как и Чхеидзе, малочисленна, не влияет на думское голосование, зато вдвоём они проговаривают едва ли не четверть думского времени.

Господа! Правительство и з д е в а е т с я над охватившим всю страну требованием амнистии! За последний год создан режим *настоящего белого террора*! Все тюрьмы *переполнены* представителями трудящихся масс!

(А именно, политических — 7 тысяч, и то большей частью в ссылке, откуда только ленивый не бежит да кто не хочет в армию попасть.)

И разве это не сим-вол, что наши товарищи, члены Государственной Думы, социал-демократы, остаются на поселении в Туруханском крае, а Сухомлинов разгуливает по Петрограду? (*Слева: «Позор!»*)

Кто создал в России, житнице государств, разруху и дезорганизацию, когда городские массы принуждены выступать с криком «хлеба!», а им отвечают свинопсовыми пү-лями?!

Случай такой ни у кого не на памяти, но с трибуны всё идёт. Кто повинен, господа, что в стране всё больше и больше возникает настроение уныния и ужаса? Правительство в

своей деятельности руководствуется нащёптываниями и указаниями безответственных кругов, руководимых презренным Гришкой Распутиным!

Это имя называть запрещено, но Керенского — кто удержит? Э-мо-ци-о-нальный удар по нервам слушателей. Нарядный стройный шафер — на кулочки, белепькие мягенькие кулочки — с тёмным сопатым бородастым мужиком!

Неужели, господа, всё, что мы переживаем, не заставит нас единодушно сказать: главный и величайший враг страны — не на фронте! он находится между нами! и нет спасенья стране прежде, чем мы не заставим уйти тех, кто губит, презирает и издевается над страной?!!

А вот когда... а вот если бы когда-нибудь сам Александр Керенский... о, насколько иначе! о, какой яблоно-цветный вихрь! о, как иначе бы всё сразу пошло!

Скажите мне, господа! Если бы Россией в настоящее время управляли бы

Эта мысль, правда, не его, а Гучкова, она давно ходит, но отчего не повторить, если так легко слетает с уст?

агенты вражеских держав, — смогли ли бы они предложить своим слугам какую-нибудь иную программу создать анархию в России?

Министры не решаются придти сюда и с глазу на глаз объяснить с нами, потому что они сознают, что они делают! потому что они знают, какая буря негодования ожидает их! (*Рукоплескания слева.*) Свяжав великий народ по рукам и ногам и завязав ему глаза, они бросили его под ноги сильного врага, а сами, закрывшись аппаратом цензур и ссылкой, предпочитают исподтишка, как наёмные убийцы, наносить удар стране!!! (*Слева бурные рукоплескания.*)

Растерянный **Варун-Секрет**, степняк из-под Херсона:

— Член Думы Керенский, призываю вас...

Керенский — Где они, эти люди, всё пронзительнее указывая на пустые места правительства, он знает, что Милюков готовит сильный выпад, а надо — сильнее и опередить:

в предательстве подзреваемые братоубийцы и трусы? (*Слева — бурные рукоплескания, центр молчит, справа: «Что он говорит?» «Это недопустимо позволять!» «Позор!»*)

Варун — Член Думы Керенский, я вынужден вас предупредить, что за повторение...

А Керенскому и не надо повторения, он главное своё уже вывалил, по огонь и дым ещё выпыхивают:

Я не могу отсюда не сказать, что все попытки спасти страну бесплодны, пока власть в руках... Я утверждаю, что в настоящий момент нет большего врага, чем те, кто на высоте власти ведёт страну к гибели! Я утверждаю, что именно это должно быть сказано тем, кто платит податью крови и обнищанием... и которые правды знать не могут!

Мы должны сказать массе: прежде, чем заключать мир, достойный международной демократии, вы должны ун и ч т о ж и т ь тех, кто не сознаёт своего долга!!! Они третий раз тем же драматическим поворотом, пронзая ложу правительства адвокатскою дланью,

должны

уйти! Они являются предателями интересов...

Ай, беда: Родзянки всё нет и нет, а ведь выходил на минуту! А до законного полного часа ещё долго Керенскому, ещё натолкает ниспровержений царя земного и Царя Небесного. И напуганный неопытный **Варун-Секрет** звонит над змеяною головой оратора:

— Член Государственной Думы Керенский, я вас лишаю слова. Прошу оставить кафедру.

А тот — вдруг и не спорит, вдруг легко покорился. Как пузырь проколотый, вмиг опадает карающий оратор. Только что удержу не было его гневу, а вот, изящно отряхнувшись, и изогнувшись, с платочком из нагрудного кармана, под лобование балконных дам, одобрение левых и ярость правых он прогулочоно сходит по ступенькам. Милокова он обскакал, а больше сму ничего и не надо. Он исчерпал свои жесты и обвинения, а предложений и не было с ним, он так и рассчитывал, что его прервут и даже бы лучше — раньше.

Ну, кто же теперь с другой стороны? Кто же, равный, от правых, кинется в схватку? Э-э-э, таких у вас нет. Опять нудно, ровно, монотонно выходит читать с готовой бумаги заявление фракции русских националистов сухопарый камергер, отставной гвардейский гусар

Балашов — В сознании своей ответственности перед Россией и Престолом... Восторженно приветствует могучих и доблестных... К прискорбню, правительство не имеет плана действий... Постоянная смена лиц, издание непродуманных несвязанных мер... Благоприятное положение для мародерства... Но и законодательные учреждения, принявшие на себя ответственность по снабжению и продовольствию... Создана великой Румынии, дружественной славянству... Наивны и легкомысленны те, кто думают, что близок конец мировой войны. Доколе не будет достигнуто объединение всех древних русских земель и обладание проливами...

Мы призываем все классы к терпению, самопожертвованию и борьбе с роскошью. Мы верим, что результатом мировой борьбы... нравственное возрождение народа... торжество русской культуры...

Скучно, скучно. Но и должна же быть передышка перед взрывом. И досадно, что дергунчик Керенский самое звонкое уже выкрал и вызволил. Но это — право и привычка левых. Да не так важно, что сказано, важно — кем. Лидер парламентского большинства скажет и осторожней, но это умножится на его большинство, на весь Прогрессивный Блок. Лидер парламентского большинства (по западным меркам — непремный глава правительства!) и в прения записан не наудачу, а так, чтобы своим выступлением оглушительно закончить думский день. Уже приглашённый на кафедру, он

полукругло обходит стенографисток совсем не так, как депутат средней известности. Ещё не оглянувшись на зал, он знает, что нет рассеянных глаз, отвёрнутых в сторону, а все следят за его основательным затылком, широкой шеей, плотной спиной и ждут, что не с пустым он идёт, что каждый его восход на эту кафедру есть эпоха думской работы, есть шаг русской истории. (Так и пишет французская печать: великий лидер, кто в ближайшем будущем сыграет выдающуюся роль в своём отечестве.) Когда же он обернётся к залу седоватым хохолком, строгими простыми очками, не предвещаая мирных речей сильно распушёнными усами, а между тирадами, читаемыми с бумаги, подарит залу кое-что из лучших манер, с которыми не стыдно фигурировать и в европейской среде, — он видит, как думское большинство соединено и захвачено, а реакционный правый сектор дёргается от ярости.

Так — всегда. Но сегодня с особой задачей всходит за кафедру лидер партии Народной Свободы и лидер Прогрессивного Блока. Он — с марта по-настоящему не выступал, он целую думскую сессию пропустил в свроейской поездке. Да уже две сессии кряду прошли слишком мирно, в диссонанс со смелыми съездами Союзов; уже есть впечатление, что Дума теряет авторитет оттого, что конфликт её с правительством остановлен. Сколько мог, сам же Павел Николаевич благообразно и тормозил действия Блока, — но возросли долг и вина перед левыми, уже нельзя отстать от революционной общественности, пришёл момент дерзко эффектно взорвать там, где не удалось высидеть и сдвинуть. Без честного союза с левыми, без подпора слева либералы не могут существовать. И чем обиднее тянут левые на раскол, лишая кадетов живительного соединения с народом, тем согрятельнее должна быть сегодняшняя речь, чтоб и с левых скамей исторгнуть возгласы удовлетворения и устыдить отколовшихся прогрессистов.

(Дума отставала, общий барометр поднялся. Ждали *новой слова* с возраставшим истерическим. Его надо было сказать 1 ноября. Было ясно, что удар по Штюрмеру уже недостаточен, надо идти выше, не щадить источника, к которому слухи восходят. Я сознавал тот риск, которому подвергался, но считал необходимым с ним не считаться.)

И, поднимаясь на кафедру, он вносит с собой невидимую пудовую бомбу, ставит её пока у ног.

Милоков — С тяжёлым чувством я всхожу на эту трибуну.

С очень приятным, напротив. В двух Думах прочёл он уже полсотни речей по часу каждая — и с наслаждением. Той профессорской кафедры, которой лишили его в молодости, насколько же почётнее думская. Там ещё студенты будут ли твою лекцию записывать, а тут — вырвут у стенографисток, и через день в тысячах экземпляров в десятках поездов — по всей России. Умственным взором уже читаются завтрашние газеты: «Потрясающее впечатление произвела блестящая речь Милокова — одна из лучших его парламентских речей. С огромной силой он бросал в слушателей острые вопросы. Чувствовалось, что мы переживаем один из тех моментов, когда слово становится делом.» А когда-нибудь цитатами войдёт и в учебники русской истории. Итак:

Вы помните те обстоятельства, больше года назад... Страна требовала министерства из лиц с доверием... Под впечатлением наших военных неудач власть пошла тогда на уступки. Неправильные обществу министры были удалены, и было положено начало отдачи под суд бывшего военного министра. Какая, господа, разница теперь, на 27-м месяце войны! Скажу открыто: мы потеряли веру, что эта власть может нас привести к победе. Все союзные государства призвали в ряды власти самых лучших людей из всех партий.

(Такие же есть и у нас!..)

А наша власть опустилась даже ниже того уровня, на котором она стояла в нормальное время русской жизни. Не обращаясь к уму и знаниям власти, мы обращались к её патриотизму и добросовестности.

Такого, впрочем, никогда не было, но это — фигура.

А можем ли мы это сделать теперь? Господа, если бы германцы захотели употребить свои средства влияния и подкупа, чтоб дезорганизовать нашу страну, да опять же гучковская мысль, уже и перехваченная Керенским, но можно и Милюкову, уж очень ярко,

то ничего лучшего они не могли бы сделать, чем как поступало русское правительство. 13 июня

(на неделю позже, но профессор истории — не математик, вечно путает проклятые даты)

с этой кафедры я уже предупреждал, что «из края в край земли русской расплозятся тёмные слухи о предательстве и измене». А три дня назад заявили и председатели губернских земских управ: «Мучительное подозрение перешло в ясное сознание, что вражеская рука тайно влияет на ход государственных дел».

Друг на друга ссылаться — это ещё, конечно, не полное доказательство, однако — кровь леденит: вражеская рука тайно влияет!.. Ведь зря люди не скажут! Тёмные силы — грозны, сплочены, многолики, таинственны, нависли над Россией, а мы-то одурачены и отделились им!

Господа, я не хотел бы идти навстречу болезненной подозрительности, но как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка тёмных личностей руководит в личных низменных интересах важнейшими государственными делами?

И теперь уже председатели губернских управ могут смело ссылаться на Милюкова!..

Составляя эту речь, искал Милюков, как использовать свой заграничный опыт минувших месяцев и покрыть недостаток отечественного опыта за то же время. Нашёл он удобным, сильно действующим и тактически неуязвимым — цитировать иностранные газеты, которые в поездках прилежно читал, и передавать тамонские слухи.

У меня в руках — номер «Berliner Tageblatt». Сведения этой статьи отчасти запоздали, отчасти неверны... Вы можете спросить, кто такой Манасевич-Мануйлов? Недавно — личный секретарь министра иностранных дел Штюрмера!

Захватывающе! В России, говорите, с хлебом плохо? Сейчас лидер Блока раскрывает нам самый стержень русских страданий: Не скажу ничего нового, повторю то, что вы знаете: он был арестован за то, что взял взятку. А почему отпущен? Тоже не секрет: Он заявил следствию, что поделился взяткой с председателем Совета Министров Штюрмером! — и освобождён! (Рукоплескания, шум.)

В Думе иногда вызывали на дуэль за оскорбления, но — не Штюрмер же, Милюкову опасаться не приходится.

Вот когда затмены и Чхидзе и Керенский, не читающие иностранных газет!.. Правда, потом выяснится, что взятка была подстроенная, а сколько, от кого именно, по какому поводу — Павел Николаевич никогда не добьётся, и не делился Манасевич ни с кем, а тем более с председателем совета министров, ибо тут же арестован. Ну что ж, это были всё

(не прямые сведения, догадки: приходилось клеить мозаично, из отдельных фактов, часто мелких; юридически трудно формулировать обвинение, но в порядке бытового оно очень вероятно).

Однако, и кафедра ж эта — не университетская, где нужно описывать историю ровно такой, как она была. Перейдя из описателей истории в делателей её, отсюда надо крикнуть громче, чем позволяют факты, — чтобы стало зримо для общества и чтобы криком напугать врагов. Штюрмер должен быть убран, он всем ненавистен, а Милюкову ещё тем особенно, что бестактно, бездарно занял несвойственный себе пост министра иностранных дел.

Итак: чем же спасти Россию??

Итак, разрешите мне остановиться на назначении Штюрмера министром иностранных дел. Оно у меня сплетается с впечатлениями моей заграничной поездки. Я просто вам расскажу по порядку, что я узнавал по дороге туда и обратно.

Так и самому проще, по порядку, по дороге. И на государственном уровне. Да ведь и диспутатам интересно: за границу они не ездят, конфиденциально не беседуют в кабинетах наших послов в Париже и Лондоне.

Berliner Tageblatt: «Штюрмер принадлежит к кругам, которые смотрят на войну без особого воодушевления». Kölnische Zeitung: «Штюрмер не будет препятствовать возникающему в России желанию мира». Neue Freie Presse: «Как бы ни обрусел старик Штюрмер, всё же довольно странно, что иностранной политикой, которая вышла из панславистских идей, будет руководить немец. Он не обещал — господа, заметьте! — что без Константинополя и проливов никогда не заключит мира».

Откуда же берут германские газеты уверенность, что Штюрмер, исполняя желание правых, будет действовать про-

тив Англии? Из сведений русской печати. В московских газетах была напечатана в те же дни записка крайних правых,

голос оратора ожесточается, это — те самые тёмные силы, кто мешают свободе, победе и Англии,

опять, господа, записка крайних правых, всякий раз записка крайних правых (**Замысловский**: «И всякий раз это оказывается ложью!»), доставленная в Ставку в июле. В этой записке заявляется, что хотя и нужно бороться до окончательной победы, но нужно кончить войну своевременно, а иначе плоды победы будут потеряны вследствие революции. (**Замысловский**: «Подписи! Подписи!»)

Да не знает Милоков никаких подписей, он такой газеты не видел, но тут приходится правдоподобно клеить из мозаики, ибо это старая для наших германфилов тема.

Замысловский — Подписи! Пусть скажет подписи!

А несчастный **Варун** ещё и не понял, где ему опасность, он себе позвякивает:

— Член Думы **Замысловский**, прошу не говорить с места.

Милоков — Я цитирую московские газеты.

Какие газеты? за какое число? Отчего бы не сказать? Да ведь газет много, календарных чисел ещё больше, всего не пересмотришь, а Павел Николаевич был за границей, потом недосуг, вот Neue Freie Presse — пожалуйста, от 25 июля.

Замысловский — Клеветник, скажите подписи, не клевете!

Варун — Член Думы **Замысловский**, покорнейше прошу...

Замысловский — Дайте подписи, клеветник!

Варун — Член Думы... призываю вас...

Вишневецкий 1-й — Мы требуем подписи, пусть не клеветет!

Варун — Член Думы **Вишневецкий-первый**...

Вот прицепились с этими подписями! Ведь сидят же спокойно Прогрессивный Блок, сидят спокойно левые, никаких подписей не требуют, всё объективно. Большинство зала — против тёмных сил, и отступления уже нет, теперь вся уверенность — в твёрдости голоса. И, продвывая топырчатые усы:

Милоков — Я сказал вам свой источник — это московские газеты, из которых есть перепечатки в иностранных газетах...

Не сказать прямо — в газетах другой воюющей стороны, неудобно, но немцы-то, аккуратные люди, неужели же будут неправильно цитировать? Наверно, промелькнуло где-нибудь. Ну, может быть, не импено точно так. А в археологии как? необразованность! по каким-нибудь там безымянным черепкам восстанавливают, складывают...

Я передаю те впечатления, которые за границей... Я говорю, что мнение иностранного общества такое, что в Ставку доставлена записка крайних правых,

(и, как все документы Ставки, опубликованы в московских газетах) что нужно поскорее

кончить войну, иначе будет революция.

Замысловский — Клеветник, вот вы кто!

Марков 2-й — Он только сообщил заведомую неправду. голос слева — Допустимо ли это выражение с мест, господин Председательствующий?

Варун — Я повторяю, член Государственной Думы **Замы...**

Милоков — Я нечувствителен к выражениям господина **Замысловского**. (Голоса слева: «Браво!») А кто делает революцию? Оказывается, её делают Городской и Земский союзы? Военно-Промышленный Комитет? съезды либеральных...

Ведь вот же напраслина! вот придумают!.. От этой записки поскорее уйти:

Господа, вы знаете, что кроме приведенной записки существует целый ряд отдельных записок... Idée fixe: — революция, грядущая со стороны левых!

Ну, действительно, чего не придумают: революция — и вдруг со стороны левых! Да где это видано?

Идея-фикс, помешательство на которой обязательно для всякого члена Кабинета. И этой идеи-фикс приносится в жертву высокий национальный порыв и зачатки русской свободы!

Какое это увлекательное действие — говорение.

Продолжая своё путешествие... Доехав до Лондона и Парижа... Прочность доверия с союзниками... Соглашение о Константинополе и проливах... Когда министерством управлял Сазонов...

а на него влиял **Милоков**... И вдруг пост занимает — кто же? Не **Милоков**, а **Штюрмер**.

Какая может быть вера русским послам, когда за ними становится **Штюрмер**? В деликатном деле дипломатии есть кружевная работа и есть тонорное шитьё... Господа, я видел разрушение деликатнейших фи-бр... Вот что сделал господин **Штюрмер** — и может быть педаром он не обещал нам Константинополя и проливов!

Потом я поехал дальше, в Швейцарию, отдохнуть, а не заниматься политикой.

Читая думские отчёты, ведь как приятно будет узнать тем же русским солдатам-окопникам, что не остался без летних вакансий лидер партии Народной Свободы и даже заглянул погулять на швейцарские курорты. (А в рождественские каникулы собирается на свою милую дачку в Крым.) А в Швейцарии-то — наших революционных эмигрантов!.. Кое с кем и встречался.

Но и тут за мной тянулись те же тёмные тени. На берегах Женевского озера я не мог уйти от департамента полиции. Знаете, поручения особого рода, которые вызывают к себе наше особое внимание.

Так тайные сыщики ходили за Милоковым по пятам? Нет, они развлекались:

Чиновники департамента полиции оказываются посетителями салонов русских дам, известных своим германофильством,

а уже Милоков ходил по их пятам, жертвуя отдыхом.

Господа, я не буду называть вам *имени той дамы...*

Интригующе звучит, и даже роковой гораздо, чем если имя назвать. Одновременно и тонкий флёр — знать, он допущен к *дамам...* Однако, для конкретности:

той дамы, перешедшей от симпатии к австрийскому князю к симпатии к германскому барону...

Неизбежные личные подробности, женщины всегда притягивают их в политику... Когда сейчас в кулуарах обступят и будут чувствовать оратора, конечно будут жадно спрашивать...

Салон на Виа-Курва, а потом в Монрё был известен открытым германофильством хозяйки. Теперь эта дама переселилась в Петроград. Газеты упоминают её имя. Проездом через Париж я застал... Парижане были скандализованы, и я должен с сокрушением прибавить, что это — та самая дама, которая начала делать карьеру господина Штюрмера...

Такой тонкий дамский материал, что уже и правые не рычат, не кричат. А между тем как раз тут небольшие простительные ошибки. (Летом 1917 благодушно и честно признается Милоков:

Для меня впоследствии выяснилась невинность этой дамы, Е. К. Нарышкиной.

Тем более, что эта Нарышкина, Лили, совсем и не возвращалась в Петроград, а в Петрограде газеты упоминали совсем другую Нарышкину, Зизи, старушку-гофмейстерину, у которой чуть сердце не разорвалось от милоковской речи. Впоследствии Павел Николаевич разобрался. Но *тогда*, с думской трибуны, только тревожное подозрение, только жгучий слух мог толкнуть Историю — а какую политическую выгоду принесло бы добросовестное сомнение? Народные массы, вся Россия, весь мир ждали от Думы чего-нибудь такого-такого-этого...)

Что я хочу сказать этими указаниями? Господа, я не утверждаю, что я непременно напал на один из каналов общения. Но это — одно из звеньев... Чтобы открыть п у т и и с п о с о б ы ... Тут нужно судебное следствие...

Шутки-шутками, а ведь как напряжён зал! — никакую детективную пьесу не смотрят с таким захватывающим волнением. Кажется, вот уже, вот уже приоткрывается завеса над страшными тайнами! Да какой же пронзительный этот Милоков! Да ведь он намного больше знает, чем высказывает! И вот уже он называет не даму, но злое имя:

Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы ведь тоже не имели данных. Мы имсли то, что и теперь: инстинктивный голос *всей страны* и ее *субъективную уверенность!* (Рукоплекания.)

Боже мой! Мы тут сидим, или там гниём в окопах — а мы преданы! Россия — предана! Куда нас ведут?

(И о Сухомлинове скоро выяснится, и скажет Павел Николаевич в доверительной обстановке, когда его слова уже не будут делать политики:

Несоответствие с серьёзностью момента; не столько предательства, сколько полного рамолисмента, неспособности стать на высоту положения... Лично я был далёк от предположения, что тут что-нибудь другое, кроме простой глупости; предательство и измена — мне и в голову не приходило.)

Господа, я может быть не решился бы говорить о каждом отдельном из моих впечатлений, если бы не было совокупности... Переехав из Парижа в Лондон... Что с некоторых пор наши враги узнают наши сокровеннейшие секреты, и что этого не было во времена Сазонова. (*Взгляды слева: «Ага!»*) Пропу извинения, что сообщая о столь важном факте, я не могу назвать его источника.

(один союзный дипломат побоялся показать одному нашему послу одну бумажку).

Но тем страшней, что не называется: значит, самое сердце наших секретов передано Вильгельму!

Из декларации Блока «измену» вычеркнули — по ту же измену заталкивает Милоков сбежавшему из зала правительству — да как ловко! И вот подходит самое взрывное место речи. Но на всякий случай себя обезопасить:

Господа, не питая никакого личного подозрения, я не могу сказать, какую именно роль эта история сыграла в уже известной нам *прихожей*, через которую прошёл и Протопопов к министерскому креслу. (*Слева шум: «Великоленно! Это — Распутин!»*)

Да, это выразилось тонко и изящно. Но тут, друзья, не Распутиным пахнет! — ещё не представляли кричавшие всей силы милоковского взрыва. Вот приём: прочесть по-немецки! — бегло, с лёгкостью, лишь бы прочесть, хотя б и не поняли, лишь бы не прервали:

Это — та придворная партия, которая назначила и Штюрмера. Как пишет Neue Freie Presse: «Das ist der Sieg der Hofpartei, die sich um die junge Zarin gruppiert!»

Прошло-о! Остолбенелый Варун и не пошевелинулся. Да и в зале мало кто понял — неважно, лишь бы сказано, а переведётся в списках. Будут захлёбываться, передавая изустно:

придворная партия, сгруппированная *вокруг молодой императрицы!!!*

А прошло — так можно ещё ударить! И, как ни в чём не бывало, снова по-русски:

Во всяком случае, я имею *некоторые основания* думать, что предложения, сделанные в Стокгольме германским советником Протопопову, были повторены *более прямым путем* и из *более высокого источника*.

Думцы лбы протирают, ещё не поняли. Вот преимущество профессора перед полуграмотным Чхеидзе или банальным Керенским: какие гладкие фразы, ши за что не уцепишься, а в с ё сказано! Из более высокого источника — значит, не ниже германского министерства иностранных дел, и более прямым путем — значит прямо русскому правительству или даже царю!

И когда из уст британского посла... тяжеловесное обвинение против того же круга лиц...

переводите сами — круг молодой императрицы, подготовить путь к сепаратному миру...

Вот она, сила парламентского слова! — как там ни стянуто, ни сплетено, но едва произнесено — и уже стынет гранитным утёсом: императрица готовит сепаратный мир!!!

Никто не уследает ни сообразить, ни крикнуть, ни пикнуть: а — какие же, собственно, эти *некоторые основания*? Откуда вы, Павел Николаевич и сэр Джордж Бьюксен, заключаете, что...?

(Ну, когда-нибудь, когда-нибудь, Павел Николаевич объяснит добродушно:

Одно загадочное обстоятельство, которое мне так и не удалось выяснить. Мне как-то прислали американский журнал, в котором была статья «Мирные предложения, сделанные России». Портрет фон-Ягова, портрет Штюрмера, а в тексте излагалось содержание статьи швейцарского журнала *Berner Tagwacht*. Довольно правдоподобные пункты мирных переговоров, предложенных России. Как они попали в *Berner Tagwacht*, какие сведения у них есть, я так и не добрался. Официальных следов в русском министерстве иностранных дел не нашлось. Однако намёки были постоянные, так что может быть тут кое-что и было.)

(Да, б ы л о, конечно было: статья в *Berner Tagwacht*, подписанная К.Р.: Карлу Радеку не на что угля было купить, да и забавно.)

Ну, а раз намёки были — значит, лидер думской оппозиции имеет право обвинить русское правительство в и з м е н е!

Вот она, бомба, у ног приготовлена! Теперь её понемногу приподнимаю,

Да, господа, теперь вопрос о нашем законодательстве отодвинут на второй план.

Скучным делом законодательства Дума заниматься не станет.

С э т и м правительством мы не можем вести Россию к победе! (Слева: «Вер-рно!») Прежде мы пробовали доказывать, что нельзя вести войну внутри страны, если вы ведёте её на фронте. Теперь, кажется, все убедились, что обращаться к н и м с доказательствами бесполезно: страх перед народом слепит им глаза, и основной задачей становится поскорее кончить войну, хотя бы вничью, чтоб только отделиться от необходимости искать народную поддержку.

Да в кого бросать бомбу? — правительство сбежало, Родзянко сбежал, царь высоко и не придёт оправдываться. Слушай же, Россия!

Мы говорим этому правительству: мы будем бороться с вами

впрочем, осторожность не мешает:

всеми законными средствами, пока вы не уйдете! (Слева: «Пра-вильно!» «Вер-рно!»)

Прямо об измене Блок не разрешил, но на предварительных заседаниях Милоуков подхватил фразу: «либо круглые идиоты, либо изменники, выбирайте». И теперь, от плеча заносся:

И не всё ли равно для практического результата, швырнул! полстела!!!

имеем ли мы дело с глупостью или изменой? Когда власть сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию — взорвалась!!! —

— что это: ГЛУПОСТЬ или ИЗМЕНА? (Справа — гневный шум, крики, ломают топотры. В центре и слева — ликование.)

Ведь это кинул — не социалист, который за слова не отвечает, но лидер образованных состоятельных ответственных людей! Он — зря не скажет!

Когда на почве общего раздражения власти намеренно вызывают народные вспышки — потому что участие департамента полиции в заводских волнениях доказано — и там разбейся, столь же доказано, как предвещает всё: германцы под Ригой, а петроградская полиция по оборонным заводам распускает листовки на бунт — лишь бы спровоцировать мир?

— что это: г л у п о с т ь или и з м е н а? (Ликование и гнев.)

(А если через 40 лет и установят архивами, как и сейчас на глаз понятно простакую, что эти бунты всего нужнее немцам, а деньги у них есть и агенты есть, и методы такие приняты — ну ладно, пусть тогда понизят профессора в ранге, не сегодня!)

Вы спрашиваете: как же мы начинаем бороться во время войны? Да ведь, господа, только во время войны они и опасны. Поэтому во время войны и во имя войны мы с ними теперь и боремся! («Браво!» Рукоплескания.) Победа над злонамеренным правительством будет равносильна выигрышу всей кампании!! (Бурные продолжительные рукоплескания, кроме крайних правых.)

Да-да, аплодируйте, а я тихо сойду на место. Аплодируйте, но вы сами ещё не понимаете, какую речь вы слышали сегодня. За ней установится

репутация штормового сигнала к революции!

Газетам запретят её, но страна чутьём угадает смысл белых мест. Страна встрепенётся, пролетит

электрическая искра по ней от ваших речей в этой белой зале. До сих пор Россия бродила ощупью во тьме. Она теряла цель. Она начинала уставать. Страну окутывали призраки. И вот Государственная Дума дала стране луч света! И уже затеплилась надежда! И стала возрождаться воля.

Это из скромности говорится: «от ваших речей». Но не от речей же

правых. И не от пляски Чхеидзе и Керенского. А за вычетом — одна только речь.

Действительно, господа, моменты, подобные 1 ноября, не повторяются. Запомните дату: 1 ноября — это э р а!

И если я скажу:

Страна готова признать в вас своих *вождей*,
то, за вычетом, понимаете: признать вождем — меня.

А с правительством, после *измены*, больше не о чем говорить.

Итак, с парламентской трибуны открыто объявлено, что монарх этой страны — изменник и состоит в сговоре с воюющим врагом. Какая же карающая десница завтра упадет на голову клеветника?

А никакая.

Какой гром разразится над ней?

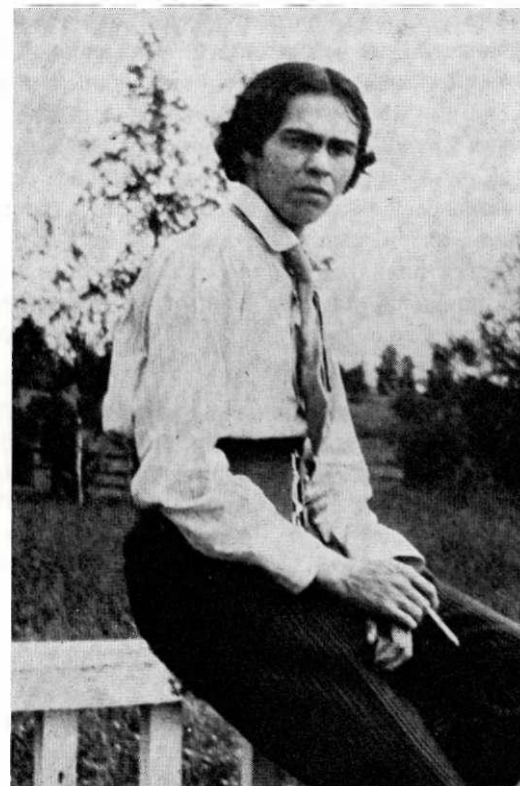
А никакой. Ведь давно уже привыкли, что общество недовольно, что общество нападает — и сочтено хорошим тоном не унижаться до ответов.

Но если под основание трона вместили глину *измены*, а молния не ударяет — то трон уже и поплыл.

К 40-летию со дня смерти В. Ф. Ходасевича (1886—1939)

Никита СТРУВЕ

„НЕКРОПОЛЬ“ В. ХОДАСЕВИЧА*

Владислав Ходасевич

Ходасевич родился 29 мая 1886 года в Москве, между поколениями младших символистов и акмеистов. Он был на пять лет моложе Блока, но и на пять лет старше Мандельштама, буквальным сверстником Гумилева. Ни к одной поэтической школе он не пристал, всегда оставаясь особняком:

* Второе издание, Умса-Press 1976, 280 стр.

«Родись я на десять лет раньше, был бы я сверстником декадентов и символистов. Я же явился в поэзии как раз тогда, когда самое значительное из всех современных течений уже начинало себя исчерпывать, но еще не настало время явиться новому».

По своим вкусам и душевному строю, Ходасевич был близок к акмеистам, но акмеизм был всецело петербургской школой, а Ходасевич — москвичем. Москвичу войти в тесный круг акмеистов было нелегко. Отчужденности Ходасевича еще способствовало его происхождение. Дед его был польским эмигрантом, участником восстания 1833 года, и внук его был крещен в католической церкви. Другой дед, по матери, был известным автором «Книги Кагала», — Яков Брафман, крестившийся еврей, получивший дворянство от Александра II. В молодости отец готовился стать художником, затем женился и имел в Туле фотографический магазин. Пять детей родились в Туле, после чего семья переехала в Москву, где появился на свет шестой и последний ребёнок, будущий писатель. Свою связь биологическую с Россией через кормилицу-крестьянку Ходасевич воспел в стихах:

Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела под лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.

И вот Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.

В том честном подвиге, в том счастья песнопений,
Которому служу я в каждый миг,
Учитель мой — твой чудотворный гений,
И поприще — волшебный твой язык.

Но именно право любить Россию Ходасевич высосал, а не получил как естественный и природный дар, и это, быть может, усилило его одиночество.

Ходасевич окончил классическую гимназию, затем учился в Университете. Впервые в печати он выступил в 1905 году, а первая книга стихов «Молодость» (и первая критическая статья о поэтессе графине Ростопчиной) вышли в 1908 году накануне

переломного кризиса в символизме. Через шесть лет Ходасевич выпустил вторую книжку стихов «Счастливый домик». Но с вышедшими в том же году книжечками Ахматовой («Вечер») или Мандельштама («Камень»), стихи Ходасевича, несколько элементарные и эпигонские, сравнения не выдерживали. В дальнейшем Ходасевич от первых своих двух книг отказался и не включил их в свое собрание стихов.

Как поэт Ходасевич родился заново уже во времена Революции и в первые годы эмиграции. Если третья его книга стихов «Путём зерна» прошла незамеченной (шел трудный для всех 20-ый год), зато четвёртая, «Тяжёлая лира», вышедшая в Берлине в 1923 г., была отмечена и высоко оценена Андреем Белым:

«радно: в наши дни родился очень крупный поэт, а рождение такое есть радость».

Во время Революции Ходасевич бедствовал, голодал, серьёзно болел. В 1922 году он воспользовался НЭП'ом, чтобы покинуть Россию навсегда. Сначала Ходасевич жил в Берлине, где занимался издательской деятельностью и совместно с Горьким издавал литературный журнал «Беседа». В 1925 году переехал в Париж, где сотрудничал в многочисленных эмигрантских изданиях, в частности, в газете «Возрождение». В 1927 году появилось тоненькое «Собрание стихов», в которое, помимо двух последних сборников, вошел новый цикл в 26 стихотворений под заглавием «Европейская ночь». Иронические, злые стихи о мешанстве западной цивилизации, о трагизме эмигрантской жизни, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»... Это отсутствие всяких иллюзий, «возвышающего обмана» повело к усыханию творчества Ходасевича. После 1927 года он фактически уже стихов не писал (зато за 17 лет эмигрантской жизни им написано не менее 300 критических статей). В том же 27 году была уже объявлена к выходу книга воспоминаний «Некрополь». Но вышла она только в 1939 году, в год смерти автора, став как бы его собственным надгробием.

Мемуарная литература о серебряном веке, предшествовавшем Революции, богата и разнообразна. Октябрьская революция разрушила старый мир, разметала друзей, многих свела преждевременно в могилу. Мемуарная литература возникла, чтобы сохранить вкус и запах эпохи совсем недавней, исключительно твор-

ческой и изощренной, вдруг провалившейся в небытие и ставшей за несколько лет давнопрошедшей и невозвратной.

Почти одновременно работают над мемуарами Андрей Белый (две, к тому же противоречивых, версии воспоминаний о Блоке; трилогия о всей эпохе), Мандельштам («Шум времени»), М. Цветаева (о Брюсове, Волошине, Белом и др.), Георгий Иванов («Петербургские зимы»), Зинаида Гippiус («Живые лица»), Владимир Пяст («Встречи», 1929), Бенедикт Лифшиц («Полутораглазый стрелец», 1933) и другие...

Такой расцвет воспоминаний за одно десятилетие (1923-1933) уникален в русской литературе: он свидетельствует о силе разрыва в историческом времени.

Хотя очерки «Некрополя» написаны «на случай», но в книге угадывается чётко очерченный план. Первые очерки посвящены началу века, эпохе символизма. Они не только о писателях, но и о личностях околосредственных, ничего для литературы существенно не сделавших, но с нею кровно связанных. «Символисты не хотели отделять поэта от человека, литературную биографию от личной». Так, повинувшись собственному определению, Ходасевич два очерка посвящает личностям, в которых писатель возобладал над человеком (Брюсов, Белый), а другие два — личностям, в которых человек победил писателя (Нина Петровская, Муни).

Центральная глава соединяет двух крупнейших поэтов эпохи, противоположных друг другу, возглавлявших антиподные школы, но соединенных в памяти людей единовременной смертью. Оба, в своей трагической судьбе, переросли эпоху, описанную в первых четырёх очерках.

Затем следуют четыре главы о писателях из народа: историку литературы Гершензону, выбившемуся из провинциальной местечковой еврейской семьи в крупного московского профессора; поэту-декаденту Сологубу, сыну портного и кухарки, тоже силою воли и таланта пробившегося в профессиональные писатели (характерно, что Ходасевич не включил его в раздел, посвященный символизму. Сологуб-Тетерников принадлежал к старшему поколению символистов, но не испытал влияния Владимира Соловьёва и стоял всегда особняком, отчасти в силу своего происхождения); наконец двум наиболее народным русским писателям — «босяку» Горькому и «разудалому» крестьянину Есенину.

К тому же последние четыре очерка повествуют, в противо-

вес первым, в основном о по-революционном времени, о конце эпохи.

Так, из случайных очерков, получилась книга со строгой архитектурной: четыре главы о декаденстве в начале, четыре главы о писателях разночинцах или из народа в конце, а посредине две центральные и друг другу противоположные фигуры поэтического возрождения.

Свой особый метод литературных воспоминаний Ходасевич довольно полно и крайне чётко определил в очерке о Белом:

«...Хотел бы я не послужить любопытству сегодняшнего дня, а сохранить несколько истинных черт для истории литературы. Это желание понуждает меня быть сугубо правдивым. Я долгом своим (не легким) считаю исключить из рассказа лицемерия мысли и боязнь слова. Не должно ждать от меня изображения иконописного, хрестоматийного. Такие изображения вредны для истории. Я уверен, что они и безнравственны. Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Замечательный человек... не нуждается в прикрасах. Он от нас требует гораздо более трудного: п о л н о т ы п о н и м а н и я».

Свидетель событий, собеседник замечательных людей может легко соблазниться сенсацией, нескромным забеганием за кулисы, разоблачением интимных сторон жизни. Некоторые мемуары сбиваются на сплетню, на анекдот, независимо от достоверности факта. Важно себя показать «всезнайкой», а читателя позабавить красочностью или пикантностью. Такие воспоминания легко отклоняются от правды и переходят в фантазирование: характерным примером такого метода является книга Георгия Иванова «Петербургские зимы», имевшая большой читательский успех, но резко осужденная за неправду Мариной Цветаевой и Надеждой Мандельштам. Любопытству сегодняшнего дня Ходасевич противопоставляет «истину», независимую от времени, как некую абсолютную ценность.

Для Ходасевича, истина покоится на абсолютной достоверности фактов, фактического материала. Краткое, девятистрочное предисловие уточняет, что воспоминания основаны «только на том, чему (автор) сам был свидетелем, на прямых показаниях действующих лиц и на печатных и письменных документах». Более того: «Сведения, которые случалось мне получать из вто-

рых и третьих рук, мною отстранены. Два-три незначительных отступления от этого правила указаны в тексте».

Воспоминания Ходасевича — исторический документ, достоверный источник для истории литературы.

Ходасевич приводит всюду поразительно точные даты не только рождения и смерти, но и разнообразных второстепенных, а иногда и просто незначительных событий. Вот несколько примеров, взятых наудачу, на одной странице («Конец Ренаты», стр. 21): «...весной 1908 года она испробовала морфий... Осенью 1909 года она тяжело заболела от морфия... Уезжала она полубольная, с сопровождавшим её врачом. Это было 9 ноября 1911 года... Здесь (т. е. в Париже) кажется в 1913 году она выбросилась из окна... в Риме, где прожила она до осени 1922 года...» На следующей 22-ой странице три даты, на 23-ей целых шесть, на 24-ой четыре...

В следующем очерке локализация во времени еще более точная. Тот же отъезд Нины Петровской или вернее последовавшие за ним события измеряются в часах: «Мы с Брюсовым вышли из вокзала, сели в сани и молча доехали вместе до Страстного монастыря. Это было часов в пять. В тот же день мать Брюсова справляла свои именины... Я пришел часов в 10 ».

Этих двух примеров достаточно, чтобы определить метод Ходасевича: он пишет как летописец, с скрупулёзной точностью хроникёра, боящегося в чём-либо погрешить против фактов.

Верность истинности фактов — необходимое условие подлинности воспоминаний. Истина не бывает низка, но подлинность фактов еще лишь низшая ступень истины. У мемуариста два подводных камня. Первый — воспроизводить реальность, как бы игнорируя, что между случившимся и рассказанным, вспомнутым, протекло значительное количество времени. Второй — использовать протекшее время так, что реальность изменяется иногда до неузнаваемости.

В первом случае (разве что воспроизведены без изменения дневниковые записи — см. книгу Л. Чуковской «Записки об Анне Ахматовой») неизбежно получается фальшь: не только память не сохранила реальность такой, какой она была, но изменился и сам субъект воспоминаний. Произошел поневоле субъективный отбор памяти — что забыто совсем, что частично, а главное изменился взгляд на события. Всякая попытка воскресить эпоху или людей такими, какими они воспринимались тогда, обречена быть искусственной реконструкцией.

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя все, меняя нас...

Причём отдаление во времени измеряется не количеством лет, а интенсивностью событий, пережитого. Семилетие 1914-1921 гг. — равносильно целой эпохе:

Мы на сто лет состарились, и это
Тогда случилось в час один...

Второй подводный камень: изменение взгляда превратить в измену реальности, допустить такую деформацию прошлого путём идеализации или карикатуры, что оно станет неузнаваемо. Что время не в силах изменить — это факты. Но, разумеется, оно дает им новое измерение, новый смысл, так как сопоставляет их с будущим, с их конечной реализацией, в конце эпохи или в смерти отдельных личностей. Прошлое — это то, что подлежит оценке и суду. В этом нравственное значение времени.

От истинности фактов Ходасевич переходит к их оценке, причём он полагает возможным приблизиться к «полноте понимания». Истина не только тождество факта его передаче, она имеет нравственное значение. В этом отношении Ходасевич несомненно писатель с христианским мироощущением. Он строго и чётко различает добро от зла, правду от лжи и старается проникнуть в тайный, сокровенный смысл событий и судеб.

«Некрополь» — на редкость ёмкое, а потому художественное название. Оно многозначно и покрывает различные «смыслы» книги.

1. Это, в буквальном смысле, город мёртвых, то, чем стала опустошенная революцией Россия. Революция удушила Блока, расстреляла Гумилева, привела к петле Есенина, загнала в одиночество Сологуба, окутала ложью Брюсова и Горького.
2. Но это и величественные развалины некогда славной и богатой цивилизации.
3. Наконец — это царство тех, кто предстоит вечности, суду, «лишь в смерти ставший тем, чем был он изначала» (Малларме, в переводе Иннокентия Анненского).
4. «Некрополь» и по стилю носит газетно-некрологический характер: каждый очерк посвящен недавно умершему человеку и только ему.

Почти всегда глава начинается и заканчивается конкретным упоминанием о смерти.

«В ночь на 23 февраля 1928, в Париже в нищенском отеле нищенского квартала, открыв газ, покончила с собой писательница Нина Ивановна Петровская».

Таково начало первой главы и всей книги. Но этот метод воспроизводится с незначительными изменениями в каждом очерке. Воспоминание рождается и развивает свой свиток от сухого, траурного объявления (будь оно поставлено в начале или в конце главы).

«Прочитав известие о смерти Брюсова, — так заканчивается вторая глава, — я думал, что он покончил с собой. Быть может так и было бы, если бы смерть не предупредила его».

«Умер он (Белый), как известно, 8 января 1934 г. от последствий солнечного удара», — последний параграф очерка о Белом.

«Оставшись один, Муни взял из чужого письменного стола револьвер и выстрелил себе в правый висок. Через сорок минут он умер», — заключительная фраза очерка о Муни.

«Блок умер 7-го, Гумилев 2-го августа 1921 года. Но для меня они оба умерли 3 августа. Почему — я расскажу ниже» — так нарочито сухо начинает Ходасевич вспоминать о корифеях русского поэтического возрождения.

Очерк об историке-писателе Гершензоне также окаймлен в начале и в конце упоминанием о его умирании и смерти:

«Это было последнее из его писем... Я ответил на него спустя несколько дней, — но сам уже не получил ответа: Гершензон умирал...» И снова в конце: «Хворал он давно, но умер от внезапного ухудшения» и т. д.

Примеры можно было бы умножить. Ходасевич заворужен смертью, её обстоятельствами. Эти сухие некрологические сообщения не внешний прием, не только желание быть протокольно точным, они определяют тональность воспоминаний. Ходасевич прослеживает судьбу описанного им героя от рождения до смерти, или от смерти восходит к рождению, вглядывается в лицо каждой индивидуальной смерти, сиюсья разгадать через последний акт жизни высший смысл.

Правда, почти все описанные судьбы трагические. Трое из бывших друзей Ходасевича покончили с собой (Н. Петровская, Муни, Есенин), двое были убиты (Гумилев и Горький, но подлинной версии смерти Горького Ходасевич не знал), Блок «умер от смерти», Сологуб не надолго пережил жену и свояченицу, которые обе покончили с собой, Брюсов саморазрушился и только Белый и Гершензон умерли как бы случайной смертью, от болезни... Но даже смерть заурядная по своей причине всегда

носит для Ходасевича неслучайный характер и отвечает внутренней необходимости, пусть до конца не осознанной и невыясненной.

С одной стороны, сухое газетное сообщение, с другой последняя и высшая тайна человека, — таковы два полюса очерков Ходасевича. Строгое соблюдение фактической правды, но через факты поиски правды высшей, мистической. Не случайно современники называли Ходасевича — мистиком. Однако мистицизм его нисколько не туманный, не эзотеричный, он рождается из остро-конкретного восприятия жизни, как бы прячется за фактами. Из «Некрополя» можно вывести целую философию смерти, которая и служит фундаментом книги.

Смерть может быть воспринята как абсурд, как наступившее ничто, обесмысливающее и обесценивающее жизнь... Но тогда нет ни истины ни смысла, и, в конце концов, ни суждения ни оценки. У Ходасевича, наоборот, просветленное понимание смерти:

«...предвидя смерть (человек) ужасается, потому что не знает, зачем вся грязь и вся мишура жизни и страх смерти, надвигающийся на него из смрадной дыры... Но вот — жизнь вдруг озаряется, понятная по-новому, старое «я» распадается, вместе с ним распадается и смерть, потому что уже нечему умирать. Поэтому и смерть становится чиста тоже. Это и есть очищение, катарсис, то, что внутренне завершает и преобразует трагедию, давая ей смысл религиозного действия. Очищение — осмысление. Оно наступáет иногда очень поздно, но никогда не «слишком поздно». (Литературные статьи и воспоминания, Нью-Йорк, 1954, стр. 172).

Ходасевич мог бы повторить слова Мандельштама: «смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее заключительное звено. С этой вполне христианской точки зрения смерть... удивительна. Творческая жизнь вытекает из своей причины — смерти, располагаясь вокруг нее, как вокруг своего солнца, и поглощая его свет».

Суровые, мрачные, трагические воспоминания Ходасевича просветлены этим светлым пониманием смерти. Только «под взглядом смерти» истина становится нравственной, а нравственность истинной. «Некрополь» — человеческий, смягченный отблеск «Страшного суда».

Говоря о «страшном суде», мы имеем в виду основную перспективу книги. Полнота суда, т. е. справедливости, человеку не-

доступна. Много говорилось и писалось о злом уме и характере Ходасевича, о его жёлчности. В этом есть доля правды, но строгость Ходасевича — от высокого требования к жизни, от повышенного чувства правды и лжи, от эстетического отталкивания от всякой пошлости.

Сугубо личностные воспоминания Ходасевича являются одновременно и судом над эпохой, вернее над двумя моментами эпохи: над символизмом с его личными крушениями и над революцией с её опошлением и опустошением душ. Трезвый ум Ходасевича восстает против двух утопий: против литературно-религиозной утопии символизма и против социально-безбожной утопии большевизма.

Первые четыре очерка протекают на фоне «разоблачения» ошибок символизма. В отличие от революции, к которой Ходасевич всегда относился враждебно, о символизме он говорит не только как свидетель, но и как соучастник, отдавший этому течению немалую дань. Отсюда первые очерки заметно более автобиографичны и взаимосвязаны. С «Ренатой» Ходасевич был знаком целых 26 лет, начиная с 1902 года и, если мы правильно понимаем намёк, Ходасевич и был тем первым поэтом, который в неё влюбился... Муни, женатый на сестре Брюсова (главного виновника конца Ренаты), был его ближайшим другом. Через Ренату, Муни и собственную литературную деятельность Ходасевич имел многолетнее общение с Брюсовым. С Белым, он сам подчёркивает, судьба их сталкивала «девятнадцать лет» в разных планах... Символизм Ходасевич знает изнутри...

Это движение, возродившее в России поэзию, он определяет как «стремление постоянное ...ряд попыток порой истинно героических, найти сплав жизни и творчества, своего рода философский камень искусства. Дело свелось к тому, что история символистов превратилась в историю разбитых жизней, а их творчество как бы недовоплотилось...

Здесь Ходасевич — слишком теоретик, слишком увлекается обобщениями. Правильно схвачен теургический аспект символизма, нерасчлененность жизни и искусства, наличие крушений:

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть —
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть...

В этих словах Блока, глубоко личных, пожалуй, больше правды о символизме, чем в определении Ходасевича. Не столько

поиски философского камня искусства, сколько желание жить запредельно, за пределами времени и пространства, вне истории, «сбросив бремя» пространственных и временных уз... Религиозно-платоновский порыв, свойственный романтизму...

И можно ли сказать, что «дело свелось к тому, что история символистов превратилась в историю разбитых жизней»?

Не все символисты имели разбитые жизни, и не все разбитые жизни пришлось на долю символистов. Литература всегда переплетается со сложными биографиями, искусство так или иначе сталкивается с жизнью, или разбивает её или разбивается о неё.

*
**

Стиль «Некрополя» определен видением. Очерки развёртываются как маленькие трагедии, всегда заканчивающиеся смертью, заключенной в тайне судьбы каждого. Ничего лишнего, ничего околотитулярного, без отступлений (за исключением редких обобщений об эпохе). Пожалуй, единственный очерк, по стилю выпадающий из общего ряда, это глава о Есенине, напоминающая критическую статью больше чем воспоминания...

Самый характерный очерк — рассказ о Муни. Он разбит на небольшие главки, каждая из которых носит характерное, хотя и несколько таинственное заглавие. Это как бы пятиактная трагедия с эпилогом: первая главка «я всё-таки был» уже содержит в себе и развязку трагически-нелепую, да и всё развитие судьбы потенциально богатой, но предельно недовоплощенной. Если верить Ходасевичу, Муни обладал не только даром ясновидения, но даже и сверхчеловеческой возможностью вызывать к жизни события. Однако этот дар касался событий ничтожных, и не послужил ни религиозному ни литературному делу, и Муни от него отказался. Три центральных главки по-разному рассказывают о недовоплощенности творчества: отказ от стихов, отказ от повседневности, отказ от собственной личности и, наконец, в эпилоге последний и бесповоротный отказ от жизни. «Муни» — характерный пример предельной построенности очерков Ходасевича, в их символически-поступательном движении. Собранность, сгущенность, целенаправленность, неумолимость формулировок, концовок, — таковы основные черты стиля Ходасевича.

Язык Ходасевича (как и манера рассказывать) ведёт свою прямую генеалогию от Пушкина, которым Ходасевич всю жизнь пристально занимался. В истории литературы не раз было отмечено, что Пушкин достиг в своей прозе предельного лаконизма,

предельной отточенности в построении фраз, до такой степени, что не имел и не мог иметь последователей. И действительно после него пришли Лермонтов с его музыкальной, «фехтующей» фразой или Гоголь с его романтической перегруженностью и гиперболностью... Пушкинская — латинская — фраза была забыта, и возродилась она под пером Ходасевича. Главы «Некрополя» напоминают «Повести Белкина» или Пушкинские критические заметки. Та же лапидарность, чёткость, меткость, обнаженная до предела фраза, лишённая прикрас, метафор, красоты. Фразизъявление, фраза-действие, неумолимо ведущая к развязке.

«Он был сыном портного и кухарки. Родился в 1863 году. В те времена «выйти в люди» человеку такого происхождения было не легко. Должно быть, это не легко далось и ему. Но он выбрался, получил образование, стал учителем...» и т. д. Так, одно за другим, чередуются простые, короткие предложения, и только с восьмой фразы появляется сложноподчинённое предложение с союзом «который», к тому же безглагольное. И как начался, абзац заканчивается простыми или кратчайшими предложениями в одно, два или три слова.

Так написаны почти все страницы «Некрополя», что даёт книге какую-то железную упругость, металлическую звучность и ясность, музыку судьбы.

В этой предельной обнаженности синтаксиса Ходасевич поворачивается спиной к эпохе, к прозе символистов, витиеватой, узорной, запутанной. Ходасевич — поворот от модернизма к нео-классицизму, вперед к Пушкину.

К дару формулировки следует еще прибавить особо развитое у Ходасевича ударение на концовках. Как в стихах Ходасевича всё держится на заключительной *pointe*, так и в прозе его каждый абзац заключается непременно каким-нибудь особо удачным, ударным выражением.

**

«Некрополь» книга особенная в своей законченности. Она вся написана на пределе: под знаком смерти и суда, с предельной обнаженностью психологического анализа, с предельной скрупулёзностью исторического материала, с предельной отточенностью и лаконизмом языка.

Эта предельность во всем, в подходе к правде, к истории, к нравственным велениям, к художественности слова, — и делает «Некрополь» книгой уникальной среди богатой мемуарной литературы 20-х и 30-х годов.

ИЗ НЕИЗДАННЫХ ПИСЕМ И СТИХОВ В. ХОДАСЕВИЧА

Два письма к Г. Л. Малицкому.

1.

Лидино 16/VI.05

Дорогой Жорж!

Благодарю за отзыв о стихах, местами, — говорю искренно, — слишком лестный. Они того не стоят. Но раз уж ты стал снисходителен, то посылаю тебе еще стихов, которые на этот раз даже ты уже изругаешь. Очень плохи. Что ж делать? Лучше их нет. За пожелание блага нарождающемуся детищу — спасибо, но оно умерло еще во время утробной жизни. Выражаясь языком менее медицинским, — я его бросил. Дрянь.

Итак, вот стихи. Напиши о них. Ругать не стесняйся.

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будет сладко, и будет грустно:
Знаю — близок возможный брат.

Слезы горьки, но небо чисто.
Кто-то скорбный пришел ко мне,
Скорбный, бледный, но вечно милый.
Мы виновны в одной вине.

Мы виновны в грехе рожденья,
Мы нарушили тишину,
Мы попрали молчанье Смерти,
Мы стонали в земном плену.

Если сердце захочет плакать,
Я заплачу — и буду рад.
Будут наши страданья чисты:
Тайну знаю лишь я — да брат.

**

У ЛЮДЕЙ

О, как мне скучно, скучно, скучно!
Как неустанна суета,
Как все вокруг спешат докучно,
И бредит сонная мечта!

Как будто кто-то грозный, темный,
Крылами навевает жар...
В провалах мысли иступленной
Горит невидимый пожар.

Я не хочу сгорать незримо!
Незримый жар стократ страшней,
Чем тот, что мчит неугасимо
Безумство блестящих огней...

О нет, спасите! К краю кубка
Припасть устами... Пью!... Мое!
— Опять измена!... Уксус, губка, —
И ненавистное копье!

*
**

СЧАСТЬЕ

Солнце! Солнце! Огонь палящий!
Солнце! Ярый кат небес!
Ты опустишь меч разящий,
Взрежешь облачность завес.

Но не воплем, но не плачем
Встречу огненный удар.
Что мы знаем? Что мы значим?
Я, незрячий, сед и стар!

На, калека! Прочь, корона!
Упадай, порфира, с плеч!
О, губящий! Я без стона
Принимаю тяжкий меч!

Пред народом, умиленный,
Первым пал последний царь.
Над главою убеленной
Меч взнесен. Я жду. Ударь!

*
**

Вот. Будь любезен, сообщи, что скажешь. Ты знаешь, я люблю твою критику. И не с тех пор, как получил твое последнее письмо, а раньше. Этому поверь.

Ну, целую тебя.

Твой Владислав.

Мариночка кланяется.

Дорогой Жорж! Мне сегодня исполнилось 19 лет! Грустно! Ей Богу! Мне хотелось бы всегда иметь 18.

Прощай.

В.

Пиши.

2.

Лидино 25.VI.05

Дорогой Жорж!

Я был очень рад твоему письму. Думал — ты забыл обо мне. Утешился. Жду тебя к себе. Ты обещал — должен приехать. Приезжай когда хочешь. Чем скорее, тем лучше. Третьего дня уехали гости, у нас Граф. Когда приедешь? Напиши заранее, точно: день и поезд. Лучшие из поездов: почтовый (из Москвы 4 дня, здесь 12 ночи), пассажирский, отходящий от М, по Моск. вр. в 12 ч. 15 мин. но здесь — 10 утра). Я приеду на вокзал встретить тебя, соединив таким образом приятное (прогулка и скорейшее лицезрение тебя) с полезным (здесь до нас на извозчике трудно добраться). Итак, приезжай. Жду. Мариночка тебе кланяется и зовет в Лидино усердно. М. Л. благодарит за память и привет. Пишу еретическую драму.

Целую тебя.

Твой ожидающий тебя Владислав Ходасевич.

(подпись)

Саше Брюсову на днях послал письмо такого же содержания. Вы бы приблиз. в одно время приехали. Я в Лидино только до конца июля.

(В левом верхнем углу перпендикулярно следующей:)

Не пишу ни о чем, ибо надеюсь скоро увидеть тебя. Напиши немедленно, когда приблизительно приедешь, если не можешь определить точно. А после — можешь телеграфировать: Бологое, имение Лидино, Х-чу.

(На конверте, вернее, на обратной стороне, ибо это в склеенном виде и есть конверт с семикопеечной маркой с печатью от 25.VI.05 г.)

Е. В.

Георгию Леонидовичу Малицкому.

Москва, Рождественка, Варсанофьевский пер., д. кн. Гагарина, кв. 15.

Письмо к Ю. Верховскому.

(На титульном листе фирменный знак: Издательство «ГЕЛИКОН» Москва-Берлин)

Berlin W 50 —
1.8.22.
Bambergerstr. 7.

Ю. Н. Верховскому.

Петроград.

Многоуважаемый Юрий Никандрович!

Книгоиздательство «Геликон» просит Вас не отказать дать стихи для выпускаемого альманаха современной русской поэзии под редакцией В. Ф. Ходасевича.

Желательно было бы получить от Вас от 100 до 150 строк стихов, не бывших в печатании.

Гонорар в размере 7 марок за строчку будет Вам препровожден тотчас по получении рукописи. Издательство обращает Ваше внимание на то, что посланные Вами произведения могут быть напечатаны в России, когда угодно, и за границей через два месяца по выходе альманаха в свет.

Редакция оставляет за собой право в зависимости от общего объема сборника использовать только часть Вами присланного материала, о чем Вы будете немедленно извещены.

Примите и пр.

Helikon-Verlag
G. m. b. H.

(На обратной стороне уже от руки):

Дорогой Юрий Никандрович, пользуюсь оказией, чтобы черкнуть Вам два спешных слова о том, что помню и люблю Вас не только как поэта, но и как хорошего человека. Очень мне дорога память о нашей дружбе. Пришлите стихов.

Ваш Владислав Ходасевич.

Прилагаемое письмо передайте Сологубу — приналегши на старика, чтоб не дорожился, а дал стихи. Очень люблю и его, и его стихи — и вот, всю жизнь никак не умею с ним обходиться.

Помогите, замолвите словечко.

В.Х.

Скажите Сологубу, что дороже нельзя платить: в альманахе будет 3000 стихов, а публика скажет — «тощая книжонка». Кроме того — ведь он может хоть одновременно печатать те же стихи где угодно в России.

НА ПАСХЕ*

(Отрывок из повести)

Пасха не рано была в тот год. В сребророзовой дымке Веяла томно весна по лесам, и полям, и болотам. Только в ложбинах лежали пласты почернелого снега. Там, где просохло, рыжела трава прошлогодняя... Брось-ка Искру в иссохшую траву: и взору, и сердцу отрада! Мигом огонь полыхнет, побежит, зазмеится, завьется; Синий, прозрачный дымок от земли подымется к небу; В синем, прозрачном дымке замелькает серебряный месяц Узким, холодным серпом, а немного левее — Венера

* Впервые напечатано в Московской газете «Жизнь», № 10, 1918 г. (4 мая/21 апреля). С тех пор никогда не перепечатывалось.

Вспыхнет и взором зеленым заглянет в самое сердце...
 Траву сухую сожгли, весне помогая и смерти,
 Только успеи затоптать огонь, а не то подберется
 К самым сараям, конюшням... Беда!.. Уж и так от работы
 Люд православный совсем отстал за святую седмицу.
 Всю-то неделю гулял он, водил хороводы, да песни
 Пел, да с большой колокольни долдонил целыми днями...
 В толстой церковной стене крутая лестница вьется.
 Сорок истертых ступеней из мрака выводят на воздух.
 Сорок ступеней пройди — и звони над весенним раздольем,
 Радуйся вольному ветру да гложни от медного рева!
 Редкий мужик не сходил позвонить на пасхальной неделе.
 Разве что самый больной, да столетний Димитрий, который
 Шведа под Нарвою бил. А все другие ходили.
 Даже Андреич, бурмистр, и тот, несмотря на дородность,
 На колокольню взобрался и, на руки плюнув трикратно,
 Крепко взялся за веревки — и бум, бум, бум, — в самый тяжелый
 Колокол грянул. Но скоро устал и долой с колокольни,
 Пот утирая, пошел. Казачок же господский Никитка,
 Свечку подняв высоко, спускался за ним осторожно.
 Даже мусью де-ла-Рош пришел с молодыми князьями,
 С Павлом Андреичем да Николаем Андреичем. Сам-то
 Взлезть он не мог, но князей отпустил. Расставивши ноги
 В шелковых черных чулках и сняв треуголку, закинул
 Голову кверху француз — и видел зеленое небо,
 Синюю маковку церкви, Венеру, встающую слева, —
 И непостижною грустью сжималось дряхлое сердце.
 Но отзвонили князя; сойдя с колокольни, обедать
 К барскому дому бегут сырыми дорожками парка;
 Молча за ними бредет француз, опираясь на палку,
 Пруд небольшой огибая — и видя: на острове круглом
 Мраморный белый Амур свой мраморный лук напрягает,
 В предвечернюю синь вонзив позлащенную стрелку...

(1918)

*Мы какие-то четыре звездочки,
 и как их ни сложи, все выходят
 хорошо.*

Нат. Алек. Огарева — Герцену

Четыре звездочки взошли на небосвод.
 Мечтателей пленяет их мерцанье.
 Но тайный Рок в спокойный ход
 Ужасное вложил знаменованье.

Четыре звездочки! Безмолвный приговор!
 С какою неразрывностью суровой
 Сплетаются в свой узел, в свой узор
 Созвездье Герцена — с созвездьем Огарева!

Четыре звездочки! Как под рукой Творца
 Небесных звезд незыблемо движенье —
 Так их вело единое служенье
 От юности до смертного конца.

Четыре звездочки! В слепую ночь страстей,
 В соблазны ревности судьба их заводила, —
 Но никогда, до наших страшных дней,
 Ни жизнь, ни смерть — ничто не разделило.

1920*

Шуточное стихотворение

ПАМЯТНИК

Elegi monumentum

Павлович! С посошком бродячего калекой
 Пройди от финских скал вплоть до Донских станиц,
 Читай мои стихи по всей Руси великой, —
 И столько мне пришлют яиц,
 Что если гору их на площади Урицкой
 Поможет мне сложить поклонников толпа, —
 То выглянув в окно, уж не найдет Белицкий
 Александрийского столпа.

1921 г. апрель.

* Написано вероятно в связи с подготовкой М. Гершензоном тома "Русских пропилей", посвященного Герцену и Огареву. Печатается впервые, как и последующее стихотворение. Оба нам любезно предоставлены проф. Хьюзом (Berkeley), которому приносим нашу благодарность.

ИОСИФ БРОДСКИЙ: ПОСВЯЩАЕТСЯ ЛОГИКЕ*

Написанная пятистопным ямбом стихотворная новелла «Посвящается Ялте» (впервые опубликована в журнале «Континент» № 6, 1975) очевидно имеет две литературных параллели — рассказ Акутагавы «В роще» (и его ценную кинематографическую версию, фильм Куросавы «Расёмон») и последний прижизненный сборник Михаила Кузмина «Форель разбивает лёд», в особенности вещь того же жанра из этого сборника — «Лазарь». Кажется, что Кузмин больше хлопотал о читателе, чем Иосиф Бродский. Он с отменным мастерством конструировал свои новеллы в оригинальных или пародийно-банальных (но, главное, разнообразных) формах. Впрочем, есть места, где и внешнее сходство стихописания М. Кузмина с таковым И. Бродского поразительно. Без особого труда можно вставить почти всю 9 главу «Лазаря» («Четвёртый свидетель — сыщик») в пятую, последнюю главу «Посвящается Ялте». Например, такой пассаж:

Напомним только, что одна собака
 В суде бывает лишена пристрастия,
 Ей всё равно — что молод, стар, красив,
 Один ли сын, иль что-нибудь такое...
 Всё это — человеческие чувства,
 А ею водит нюх и запах крови.
 Где запах крови, там ищи убийства.

Правда, внешне сыщики Кузмина и Бродского как бы оппоненты. Если первый рекомендует сухарём, то второй (авторское alter ego) растерянно констатирует полную беспомощность логики и призрачность фактов. Но внутри искусства это очень близкие персонажи, ибо они созданы воображением поэтов, мучимых одной идеей: **представления о жизни неадекватны жизни**. Бродский, как Кузмин и Акутагава, поражён феноменом, возможно, лежащим в основе всех человеческих трагедий: у человека нет твёрдой почвы под ногами, потому что факты не существуют вне их интерпретаций, а интерпретация всегда субъективна, а попытка создать некий стереоскопический эффект правды пересечением нескольких представлений об одном и том же факте

* Отрывок из книги «Бродский».

не возвращает жизнь как таковую, но лишь призрак жизни, иллюзию, тем более опасную, чем более правдоподобной она видится.

Художник подобен гадателю, сивилле, шаману; его сил и чар достаточно для заклятия духов, — и вот уже возникла вызванная им реальность над ритуальным огнём; но, в отличие от гадателя, сивиллы, шамана, художник не забывает о различии между жизнью и наваждением, и многими этот разрыв переживается мучительно.

В новеллах Акутагавы и Кузмина есть одно существенное сходство. Показав несостоятельность фактов, свидетельств и логики, разрушив тем самым то, что мы привыкли считать жизнью, они с паучьим упорством ткут новую реальность на основе своих отчасти мистических концепций (для Акутагавы это представление о воле к злу, управляющей миром, для Кузмина — о мистериальном характере всего происходящего, эстетизирующим и, тем самым, оправдывающим для него жизнь).

Для экзистенциального сознания Бродского такие модели неприемлемы. Единственное, что он противопоставляет тошнотворной иллюзорности фактов, логики, всей взятой под сомнение человеческой способности к адекватному восприятию — это мужество. Или лучше употребить слово из лексикона поэта — **кураж**. Не в смысле кальки с англо-французского courage, а с тем оттенком славянской лихости, с каким это слово освоилось русскими (как, например, употребляет сходно заимствованное слово «форс» богатырь Захар Воробьёв из рассказа Бунина: «Ешь солому, а хворсу не теряй!»). Кураж — это «упоение в бою у бездны мрачной на краю», это романтизм, это смелость пускаться в жизнь без спасательных кругов и спасательных, надувных жилетов, без схоластических попыток объяснить сущее.

Жанр новеллы Бродского — антидетектив. Собственно проблемы детектива как такового автора мало интересовали, и он не замышлял ни пародии, ни полемики с популярным жанром. То, что его интересует в самом деле, — это логика, а детектив атакуется именно как самая неприступная твердыня логики и фактов. Атака ведётся в лоб, без артподготовки, без разбега, прямо с вступления. Уже во второй строчке автор ставит под сомнение весь наш привычный мир причинно-следственных связей: *«К сожаленью, в наши дни / не только ложь, но и простая правда / нуждается в солидных подтверждениях / и доводах. Не есть ли это знак, / что мы вступаем в совершенно*

новый, / но грустный мир? Доказанная правда / есть, собственно, не правда, а всего / лишь сумма доказательств.» Уже во второй строфе он иронизирует по поводу отношения к жизни как «объекту наших умозаключений». Он иронизирует по поводу общепринятого плоского отношения к жизни как схеме, наподобие технической: «нужно только / переплести мотивы, отношения, / среду, проблемы — и произойдёт / событие...», прошу прощения за разжёвывание метафоры, но я это делаю для того, чтобы подчеркнуть, что позиция автора с самого начала определена — наличия телефонного аппарата недостаточно, чтобы раздался звонок, наличия логической схемы — для того, чтобы произошло событие.

Жизнь и смерть бесконечно шире логических рамок.

И, пожалуй, с точки зрения Бродского, приложение этих рамок к жизни и смерти — бессмысленное и почти оскорбительное занятие.

...доказанная правда
есть, собственно, не правда, а всего
лишь сумма доказательств... —

и вслед за этим:

...но теперь
не говорят «я верю», а «согласен».

То, что теперь не говорят «я верю», — главное обвинение, предъявляемое поэтом эпохе.

Все голоса-персонажи новеллы на разные лады говорят об одном и том же — о взаимоотношенности жизни и умозаключений, об опасности, которая таится в житейской «формальной логике». Сравним с Акутагавой. Голоса-персонажи в его новелле высказывают противоположные суждения об одном и том же событии, герои Бродского все махнули рукой на самую возможность судить о происшедшем, в то время как сюжетно дело клонится именно к правовому суду.

Первый свидетель, шахматист, прячется за своё заведомо не серьёзное отношение к логике — только как к игре, требующей не больше, чем соблюдения определённых правил. Он как бы дискредитирует логику подчеркнута примитивным её применением /... «но он ведь позвонил. / Взволнованные так не поступаю т.» /; он цепляется за иллюзию, что у игры есть цель, априорно известная, и то, что сама эта цель

ставится под сомнение непривычным ходом (хотя бы и в рамках правил), так по всей очевидности непереносимо для него, что мы даже готовы, в согласии с пародируемым жанром, занести его в предполагаемые убийцы несносного партнёра.

Отчаянный нонконформизм убитого, внушённый им подруге, имеет ту же цель — соскрести с явлений оболочку лживой очевидности: пусть уж лучше комната, как в каком-то Бергмановом кино, станет равнозначно белой, лишь бы вещи перестали притворяться тем, чем они не являются.

Фактический — здесь это слово следует взять в кавычки, — итак, «фактический» убийца, подросток, в своём живом лирическом косноязычии / «У нас была экскурсия в кино» / выдаёт мысль автора о круговой поруке не только всех людей, но и всего сущего: ничего бы не произошло, «но там в порту, / везде огни и светлячки на рейде...» — и по этой причине у мальчика было такое настроение, и от такого настроения он попросил закурить, вследствие чего мужчина оскорбил его, и, так как он был оскорблён, мальчик выстрелил... и т. д. Автор иронизирует, доверяя цепочку причин-следствий недалёкому подростку, тем не менее строгая причинно-следственная связь налицо. Мы без труда можем пропутешествовать от конца (событие) к началу (первопричина): следствие-причина-следствие-причина-следствие-причина... — и получить по заслугам за наше доверие к удобным стереотипам: причина убийства — светлячки на рейде! Не правда ли, занимательный поворот любимой отечественной словесностью темы покаяния (для сравнения: «Мир православный! Виноват я, каяться хочу... Мой и умысел, моё и дело.» — Л. Н. Толстой; «Это я... Это я убил тогда...» — Ф. М. Достоевский).

Вероятно, нечто самое близкое авторскому кредо утверждает простой, наименее склонный к сомнительной рефлексии человек — капитан. При этом он словно бы отвечает на сожаления автора во вступлении по поводу того, что теперь «не говорят «я верю», а «согласен»:

В движеньи губ гораздо больше жизни,
чем в том, что эти губы произносят.
Вот я сказал вам, что поверил; нет!
Здесь было нечто большее. Я просто
увидел, что она мне говорит.
Заметьте, не услышал, а увидел.

(Здесь хотелось бы даже отметить специальным знаком **отсутствие** ударения на «что» в стихе «увидел, что она мне говорила»).

В общем о том же на свой лад твердит (читателю, а не следователю) женщина. Как совершенный пустяк она игнорирует то столь важное в бытовой женской жизни и в детективном жанре обстоятельство, что у одного из ее любовников есть сын: она помнит, что, кажется, есть, но не помнит, у кого именно, кто из них отец мальчика, играющего роковую роль в фабуле. Но в том и состоит особенность этого повествования, что свидетельствующая в нем важнее свидетельства... (Так же, как далее не важно «...сколько / дадут ему. Да это все уже / не наше дело...» — здесь все неважно: кому «ему» — мальчику за убийство или отцу за небрежное хранение оружия, — неважно даже довести до конца фразу, которая обрывается — «Наверно, / ему дадут...»)

Сюжет требовал фигуры следователя — вопрошателя, ловца человеков, наблюдателя теневых сторон сознания, гуманного и любопытного Порфирия Петровича, нетипичного, как говорится, для советской действительности.

Как детектив следователь из «Посвящается Ялте» так себе. Он не ведет даже элементарной игры, не расставляет ловушек, его эмоциональность не притуплена, что на практике является обязательным атрибутом профессии, и, что в еще большей степени является отступлением от правил, он чувствителен, склонен к непосредственной реакции — будь то на женские чары актрисы, будь то на экзистенциальный ужас раскрывшейся перед ним драмы. Пожалуй даже, он самый чувствительный из восьми персонажей (включая эпизодическую Бабку и Автора).

Автор, в пародийном согласии с детективным канонам, подвешивает облачко *suspense* над каждым персонажем, но делает это таким ловким образом, что мы почти не замечаем, где и как он растворяет границу канона, окружая той же атмосферой огоньки в бухте и даже духоту, которая обычно в творчестве Бродского символизирует непереносимость мира. (Тягостная, подавляющая духота как условие существования — фон «Колыбельной Трескового Мыса», поэмы с широкими обобщениями, в которой жизнь расценивается как выживание, тягостный экстремальный процесс выползания жаберных существ на берег, в чужую и трудную для дыхания среду). Но роль следователя здесь — последовательно разрушать, ставя под сомнение возможность чьей бы то ни было вины вообще.

Доказательства этому следователю ничего не доказывают. В спорах для него не рождается, а гибнет, затопленная возбуждением и гневом, истина; и, возможно, он подозревает, что вера в аргументацию погубила Рим, как прежде логика погубила Афины, как, похоже, вера в законность не спасает и нас нынче.

Нетрудно распределить степени виновности в преступлении между персонажами в согласии с логикой и УК РСФСР. Можно прибавить к списку виновников еще и провинциальную духоту, войну в биографии героев, шпионский боевик по ТВ, помянутых светлячков в порту... Эта ощутимая в речах и поведении следователя тенденция расширять сферу обвинения до безграничности амбивалентна: она намекает сразу и на всеобщую виновность и на абсурдность представлений о виновности вообще.

Мы могли бы сказать, что «Посвящается Ялте» в целом есть драматическое изложение одной из наиболее острых современных научных проблем — соотношения между целостным, дискретным событием с одной стороны и его линейной (коинтуальной) текстовой интерпретацией, с другой. Это область увлекательных интеллектуальных приключений, на которую претендует логика, лингвистическая семантика, семиотическое литературоведение. На самом деле, конечно, поэт не следует за наукой, а, скорее, так же, как и ученые, исследует своими средствами этот конфликт.

Бродский не первый в русской литературе отважился на художественное исследование этой зыбкой и затемненной области. Даже в «Silentium!» Тютчева (1830) скорее сконденсированный предыдущий литературный опыт, чем начата новая тема, которую можно далее проследить в творчестве всех крупных русских писателей, начиная с Гоголя. Кризис позитивизма на грани двух веков дал толчок к новому бурному развитию этой темы в нашей литературе. Собственно для группы Объединения реального искусства (Обэриу), и, в особенности для А. И. Введенского, эта тема была почти исключительной. Введенский был последовательный «логикоборец» (см. о нем проникательные исследования М. Мейлаха). Основной принцип поэтики Введенского — пародирование моделей мышления. Его пародия гениальна, прежде всего, своей тотальностью: с необычным остроумием и тонким внутренним знанием русского языка Введенский пародирует и, таким образом, взрывает весь мир причинно-следственных связей. Но эта пародия замыкается в самом себе. Она не выдвигает альтернативы пародируемому. Вслед за обэриутской поэзией Введенского уже не может быть ничего — это обрыв языка, сознания.

Нам кажется, что в «Посвящается Ялте» представлена и альтернатива дискредитированному мировосприятию в рамках «здравого смысла», кухонной логики: это припасенная на конец возможность некоего над-человеческого, над-логического или метафизического взгляда на мир. **Взгляда сверху.**

Автор сохранил за собой право выйти на сцену и руководить финалом. И тут выясняется, что он не отвергает логику вообще, что было бы чисто логической крайностью, но, скорее, грустит о том, насколько современное сознание покинуто метафизикой, напоминает, что логика — не сама жизнь, а лишь один из способов подхода к жизни, как физическое бытие, как бытие в мечтах (*day-dreaming*) и подсознательных импульсах, воспетое Фрейдом, как формы трансцендентального бытия. Все контраргументы, выдвигаемые Бродским против логики, имеют в сумме позитивное значение — они утверждают еще один равноправный способ бытия — **поэтический**. То, что противопоставляется логике, — это **искусство, поэзия**, и они суть (при сравнении с логикой) анти-анализ и анти-синтез, ибо и тот и другой процесс имеют своей основой представление об элементарном строении мира, тогда как поэзия не хочет признавать преимущества условных атомистических представлений о жизни и мире перед, пусть столь же условной, но, по человечеству, первичной картиной целостной жизни (мира).

Авторская рефлексия в конце оформлена в мощную лирическую коду, обобщающую тему. Живая Ялта —

с ее цветами, пальмами, огнями,
отпускниками, льнущими к дверям
закрытых заведений, точно мухи
к зажженным лампам... —

тает в ночной тьме. И весь полуостров возвращается

к тем очертаньям, о которых нам
твердит географическая карта.

Это не торжество карты над землей, не торжество географической карты как абстрактного знания и результата логических умозаключений, а, скорее, отведение ей соответствующего места в системе представлений о мире: и она может представлять жизнь, но лишь в сгущающейся тьме и на возрастающем удалении от земли.

Валентин ЕВДОКИМОВ

ИГРА ПЕРА И ПОДВИГ ВДОХНОВЕНЬЯ. МАНЬЕРИЗМ И ТРАГИЗМ «ИГРАЮЩЕГО» ЧЕЛОВЕКА

Что игры, если раздастся стон!

*

Прочь, страх! Строй град! Рай игр! Что смерть? Есть жизнь!
(Ю. П. Иваск. «Играющий человек». Москва, Самиздат, 1977).

Трудно писать о столь своеобразном и сложном произведении, каким является «Играющий человек» Юрия Иваска. Что это — поэма, цикл стихотворений или фрагменты стихотворного романа, состоящего из нескольких частей? Стоит ли уточнять, если отличительные признаки жанров оказались размыты, — и в этом особое своеобразие стиля? Назовем условно «Играющего человека»¹ поэмой, это наиболее ёмкое определение.

Название поэмы, судя по всему, навеяно одноименной книгой известного голландского культуролога Йохана Хёзинга (1872-1945) «Homo Ludens», Хаарлем, 1938. Видный представитель социологии истории и культуры, Хёзинга (*Huizinga*)² много сделал для разработки историософской методологии, полагающей своим долгом свободно и непредвзято описывать конкретные исторические факты, осуществляя таким образом «исход» из египетского плена идеологий. В вопросе происхождения культуры Хёзинга придерживался т. н. «теории игры». Эта концепция, идущая от Ф. Шиллера, выводит культуру и труд человека из игры, в которой наиболее естественно раскрывается человеческая сущность. Не является ли поэтическое вдохновение в условиях нашего падшего мира наиболее высокой и в то же время по-детски чистой игрой?..

Эта тяга к игре, «к иррациональному теплу мира, к утробности, к утверждающей себя инфантильности»,³ свойственная Георгию Иванову и типичная для В. В. Розанова, получила интересное выражение в поэтическом творчестве Юрия Иваска.

В отличие от Г. Иванова и отчасти В. В. Розанова, Ю. Иваск не впадает в драматическую безысходность отчаяния, преодолет

¹ Эта поэма распространяется сейчас в Самиздате.

² См.: С. С. Аверинцев. Культурология Йохана Хёзинга. — «Вопросы философии», 1969, № 3.

³ См.: Р. Гуль. «Георгий Иванов», Нью-Йорк, 1958.

вая ущербность упаднической психологии верой в «новый град» общечеловеческой культуры, который будет запечатлен свыше в конце человеческой истории (здесь очевидно влияние эсхатологических идей Г. П. Федотова).

В этой вере соединяются ум и сердце, но стихи Ю. Иваска по преимуществу, хотя и с оговорками, — стихи ментального плана. Они тяготеют к философемам, интеллектуальным обобщениям, словесным формулам-афоризмам. С оговорками, ибо, при всей их умозрительности, стихи эти удивительным образом предметны, отвлеченность идей уравнивается в них конкретностью образов:

Воробьиной ночью бденье.
До утра загробное пенье,
Сизый медленный древний дым,
И зевота, и откровенье,
Свет оттуда: преображенье,
Пламя белое, серафим.⁴

В «Играющем человеке» эти особенности поэтики Ю. Иваска нашли последовательное воплощение: философская лирика и эпическое повествование создают в поэме как бы два параллельных перемежающихся плана. Эти планы сходятся, пересекаются, подобно силовым линиям магнитного поля; они пронизывают друг друга, выявляя относительность всяких перегородок в едином, духовном в своей основе, мире. Отраднo и то, что «седьмое небо» поэтического вдохновения почти всегда оказывается выше этих перегородок. Авторское «я» свободно возлетает, динамично связуя все взаимодействующие предметы в единой сфере. Эта сфера — вездесущность поэтической интуиции, внутренний свет, озаряющий суть вещей:

Перегородок тонкоробрость
Пройду насквозь, пройду, как свет.
Пройду, как образ входит в образ
И как предмет сечет предмет.

(Б. Пастернак)

С Б. Пастернаком у Ю. Иваска немало общего. Образный конструктивизм обоих требует от читателя напряженных усилий мысли и домысливания. Как и некоторые вещи Пастернака, «Играющий человек» предельно насыщен (а порой и перенасыщен)

⁴ Юрий Иваск. «Золушка», Нью-Йорк, «Мосты», 1970, с. 9.

литературными реминисценциями. Зачастую они сознательно вводятся автором, создают интересную переключку с другими поэтами. Нет сомнения, что автор — блестящий знаток русской литературы. Не отсюда ли чрезмерная книжность, местами поражающая обилием спрессованных экскурсов в область философии, религии, истории? И не в этом ли подоплека «маньеризма», о котором речь ниже?..

Примечания в сносках к поэме помогают в отдельных случаях ее «расшифровке», но для рядового читателя, безусловно, необходимы «примечания к примечаниям». Подобно Велемиру Хлебникову, Ю. Иваск в этом отношении герметичен, обращен к узкому кругу избранных. Но можно предполагать, что его аудитория окажется более демократичной, благодаря культуртрегерству Играющего человека, пусть и осложненному формальными исканиями. В самобытную поэтическую манеру Ю. Иваска довольно прихотливо вписались элементы т. н. «маньеризма», — подобно причудливому орнаменту, вплетенному в старинный фамильный герб.

«Маньеризм» поэта, к счастью, лишен нарочитой манерности, чужд позы, эпатажа, так как ему органически несвойственно стремление шокировать читателя. Выразительность стиля, высокая культура языка роднит Ю. Иваска с Владимиром Набоковым, но это особая тема. Остановимся лишь на том, как сам Ю. Иваск характеризует маньеризм:

«Что же такое маньеризм? Исчерпывающего определения нет и его даже не должно быть. В наше время мы избегаем окончательных формулировок и предпочитаем «приближенья» к теме (Шарль дю Бос). Наметим некоторые признаки, черты маньеризма. Это игривость, резвость, бравада, акробатика, поза, экивок, иногда извращенность, декадентство. При этом, как это ни покажется странным, маньеризм не исключает искренности, порывов, верований. Еще — искусственность, двусмысленность, формализм — обнажение приемов, экспериментализм — и далеко не всегда поверхностный. Характерные черты маньеризма в зодчестве, живописи — асимметрия, диспропорция, причудливость. То же самое в литературе, но с добавлением некоторых специфических приемов, например, кончетто — парадоксальных сравнений, метафор».⁵

Ю. Иваск различает несколько типов маньеристов, из которых ему, на наш взгляд, внутренне близки блаженный (юроби-

⁵ Ю. Иваск. Письмо о маньеризме. — «Мосты», 1970, № 15, с. 172.

вый) и испытатель-экспериментатор (акробат). Не случайно на эту тему написаны два стихотворения в сборнике Ю. Иваска «Золушка». И юродивый, и акробат Ю. Иваска — искренние, чистые сердцем трагические персонажи, которые в своем служении людям поднимаются до ангельского самоотвержения:

...Посиневшие губы искусаны,
Где вы, ангелы русые-русские?
За горами, морями-могилами
Безмянными — милыми, милыми.

(Юродивый)⁶

...Я вижу в небе прореху —
Синит акробата синька,
Просунуло руку эхо,
Осанна уже осанка.

Канат образует угол,
А истина мира — сфера,
И с ангелами он ангел,
Уже поэзия мера.

(Акробат)⁷

Один из признаков отсутствия художественного мастерства, в чем лишний раз убеждаешься на примере поточных произведений т. н. соцреализма, — это жесткая тематическая определенность и однозначная заданность. Недаром теоретики имагинизма провозглашали: «Тема, содержание — эта слепая кишка искусства — не должна выпирать, как грыжа, из произведений».

Полная тематическая раскованность Ю. Иваска, его сюрреализм (не без влияния О. Мандельштама и школы «обереутов» — Н. Заболоцкого, А. Введенского и др.) часто уводит поэта к другой крайности. В «Играющем человеке» повествование затемняется сложными многоярусными ассоциативными метафорами, загромождается ответвлениями мысли («растекается мыслию по дереву»), лирическими отступлениями; струение эмоционально-образного подтекста порождает активное сопереживание читателя, требует внимательного вживания в мир событий и метафизических реалий, отраженных в поэме. Яркая и многосторонняя эрудиция автора обращена к вдумчивому и образованному читателю, воображе-

ние которого чертит свои пунктиры, порой обрывающиеся, как и у автора, многоточиями...

Подобные стихи, естественно, далеки от стремления эпатировать читателя. Они преследуют иную цель. Не желание удивлять, а удивление, свойственное ребенку, создает настоящего поэта. Чувство удивления, живущее в стихах Ю. Иваска, не оставляет поэта равнодушным к миру, к давно минувшим событиям, окрашивая его воспоминания в цвета нежности, ужаса, страха, восторга и надежды.

Поэма начинается с заставок, живописующих далекое детство. Воспоминания переносят поэта на Арбат, в неизбывный мир «первоначальных впечатлений». В их калейдоскопе — московские бульвары, церковь св. Афанасия, синематограф, подмосковное имение князей Волконских — Суханово. Примечателен этот образ:

Большой. Босой. Разорвана рубашка:
Из Капитанской дочки Пугачев.

Всё же, Пугачев — всамделишный, а не книжный, литературный герой. Увы, увлечение подобными героями, тем более массовое, не может пройти бесследно:

Сбываются пророчества о Воре.

.....
— Кто выиграл? Чернорабочий или
— Крестьянин?
— Оболгавший лысый Вор! —
И не в рубахе, в пиджачке. Растлили
Россию!
Выставили на позор.

Как видим, революционная «игра» далеко не безобидная вещь, оборачивающаяся в истории трагическим кошмаром:

— Что прошлое: татары, ляхи, шведы,
— Что разгоняющий казачий рык,
— Рылеевы в петле, на Волге голод...
Пронизывающий полярный холод:
Десятилетия — века Чеки.

Тема революции и ее роковых последствий создает глубокий фон всей поэмы, который время от времени вдруг наплывает, становится передним планом, деформирует канву повествования. Эта тема проходит в отблесках пламенеющего неба, переворошен-

⁶ Юрий Иваск. «Золушка», Нью-Йорк, 1970, с. 31.

⁷ Там же, с. 17.

ного быта, снежной вьюги. Ее воплощение связано с попыткой осмыслить противоречивую, двойственную роль русской интеллигенции в истории революционного катаклизма. Этот подход сближает «Играющего человека» с поэмой Б. Пастернака «Спекторский» (1930 г.). Обе поэмы с известным правом можно считать стихотворными романами; интересно их сопоставить и как автобиографические произведения, вобравшие огромный личный опыт поэтов. От них тянется связь к «Возмездию» А. Блока и «Первому свиданию» А. Белого. В центре поэм — образ молодого, ищущего, талантливого интеллигента, его драматическая судьба. Но если Спекторский Б. Пастернака чувствует себя одиноким растерянным чудачком, готовым опозитизировать лжеромантический, разрушительный пафос революции, то духовная трезвость лирического героя-автора в поэме Ю. Иваска предохраняет его от этого. И вот, как выход — исход из вавилонского плена, из России — в Рассеянье... В начале долгого скитальческого пути — это Эстония. Университетский город Юрьев (Тарту) и Ревель (Таллин) оказываются на время пристанищем поэта. Здесь он успешно оканчивает юридический факультет. Стихия студенчества захлестывает его музыкой стихов и волнением споров, сталкивая в сознании философские антиномии и реальные противоречия жизни. Поэт, устремленный в надмирное, оказывается перед лицом глубоких и ответственных духовных проблем:

Не на́ небо, а в небоскребы жизни,
На вызовы-звонки в Двадцатый Век.
Глаза выпучивая, ну-ка, вызнай
Что — почему, не прекращая бег.
Ревмя гудки индустриализаций
И революций... Как же: не к а с а т ь с я,
А б ы т ь, и чтобы человеку Бог
Приоткрывался...

Вот сверхзадача, единственно достойная человека! Вечные вопросы Достоевского, терзавшие великого писателя, продолжают мучить «русских мальчиков», какое бы подданство они ни принимали. Герою Ю. Иваска, верней, самому автору, в этом смысле повезло: он близко соприкоснулся с настоящей духовной культурой, с жизнью иноков Псково-Печерского монастыря. В этом соприкосновении — истоки веры в будущее России:

И возродится белая, льняная
Тысячелетняя, а молодая,
Играя радуется на пиру...

Прекрасны зарисовки, сделанные как бы единым росчерком пера, несмотря на образную насыщенность (а порой и перенасыщенность, подобную концентрированному раствору):

Выстаивает у обедни ранней,
Когда монахи густо в унисон
Поют, и умиренная, в осанне,
Душа горе, и колокольный звон.

Автор любит и не скрывает своей любви к так называемому «бытовому православию», воспевая «бревенчатый благоприятный дом, к обеду водочку, сметки, грузочки». В этом упоении, столь близком душе В. В. Розанова, угадывается широта славянской души, сказывается влияние замечательного русского писателя, «апологета мещанства»:

Мещанами клеймимые некстати.
Поймите, им бы только не мешать.

С нежностью вспоминает поэт Ю. Иваск давнюю дружбу, связывающую его с Игорем Чинновым, замечательным поэтом, близким ему по духу и метафизической окрыленности стихов. Вспоминает автор поэмы и К. К. Гершельмана (1899-1951), поэта и художника, с которым встречался в Ревеле и Германии, где побывал еще во время своей первой поездки в Западную Европу. Это было в предвоенные годы, когда в готическом соборе Фульды, как вызов нацистам, прогремело слово священника:

...Что раса? Та же снова
Спасителя пролившаяся кровь!

С большим мастерством воссозданы в поэме портреты З. Гиппиус, Дм. Мережковского, А. Ремизова, М. Цветаевой, Г. Иванова, Г. П. Федотова, Вл. Набокова. С ними Ю. Иваск не раз виделся в Париже. Вот, например, блестящий портрет А. Ремизова:

Метафора: закутанная в тряпки
Процентщица Раскольниковы иль
Диковинка, кикимора, куйбачка,
Царапница, шипальница и хиль
Хитрит, играя лицемерно в прятки:
Ущербленный, замысловатый, хваткий,
Но райский голос: юдо, а не гиль!

В Рассеянье, оторванные от родной почвы, эти исключительно одаренные люди были невольно осуждены на «кружковый са-

мосуд», на затравленность изгнанников. В этом трагедия русской эмиграции, и велика скорбь поэта, когда он пишет о скудости и неустроенности тогдашней эмигрантской жизни, вконец расстроенной войной:

Гонимые, годами голодали,
И на касторке черные блины
Из гуши, из кофейной, выпекали:
Поевши, были втрое голодны.

Новый Свет, послевоенная Америка, в которой оказался поэт, предстала как страна поразительных контрастов, непривычных даже для выдавшего вида русского эмигранта:

Бензинно-едко. Саксофоны: лиры,
Неистовые, Африки. Неон.
Но Богу молятся...

.....
Почти что черти, но и чертогоны.
Утрами католический трезвон.

В этих контрастах поэту открылось лицо свободного мира, свободного от тотального принуждения, регламентации и нивелировки человеческой личности:

Не Вавилон оримленный Нью-Йорк.

Ю. Иваск сумел разглядеть за индустриальным фасадом современной Америки, сбивающим с толку, мир ее простых и открытых людей, творящих и защищающих общечеловеческие ценности. И не только разглядеть, но и поэтически воплотить в обобщающих формулах, в которых жива подлинная поэзия, несмотря на «дошный формоанализ». Им Ю. Иваск увлекался в Гарвардском университете (Кембридж): структурная поэтика стала для него своего рода мастерской алхимика, который понимает, что поверить алгеброй гармонию невозможно, но стремится открыть в гармонии алгебру поразительных закономерностей и соотношений:

Поэзии исследуется завязь,
Лады, слова, в особенности, звук...

.....
Стихи забавные, а звуки: стая
Таинственная... Чудо или бред?

Мы знаем: не бред, — но могут стать чудом, претворенные в сердце и уме читателя. В контексте поэмы вопрос еще глубже,

он затрагивает сущность культуры. Поэзия (шире: культура) и является той сферой конвергенции, в которой уже сейчас сближается небесное и земное, предвосхищается пасхальная радость преображения:

Строй накануне смерти и бессмертья,
И не откладывая, а сейчас.
Таинственная, утренняя, третья
Земля уже рождается для нас.

Отсюда в конечном итоге жизнеутверждающий пафос поэта, вдохновляемый христианской историософией:

Прочь, страх! Строй Град! Рай игр! Что смерть? Есть жизнь!

В посвящениях Вячеславу Иванову, Г. Адамовичу, Вл. Вейдле, о. Александру Шмеману, Э. Райсу, Иосифу Бродскому поэт вновь преодолевает ограниченность пространства-времени, совершая транс за пределы забвения, в тот мир, где едины живые и ушедшие.

Об этом предстоянии всех поколений пред Творцом-Вседержителем Ю. Иваск проникновенно писал в своей статье «Эсхатология и культура. Памяти Георгия Петровича Федотова (1886-1951)».⁸ В ней подчеркивается основная мысль Федотова: «Вот максима личной жизни: живи так, как если бы ты должен был умереть сегодня, и одновременно так, как если бы ты был бессмертен... Работай так, как будто бы история никогда не кончится, и в то же время так, как если бы она кончилась сегодня». «Ничто подлинное в этом мире не пропадает. Культура воскреснет, подобно истлевшему телу, во славе. Тогда все наши фрагментарные достижения и приблизительные истины, все несовершенные удачи найдут место, сложившись, как камни, в стены Вечного Града».

Цитируя эти высказывания, Ю. Иваск отмечает в сноске к поэме:

«Может быть, эта гипотеза Г. П. Федотова — вариант учения Оригена, Святого Григория Нисского и других об апокатастасисе, о восстановлении и всеобщем спасении в Царстве Божием. Уповаю: есть земля на небе, в вечности».

...Земля на небе, в вечности — вот тот рай, который создается человечеством, по мысли поэта. «Ад невечен. Вечен рай» — эти слова Ю. Иваск берет эпиграфом ко 2-й части «Играюще-

⁸ Вестник Р.С.Х.Д., № 103 (1972).

го человека». Эта часть исключительно усложнена подводным струением мысли, чрезвычайной субъективностью образов. Контуры предметов окончательно теряют свои очертания, становятся условными, зыбкими, предметы проникают друг друга. Но к этой метаморфозе не имеет прямого отношения неэвклидова геометрия маньеризма. Это, скорее, — следствие духовного прорыва в ту область, где всё невозможное возможно.

И 2-я часть поэмы задумана как своего рода иллюстрация к учению Отцов Церкви об апокатастасисе, — восстановлении (воскресении) всего лучшего, что было на Земле, в Царствии Небесном:

И подняла, вне времени, пчела
Трудолюбивейшая, наша память,
На выси: нектара добра и зла
Сладчайшие, горчайшие частицы,
Былинки были или небылицы,
И окормила медами Творца
И тварь. А плоть, облегчена, таится
Внутри души, но сразу узнаю
Едва просвечивающие лица
Сквозь ауру. Знакомые в раю.
Другие кровеносные сосуды
У раежителей, другая кровь,
Уже не беспокоящая уды,
И не сводящая с ума любовь.

.....
Сестрицы, братцы! Дали или близи:
Единое. Блаженно-нежно с Ним.

Всё, что было прекрасно в жизни, по автору, — будь то гимны Давида, сказка Венеции или русский квас — найдет себе место в раю. Рай пуст: это пустырь, отведенный Богом для того, чтобы человек возводил на нем Новый Иерусалим непреходящих радостей...

Конечно, можно не соглашаться с таким неортодоксальным богословствованием поэта. Ведь и само учение об апокатастасисе является не более, чем теологуменом, т. е., частным богословским мнением, не принятым всей Церковью. Церковь лишь учит о рае для праведников как о неизреченном блаженстве: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (Исайя, 64,4).

Можно утверждать лишь одно: превыше всего в раю будет радость обретения утраченной Адамом близости к Богу. Как бы превосходящая ее, поэт стремится совершить последний транс — по ту сторону, за пределы земного сознания, в сверхбытие, не имеющее измерений. В этом порыве душа поэта на какие-то мгновения обретает дар глоссолалии:

А Хромоножка-Золушка-Психея?
Её ой-ёи и её ау!
Неуловимую лова — лелея
Аую-ую-ую-уюю.

Подобный экстаз может возвысить поэта от стихотворения к молитве, но в нем заключена и опасность своего рода хлыстовских радений...

Ю. Иваск преодолевает эту опасность, ибо он живет православной верой отцов, спасается в лоне истинной Церкви.

Отсюда глубокая убежденность поэта в духовном возрождении России, в торжестве добра, в конечном просветлении падшего мира:

Мы в комнате сестринской-братской.
Здесь и парадиз, и парнас.
Мы в вечности старо-арбатской,
Всемирной, просторной сейчас.

.....
Вдали Новодёвичий горлиц.
Дыханье единое — хор.
Вернется сюда богомолец
Астрологу наперекор.

Эти строфы, взятые из стихотворения Ю. Иваска «Моим москвичам», так и просятся сами в концовку поэмы...

Москва. 1978 г.

Борис МИХАЙЛОВ

НА ВЫСТАВКЕ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА

Нетрудно было заметить, как в семидесятые годы значительно вырос интерес публики к художественным музеям и выставкам. В отличие от прежнего, теперь уже в обычные выходные дни не обходится без очередей, а если в Третьяковке открывают выставку русского автопортрета или в Музей привозят старых мастеров, то Лаврушинским и Волхонкой не пройти и в будни. Размышляющие над этим фактом социологи и искусствоведы справедливо усматривают в нем неосознанное, но явственное неприятие ежедневными пленниками телевизионного экрана массовой продукции, этого заменителя старой культуры. Люди стремятся вырваться из потока художественной индустрии и приобщиться ценностям созерцательным.

Но вот чтобы современное искусство вызвало не только сходный, но очевидно превышающий его интерес, таких случаев мы знаем только два: выставку «нонконформистов» («несоцреалистов»), показавших свое искусство в Измайлове и на ВДНХ в 1975-1976 годах, и вот теперь, прошедшую в июне в Центральном выставочном зале выставку И. С. Глазунова. При этом можно с уверенностью сказать, что выставка в Манеже пользовалась большим успехом и, что особенно знаменательно, — у гораздо более широкого зрителя. «Нонконформисты» вызвали обостренный интерес в среде творческой и либерально-оппозиционно настроенной интеллигенции. Это был праздник, прежде всего, самих художников, которые сознательно отказались от советской карьеры в искусстве, предпочли остаться незаписанными в художники, только бы не изменить «нищенке-подруге», — и вот теперь были трусливо разрешены властями. На этот праздник и спешили преимущественно те, кто и в жизни различает и избирает столь же нетривиальные решения и пути.

Не то в случае с Глазуновым. Здесь один художник собрал людей и многообразнее и многочисленнее. В течение месяца на эту выставку ежедневно собиралась многотысячная, по всему

периметру бывшего Конногвардейского манежа, кольцевая очередь, и сколько еще таких потоков оказалось на пути к ней или перед закрывшимися уже дверьми. Под жарким в это лето июньским солнцем по многу часов простаивали молодые люди и пенсионеры, армейские офицеры и гуманитарии, «итеэровцы» и служащие, — в полном составе интеллигентно-чиновная публика, от читателей толстых журналов до немудрящих обывателей, которые и на выставку-то пришли, может быть, в первый и последний раз в жизни. На эту выставку ехали из других городов, фотографировали для своих, кому уж никак не добраться. И услышать о ней в эти дни можно было в самых неожиданных, казалось бы, местах: в сельском храме, в очереди, в подмосковной электричке — от почтенного возраста домохозяек, абитуриентов, не говоря уже о том, что меж своими на службе, из дома в дом, от соседа к соседу как общезначимое, важное для всех передавалось известие — выставка Глазунова! И уж если сами отчаивались попасть, выпрашивали: «Правду ли говорят, что действительно русский художник? да что он там такое написал?!...». Подлинно, выставка эта оказалась праздником уже и зрителей, казалось бы, дождавшихся своего часа. Конечно, многолюдство и популярность еще нельзя считать критерием качества искусства, свидетельством его высоких художественных достоинств, однако бесспорно, что по стечению зрителей выставка Ильи Глазунова оказалась беспрецедентным событием в художественной жизни столицы. Что же представляет собою искусство этого художника и о чем свидетельствует его исключительный успех у всех, так или иначе образованных людей нашего общества?

Выставка занимала приблизительно половину экспозиционной площади Манежа. Представленные на ней около трехсот живописных и графических работ — лишь часть отобранного самим художником из всего созданного им за тридцать приблизительно лет. Знакомство с этим материалом дает основание для суммарной оценки пройденного пути и для заключения об особенностях дарования и месте художника в современном искусстве. Однако предварительно надо сделать отступление исторического порядка и обрисовать в самых главных чертах художественную эпоху, современниками которой мы являемся.

Надо сказать, что в самом существенном и определяющем ничего общего с минувшими временами она не имеет. В XIX веке еще можно было чувствовать себя в привычной художественной обстановке, наслаждаться всеми дарами культурного безмятежья, хотя и тогда уже являлось немало удручающих признаков фи-

нала. С наступлением XX-го от этой идиллии не осталось и следа. Искусство стало агрессивным, машиноподобным, социологизированным — «искусство без качества», по точному определению тех, кто в десятки годы проводил его в последний путь (см., напр. Б. Виппер, Искусство без качества, «Среди коллекционеров». 1923, I). Ему на смену приходит искусство дня — функциональное, многорупорное, тиражное, точнее и шире говоря — и с к у с т в о с р е д ы. Образ творения — картина в высокой резной золоченной раме — вытесняется «композиционным построением», производные которого активно формируют визуальные представления и вчерашнего знатока, и человека толпы. Это, прежде всего, кадр со свернутой в нем динамикой монтажной фильма (С. Эйзенштейн), это плакат и реклама (А. Родченко), обложка журнала и газетная полоса (Эль Лисицкий), новые формы одежды (В. Татлин). Это новое понимание пространства, объема, фактуры и цвета в архитектуре (конструктивизм) под знаком их функционального единства со средой, с происходящими в ней производственными и социальными процессами. Это новое понимание театральной сцены (Вс. Мейерхольд), как принципиально открытого окружению действия, свободно переходящего в площадное гуляние и манифестацию. Это новый подход к книге, к тексту и самому вещному объему ее, как к формализованному пространственно-временному единству, допускающему изобразительное переложение его (книжная иллюстрация, кинематограф, ти-ви).

Вся эта новая среда — замкнутая цепь высокого напряжения, готовая разрядиться в каждом своем оголенном, контактирующем элементе, поле, не знающее преград или пустот ни в человеческом сознании, ни в пространстве и объектах материальной культуры, а равно и человеческой истории, — возвращается в традиционные по средствам «изобразительные искусства» в качестве совершенно нового художественного сознания, которое под видом старой станковой картины производит качественно новую продукцию, гибридную по своим жанрово-видовым признакам (напр., А. Дейнека). Под талантливыми руками она в свою очередь может получить эталонное значение очередного «композиционного построения», которое ляжет в основу нового визуального ряда в кино, театре, рекламе, в оформлении транспортной магистрали и узла, города, улицы, магазина, театра, конторы, дома, жилого и рабочего интерьера, книги и предметов повседневного обихода вплоть до обертки туалетного мыла.

Новый вид художественной деятельности возник в практике

самых передовых художников современности, от Пикассо до Кандинского. Он стал закономерным итогом развития художественного авангарда от кубистов до беспредметников и с тех пор превратился во все расширяющуюся и кремневшую дорожку современной культуры. Уже при первых шагах была верно схвачена поэтика новой деятельности, определенная «эстетикой числа и циркуля» (Б. Шапошников), — трезвого и тонкого расчета, вдохновенной выдумки и изобретательности, удачливого угадывания актуального потенциала культурных элементов самых далеких и забытых эпох и умелого включения их в контекст современности. Эта деятельность проявляет себя в актуальном поле культуры, создает его эпицентры и по существу есть само это поле, — неотделима, неотличима от него. В ней принципиально присутствует весь материальный фонд цивилизации, хранимый натурально и во всем объеме семиотического накопления культурной «памятью». Новая деятельность не предполагает усилий творца, она не создает новой субстанции, нового качества, но лишь актуализирует средствами воздействия на психику человека и сознание масс наличный материал культуры. Она предполагает технологические знания, в объеме, например, теоретических и прикладных курсов ВХУТЕМАСа и Баухауза, профессиональное мастерство, социологическую интуицию, а нередко и политический темперамент. При этом может поставляться качественная или халтурная продукция, но вопрос о качестве в старом смысле слова, о соответствии формы внутренней и формы внешней, не стоит здесь с самого начала. Позднее сюда точно приложилось слово «дизайн» (проект, проектирование), которое удовлетворительно описывает технологический характер новой культурной практики и дает представление о практически безграничном объеме ее приложения.

С конца десятых и все двадцатые годы дизайн переживал бурное цветение, как ни в какой иной стране, в Советской России, возбуждаемый и погоняемый волнами революции, стиравшими многостилевую пластику русской жизни и русского сознания, превращая их в сплошную единообразную среду — идеальное место приложения дизайнера, который, как и коммунизм, в силу собственной природы не ставит себе цели меньше мировой. Дизайн есть проектирование — и лишь на первом этапе, при зарождении своем, традиционными художественными средствами — предметно-пространственной среды, в пределе всей эйкумены, с целью пересоздания человеческого общежития в духе идеологических утопий: гуманистической (Корбюзье, В. Гроппиус) и ком-

мунистической (марксизм), которые именно в этой перспективе сливаются, обнаруживая общую природу и цель, хотя и сохраняя различную окраску из-за исходного несовпадения приложения усилий: в первом случае в «человке», во втором — в «коллективе». В этом смысле дизайн есть технологический аспект коммунизма, имея в виду под технологией совокупность мирового хозяйства в действии.

В двадцатые годы дизайнерство не поднималось выше кустарных форм и не осознавалось в его истинном содержании, однако теперь от нас не может укрыться радикальность разразившихся тогда потрясений и перемен. ИНХУК и Пролеткульт, ВХУТЕМАС и ОСТ, «Октябрь» и ИЗОРАМ, «СА» и новое архитектурное строительство, теория и практика книги, фотомонтажа и кино, новые принципы оформления журнала, газеты, всевозможных средств наглядной агитации от плаката до наклейки спичечной коробки, — все это многоликое, бурлящее новыми идеями и находками дизайнерство хотя и было в начале тридцатых годов надолго лишено инициативы и личного начала, хотя и оказалось под давящим контролем партийного аппарата, но именно оно проложило пути социалистической художественной индустрии и определило все ее дальнейшее развитие.

При всем внешнем видовом и жанровом разнообразии дизайна уже в двадцатые годы можно было различать в нем основные рабочие направления: дизайн теоретический, дизайн творческий и дизайн прикладной, практический. В теоретическом секторе выяснялись и формулировались основные принципы, методология и перспективы новой деятельности; в творческом создавались эталонные решения, новые образцы и приемы работы, своеобразные каталоги материалов, методов и форм, которые уже обыгрывались и тиражировались в прикладном (коммерческом и идеологическом). Во всем ее объеме эта работа никем никогда не планировалась и не направлялась, это и невозможно и нежелательно. Естественный отбор безошибочнее: при современных средствах информации и тотальном охвате ими всей жизни ни одно сколь-нибудь полезное для дизайна художественное событие не остается подолгу в общекультурной тени, но поступает в конце концов в систему общекультурной экономики. Иногда все три функции дизайна совмещались в одном лице: В. Татлин, М. Гинзбург, В. Фаворский; были чистые теоретики: К. Малевич в поздний период, И. Иоффе, Б. Арватов; создатели образцов: Эль Лисицкий, Н. Альтман, А. Дейнека и наконец армия прикладников, в том числе и в привычном виде «станковистов». С тридцатых го-

дов первые два сектора поступили в безраздельное распоряжение Агитпропа, отдела агитации и пропаганды ЦК партии, и вся работа была идеологизирована. Была создана теория идеологического дизайна (социалистического реализма), определены направления, темы и указаны образцы для их воплощения. При этом могли создаваться тысячи станковых по виду полотен и скульптур, однако дизайнерский подход оставался в неприкосновенности, он лишь выступает в это время в виде доктрины «партийности», предложения и исполнения социального заказа.* Именно в это время деятели нового искусства получили наименование «инженеров человеческих душ» — не метафорически, а во всем инструментальном и агрессивном объеме этого понятия. Художников старого склада в современной культуре, как кажется, не осталось, если не считать милых чудаков, высыпавших в погожие дни на живописные пригорки. Но их присутствие в культуре ощутимо так же, как присутствие в ней любителей укрыться от палящего солнца в уютном гамаке под развесистой кроной.

«Под каштаном» старой культуры и в самом деле можно еще перевести дыхание, сойдя с изнуряющей прямой. Мольберт сохраняет культурное значение, но значение именно передышки и досуга, развлечения и игры. Однако уже в самом безобидном обыгрывании тем, образов, изводов, приемов работы и материала старой культуры художника снова начинает цеплять и затягивать поток дизайна. Всякая же серьезная работа в станковой форме неизбежно ведет по пройденному уже в начале века пути «от мольберта к машине». Существует лишь очень немного примеров активного и творчески плодотворного противостояния машинизации и идеологизации старых форм. Очевидно, в той или иной степени оно согревает одинокие и, как правило, неосознанные усилия всякого художника, в ком видимые, легко идущие в руки преимущества индустриальной культуры не заслонили дара творца. Однако это лишь разбросанные, удрученные и растерянные в себе одиночки, творчество которых не определяет общую картину и атмосферу современной художественной жизни. Быть может, безвыходность эта и дана нам для того, чтобы понять порочность стойкой возрожденческой привычки людей искусства искать разрешение всех проблем в самом искусстве?..

* Особого разговора заслуживают при этом камерные жанры, преимущественно в графике, согреваемые и излучающие тепло старой культуры (напр., Н. Тырса). При общей дизайнерской запашке они были «приусадебными участками», вынужденно оставленными властями.

Своеобразие переживаемого в XX веке художественного переворота заключается еще и в том, что массовое сознание намного отстает от происходящих в творческом деле перемен. В подавляющем большинстве зрители воспринимают современное искусство с позиций и в понятиях, характерных для до-авангардной поры. Отсюда, в частности, при мощном техническом потенциале примитивные формы массовой продукции художественной индустрии на Западе и в СССР. Отставание сознания массового потребителя от передовых художественных свершений, вообще говоря, традиционно для культуры Нового времени, и, например, Европа середины XIX века давала в этом отношении классические образцы. В XX столетии этот разрыв заметно увеличился, а в нашей стране усугубился специальной политикой, направленной на овладение и управление сознанием миллионов людей посредством привычных этому сознанию форм и средств. Вкусы, понимание и уровень зрителей в СССР формируются по законам массовой культуры, механизм которой налаживается и приводится в действие идеологическим аппаратом. Заметим, что как правило, и сознание художников не намного превышает общий уровень.

Все сказанное до сих пор об искусстве и художнике нового типа должен иметь в виду историк или художественный критик, занятый изучением какого-либо явления современной художественной жизни. В противном случае его работа в научном отношении обесмысливается. Будем помнить об этом и мы, входя на выставку Ильи Глазунова.

Не задаваясь целью обстоятельного разбора тридцатилетнего творческого пути художника, скажем только об основном направлении его, которое легко прослеживается от этапа к этапу. Перед нами не то чтобы невольное соскальзывание, а готовое, добровольное оставление традиционных методов работы ради преимуществ новой художественной деятельности.

От уроков благородной старины, усвоенных в академическом курсе, в любовном хождении по Эрмитажу (конец 1940-х—начало 1950-х гг.) художник обращается к живописным «ноктюрнам» («Последний автобус», «Портрет жены», 1950-е), согретым искренним участием его к простым людям. В Глазунове вообще рано проявилось себя сострадательное внимание к «униженным и оскорбленным», понятное художником в лучших традициях русской школы и сразу же противопоставленное им собакевичам и маниловым социалистического реализма. Останься он здесь, как бы тихо было в залах его скромной выставки... Но что-то не удовлетворяло, сте-

сняло художника в этом «комнатном» жанре. Он ищет более звучной темы, развернутого воплощения ее и обращается за этим к литературе. Шаг типичный и показательный для состояния пост-авангардистской культуры и духовно стесненного идеократией общества.

Дело в том, что книжная иллюстрация, несмотря на весь свой теперешний авторитет и успехи, является свидетельством распада старой культуры, кризисного состояния всей художественной жизни. Выныривая из материнских недр школы на поверхность, художник обнаруживает себя среди обломков того, что при учении казалось утвердительным столпом и устройтельной опорой всего мироздания, обнаруживает себя лишенным живого тока от старой культуры и устойчивых ценностных ориентиров. Не желая идти в работу «колесиком и винтиком», он ищет культурный материал, созвучный его представлениям и идеалам, и обретает его в литературном памятнике. Ведь любая хорошая книга — целый мир, единственный в своем роде для каждого читателя и в то же время общезвестный, общезначимый. Литературный памятник легко поддается формализации, в нем как бы заложены свое пространство и время, т. е. даны основные параметры для изобразительной интерпретации-переложения. Однако в процессе иллюстрации художник воссоздает своими средствами не текст, — что с самого начала принципиально невозможно, — а стилевое видение, адекватное своему или групповому прочтению произведения. Возникает новая изобразительная реальность, заслоняющая первоисточник.

В этом нет ни с чьей стороны злого умысла, таково объективное бедственное состояние культуры, при котором она жертвует своей полноценной частью ради достижения общего равновесия. Творчески зрелые мастера консервируют в книжной иллюстрации и старинной технике школу мастерства (таково в этом смысле значение «Мира Искусства», московской и ленинградской школ графиков двадцатых годов), хотя тем самым и они неизбежно и весьма активно участвуют в формировании современных визуальных представлений (достаточно задуматься, например, о значении Добужинского или Фаворского для поэтики кино). Начинающий же художник получает возможность разогнаться в благодатном литературном материале, приобрести техничность и творческую устойчивость.

Думается, именно такой путь проделал И. Глазунов, иллюстрируя литературные произведения Достоевского, Мельникова-Печерского и Лескова. Он именно в этой работе вырос и утвер-

дился в представлениях о России, здесь открылась та русская тема, которая составила содержание последующего творчества. Здесь же был найден и отработан иконографический и стилиевой стереотип, по которому мы безошибочно узнаем героев Глазунова. Его определяют поверхностная экспрессивность форм и внешняя чувствительность выражения, приторная краснота и ложная многозначительность облика.

Как много потеряно при этом для серьезного творчества, видно при сравнении «Портрета жены» 1950-х годов и «Русской красавицы» 1968-го, где избалованный художником тип представлен с демонстративной прямолинейностью. Живописный лиризм в духе русского сецессиона (круг Серова-Коровина) сменился изобретательной компановкой броских деталей, намеренно взятых из разных культурных сфер для достижения большего эффекта. Так, с одной стороны, «Русская красавица» — картина, но вместо обычной рамки использован резной наличник, поэтому картина вместе с тем и оконце. В перстень вставлен натуральный камень, бусы и платье вклеены также из естественного материала, молодое лицо нарумянено, брови насурмлены, губы накрашены — как на олеографической картинке, и вместе с живописным слоем все это производит дразнящее впечатление искусства, как бы сбрасывающего условные покровы, крикливо демонстрирующего свою изнанку. Эффект несравнимый, но и чисто дизайнерский, достигнутый дорогой ценою преступления дозволенных старшей живописью границ и приемов (вспомним, напр., «Русскую крестьянку» И. Аргунова 1780-х гг.).

Удачливее всего художник в портретах, которые и составляют едва ли не половину показанного на выставке. Но вот парадоксально, портреты его поверхностны и безличны, не портретны. Удачи здесь скорее технического порядка, чем человеческого, радости мастерства, работы с интересной натурой, при которой собственно портретная проблематика даже и не поставлена. Как в иллюстрациях художника удерживала несущая литературного памятника, так в портретах он ободряется фактурными свойствами модели: ее знаменитостью или сходством с любимым типажом. Примером первого может служить маловыразительная фиксация актера И. Смоктуновского (1977), второго — «Портрет Наташи» (1977), где стильность изображения заслонила изображенного человека. Много привлекательных композиций художник привез из Чили. Здесь и молодая чилийка в эффектной постановке, и изображение группы крестьян с контрастно графической темой живописно выделенной головой, но от изображения человека до порт-

рета, как специальной задачи пластического нахождения личностного облика и духовной субстанции портретируемого, дистанция огромна, и верно схваченные, а иногда и форсированно преподнесенные внешне сходные черты («Портрет В. Тейтельбойма») ее никак не покрывают.

Не стоит повторять тривиальных истин: человек всегда сложен. Но вот каким он предстает в искусстве, — это уже зависит от духа времени и от того, насколько причастен ему художник. Трудно поверить, что наша жизнь ограничивается благополучными, со вкусом написанными знаменитостями и интригующими незнакомками, однако иного впечатления от портретов Глазунова не возникает. Не исправляют положения и зарисовки строителей амурской магистрали (1977). Ни один из них не взят в правде его положения хотя бы перед мольбертом: без позы, в неловкости перед несвойственной, непривычной задачей. Разве что вот у Николая Шевчука («Портрет бригадира слесарей») схвачены в эскизе усталость, замкнутость и твердое сознание: «Не нужен я тебе, не старайся». Но в большом листе и это разогналось в театрального пророка, красиво отделанного пастозным соусом. А рядом все те же добры-молодцы, пустоглазые с приглаженными льняными прядями. Уж лучше писать кинозвезд и чилийских вакханок, здесь и по стати все и по нарядам.

Однако стоит ли, в самом деле, так напускаться, сетовать на то, что вот есть еще один художник, который во времена засилья посредственного эстампа и бесплотных призраков телевидения и кино дарит нам одно за другим полнокровные живописные и графические произведения, в которых так уютно устроились молодые особы и маститые литераторы, да и судьба модного портретиста далеко не из худших и не из частых в наши дни... Однако не в этом видит свое призвание художник, он идет дальше и предлагает нам подняться на более высокую ступень.

Со времен Карла Брюллова русские живописцы прошлого столетия в большой тематической картине видели исполнение всех своих самых далеких замыслов, увенчание трудов и главное слово в жизни. Эта романтическая традиция, получившая у передвижников гражданственно-этическое истолкование, поддерживалась вплоть до Левитана, Врубеля, Васнецова, Нестерова и Петрова-Водкина и пресеклась лишь при переломе художественного творчества в материальное производство. В атмосфере новой, индустриальной культуры нет места гению художника, перед нами не привольный простор с осеняющими его снеговыми верши-

нами, а функционально связанные, с большей или меньшей возможностью выбора, элементы, удержанные силой взаимного сцепления, вовлеченностью в господствующий надо всем Процесс. В этом мире без земли и неба художник принадлежит отношениям, которые пронизывают его сознание и практику и, кажется, составляют самую ткань существования. У него органически нет своего голоса, во всяком случае он не раздается, если и прорывается. Так, не услышан был П. Корин с его «Русью уходящей» 1930-х годов, картина неслучайно оказалась незавершенной. После этого — при двойном гнетом — дизайнерской индустрии и идеологического диктата, — казалось навсегда пресеклась былая национально-этическая традиция. И не одно молодое поколение выросло в послевоенные годы, но как-то в своем искании отцов никто дальше «Мира Искусства» не продвигался.

И вот один только Илья Глазунов с первого своего появления еще в пятидесятые годы дерзнул заявить о своем преемстве. «Я буду великим русским художником» — примерно так это звучало уже тогда и представлялось увлекательным, но и наивным, несбыточным, а то и нескромным. Особенно раздражило советских генералов от искусства; ведь это они себя считали хранителями мастерства, верными репинцами...

С тех пор вера в профетическое предназначение своего искусства и собственную миссию возрождения оставленной традиции лишь крепла и все более определяла общественную позицию и многие выступления художника. Нельзя не вспомнить, например, что из всех оборонявших Москву от разрушительных и продажных идеологических кампаний и проектов громче и неприемимее всех звучал голос Ильи Глазунова. У художника уже в пятидесятые годы составила репутация смутьяна и выскочки в партийно-чиновной и профессионально-художественной среде и талантливого правдолюбца у многочисленных зрителей. Как бы то ни было, запальчиво отстаивая еще в те годы избранный путь, Глазунов показал возможность неказенной позиции в искусстве, и уже одно это составляет его бесспорную заслугу перед обществом.

Это самосознание и вера в жизненность русского гения определили размах искусства И. Глазунова, но вместе с тем породили и драматическую диспропорцию между стремлениями и возможностями, искусством и представлениями о нем самого художника. Здесь проявилось как раз то отставание от художественной практики ее осознания, о котором говорилось выше.

Большие картины 60-70-х годов не оставляют сомнения в том, что мы имеем дело с художником нового типа. Собственно говоря, картинами эти программные произведения Ильи Глазунова назвать было бы неверно. В двадцатые годы, когда формы новой, пост-авангардистской культуры получали первое теоретическое осмысление, такого рода продукция была точно определена как «новые невиданные плакаты» (Б. Арватов). Такие «картины» не пишут, они составляются методом монтажа с возможно более точно рассчитанным эффектом воздействия. В дело идут разнообразные по фактуре и качеству материалы («Русская красавица» 1968, «Метель» 1978), традиционный иконографический извод и стиливой стереотип дубка («Русский крестьянин» 1966) или того же ряда иконография в озадачивающем сочетании радуги на обезглавленном теле и кровоточащей головы в руках со Всевидящим Оком («Былина» 1976), которое в этом смысловом контексте утрачивает свое устойчивое в христианском искусстве значение, приобретает пугающий, натуралистический характер. Широко используются приемы живописного экспрессионизма («Канун» 1977, «Иван Грозный» 1969), правда, прямолинейно и поверхностно. В живописном отношении вся эта тематическая продукция откровенно примитивна. Да было бы и неверно ожидать от этих «картин» чего-то иного, кроме раскрашивания, наполнения цветом определенных плоскостей. Ведь не ожидаем и не ищем мы никаких живописных «туше» от городской кинорекламы. Вся разница лишь в том, что информация кинопроката однозначна, а перед продукцией нашего художника мы задерживаемся, и подолгу. Почему — об этом речь впереди, сейчас же мы можем и должны констатировать, что на исходе тридцатилетней работы в искусстве И. Глазунов предстает перед нами профессионалом, оснащенным современными методами работы с материалом, давно и с успехом применяемый самыми разными мастерами творческого и прикладного дизайна на Западе и в СССР.

Думается, никто не стал бы возражать, что несмотря на популярность художника, выставка только портретов его и иллюстраций не собрала бы такого количества желающих, во всяком случае не стала бы событием. Большие картины, и в особенности две из них: «Возвращение» (1978) и «За ваше здоровье» (1977), обеспечили ее небывалый успех. Надо заметить, что нынешний интерес был подогрев срывом большой выставки, разрешенной прошлым летом, с которой художник не согласился

убрать «Мистерию XX века», породившую тогда же множество интригующих слухов.

И вот мы перед «Возвращением», вернее сказать, перед нерасходящейся толпой зрителей. Чтобы на протяжении месяца перед одним экспонатом от звонка до звонка простояла добрая сотня человек, — такого на нашей памяти не было.

«Возвращение» вертикального формата, приблизительно два метра на четыре с небольшим. Внизу на переднем плане стеснились три раскормленные свиньи, две слева мордами вперед, третья из правого угла. Между ними подросток, склоненный над огнистой лавой, словно всматривающийся во что-то. Образ, как кажется, автобиографический, сосредоточенностью в себе напоминающий «Мальчика раздувающего лучину» раннего Эль Греко. Сразу от него вверх и в глубину уходит поверхность длинного стола под белой скатертью. Стол «пира победителей»: вмерзшие в скатерть, коробящиеся из ее складок тела, брошенные рюмки с красным вином, усекновенная глава Иоанна Предтечи. Правее, перекрываемая рамой, — Иродова маска с отсветами пляшущего огня. А напротив, по левую сторону от стола, смутные очертания тансерики-Саломеи, срамно падающей на спину, в глубине за нею, в тинистой мути твистующий кружок. Перспективу стола замыкает пьедестал с фигуркой мальчика, в котором угадываются очертания Павлика Морозова, но можно понимать и шире, как постоянную у художника тему загубленной детской души, убиенного царевича Димитрия. Рядом с ним остов догорающей церковки с падающим крестом. Верхний правый угол занимает ракета, вдоль ствола которой ниспадает раздутым парусом красное полотно.

В правой же верхней части, в невидимом далеке занимается облачатая дымка. Она струится на заднем плане, справа налево, как бы в обход, все более наполняясь светом, и белым облаком врывается в картину, неся на гребнях своих великую рать, простоволосую и в островерхих шлемах, в передних рядах которой все четче проступают черты и вырисовываются известные еще по школьной хрестоматии лица: Врубель, Рахманинов, Шаляпин, Мусоргский, Петр I, Гоголь, Ломоносов, Достоевский, Пушкин, Чайковский, и в переднем ряду: Солженицын (?!), Суворов, Сергей Радонежский, Серафим Саровский и Александр Невский (или Дмитрий Донской). Перед всеми — уже встречавшаяся нам Русская красавица в кокошнике, и на самом краешке — исполнение всего — встреча, сретение.

От пиришественного стола отделена и поставлена навстречу облаку, в самом центре композиции, со втянутой в беззащитные плечи стриженной головой коленопреклоненная фигура. Это покаяние любовно принимает и покрывает в поясном склонении сверху, с облачатой, небесной выси долгожданный отец и кормилец, разом крестьянин и святой. Так значит возвращение не только блудного сына, но нашей родины, России — к нам?!..

Вот она приходит во славе, долгожданная. И вот мы: отпавшие, обманутые, в пожарах, саморазорении, в оргии пиришества, в неправде. Здесь все, в этой встрече, полно евангельских и молитвенных реминисценций: возвращение блудного сына, Воскресение мертвых в сретение Господу, «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные...», «Блажен муж». И в напряженном состоянии перед этим небывалым в Манеже происшествием, в замирании перед тем, что несется к нам с полотна, кажется, слышишь: «О, как бы и мне прильнуть к этим добрым, необманывающим рукам...».

Думается, две вынесенные в этой композиции аршинной прописью темы волнуют более всего и объясняют небывалый успех выставки: правдивый рассказ о себе, покаяние, и обретение отечества. Но именно потому, что провозглашены темы такой важности, что раскаяние и возвращение в России действительно ищут себе путей, композиция Глазунова одновременно волнует и разочаровывает. Чтобы быть искусством, ей недостает глубины картины, чтобы быть правдой — полноты искусства.

Кажется, пластические искусства вообще неспособны вместить и вынести всего предполагаемого при этом материала. Об этой ограниченности их в свое время писал еще Лессинг. История пластических искусств подтвердила его заключение. Сделав предметом искусства «безобразное», кубисты пожертвовали прежде всего искусством, последовательно разрушили живопись как искусство старых мастеров. Дальнейшее развитие показало, что они при этом были и до конца правдивы, что своеволие их было не личным капризом, а закономерным проявлением новых тенденций в культуре. Так через линию неподдельности, правды искусства была намечена линия его правдивости.

Совместить эти напряженнейшие прямые не дано было почти никому. В русском искусстве после революции нам известны только два художника, составляющие исключение: П. Филонов и В. Вейсберг.

Из ныне живущих Владимир Вейсберг оказался не только единственным, вполне осознавшим произошедшую катастрофу, но

и как никто другой нашедшим этому осознанию адекватное выражение. При общей путанице и необязательности широко употребляемых понятий у нас то и дело икону называют «древнерусской живописью». Так вот в отличие от иконописи у Вейсберга именно религиозная живопись.

...Игольчатая раковина на плоскости — это уже много, уже целый спектр пересечений прямых и перламутра. Возьмем кубики, валики, пирамидки. При избытке простейших элементов — все равно хоры звучаний. Будем ладить их, ровнять, гасить эхо. Вот затихли, омертвились тени, осветлились, обесплотили тела, жизни не осталось совсем, перед нами не предметный мир, а его «эйдос», ровный строй идей отдаленных, у которых и конец и причина..

Позволим себе высказать предположение, что пульс художника бьется ровнее и тоньше к концу каждого сеанса. Это подлинно молитва, «умное делание», аскетический путь отсечения и сакрализация натуры, полотна, самой жизни. В живописных медитациях Владимира Вейсберга станковое произведение также утрачивается, но оно обретает субстанцию «иконы», а не переходит в дизайнерский гибрид.

Смешение предметов и значений некогда строго разграниченных сфер культуры и культурного сознания — один из главных результатов революционного трясения современности. И что касается обыденной жизни и будничного сознания, то мы уже, кажется, привыкли к смешанному языку и формам. Но не то сознание праздничное. «Нас возвышающий обман» искусства дольше удерживает традиционные перегородки. И если художник программно обращается к большой форме, мы настраиваемся на отживающие как будто бы, но не пропавшие еще вовсе представления о сакральном и профанном, мы ожидаем от художника строгого отбора и упорядочения предметного мира. А этого как раз в картине «Возвращение» не получилось.

Возьмем главного героя. Хорошо начатый с головы и в плечах, он скороговоркой и вяло прописан к ногам и облачен в модные джинсы. Режущая деталь. Она сразу отсылает нас к фельетонным представлениям о современной молодежи и придает известной притче утилитарную окраску. Евангельский сюжет профанируется, получает функциональный по отношению к замыслу художника характер. Главное здесь не святыня ново-заветного образа, а общая установка, в которой притча может быть колесиком или винтиком, — все равно, она будет только частью механизма, придуманного автором и наводимого им в

избранную цель. Но так же скользит автор и в правде: не страдалец вообще, это было бы слишком расширительно, а представитель некоторого слоя: есть мол у нас еще несознательная молодежь, прогуливает отцовское наследство, а надо бы вспомнить и о славе предков. Именно эту мысль излагает повешенная рядом аннотация, толкование от Агитпропа. Сходно преподносит и «Правда»: «Вложив в традиционный сюжет новый смысл, художник, видимо, хотел выразить надежду на возвращение к великим истокам тех, кто еще мучительно барахтается в грязной тине свиных нравов...» (Д. Жуков, Вехи пути, «Правда» 14.VI.1978).

Не лучше и с Иродиадой: не будь «Усеченной главы» на столе, не догадаться было бы, к какому иносказанию прибегнул художник. Святыня получает здесь роль заставки, объявляющей сюжет, который — уже наоборот — переводит острую современную тему в более общий план. Такую же роль оповещательной клавиатуры выполняют лики и изображения в явлении русской славы. Ракета с кумачом — не выше стенгазетного уровня и с таким же выпрямляющим смыслом: бодрящим упованием на конечное торжество разума, науки и прогресса, спасительное для нынешних бед и исправительное для «ошибок прошлого». Разглядывание этой композиции не порождает процесса художественного вчувствования, но актуализирует подготовленные уже в нас общественной практикой социально-психологические стереотипы, взаимодействие которых и порождает желаемый эффект. Это «искусство идеологически и эмоционально воздействующих форм, искусство социального воздействия, так называемое содержательное искусство» (Б. Арватов, Натан Альтман, П. 1924, с. 57).

Это в точном смысле слова искусство дня. Объектом его воздействия является общественное сознание, которым овладевают и управляют в определенных интересах. Материал, средства, приемы, инструментарий в избытке наработаны художественной индустрией и постоянно обновляются изобретательностью новых поколений «инженеров человеческих душ» (ср. Гуттузо). Велик и опыт манипуляции массовым сознанием с помощью новых средств. Вот почему в «Правде» появилась статья «Вехи пути», название и содержание которой свидетельствует о том, что художник признан полезным, путь открыт.

Можно указать и на предшественников Глазунова, но не в шеренгах 30-50-х годов, а среди резвой околосоветской публики первого десятилетия. Достаточно назвать имена двух пионеров идеологического дизайна: Н. Альтмана и Ю. Анненкова. Особенно с последним роднит его то же скольжение по ниве художест-

венной жизни, сходный светский и художественный темперамент, замечательное равнодушие в выборе натуры (ср. у Анненкова портреты Ахматовой 1910-х и Троцкого 1924), та же выдвинутая вперед техничность и внешний лоск. С той только разницей, что Анненков демонстрирует более высокую школу, большой вкус, изобретательность и «брио», в отличие от нередко топорности, шаблона и общих мест у Глазунова. В этой перспективе Илья Глазунов оказывается уже в третьем потоке дизайнеров идеологического толка. Теперь в этом нет никакой новизны, кроме новизны осознания самого факта.

Написанная годом раньше «За ваше здоровье» (1977) является вторым по популярности экспонатом выставки и в декларативной форме преподносит все те особенности творческого метода художника, о которых мы говорили выше.

На полотне (приблизительно три метра на четыре с половиной), заключенном в широкую досчатую раму, выемка которой выложена рогожей, на переднем плане в полторы-две натуры представлен улыбчивый, седенький, в кепке и телогрейке дедок с орденом Славы на груди. Он сидит на фоне стены плакатов: Гагарин, Африка, Маркс-Энгельс, Технике работать круглые сутки, Вьетнам, Пионеры, Новый паспорт. С озорным прищуром он поднимает в приветственном тосте стакан водки, приходящийся как раз на обложку с гербом и словами «я гражданин Советского Союза». Сюда и вмещен несложный механизм этой агитки, разнесенной до размеров монументального произведения. Официальной пропаганде, пространству, сплошь занятому плакатами, противопоставлена «сермяжная правда жизни» — прием сам по себе плакатный и вдвойне фальшивый, поскольку, во-первых, правдивое изображение требует иного подхода и форм, и, во-вторых, никак нельзя назвать удачной попытку собирательно представить русского человека в правде его теперешнего положения в виде трафаретного бодрячка по прописям Агитпропа, готового выпить с согражданами за новый паспорт, не постесняться поозоровать, побраконьерствовать, пока мол там техника надрывается круглые сутки.*

Наверное таким представлял себе русский народ Сталин, когда провозглашал за него тост в конце войны. С тех пор этот образ стал одной из одобренных версий советского патриотизма, его конфиденциальным вариантом. И то ведь: надо было разрешиться признанием в пристрастии мужика к классической форме

* Нас де ни одна холера не берет: выпил, крикнул и пошел.

граненого стакана. Но для русского сознания унизительно думать, что мы так ничему и не научились в прошедшей истории. Что после книг Солженицына мы по-прежнему видим себя не дальше Щукаря. Для тех же, кто, подобно А. Янову, предрекает эволюцию автора «Ивана Денисовича» в национал-большевизм, полезно было бы побывать на выставке Глазунова.

До сих пор мы оставляли в стороне еще одну сенсацию, связанную с выставкой. Что «наконец-то русский художник! и талант», что «впервые о России — да правда» — это и стариков поддерживало в многочасовом кольце вокруг Манежа. Но, наверное, не менее будоражило и другое: «Как разрешили?!» Ведь мы-то знаем, что спроста или по недосмотру у нас такого не бывает. И ведь не какая-нибудь окраина, а в самом центре, на почетном и видном месте. Что же стоит за этим?

Еще в двадцатые годы социологами-марксистами нового поколения была выдвинута идея о том, что человек в повседневной общественной практике окружен и находится под воздействием «конкретной идеологической среды» (А. Богданов, П. Медведев) и «конкретной визуальной среды» (И. Иоффе, Б. Арватов). Как легкие человека наполняются воздухом, так его сознание — при известных условиях — продуктами того, что человек видит и слышит. основополагающий тезис марксизма о соотношении общественного бытия и человеческого сознания был развит и воплощен на уровне функционально-технологических представлений. Это, по существу, было началом науки об управлении, позднее получившей статус кибернетики, которая в ходе социалистического строительства зарождалась в Советской России среди массивных социальных обвалов и срезов, в избыточном материале социологических экспериментов русской революции. Этот опыт, как и новая художественная практика, был «национализирован» Агитпропом в начале тридцатых годов. Идеологический дизайн под видом искусства социалистического реализма придал партийной работе по созданию конкретной визуальной и идеологической среды индустриальный размах и поначалу высокую результативность. Однако уже 40-50-е годы проходят под знаком застоя. В 60-е идеологический дизайн значительно обновился, стал монументально-барским, вполне плакатным даже в станковых формах. Однако жить этим искусством оказалось невозможно. В 70-е наблюдается массовое «дезертирство»: художественная молодежь отказывается от службы в армии работников искусств, стихийно образует собственное содружество неприсоединившихся к советской художественной идеологии — «нонконформистов». До поры

провал Агитпропа на ИЗО-фронте не был замечен. Многослойные фильтры выставкомов все еще продолжали от сезона к сезону пополнять ряды будущих «неприсоединенцев» без нарушения общего баланса. Однако время пришло и громогласный скандал разразился: на юго-западном пустыре Москвы выставились самодеятельные художники. Половинчатое разрешение затем выставкома, впервые представлявшего самих живописцев, и вызывающий успех «неприсоединенцев» на ВДНХ показал, что художники в массе своей вышли из-под идеологического и организационного контроля. Всем стало ясно, что полупустые залы больших советских экспозиций не случайность, что люди заходят в них скорее по инерции, в силу культурной, поведенческой привычки, что разрешенное теперь искусство, представляющее собою уродливый гибрид Академии Художеств сталинских времен и Союза художников хрущевских, «несъедобен», работает «вхолостую».

Вот при такой брешу и возникла, очевидно, идея рискованного эксперимента с выставкой Глазунова. «Нонконформистов» к этому времени частью просеяли за границу, в большинстве же поместили в ульи профсоюза графиков. Нужно было теперь показать всем, какому «неприсоединившемуся» искусству отныне открыта дорога, выдвинуть нового лидера, занять умы и сбить стихийно прорвавшийся интерес к московским пустырям, сосредоточив его опять вокруг выставочных залов Министерства культуры.

Но были причины и много более серьезные. Дело в том, что охлаждение интереса к искусству социалистического реализма давно уже не было секретом для тех, кому надлежит следить за нерасхождением теории и практики. Для них полупустые залы, как и нечитанные передовицы — лишь один из частных и далеко не основных показателей глубокого кризиса идеологизированного сознания масс, обезвреженности самой идеологии. Есть показатели более грозные и неукоснительные: невыполняемые пятилетки и пьянство, как пример лишь наиболее очевидного и зловещего опустошения человека, труда и жизни. Сверху виднее, в какой перспективе складывается противостояние громадных армий на советско-китайской границе, однако и нам доступно заключить, что нет места больней для интернационалистской идеологии, проблемы жгучей для обширного государства с плохо координируемой, неэффективной экономикой и ненадежными идеологическими скрепами. Желание не быть застигнутыми врасплох, как это случилось в последнюю войну, когда казенной идеологии пришлось на ходу подстраиваться к стихийной волне русского

патриотизма и религиозности, диктует по опыту заблаговременные предупредительные шаги. Этим и объясняется такая перемена от «палок в колеса» к «вехам пути».

Приходится пока что мириться с «пристрастием художника к религиозным мотивам» и недостаточно глубоким «осмыслением нашей советской действительности» («Правда»). Зато можно вовремя настроить публику на военно-патриотическую тему, которая и поднята выше всего в направляющей статье. Ее автор видит «возросшую зрелость художника в полотне «Два князя», где изобразительная лаконичность и красочность сочетаются с напряженностью композиции и глубиной патриотической мысли о том, что неразрывная связь поколений, укрепляющаяся в грозные годы испытаний... Я вижу такого художника в «Князе Игоре», собирательном образе русского воина, чей ясный взгляд говорит о великой преданности Родине и спокойной отваге убежденного человека».

На этом можно было бы и закончить, но есть одно обстоятельство, которое заставляло, вероятно, и ответственных сотрудников ЦК в задумчивости останавливаться перед очередью, час от часу прибывавшей к центру Москвы.

Если учесть многообразные внешние факторы, определяющие, как правило, поведение толпы: интригующие слухи, оскорбления престижа, гипноз массового поведения, — которые без сомнения сказались и на этот раз, если учесть все это и мысленно отбросить, не останется ли в самом низу, на неразличимой глубине нашего сознания и памяти непроясненные, но действенные образы, которые ожили вдруг и потянулись к тем «добрым, необманивающим рукам»... И значит не оскудело в нас наше отечество и мы не навсегда отсечены от него, не потеряны навсегда для вечной жизни...

Вот нас какие начинают волновать вопросы.

Таких бы вопросов да побольше.

Август 1978 г.

Судьбы России

● ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Михаил БЕРНШТАМ

УПАДОК РЕМЕСЛА ИСТОРИКА В НОВЕЙШЕЙ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СССР.

Нам хотелось бы включиться в разговор о научных качествах литературы по русской и советской истории, печатающейся на Западе. На страницах «Вестника» уже не раз отмечались многие положительные и отрицательные черты, которые, мы бы сказали, интегрально присущи основному потоку западной литературы о России и СССР: с одной стороны, содержательная насыщенность, внимание к фактам, наличие широких обобщений и оригинальных гипотез, — с другой стороны, поверхностная нивелировка эпох и пространств русской и советской истории, сужение проблематики (заострение на слое политическом и интеллектуальном, глухота к слою духовному), односторонность и тенденциозность обобщающих суждений, иногда доходящая до обывательского отрицания всего необычного для западного глаза (чего немало в русской истории) и до расистских высказываний о русских национальных традициях и ценностях. Приведённый перечень, разумеется, далеко не полон, но даже в нём обращает на себя внимание одна любопытная закономерность: все положительные черты западной литературы о России и СССР являются, на самом деле, вовсе не чем-то специально положительным, а скорее нейтральным: это обязательный минимум, без которого работа не может быть названа научной, этот минимум присущ всей западной литературе по истории, этнологии, культуре разных стран, это тот необходимый научный уровень, который достигнут во второй половине XX столетия, — и ничего больше. Вместе с тем, названные отрицательные черты основного потока западной литературы по истории России и СССР — нечто, специфически присущее именно этому полю исследования, и отражают уровень науки, в XX веке повсеместно, даже в СССР, преодоленный: и

нигде в работах о Японии не будет упущено глубокое влияние синтоизма и буддизма на историю этой страны, — влияние, более значительное, чем борьба различных самурайских группировок или политические характеры сёгунов; и ни в одной работе об Африке не встретится «вселенской смази» скачков от Ганы VIII века в Мадагаскар XIX века; никогда исследователь Индии не назовёт Махатму Ганди проводником традиций монгольских завоевателей XVI-XVII столетий; всякий уважающий себя историк Китая при анализе государственного конфуцианства Минского и Циньского периодов постарается выделить как можно больше сложных слоёв, составляющих это явление. Тем более, чужие и загадочные Западу азиатские, африканские, австралийские и коренные американские исторические комплексы давно уже не вызывают подтекста: чужое = скверное, загадочное = опасное; и качество исследования этих комплексов считается тем выше, чем глубже достигнуто понимание своеобразного изнутри него, и чем меньше простой критики явления снаружи и от критериев XX века. И ещё тем более, ни об одной прежней и стоящей вдали Западу цивилизации никто, даже начинающий студент, не позволит себе личных эмоциональных выпадов. Даже наоборот, это считается первым правилом профессионального историка: исследование вместо критики, с предками и иноземцами не сводит счётов, их следует просто понять.

И так это везде и соблюдается — кроме истории России и СССР. Приведём самый свежий и, как нам кажется, самый драгоценный в своей крайности пример (в котором даже роли меняются, и западный историк становится музейным раритетом, объектом исследования для нас как русских историков). Только что на страницах журнала «Русская история» прошла обширная дискуссия о сходстве и различии, о мере преемственности между Россией и СССР. Главный участник дискуссии профессор Ричард Хейли, автор содержательной книги о происхождении крепостного права, выразил в самой крайней форме то, что в более обтекаемом виде пишут до 80-90% западных исследователей:

«Александр Солженицын ... настаивает, что 1917 был «роковым переломом хребта», что большевики произвели фундаментальное изменение курса русской истории, что ленинизм был чуждой инфекцией в русский организм и был лишь ухудшен Сталиным и его преемниками. Болезненный продукт этого — тоталитаризм, тотальное подавление личности и человеческого духа. Назад в историю, дальше, чем большевизм, его (повидимому, А. И. Солженицына — М.Б.) об-

суждение его не ведёт, хотя он упоминал и крепостное право. Моя установка совершенно противоположна: пока что там марксизм, Ленин и Сталин могли подтолкнуть в том или ином направлении развитие событий, предусловия (preconditions) русской истории были такими, что на самом деле следовало бы поразиться, как эти предусловия вывернули ход истории со времён 1917, совсем в иную сторону, чем подталкивали (марксизм, Ленин и Сталин). ..Моя позиция что-то вроде того, что выразил Рой Медведев: подавления есть наследство русской истории, а не необходимый результат социализма.»¹

Далее следует обширный экскурс через века русской истории от Ивана III до 10-го пятилетнего плана 1976-1980 годов — всё в доказательство приведённого исходного тезиса. Приводятся параллели такого рода:

«Грузин при помощи латышей и евреев и других не-русских терроризировал большинство населения, это параллель с ранним Московским государством и с 18 веком ...Большевики смешали марксизм с великорусским шовинизмом, получился именуемый «национал-большевизм»... Большевики, эти «городские парни» ... служилый класс, больший, чем у Ивана и Петра, ... жестоко поступили со своими чужаками, классовыми врагами — кулаками.»²

Остальные сравнения идут на том же уровне сходства времён и согласованности суждений между собой, открываются даже параллели между системой местничества в Московской Руси и применением галоперидола и аминазина к политзаключённым в советских психотюрьмах.³ Затем делается итоговый вывод:

«Обозревая ход русской истории, мы находим замечательную последовательность от Ивана III до Брежнева. Западничество Царя Алексея и его сына Петра Великого, обновляющие реформы 1860-х и даже (! — М.Б.) большевистская революция 1917-1924 (очевидно, до третьего удара В. И. Ленина, не раньше и не позже — М.Б.) не составили заметно отличных друг от друга эпох, но скорее являются приведением в порядок составляющих точек общей, продолжающейся линии рус-

¹ Richard Hellie. The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model. — «Russian History. Histoire Russe». Arizona, 1977, vol. 4, Part 1, p. 1.

² Ibid., p. 8.

³ Ibid., p. 20-21.

ского исторического развития. Глядя на окружающую среду, институционально необузданное авторитарное служилое государство и его законные завещания, роль разнородных факторов, так же как война и идеология и русские ответственные обязанности в этом направлении, сущность общества и обстоятельства индивидуальной личности, каковая редко имела какие-либо права напрямую общаться с государством и зачастую была объектом принуждения, — мы находим стороны, которые вместе составляют в сущности заметную совокупность. Исходя из этого мы можем сделать вывод, что эти элементы воплощают структуру русской истории.»⁴

И на этом статья профессора Р. Хейли заканчивается.

Мы обращаем внимание именно на эту статью, потому что нам кажется, что её автор довёл до логического (и, хочется сказать, комического) конца то, что так или иначе присутствует в большинстве работ на эту тему, причём сделал крайние утверждения: не только с марксизма и Ленина, но даже со Сталина (что обычно сейчас уже не делается) снял историческую ответственность за совершённые исторические деяния — переложил эту ответственность на фатальный ход русской истории и на её первоначальных деятелей: пока там ещё Ленин и Сталин (не говоря уже о марксизме вообще) собирались что-то сделать и куда-то подтолкнуть русскую историю, уже всё было сделано раньше, а в 1917-1924 кто-то или что-то толкало из глубины времён в заданном направлении. Впрочем, в этой логической цепи последняя логическая точка всё-таки отсутствует. Чтобы поставить её, надо признать одно из двух следующих допущений: либо социализм есть всемирное зло, сдержанное внутренними наследственными чертами русской истории и отчасти смягчённое и даже побеждённое ими, как бы ни были они несовершенны (и даже неприятны) сами по себе; либо социализм есть совершенно несущественная, не имеющая собственного лица сила всемирного добра, которая задавлена русским переселением душ.

Без одной из этих конечных логических точек даже такая последовательная и ясная концепция, какую представил профессор Р. Хейли, несколько повисает в пространстве. Но и любую из этих точек автор цитированной статьи не может прямо выразить, ибо обе точки являются мистическими. Это и понятно: история, идущая к историософии, к глобальным обобщениям, не мо-

⁴ Ibid., p. 21-22.

жет обойтись без мистического плана бытия. Чтобы признать первую точку, надо предварительно признать два постулата: существует духовное мистическое тело России, воплощённое в Православной Церкви и соборной преемственности сознания Церковного народа, независимо от тех или иных черт существовавших в русской истории институций (то есть признать то, что безусловно признаётся историками для Китая, Индии, Японии и т. д.) — и существует мировое явление социализма как всемирной над-исторической разрушающей силы, — и эти противостоящие факторы столкнулись в 1917 году на территории бывшей Российской Империи, и все 60 лет советской истории есть 60 лет кровавой борьбы России и социализма, в которых, может быть, Россия в чём-то и пересилила. Такого рода мистическая точка зрения безусловно неприемлема для автора цитированной статьи, в которой Православная Церковь упоминается только как некая навязанная сверху и признанная населением идеология, структурная роль которой в России равна роли марксизма в СССР.⁵

Чтобы признать вторую названную выше конечную логическую точку, надо поверить в перенесение по воздуху через десятилетия и века, через исторические перерывы, тех или иных классов и институций, каковое перенесение может быть выражено в единственной представимой форме — в форме переселения душ. Мы вполне допускаем, что такая точка зрения, в духе языческой мистики, может иметь право на существование в исторической литературе. И к ней в сущности как раз и примыкает то, что формулирует профессор Р. Хейли и большинство западных историков России и СССР. Но эту точку зрения всё-таки стыдятся сформулировать до логического конца. Мы не видели бы в этом ничего зазорного, как не стыдимся признаться, что сами придерживаемся первой из названных мистических точек зрения. Более того, если бы все эти признания состоялись, мог бы произойти интересный диалог христианской и языческой линий в историографии и историософии. Но пока такие признания не состоялись и диалог историков-христиан и историков, верящих в реинкарнацию, не начался, надо разговаривать на также вполне достойном языке — на рациональном языке современной научной методологии. Этот язык не может оперировать понятиями духовного мистического тела нации и религиозного национального стержня, категориями социализма как универсальной силы мирового зла, — но он в то же время не должен признавать таких

вещей, как система управления государством, переносящаяся через века и даже через короткие годы, если эта система как-либо физически разрушена, а люди, работавшие в этой системе, умерли; не должен признавать таких вещей, как воспроизводство через века или даже годы того или иного социального класса, если этот класс физически исчез с исторической арены (даже если отдельные представители этого класса продолжают служить в новых институциях). Социальная структура есть явление, развитие которого должно быть доказано прямо и непосредственно во всех его возможных мутациях и флуктуациях, — если этого нет или это невозможно доказать, никакие аналогии ничего не стоят. Это жёсткое условие, но оно придумано не нами, — это общепризнанная конвенция методологии современной науки.

Например, если удастся доказать, что группа первых марксистов создала политическую организацию (партию, Интернационал и т. д.), затем эта организация разветвилась, преобразовалась, и одна из модернизированных ветвей взяла власть в одной из стран и, применяя на определённое число процентов (от 1 до 100) исходные принципы, осуществила ряд политических действий (например, истребила несколько десятков миллионов человек), — то можно говорить об исторической преемственности 1 Интернационала и ЧКГБ. С другой стороны, если не удастся доказать, что после 1924 года марксизм как правящая идеология исчез в СССР, что к власти пришли люди, не имеющие никакого отношения к социалистической партии и её революции, что проведённые ими мероприятия (скажем, коллективизация крестьян, ликвидация фермерства как массы и свободного крестьянства как класса, закрепощение индустриальных рабочих и т. д.) противоречат главным программным установкам, заранее сформулированным в документах коммунистического движения (в «Коммунистическом Манифесте» и др.); — если всего этого не удастся доказать, то утверждать какое-то замещение нейтрального социализма репрессивным русским наследством — нельзя, оставаясь в пределах научной методологии. Если не удастся доказать, что под видом социалистов к власти на территории бывшей Российской Империи пришёл тайный орден черносотенцев или спрятанная в веках ложа последователей Ивана III, или что класс служилого дворянства пошёл с прежними классовыми заданиями в правящую коммунистическую партию и вытеснил её неслужилое интеллигентское ядро и т. д. — если этого не удастся доказать, то утверждать нейтральность социализма и преемственность старой русской истории — значит, отказаться от следования научной методологии

⁵ Ibid., p. 12, 22.

XX века. Повторяем, условия предельно жёсткие, но ведь не мы их устанавливали, — это правила игры в том, что именуется социальной, политической и исторической науками, и поэтому игра краплёными картами запрещена!

Поэтому можно делать какие угодно смелые и далеко идущие обобщения, шагать из XIV века до Рождества Христова в нынешний XX век, из древней Африки в СССР и так далее, но: стадиальность есть стадиальность, аналогия есть аналогия, — и то, и другое допустимо, интересно и ценно, однако преемственность есть преемственность, и аналогия не есть преемственность, а преемственность прямая — не есть отклонение из-за наличия каких угодно аналогий. Кто не признаёт этих условий — автоматически выбывает из игры.

Мы вынужденно принимаем эти условия (чтобы говорить на языке, понятном не только нашим христианским единомышленникам, но и научным людям западного склада ума) и соответственно применяем далее испытанный метод проверки теории фактами. И сразу же обнаруживается, что отстаиваемая проф. Р. Хейли и многочисленными его единомышленниками теория с этой позиции смотрится как очень слабая. Достаточно взглянуть на документы и политические действия В. И. Ленина и И. В. Сталина, многократно описанные в литературе и хорошо известные всем специалистам разных направлений, чтобы убедиться, в какую сторону они подталкивали историю — и это представляется бесспорным. независимо от того, имеются ли при этом аналогии с Иваном III или не имеются, и независимо от того, в какую сторону подталкивал историю XX века Иван III, если даже допустить, что ему удалось как-то это делать. Ссылка на Роя Медведева является недостаточным аргументом для доказательства, что подавления не есть результат социализма, когда, кажется, никто не станет отрицать, что эти подавления произошли как-никак после 1917 года, после совершения социалистической революции и системы социалистических преобразований бывшей Российской Империи. Правда, существует точка зрения, что сама революция не была социалистической и преобразования после неё (социализация земли, потом социализация сельскохозяйственного производства, то же и в промышленности) не были социалистическими, — но при этом трудно найти в этих явлениях черты товарно-денежного хозяйства и частной собственности, то есть черты античного рабства, феодализма, частного крепостничества, капитализма и т. д., — к тому же серьёзные западные исследователи, включая проф. Р. Хейли, и не оспаривают социалистического ха-

рактера революции 1917 года, и поэтому остается бездоказательным утверждение, что социализм и его революция никак не связаны с подавлениями, произошедшими именно в ходе строительства социализма, а не в каком-то другом столетии. И если не признавать переселения институций и классов через переселение душ — а этот путь мы уговорились выше отвергнуть, — тогда трудно понять, откуда всё-таки взялись подавления после социалистической революции, если не от самого социализма. Кроме того, последнее подтверждается всей совокупностью известных фактов. Хорошая подборка этих фактов содержится в книге С. П. Мельгунова «Красный террор в России»,⁶ факты самого раннего коммунистического террора частично представлены в нашей работе, известной читателям «Вестника».⁷ Есть немало других исследований на эту тему, в том числе выполненных и западными учеными. Что касается прямого руководства И. В. Сталиным террором 1920-х—1930-х и последующих годов — то это даже Рой Медведев признаёт, даже в начале 1960-х годов признавали официальные советские ученые, и сегодня можно найти только две категории историков, которые в этом сомневаются — историки Албании и профессор Р. Хейли, причём даже албанские историки выглядят более последовательно: сталинский террор они списывают на Н. И. Ежова, Л. П. Берия и т. п. деятелей — деятелей всё-таки XX века, тогда как проф. Р. Хейли сталинский террор списывает на Ивана III и других деятелей, исполнявших свои служебные обязанности во всяком случае до 1917 года.

В таком же сомнительном состоянии находятся и другие аргументы языческой школы при свете научной методологии и внимательном отношении к фактам. Так, большинство населения СССР было терроризировано «при помощи латышей и евреев» в основном в первые годы социализма в СССР, когда у власти ещё не стоял один только «Грузин», когда же «Грузин» взялся самолично руководить террором, роль «латышей и евреев» была уже не самой ведущей. Затем, большевики «смешали марксизм с шовинизмом» (если такое смешение не присутствовало в марксизме уже в пору его появления, — см. об этом в нашей статье в № 126 «Вестника») — как принято считать на Западе, в конце 1940-х годов, а национал-большевизм появился даже не в СССР, а в германской коммунистической партии в начале 1920-х годов, в истории же русских политических групп всегда был не абсо-

⁶ S. P. Melgunov. The Red Terror in Russia. 1917-1924. NY-L., 1928.

⁷ «Le Messenger», № 120.

лютно официальным явлением и тоже появился в начале 1920-х годов (так называемое «сменовеховство»).

Р. Хейли и другие авторы его направления до 1924 года вообще видят только «западничество», либеральные реформы, а жертвы хотят списать на «Грузина, евреев и латышей», да на Ивана III как их направителя. Социализм здесь ни при чём, чему самое сильное доказательство — ссылка на Роя Медведева, а у других авторов на то, что еврейские левые интеллектуалы получили гражданское право уничтожать синагоги и расстреливать раввинов.

Потом по этой схеме идут 30 лет «Грузина» как «вождя великорусского национализма», а сейчас, как пишет С. Эндерс Умбуш, который составляет экспертизы по «русскому вопросу» для Правительства США, идёт интегральное нашествие русского национализма, в котором лидирует А. Н. Шелепин, Д. С. Полянский, И. Р. Шафаревич, А. И. Солженицын, писатели-«деревенщики» и журнал «Вече», — руководство же КПСС ведёт похвальную половинчатую политику: умеренных националистов поддерживает, а экстремистов репрессирует: выслало А. И. Солженицына, выгнало с работы А. Н. Шелепина, посадило В. Н. Осипова.⁸

В американских университетах, вообще либеральных кругах, в значительной степени в прессе, и даже на подступах к правительству США (М. Шульман, и др.) идёт то, что мы в одной из лекций в Чикагском Университете назвали

«разрядкой с коммунистическим режимом СССР и холодной войной против народов СССР, прежде всего русского народа».

Огромную поддержку эти западные интеллектуальные слои получили сейчас от тех представителей «третьей эмиграции», которые пишут и печатают книги и статьи о том, что нынешний Архипелаг ГУЛаг — это мелочь, руководство СССР — это умеренные, а вот страшная сила надвигается — «славянофилы», «идейный основатель нового ГУЛага» — А. И. Солженицын,⁹ которым пока противостоит Брежнев, и поэтому Запад должен поддерживать его против «славянофилов».

⁸ S. Enders Wimbush. The Great Russians and the Soviet State: the Dilemmas of Ethnic Dominance. — «Soviet Nationality Policies and Practices. Ed. by Jeremy R. Azrael.» NY-L-Sydney-Toronto, Praeger, 1978, pp. 352-358.

⁹ А. Янов. На полпути к Леонтьеву. Парадокс Солженицына. — «Демократические альтернативы. Сборник статей и документов. Л. Плющ и др. Составил В. Белоцерковский». Ахберг, ФРГ, 1976, стр. 202.

Цитированная статья Р. Хейли полностью повторяет все приведённые стандартные извращения национального вопроса в СССР, — слава Богу, без политических выводов в пользу Брежнева, хотя и последнему проф. Р. Хейли отпускает полукомплимент:

«Всё-таки нельзя сказать, что Брежнев чувствовал бы себя как дома при дворе Ивана III или, скорее, Бориса Годунова.»¹⁰

В итоге Брежнев оказывается ближе не к исчадиям ада Ивану III, Борису Годунову, А. И. Солженицыну, а к глашатаю истины Рою Медведеву. Впрочем, в том, что Брежнев ближе к Рою Медведеву, чем к Ивану III и тем более А. И. Солженицыну — это, пожалуй, единственное точное заключение, которое не расходится с фактами в статье Р. Хейли.

Совершенно комической выглядит генерализация проф. Р. Хейли о «городских парнях» как воплощении вечного русского служилого класса, которые били деревню. Эта схема борьбы города и деревни — даже не знаем, где впервые появилась: то ли в американских университетах, то ли в речах Мао Цзе-дуна. Как и всякая слишком общая генерализация, не основанная на знании дела, схема проф. Р. Хейли легко опровергается фактами. Во-первых, уничтожение т. н. «кулаков» началось не в конце 1920-х годов и не связано с индустриализацией: оно началось в 1918 году, достаточно прочесть соответствующие документы КПСС и В. И. Ленина,¹¹ и имело целью простое истребление товарного крестьянского хозяйства для насаждения военного коммунизма, — как слитно формулировали К. Маркс и В. И. Ленин, ликвидировать всё крестьянство как класс и превратить всё население в работников.¹² Во-вторых, совершали уничтожение «кулаков» не «городские парни», а отряды интернационалистов, а во главе процесса уничтожения стояла интернационал-социалистическая интеллигенция. В-третьих, в конце 1920-х годов уничтожением крестьян занимались опять же не столько «городские парни» (многие так называемые «25-тысячники», если опираться на более

¹⁰ R. Hellie. Op. cit. p. 22.

¹¹ См.: В. И. Ленин. Полное собр. соч. 5 изд., том 37, стр. 40-41 сл.; том 41, стр. 153, 433-434, 544. Подборку материалов см., напр.: В. И. Ленин и КПСС о социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1971, стр. 20-25, 27, 28, 33, 41, 42, 44 4,5 и мн. др. Ленинский сборник. Том XVIII. М., 1931, стр. 71-192, 200-209, 290-299. См. также следующую сноску.

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 586. Их же. Соч. 2 изд. том 4, стр. 446-447. В. И. Ленин. ПСС, т. 39, стр. 273-274, 277, 278-279.

серьезные источники, чем роман «Поднятая целина», просто поехали из голодных городов подкормиться в деревню и были втянуты в мясорубку), сколько партийно-интеллигентские уполномоченные и, конечно, просто армия: не говоря уже о прямых военных подавлениях и введениях войск в деревню, достаточно взглянуть на статистику: в 1930 году приказом РевВоенСовета от 30 января было отправлено в сельские местности 100 000 солдат в качестве

«военных организаторов социалистических деревень».¹³

Наконец, в-четвёртых, никаких «городских парней» («city boys»), в России и СССР никогда не существовало в природе. Это совершенно специфическое явление американских городов-гигантов — никогда и нигде не работавшие люди, живущие на специальные социальные пособия от государства, штата или города. В основном это чёрное и пуэрториканское население, то есть отличающееся этнически и расово от «бело-протестантского большинства» США. Этим людям проф. Р. Хейли может во множестве встречать в Гайд-парке (район Чикагского университета), но ничего подобного никогда не было в России. Очевидно, проф. Р. Хейли известен этот простой факт, и его генерализация подразумевает не «безработных цветных», а русский рабочий класс. Однако последний никак не подходит под определение ни «городских парней», ни «служилого класса». А главное, не русский рабочий класс помогал коммунистическому режиму давить крестьянство. Источники (если их изучить) сообщают нам, что русский рабочий класс от первых недель интернационал-социалистической оккупации России оказывал самое упорное сопротивление режиму¹⁴), которое доходило до таких явлений, как гран-

¹³ Декрет РВС от 30.1.1930. — «Правда», 1930, № 31, 1 февраля.

¹⁴ Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда. № 1-2. 18 марта 1918. — «Континент». кн. 2. Париж, 1975, стр. 385-419. А. Г. Ефимов. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918-20 гг. Конкорд, Калифорния, 1975.

Г. Я. Аронсон. Движение Уполномоченных от рабочих фабрик и заводов в 1918 году. Нью-Йорк, 1960.

А. Ган (А. Гутман). Россия и большевизм. Ч. 1. 1914-1920. Шанхай, 1921, стр. 262-271.

Г. Аронсон. Рабочее движение в борьбе с большевистской диктатурой. — «Против течения». Вып. 1-2. Нью-Йорк, 1952, стр. 66-77.

Н. Сапожников. Ижевско-Воткинское восстание. Август-ноябрь 1918 г. — «Пролетарская революция». М., 1924, № 8-9, стр. 5-41.

Владимирцев. Как рабочие и крестьяне восстали против большевиков. Омск, 1919.

диозное Ижевское восстание, во второй половине 1918 года, причём рабочие и крестьяне восставших Ярославля, Ижевска, Воткинска и др. сражались в одном строю против ландскнехтов коммунизма.¹⁵ Однажды мы спросили профессора Р. Хейли, хорошо ли он знаком с историей Ижевского восстания. Проф. Р. Хейли ответил, что никогда о таком не слышал. В этом случае лучше избегать поспешных обобщений о русском рабочем классе, а ещё лучше вообще не упоминать его ни в каком контексте.

Мы не станем далее спорить за недостатком места с другими ошибками фактического порядка в статье проф. Р. Хейли («Опричнина=III отделение=КПСС и Рабкрин»; или «Чёрная Репартиция»¹⁶ и т. п. — опровержение легенды о «чёрном переделе» требует специального места, но специалисту по русской истории XVI века следовало бы знать, что «чёрные крестьяне» были как раз свободные крестьяне, владевшие свободной частной землёй, — по мнению ряда специалистов это была разновидность аллода¹⁷).

Все эти многочисленные фактические ошибки и надуманные генерализации заставляют придти к выводу, что нагромождение их не случайно. Когда в арсенале историка главенствует стремление натянуть факты на схему, но объективно нет ничего, кро-

Из недавнего прошлого. Ижевск, 1921.

Газета «Ижевский защитник», 8 августа — 7 ноября 1918.

Г. Струмило. Из записок рабочего. — «Заря». Берлин, 1922, №№ 2, 3, 4, 5, 6.

И. Уповалов. Как мы потеряли свободу. — Там же, 1922, № 7, 8. 1923, № 2, 3.

Его же. Рабочее восстание против Советской власти. — Там же, 1923, № 4, 5, 6-7.

В. Сергеев. Ижевск в огне гражданской войны. 1917-18 годы. Ижевск, 1933. Шестнадцать дней. Ярославль, 1924. И мн. др.

¹⁵ См. предыдущую сноску и: Шестнадцать дней, стр. 62-64, 195.

А. Ефимов. Ижевцы и воткинцы. Присоединение к восставшим крестьян. —

«Вестник Общества русских ветеранов великой войны.» Сан-Франциско, № 200, 1954, декабрь, стр. 20-23.

С. Н. Лотков. Камско-Воткинский завод и его рабочие. — Там же, № 179-181.

¹⁶ R. Hellie. Op. cit., p. 18, 14 etc.

¹⁷ Л. В. Черепнин. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М., 1960.

А. Д. Горский. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV-XV вв. М., 1960.

И. И. Смирнов. Заметки о феодальной Руси XIV-XV вв. — «История СССР». М., 1962, кн. 2.

Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. М.-Л., 1966.

А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма. М., 1972. Особенно см. Н. Е. Носов в: «Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России.» Л., 1972.

ме поверхностных аналогий, — приходится ему тем заниматься, что как-то систематизировать аналогии вместо фактов. Тогда и появляются замкнутые цепи, скорее напоминающие ритуальные языческие формулы с повторами: сначала «Грузин при помощи евреев и латышей» били русских, потом русские при помощи «Грузина» нашли своё преемство от дальних веков и начали бить евреев и латышей; в то же время «городские парни» били деревенских, а потом к власти пришла вековечная русская деревня и стала бить «городских парней», сиречь исконная Русь победила влияние индустриального Запада, которое насаждали царь Алексей, его сын Пётр и их преемник В. И. Ленин, пока последнего не хватил третий удар в 1924 году, и тогда пришёл «Грузин» и т. д. до бесконечности. В общем, это материал скорее для фольклористики, чем для научной критики. Мы же не критикуем «У попа была собака...» как исследование по церковной истории...

Мы пока оставляем в стороне довольно любопытный вопрос, почему такого рода фольклор под видом научных работ пользуется немалым успехом в кругах специалистов Запада, и хотим сосредоточиться на другом, более интересном для нас вопросе: что же происходит с методологией научного исследования, когда рациональный научный взгляд заменяется не осознанной самим исследователем языческой мистикой. Конкретизируем вопрос: влияет ли идея переселения душ от Ивана III до Брежнева на сами конкретные методы научной работы, такие, как обращение с фактами, обращение с источниками, обращение с цитатами и т. д. Пример проф. Р. Хейли недостаточен для ответа — и потому, что пример всегда недостаточен для обобщения, и потому, что проф. Р. Хейли производит перверсию фактов, которыми он не владеет свободно, и поэтому его случай может быть объяснён наличием вполне простительных ошибок, когда специалист по XVI веку пишет историю от Ильи Муромца до Брежнева.

Поэтому мы считаем полезным взять для ответа на поставленный вопрос другой пример (недостаточный, но показательный): пример специалиста, который пишет на свою главную тему, на тему, избранную им, изученную в течение долгих лет, и в которой он стал лучшим в мире знатоком. Такой благодарный пример даёт нам 126 книга «Вестника», а именно опубликованная в ней глава профессора Р. Пайпса из его второй книги о Петре Бернгардовиче Струве, глава «П. Б. Струве о русской революции» («Вестник РХД», № 126, стр. 166-192, все ссылки приводятся далее в тексте простым указанием страниц). В этой работе собран обширный материал, приводятся цитаты из П. Б.

Струве не только из широко известных публикаций, но и из забытых газетных статей, из публичной лекции и т. д. Есть тонкие наблюдения, к которым можно присоединиться: взгляды П. Б. Струве не были им изложены систематически, имеют немало непоследовательностей, разночтений, противоречий, — во многом из-за того, что П. Б. Струве по своей манере избирал разные отправные точки обзора: то историка, то социолога, то политического деятеля; вместе с тем, во взглядах П. Б. Струве на революцию есть главная пронизывающая линия, и её-то и надо реконструировать исследователю (стр. 166-168).

Найти основную линию у мыслителя масштаба П. Б. Струве — это задача нелёгкая, требующая своего рода конгениальности, или, по меньшей мере, большого методологического мастерства, каковое естественно ожидать от проф. Р. Пайпса. Впрочем, есть проверенные приёмы ремесла историка, и какой-то минимум систематики и реконструкции могут помочь сделать даже они. Вообще возможны два подхода: может быть, несколько примитивный профессиональный, — и публицистический, непрофессиональный. Профессиональный подход подсказывает: надо как-то классифицировать высказывания П. Б. Струве, отделить прежде всего главное от наносного, — но это отделение произвести методологически корректно. Например, можно отобрать те работы П. Б. Струве, которые он сам считал программными, писал долго и тщательно, публиковал в ответственных изданиях, потом на них неоднократно ссылался, — и отдельно отложить случайные скороспелые газетные статьи, устные лекции и т. д. Затем можно рассмотреть, что сказано по принципиальным соображениям, а что — по тактическим, именно с позиции «политического деятеля». Вслед за тем можно рассмотреть конкретные исторические условия, в которых писалась каждая отдельная работа, если она цитируется, и отделить в ней случайные впечатления времени от главных и постоянных мыслей.

Наконец, главные мысли надо рассмотреть с точки зрения того угла, под которым они постоянно подавались мыслителем и составляли его особенность, и как этот угол зрения производил некоторое постоянное смещение сквозь всю эволюцию мыслителя, и это смещение надо показать для окончательной реконструкции концепции П. Б. Струве.

Возможен и другой подход к делу, непрофессиональный, и гораздо более лёгкий: разделить взгляды П. Б. Струве на те, которые близки и понятны исследователю, и на те, которые

чужды и непонятны. Первые — выпятить, от вторых отмахнуться. Итог подать как итог.

С первых же страниц главы профессора Р. Пайпса поражает, что он неуклонно и последовательно идёт именно этим вторым, непрофессиональным, путём, и приведённые выше простейшие ремесленные методы анализа просто игнорирует, нет и следа методологической работы. В итоге, конечно, никакого П. Б. Струве не остаётся — перед читателем предстаёт приглашенный и утёсаный «правый либерал», то есть alter ego самого проф. Р. Пайпса. И только из-под придавленных комментариями длинных цитат пробивается религиозный и патриотический пафос выдающегося русского мыслителя.

Чтобы полностью опровергнуть искажающую реконструкцию проф. Р. Пайпса, нам пришлось бы писать отдельную работу о взглядах П. Б. Струве, и такая работа очень нужна России и Западу, но мы не можем этого сделать, и мы ограничимся более локальной целью — отметить искажения, сделанные проф. Р. Пайпсом, и тем самым проиллюстрировать, что происходит с методологией научного исследования, когда автор руководствуется языческой мистикой.

Начнём с того, что в статье Р. Пайпса ни одного раза не встречаются понятия, которые были главными для П. Б. Струве и пронизали всё его творчество примерно от 1902-1905 годов и до самой смерти: эти понятия — религиозное начало, государственное начало, патриотизм и антисоциализм. Правда, мыслитель, зиждущий свою линию на таких узловых понятиях, не может быть подведён под шапку «правого либерала», — но это уже не вина П. Б. Струве. Очевидно, он просто был Православным Христианином, в свободе видел просто необходимое начало жизни, а не политическую самоценность, в государстве оценивал не степень либеральности, а степень наличия положительных созидательных начал, бесконечно любил свою Родину, ценил всё высокое, что было в её национальной истории, важнейшим фактором считал органическую историческую преемственность национальной жизни, крайне отрицательно относился ко всякой революции против органического строя жизни и ко всей деятельности леволиберальных и просто либеральных интеллектуалов, — то есть в политическом смысле был законченным консерватором с уважением к свободе и к порядку, с ненавистью к анархии и к нигилизму. Эпиграфом к творчеству П. Б. Струве второго периода его жизни, исследуемого Р. Пайпсом, наверное, вернее всего по-

ставить те слова, которые сам П. Б. Струве написал в предисловии к сборнику «Из Глубины» (стр. 25 изд. 1967):

«Всем авторам одинаково присуще и дорого убеждение, что положительные начала общественной жизни укоренены в глубинах религиозного сознания и что разрыв этой коренной связи есть несчастье и преступление. Как такой разрыв, они ощущают то ни с чем не сравнимое морально-политическое крушение, которое постигло наш народ и наше государство».

Эти ключевые слова проф. Р. Пайпс не цитирует и не упоминает, и мы подозреваем, что они ему просто непонятны. Эпиграфом к своей главе о взглядах П. Б. Струве на революцию проф. Р. Пайпс избирает совсем другие слова П. Б. Струве:

«Большевизм нездоров — и как народная дикость, и как интеллигентская этикетка. Но и в том и в другом своём качестве он глубоко национален, он подготовлен всем историческим развитием народа и интеллигенции. Это — глубокая и в известной мере органическая болезнь, от которой нельзя излечиться одними лишь хирургическими средствами».
(стр. 166 статьи Р. Пайпса).

Обращает на себя внимание, что две приведённые цитаты находятся на разных этажах сознания и на разных уровнях глубины. Вторая цитата, выхваченная из контекста, звучит довольно двусмысленно: в ней есть и критика большевизма, и критика интеллигенции, — но уже последняя именно в этой цитате выражена довольно мягко и неопределённо: большевизм как «интеллигентская этикетка». Вместе с тем определённо звучит одно: большевизм есть глубоко национальное русское явление, он подготовлен всем историческим развитием России, это органическая болезнь — повидимому, опять же самой России, и т. д. Надо отдать должное проф. Р. Пайпсу: ему пришлось изрядно потрудиться, чтобы раскопать эту цитату в вышедшей в Хельсинки газете «Северная жизнь», в 1 номере которой эта статья опубликована — проф. Р. Пайпс не объясняет, что за газета, на какого читателя рассчитана, как попала туда статья П. Б. Струве, по какому поводу написана, когда и где писалась, и насколько эта газетная публикация важна в творчестве П. Б. Струве. Никаких этих обязательных ремесленных методических разработок проф. Р. Пайпс не делает, — и в итоге цитата задаёт общий тон, ведёт общую линию статьи.

А ведь цитируемая статья, судя по времени и месту её публикации, написана случайно, второпях, в гонке конца 1918 года, — и выражает поспешные, случайно соединившиеся и, надо сказать, раздражённые слова.

Проф. Р. Пайпс предупредил читателя: П. Б. Струве не всегда последователен, и надо вести линию только его постоянных мыслей. Коли так, проф. Р. Пайпс должен отдавать себе отчёт, что цитированный пассаж из газеты — едва ли не единственный в таком роде во всём многолистном творчестве П. Б. Струве, ну, ещё два-три таких можно найти, но для этого снова придётся ехать в архив в Хельсинки. Это уже работа следователя, а не исследователя: натянуть на обвинение или на оправдание, а не истину передать. И это печально напоминает советскую методологию, когда авторам, чтобы напечататься, чтобы доказать законность своих взглядов перед начальством, — надо раскопать какую-нибудь хоть самую кургузую цитатку из Брежнева или, на худой конец, Ф. Энгельса.

Далее проф. Р. Пайпс пишет, что, по мнению П. Б. Струве, большевизм совершенно невыносим на Западе, что большевизм объясним только чертами русского народного характера и исторического опыта. Насчёт невыносимости большевизма на Западе никакой цитаты из П. Б. Струве не следует — одна глухая ссылка, — а ведь это главная проблема, ключевое место концепции — нет, не П. Б. Струве, а проф. Р. Пайпса. Насчёт объяснения большевизма русским национальным характером и русским историческим опытом — нет даже и глухой ссылки на П. Б. Струве, это уже проф. Р. Пайпс добавляет от себя (стр. 173). Очевидно, хельсинкская цитата на этот счёт всё же была в арсенале проф. Р. Пайпса единственной в таком роде.

Далее следует ещё ряд цитат, которые можно толковать и так, и эдак, после чего проф. Р. Пайпс приходит к выводу, что П. Б. Струве считал, что главным и единственным виновником революции 1917 года были века русского самодержавия (стр. 175). Цитата здесь используется такая:

«Русская монархия рушилась в 1917 году оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства». (стр. 174).

Вывод проф. Р. Пайпса из цитаты такой:

«Следовательно (! — М.Б.), в конечном счёте вина за то, что произошло, всецело лежит на монархии — мнение со-

вершено противоположное тому, которого придерживались русские консервативные круги. То, что Струве держался (! — М.Б.) этого толкования и до и после 1917 года, ясно указывает, что, несмотря на правизну (! — М. Б.), его политическая позиция была либеральной». (стр. 175).

Идея проф. Р. Пайпса понятна: ему надо реабилитировать П. Б. Струве, «несмотря на правизну», перед западным либеральным лагерем. Это напоминает, как советские литературоведы при Хрущёве робко протаскивали в печать прежде запрещённых писателей и искажали их политические взгляды, чтобы реабилитировать перед начальством. Но счёты проф. Р. Пайпса с его либеральным начальством — «ветром века», как метко выразился А. И. Солженицын в Гарвардской речи, — нас здесь мало волнуют, и мы не можем даже посочувствовать проф. Р. Пайпсу, боимся, что либеральное начальство реабилитации П. Б. Струве всё-таки не произведёт (к слову: попытки проф. Р. Пайпса реабилитировать П. Б. Струве всё-таки создали переполох в американском либеральном мире, и один профессор-славист специально ездил в Хельсинки, чтобы на всякий случай подготовить цитату из статьи П. Б. Струве в какой-то газете в 1907 году, из какой цитаты можно вытянуть, что П. Б. Струве однажды высказывал неудовольствие по поводу еврейского журналиста...). Нас здесь занимает другое: проф. Р. Пайпс пишет: «следовательно», — а ведь оно вовсе и не следовательно. П. Б. Струве в приведённой цитате говорит очень простую вещь: русская монархия рушилась в 1917 году оттого, что не имела под собой социальной базы. Это очень простая и правильная мысль, хотя следовало бы уточнить — и в других местах П. Б. Струве неоднократно уточняет, что в XX веке в результате реформ П. А. Столыпина социальная база консервативной государственности создавалась. Но П. Б. Струве в приведённой цитате не говорит ничего больше, чем: почему пала монархия. Он вовсе не говорит, что «в конечном счёте вина за то, что произошло» — то есть за коммунистическую революцию — «всецело лежит на монархии». Это всё говорит за П. Б. Струве проф. Р. Пайпс и говорит после слова «следовательно», хотя вовсе никакого «следовательно» и нет. И поэтому никакого расхождения П. Б. Струве с консервативными взглядами пока не выходит, хотя Р. Пайпс делает такую надстройку на своей прежней надстройке — на «следовательно».

А всё это нужно проф. Р. Пайпсу вот для чего: перевернуть главную политическую идею П. Б. Струве — о вине интеллиген-

ции за коммунизм, или, в терминах Ф. М. Достоевского, о вине либералов за бесов. Проф. Р. Пайпс цитирует П. Б. Струве:

«Систематически отказывая сперва этому классу (дворянству), а потом развившейся на его стволе интеллигенции во властном участии в деле устройства и управления государством, самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства. Это отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с его материальными похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство». (стр. 175).

Кажется, мысль однозначна и не допускает кривотолков: государство отказывало интеллектуалам в разделении с ними власти и тем создало в социальной психологии интеллектуалов традицию отщепенства от государства и национальной жизни. Эта традиция отщепенства и есть главная причина разрушения страны, интеллектуалам удалось спустить эту разрушительную силу в массы, — и государство рухнуло, и пришёл коммунизм. Таким образом, прямая и главная вина за коммунизм лежит на интеллектуалах, на силе отщепенства от государства; косвенная вина соучастия лежит на народе, который поддался «материальным похотям и вожделениям» — или вообще материальные похоти и вожделения людям присущи, мысль вполне христианская; затем косвенная вина этиологическая лежит на самом государстве, на самодержавии. Но чёрным по белому: не самодержавие, не века самодержавия создали коммунизм, а отчуждённые интеллектуалы, созданные государством, создали коммунизм, разрушили великое государство.

Очень это не согласуется с тем, что проф. Р. Пайпс на той же странице выше говорил: «вина за то, что произошло, всецело (! — М. Б.) лежит на монархии». Тем менее приведённая цитата согласуется с тем выводом, который сразу после неё делает из неё проф. Р. Пайпс:

«Подчиняясь воле правительства (абстрактному государству) русская интеллигенция постепенно потеряла чувство реальности государства, с его чиновниками и учреждениями. Она стала жертвой (!! — М.Б.) всякого рода абстракций, особенно социализма ...Таким образом (!) русская интеллигенция стала не только виновницей, но и жертвой». (стр. 175-176).

Здесь не просто полная перверзия того, что сказал П. Б. Струве,

— здесь даже больше, здесь начинается то, что один русский террорист XIX века называл «марксятиной». Проф. Р. Пайпс контрабандой вводит марксистское объяснение: дескать, «абстрактное государство» (ничего подобного П. Б. Струве нигде не говорит, он такими категориями не пользуется), интеллектуалы поэтому теряют чувство реальности государства (ясно, ведь оно абстрактное), причём теряют его «подчиняясь воле правительства» (когда такое было?! — М.Б.), отсюда идёт «отчуждение», «эйлианация» интеллектуалов от абстракции, увлечение поэтому абстрактными идеями, особенно социализмом (напомним читателю из проф. Р. Хейли: социализм — абстракция, пустота, а конкретность — извечные русские репрессии). Вывод вбивается в головы дважды: интеллигенция — не виновница, а жертва! жертва! В цитате П. Б. Струве прямо говорит: отщепенство интеллигенции разрушило Россию. В комментарии проф. Р. Пайпс говорит: интеллигенция из-за отчуждения от абстрактного государства стала жертвой других абстракций и потому не виновница разрушения государства, а жертва — жертва того же «абстрактного» государства.

Чтобы забить последний гвоздь, проф. Р. Пайпс продолжает: «Таким образом, русская интеллигенция стала не только виновницей, но и жертвой; её действия были следствием того, что монархия, ревниво охранявшая свои автократические прерогативы, отказалась предоставить ей возможность приобрести иные политические навыки. Искра, зажжённая революцию, была вызвана политическим и духовным искоренением дворянства и его наследницы — интеллигенции». (стр. 176).

Итак, перверзия завершилась: не интеллигенция разрушила государство, а государство десятилетиями «искореняло» интеллигенцию, — интеллигенция есть жертва государства, а не государство есть жертва интеллигенции, — а революцию государство, таким образом, в конечном счёте устроило само против себя. Вину за коммунизм несут русское государство и русский народ.

Для доказательства этих итоговых положений приводится — сразу после цитированного текста проф. Р. Пайпса — такая цитата из П. Б. Струве:

«Россию погубила безнациональность интеллигенции, единственный в мировой истории случай забвения национальной идеи мозгом нации» (стр. 176).

Чтобы так доказывать, так цитировать, так комментировать, как

это делает проф. Р. Пайпс, надо быть совершенно уверенным, что уже некому схватить за руку. Проф. Пайпс может исповедовать любые идеи, но нельзя же так издеваться над ремеслом историка!

П. Б. Струве выразил свою мысль предельно ясно, и это освобождает нас от необходимости её объяснять. Добавим только, что в работе П. Б. Струве, к которой проф. Р. Пайпс неоднократно обращается и обильно цитирует — в статье в сборнике «Из глубины» — имеется совершенно ясная и чёткая квалификация той идеи, которую проф. Р. Пайпс пытается навязать П. Б. Струве: идеи, что старый режим и русский народ погубили страну и вызвали коммунизм. Квалификация идеи проф. Р. Пайпса в тексте П. Б. Струве такая:

«Ссылку на некультурность народных масс мы должны решительно отклонить как поверхностную и, сказать откровенно, просто глупую. Родственна ей ссылка на «режим» («старый порядок» и т. п.).» («Из Глубины», стр. 291).

А в остатке остаётся то, что вслед за проф. Р. Пайпсом из П. Б. Струве цитировали и мы: «Россию погубила безнациональность интеллигенции».

Вопрос о старом режиме и об интеллектуалах будем считать освещённым и скажем немного о другом вопросе, не менее важном: как проф. Р. Пайпс толкует позицию П. Б. Струве насчёт социализма.

Во-первых, проф. Р. Пайпс пишет, что бывало, что П. Б. Струве отрицал связь большевизма с социализмом, поскольку считал большевизм продолжением «экономически реакционного народничества» (стр. 185). Мы не видим в этом утверждении П. Б. Струве ничего такого, что давало бы основания сомневаться, что он считал большевизм социализмом. Ведь народничество — это тоже социализм! Мы, наоборот, считаем постоянное, и в раннем, и в позднем творчестве П. Б. Струве, антинародничество — одной из главнейших заслуг П. Б. Струве перед мировой экономической и политической мыслью. Народничество, «популизм» — сейчас является одной из главных сил в создании национал-социалистических режимов в т. н. третьем мире. Идея борьбы с капитализмом и товарным хозяйством как таковым, идея перехода от общины, минуя капитализм, к индустриальному социализму — была важной идеей в учении К. Маркса,¹⁸ а сейчас принцип «минуя

капитализм» активно навязывается мировым коммунистическим движением развивающимся странам. В этом плане очень важно, что П. Б. Струве фактически, в своей борьбе с русским народничеством, был первооткрывателем важного явления: социализм идёт в разных странах единым фронтом, объединяя и синтезируя различные ветви и течения, социалистов псевдокрестьянских и социалистов псевдорабочих, народников и марксистов, эсеров, меньшевиков и большевиков. Все они вместе составляют левое крыло интеллигенции, а вся либеральная интеллигенция в целом расчищает дорогу интегральному социализму-коммунизму. Так на современном языке мы бы решились реконструировать смысл многолетней борьбы и многолетних печатных работ П. Б. Струве. На более глубоком уровне открывается мысль такая: социализм глубоко экономически реакционен, он отвергает современное экономическое общество, товарное хозяйство, — он есть реакция на экономические достижения человечества и стремится возродить самые реакционные институты — общину, трайбы, азиатские деспотии.

Опорные точки этой современной мысли (нашедшей законченное выражение в выдающейся книге академика И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории») можно найти у славянофилов, у русских консервативных писателей XIX-XX веков, наконец, в трактате Шигалёва в «Бесах» Ф. М. Достоевского, а экономическую характеристику этого явления, как яркий ориентир, даёт нам П. Б. Струве.

Проф. Р. Пайпс совершенно не говорит о том, что антипопулизм П. Б. Струве был тем специфическим углом зрения, под которым П. Б. Струве смотрел на вещи, и поэтому если П. Б. Струве назвал большевизм «экономически реакционным народничеством», это на его языке означает, что большевизм есть крайняя реакционная форма разрушения экономики, хозяйства, собственности, жизни, — крайняя реакционная форма социализма. Далее, проф. Р. Пайпс цитирует работу П. Б. Струве 1921 года:

«Экономическая политика советской власти всецело подчинена социалистической идее и программе... Отрицать социалистический характер советского законодательства значит отрицать нечто логически очевидное» (стр. 185).

После цитаты проф. Р. Пайпс пишет слово «следовательно», и мы уже знаем, что надо ждать комментария в духе, прямо противоположном цитате. Но комментарий проф. Р. Пайпса на этот раз превосходит все наши ожидания, ибо открывает то главное, что

¹⁸ Подборку материалов см., напр.: «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.» Кн. 1 М., 1924, стр. 269-286.

профессор Р. Пайпс хочет сказать всей своей статьёй и, наверное, и книгой. Комментарий после приведённой цитаты идёт такой:

«Следовательно, хотя во многих своих проявлениях и в особой жестокости большевизм и уклонился от идеалов социализма, в своих основных чертах он всё же был его выражением.

Что это доказывало? Что социализм неосуществим». (стр. 185).

П. Б. Струве чёрным по белому пишет: всё, что есть в советской власти, — экономика, политика, законодательство, — это и есть полный социализм, полное выражение социалистического идеала, социалистической идеи и программы. Проф. Р. Пайпс комментирует: в основных чертах большевизм — это социализм, но во многих проявлениях и в особой жестокости большевизм уклонился от идеалов социализма, — это значит, что идеалы социализма неосуществимы.

Теперь можно свести воедино, что хочет сказать проф. Р. Пайпс. Россия, её государство, её история были причиной революции и коммунизма. Именно они были причиной особой жестокости, с которой воцарился большевизм. Интеллигенция была только жертвой старого режима и не была виновницей революции. Идеал социализма неосуществим, большевизм во многом уклонился от идеалов социализма, потому что большевизм и его жестокости являются наследниками русской истории и русского государства.

Можно свести воедино и то, что, вопреки профессору Р. Пайпсу, говорит о социалистической революции 1917 года П. Б. Струве. В 1917 году произошла победа социалистической равно коммунистической революции на территории России. Главным виновником революции был интегральный интеллектуализм с его безрелигиозным отщепенством от государства, каким бы несовершенным оно ни было, и от национального бытия русского народа. Непосредственной причиной проявления разрушительных сил была первая мировая война:

«война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей». («Из Глубины», стр. 291).

Интеллектуалистическое отщепенство расчистило дорогу большевикам, которые воплотили синтез социалистических идей. Идеал социализма полностью осуществлён коммунистами в революции Октября 1917 года. Уже революция Февраля 1917 года была

«национальным банкротством и мировым позором». («Из Глубины», стр. 289). Подведшая итог этой интеллигентской революции, революция крайних интеллигентских групп в Октябре 1917 года, использовав анархию и крушение государственности, воплотила социалистический идеал, который является полным уничтожением всей прежней национальной России, её государственности, её экономической культуры, её вековой национальной истории.

Лучше всего об этом сказал сам П. Б. Струве:

«Торжество социализма или коммунизма оказалось в России разрушением государственности и экономической культуры, разгулом погромных страстей, в конце концов поставившим десятки миллионов населения перед угрозой голодной смерти.

Таково реальное воплощение в жизни проповеди революционного социализма, опирающегося на идею классовой борьбы». («Из Глубины», стр. 297).

«Жизненное дело нашего времени и грядущих поколений должно быть творимо под знаменем и во имя н а ц и и...
Нация — это духовное единство ...

Все задачи нашего будущего сходятся и объединяются в одной: воспитание индивидов и масс в национальном духе ...
Чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, геройство Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, бестрепетно, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая соборная личность и как духовная сила. Ими, их духом и мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог её будущего...» (там же, стр. 303-305).

И человека, сказавшего такие слова, хотят вогнать в рамки какого-то «правого либерала» и под авторитетом его имени оправдать интеллектуалистское отщепенство и даже идеалы социализма!

Альтернатива проста и выводы тоже просты. Истреблено около 55 миллионов человек. Или это сделал социализм, и ответственность соучастия несёт мировая левая интеллигенция, — или это сделала русская история, и мировая левая интеллигенция может

попробовать ещё где-нибудь. Если сделал социализм, и от этого не отвертеться, — тогда либеральным интеллектуалам придётся отказаться от верований нескольких веков. Последнее трудно, невозможно. Значит, 55 миллионов человек истребило наследство старой русской истории. И это необходимо доказать, иначе у целого слоя современного западного общества почва уходит из-под ног. Но и доказать это тоже трудно, невозможно, не удаётся.

Тогда в теории приходит на помощь языческая мистика, единственно способная связать концы с концами концепция переселения служилого класса через века, а место научной методологии заступают искажения фактов, надуманные схемы, подтасовки и просто явные фальсификации.

Мы позволим себе смелость высказать одну гипотезу. Описанные явления выражают на подсознательном уровне совершенно реальный процесс. Интеллектуальный взрыв языческой мистики в нынешней западной историографии России и СССР является *р е а к ц и е й* на происходящее духовное возрождение России. Это есть один из симптомов мирового предчувствия, что русские мученики преодолеют напрочь интернационал-социализм и что Россия героев антикоммунистической борьбы и мучеников Архипелага — с презрением перешагнёт столетия антихристианского интеллигентского мирового язычества, — произойдёт, по предсказанию и призыву А. И. Солженицына в его Гарвардской речи, рывок человечества Вверх.

Но здесь уже начинается разговор на мистическом языке, выходящий за рамки данной статьи и за рамки нашей компетенции. С другой стороны, разговор в пределах нашей компетенции закончен, ибо пока ясно, что со многими западными исследователями России и СССР разговор на рациональном языке научной методологии — бесполезен и бесперспективен. И по этому пора поставить точку.

● ИЗ ИСТОРИИ ЭМИГРАЦИИ

Михаил ГЕЛЛЕР

«ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ» — УДАР ХЛЫСТОМ

(К истории высылки из Советского Союза деятелей культуры в 1922 г.)

Советская история напоминает старинные географические карты, на которых океаны, острова, континенты обозначены неправильно, а значительное пространство закрашено белой краской.

Эпизод, являющийся темой статьи, одно из таких белых пятен, причем даже его контур изображен на исторической карте неверно.

31 августа 1922 г. «Правда» опубликовала на первой странице сообщение о высылке «по постановлению Государственного политического управления (ГПУ) наиболее активных контрреволюционных элементов из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов в северные губернии. Часть за границу». Сообщение было озаглавлено — «Первое предупреждение». В нем не было названо число высылаемых, не было сказано — кто высылается «в северные губернии», а кто — за границу. Лишь осторожно — и в противоречии с фактами — отмечалось: «среди высланных почти нет крупных имен».

За минувшие полстолетия историки немного прибавили к скупой — и неправильной информации ГПУ. Официальный летописец «органов» Д. Л. Голиков уточняет: «В августе-сентябре 1922 г. по постановлению ГПУ из Петрограда, Москвы, Киева и других крупных центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные контрреволюционеры».¹ С. А. Федюкин приводит цифру: «В августе-сентябре 1922 г. из Петрограда, Москвы, Киева в административном порядке были высланы частью за рубеж, частью в северные губернии 160 наиболее активных буржуазных идеологов».² Западные историки, как правило, слепо идут за советскими источниками, не делая к тому же различия между эмиграцией и административной высылкой. Американский историк Анатолий Дж. Мазур пишет, например: В 1923 г. (?) группа «непримиримых», ведущих изолированную интеллектуальную жизнь, получила разрешение (?) покинуть страну и присоединиться к русским эмигрантам в Западной Европе. Она вклю-

* См. примечания в конце этой статьи.

чала Р. Ю. Виппера, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева и Ф. А. Степуна».³ Здесь все неверно: дата, оценка деятельности «непримиримых», определение меры наказания — из названных только историк Р. Ю. Виппер «получил разрешение покинуть страну», что он и сделал в 1924 г., три философа — Н. Лосский, Н. Бердяев и Ф. Степун вместе с другими были высланы, т. е. получили постановление ГПУ о высылке и запрещении возвращаться под угрозой расстрела. «С меня взяли подписку, что в случае моего появления на границе СССР я буду расстрелян», — вспоминал Н. Бердяев.⁴ Такую же бумагу должен был подписать писатель М. А. Осоргин: «...в случае невыезда или бегства с пути подлежу высшей мере наказания, т. е. расстрелу».⁵ Все высылаемые подписывали идентичный документ — приговор о высылке.

Высылка в 1922 г. значительной группы крупнейших представителей русской интеллигенции остается неисследованным эпизодом советской истории, белым пятном, не только потому, что не говорят о ней правды советские источники, но и потому, что по целому ряду причин политических и личных сами высланные оставили очень мало свидетельств. Как правило эпизод этот лишь упоминается — более или менее обширно — в воспоминаниях, в юбилейных статьях, публиковавшихся в русской эмигрантской печати. Несмотря на то, что среди высланных были крупные русские историки, истории своей высылки они не написали.

Между тем, высылка 1922 г., названная Н. Бердяевым «странной мерой, которая потом уже не повторялась»,⁶ представляет значительный интерес для историка по многим причинам. В этом эпизоде, как в капле воды, отражаются главные, можно бы сказать — вечные, проблемы советского государства — проблема хлеба, проблема отношения к интеллигенции, проблема репрессий, проблема отношений с Западом. Эпизод этот интересен и тем, что инициатором высылки, как и архитектором политики, которая высылкой деятелей культуры завершилась, был — Ленин. Он с первых дней Октябрьской революции определил стратегию войны с интеллигенцией, в которой высылка 1922 г. знаменовала очередную победу партии. Будучи одним из последних политических актов вождя революции накануне его смерти, удар по интеллигенции стал важнейшим элементом завещания основателя советского государства наследникам. Наконец, стоит отметить, что в 60-е годы советское государство вновь обратилось к этой «странной мере».

Высылка значительной группы деятелей русской культуры в 1922 г.⁷ была завершением единственного в советской истории

опыта сотрудничества между советской властью и русской интеллигенцией, сотрудничества на равных основаниях. Опыт продолжался пять недель и закончился во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, где 31 августа 1921 г. оказались интеллигенты — инициаторы сотрудничества. В этом эпизоде отразилось отношение партии и государства к проблеме хлеба и к интеллигенции.

Голод

Летом 1921 г. на Россию обрушился голод, какого она никогда не знала в своей истории. В обращении к международному пролетариату, опубликованному «Правдой» 6 августа 1921 г., Ленин писал о том, что «несколько губерний» России поражены голодом не менее страшным, чем голод 1891 г. К этому времени официальные советские источники определили число голодающих примерно в 30 млн. человек — за две недели до обращения Ленина — 21 июля «Правда» опубликовала обращение ко всем членам и организациям коммунистической партии, в котором констатировала: «Неурожай захватил: Самарскую, Уральскую, Татарскую республику, Астраханскую, Царицынскую, Немкоммуну, Чувашскую область и часть Вятской, Пензенской и Оренбургской и других губерний». Если вспомнить, что число голодающего населения в Поволжье в 1891 г. было определено в 964.627 человек,⁸ станет очевидным чудовищное преуменьшение Лениным размеров бедствия. Советские энциклопедии продолжают и сегодня говорить об ограниченных размерах голода: «Во время голода, охватившего в 1921 г. часть Поволжья...» («БСЭ, второе издание, 1950»), «... во время голода в Поволжье...» («БСЭ», третье издание, 1970). Советский историк Ю. Поляков указывает, однако, что территория, охваченная голодом, простиралась от северного побережья Каспия, охватывая все Поволжье, весь бассейн реки Урал, до Казани и Чебоксар. Она захватывала часть среднего течения Дона, бассейна Камы, районы Башкирии, часть Казахстана и Западной Сибири, многие районы Южной Украины. По подсчетам Ю. Полякова в 1921 г. голодало не менее 20% населения страны и более 25% всего сельского населения.⁹

Ленин не случайно вспомнил в обращении к мировому пролетариату голод 1891 г. Молодой, ему шел тогда 21 год, помощник присяжного поверенного Владимир Ульянов, живя в Самаре, центре голодающего Поволжья, был единственным из представителей местной интеллигенции, который не только не участвовал в общественной помощи голодающим, но был категорически

принципиально против такой помощи. «В конце 1891 г. разговоры о борьбе с голодом, — вспоминал В. Водовозов, — привели к созданию в Самаре особого комитета для помощи голодающим... В комитет входила самая разнообразная публика — от чиновников, занимавших высокие посты в местной служебной иерархии, до лиц, явно неблагонадежных, даже прямо поднадзорных... На собраниях и сходках молодежи Ленин вел систематическую и решительную пропаганду против комитета...»¹⁰ Владимир Ильич, — рассказывает друг Ленина по Самаре, — «имел мужество открыто заявить, что последствия голода — народение промышленного пролетариата, этого могильщика буржуазного строя, — явление прогрессивное, ибо содействует росту индустрии и двигает нас к нашей конечной цели, к социализму, через капитализм... Голод, разрушая крестьянское хозяйство, одновременно разбивает веру не только в царя, но и в бога, и со временем, несомненно, толкнет крестьянина на путь революции и облегчит победу революции.»¹¹ Свое отношение к комитету помощи голодающим, т. е. тем, кто пытался помешать «прогрессивному явлению», будущий Ленин выражал, по свидетельству его друга, чрезвычайно ясно и просто: с членами комитета есть один способ разговора: «рукой за горло и коленкой на грудь».¹²

Голод 1891 г. вспомнился Ленину тридцать лет спустя, когда он был главой государства. В 1891 г. «Владимир Ильич утверждал только одно... — правительство — единственный виновник голода и «всероссийского разорения».¹³ В 1921 г. необходимо было искать другие причины голода, ибо революция — победила, и государство никак не могло считаться виновником бедствия.

В качестве виновника прежде всего называется засуха. 12 июля «Правда» печатает обращение «Ко всем гражданам РСФСР», подписанное президиумом ВЦИК: «В обширных районах засуха этого года свела на нет урожай и травы...» Ленин утверждает: «...Голод явился чудовищным результатом гражданской войны».¹⁴ 21 июля ЦК партии подробно перечисляет причины «громдного стихийного бедствия»: «Бедствие... является результатом не только засухи этого года, оно подготовлено и обусловлено прошлой историей, отсталостью нашего сельского хозяйства, неорганизованностью, низким уровнем сельскохозяйственных знаний, низкой техникой, отсталыми формами севооборота; оно усилено результатами войны и блокады, не прекращающейся борьбой против нас помещиков, капиталистов и их слуг; оно и сейчас усугубляется непрекращающимися действиями бандитских шаек, являющих-

ся исполнителями воли организаций, враждебных Советской России и всему ее трудящемуся населению».¹⁵

В перечне многочисленных причин страшного голода не было лишь одной — политики советской власти, начиная с первых же дней после революции. Отсталость русского сельского хозяйства была фактом, однако же Россия до первой мировой войны являлась одним из крупнейших в мире экспортеров зерна. Война — сначала с Германией, а потом гражданская, — тянувшаяся 7 лет, нанесла серьезный ущерб сельскому хозяйству. 1920, а в особенности 1921 — были засушливыми годами. Однако, важнейшей причиной страшного голода 1921 г. была политика партии, пришедшей к власти в октябре 1917 г. На IX съезде партии (1920 г.) Троцкий лаконично подвел итоги гражданской войны: «Мы разорили страну, чтобы разбить белых». Однако разорение страны было не только, даже не столько, результатом военных действий, сколько результатом политики, последовательно, упорно проводимой Лениным до марта 1921 г. В речи на 2-м Всероссийском съезде политпросветов (17.X.1921) Ленин изложил основы этой политики: «Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение». Он признал: «...Не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения...»

Опыт не был, однако, коротким. Попытка совершить «большой прыжок», прыгнуть «из царства необходимости в царство свободы», из действительности в коммунистическую утопию, тянулась более трех лет. Результатом опыта было разорение страны и кризис власти. Результатом опыта — был хронический голод в городах страны во время всего периода «большого прыжка».

Перебои с доставкой продовольствия в Петроград были важнейшим поводом, вызвавшим Февральскую революцию. Перебои эти были связаны прежде всего с транспортными трудностями. Голод, ставший неотъемлемым элементом жизни советской республики после Октябрьского переворота, носил характер политический. Он был результатом политики партии: национализации хлебной торговли. В июле 1918 г., через полгода после прихода к власти, Ленин формулирует свою линию: «Есть два способа борьбы с голодом: капиталистический и социалистический. Первый состоит в том, чтобы допускалась свобода торговли... Мы, власть рабочая, на этот путь пойти не можем. Наш путь, путь хлебной монополии».¹⁶ Начинается — «борьба за хлеб». Телеграммы Ленина, адресованные продовольственным комиссарам, красноречиво

свидетельствуют о характере этой борьбы. 10 августа 1918 г. в Саратовскую губернию: взять «в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих жизнью за сбор и ссыпку всех излишков».¹⁷ 19 августа в Орловскую губернию: беспощадно подавить кулацкое лево-эсеровское восстание с «конфискацией всего хлеба у кулаков».¹⁸ 1 октября — для всей страны: «...вдесятеро больше усилий на добычу хлеба... Запасы все очистить и для нас и для немецких рабочих».¹⁹ Ежедневно, иногда по несколько раз в день отправляет председатель Совнаркома денешки, требующие конфискации, «добычи» хлеба. Он действует, как захватчик в оккупированной стране. Используя в качестве вооруженной силы продовольственные отряды: «первый и величайший шаг социалистической революции в деревне».²⁰

Михаил Калинин признает в марте 1921 г.: «...В деревне много недовольства вызвала продразверстка, которая нередко действительно проводилась слишком жестко и необдуманно».²¹ Советский историк констатирует: «При проведении продразверстки допускались нарушения революционной законности в Тамбовской, Воронежской, Алтайской и Тюменской губерниях».²² Он приводит документ, из которого следует, что эти «нарушения революционной законности» постепенно «вошли в систему продработы», т. е. стали законом.

Политика советской власти вызывает сопротивление крестьянства, растущее по мере приближения конца гражданской войны. Это сопротивление одновременно активное и пассивное.

Активное сопротивление — вооруженные восстания. Волна крестьянских восстаний в 1920 г. залила всю страну. Единственная в советской исторической литературе попытка дать общую картину крестьянских восстаний начала 20-х годов — книга И. Трифонова «Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921-1923)», изданная в Ленинграде тиражом в 2140 экземпляров — посвящена восстаниям в Тамбовско-Воронежском районе, в Поволжье и Юго-Восточном крае, в Западной Сибири, на Украине, в Белоруссии и Карелии. И. Трифонов оставил за пределами книги восстания на Кавказе и в Средней Азии. Советский историк называет крестьянские восстания «вооруженной кулацкой контрреволюцией», говорит не иначе, как о «бандах кулаков». Однако, приводимые им сведения, взятые из неопубликованных архивов, свидетельствуют прежде всего об огромном размахе партизанского движения крестьян, о поддержке, которую имели восставшие среди крестьянства. Знаменитая формула Мао: партизан должен чув-

ствовать себя в народе, как рыба в воде, как нельзя лучше характеризует стратегию Махно, Антонова и других крестьянских вожаков, применявших ее задолго до появления на исторической сцене руководителя китайских коммунистов.

О размахе крестьянских восстаний, направленных против продразверстки, против грабежа деревни, лучше всего свидетельствуют усилия советской власти, направленные на их подавление. В мае 1921 под командованием Тухачевского, назначенного руководителем борьбы с восстанием в Тамбовской губернии, находилось 35 тыс. штыков, около 10 тыс. сабель, несколько сот пулеметов и свыше 60 орудий.²³ Крестьяне по-прежнему назывались бандитами, но, — говорилось в специальной инструкции командования Тамбовской губернии от 12 мая 1921 г., «на задачу искоренения бандитизма следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу — кампанию или даже войну».²⁴ Иначе как войной нельзя назвать вооруженные действия против сибирских крестьян зимой и весной 1921 г. «По просьбе Сибревкома, — пишет советский историк, — Советское правительство послало на подавление мятежа Казанский и Симбирский стрелковые полки, Вятские пехотные курсы, 121-й и 122-й кавалерийские полки, Отдельную кубанскую кавалерийскую бригаду, 21-ю стрелковую дивизию, 4 бронепоезда, восстановительные поезда и телеграфно-строительные роты».²⁵ В Поволжье крестьянским отрядам удавалось временно захватывать города. Несколько армейских соединений под командованием лучших командиров Красной Армии участвовало в «малой войне» с Махно. В перечне «видных руководителей боевых операций против кулацких банд» фигурируют все крупнейшие советские военачальники, победители белых армий — от Тухачевского и Фрунзе, до Буденного и Якира.²⁶

Не менее серьезную угрозу, чем вооруженное сопротивление крестьян, представляло для советской власти их пассивное сопротивление, выражавшееся в сокращении посевов. Летом 1921 г. Л. Каменев признал, что в 1920 г. площадь посевов сократилась на 25%.²⁷

Признавая крах своей политики, Ленин говорил в марте 1921 г.: «Мы наткнулись на большой — я полагаю, на самый большой — внутренний кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих». Недовольство рабочих особенно пугает руководителя советского государства. Он понимает: «Ведь существуют же границы человеческих сил. Три года они (т. е.

рабочие) голодали, нельзя голодать в течение четырех или пяти лет».

Засуха, страшные размеры которой становятся очевидными еще весной 1921 г., предвещает новый голод уже в условиях мирного времени, после окончания гражданской войны. Перед советским правительством возникает проблема, которую — впервые — нельзя решить с помощью силы. Все, что можно было — реквизировано. Отсутствие запасов превращает наступивший голод в смертный приговор для миллионов.

Советское правительство прежде всего делает вид, что — голода нет. После полного молчания в июне, 2 июля 1921 г. «Правда» публикует на последней странице сообщение под заголовком: «Виды на урожай хлебов и трав». В сообщении говорится: «В нынешнем году урожай хлебов будет ниже среднего за десятилетие (1905-14)». Ниже среднего — следовало читать: не катастрофический. 22 июля в передовой статье «Поволжье, голод и наши враги» «Правда» продолжает утверждать: «Напрасно думают они (т. е. враги), что у нас всеобщая катастрофа. Нулевой урожай в Поволжье компенсирует прекрасный урожай на Украине». И даже еще 23 июля заместитель наркома земледелия В. Осинский в интервью берлинской газете «Новый мир» настаивает: «В общем и целом надо считать, что урожай будет средним, даже, пожалуй, чуть-чуть выше среднего».

Между тем, в том же номере «Правды», в котором говорилось о «прекрасном урожае на Украине», компенсирующем «нулевой урожай» в Поволжье, было опубликовано сообщение о состоявшемся 21 июля в Москве «предварительном заседании Всероссийского общественного комитета помощи голодающим» и декрет ВЦИК о создании Комитета. Так начался удивительный, единственный в советской истории эпизод сотрудничества советского правительства и представителей общественности.

«Сотрудничество»

Советские историки с трогательным единодушием пишут о Всероссийском комитете помощи голодающим совершенно одинаково. И. Трифонов (1960): «В июле 1921 г. был сформирован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим», в состав которого вошли бывший царский министр Кутлер, бывший председатель 2 и 3 Государственных дум Головин, кадеты Кишкин, Булгаков, Кускова и другие... План действия комитетов, раз-

работанный Милюковым, сводился в общем к установлению над Россией контроля иностранных держав. В плане предусматривалось, что местные отделения «Комитета» «всеми средствами поведут антисоветскую агитацию и захватят власть в свои руки».²⁸ Книга И. Трифонова вышла через 7 лет после смерти Сталина, но ленинградский профессор строго следовал установленным для историков образцам: история пишется в форме доноса, все факты фальсифицируются, а те, которые нельзя фальсифицировать, заменяются вымышленными.

Е. Драбкина (1968): «Оживились (в связи с голодом — М. Г.) и русские антисоветские круги. Группа «общественных деятелей», состоявшая из кадетов и околкадетов, заверяя, что они действуют только «во имя человеколюбия без каких бы то ни было политических расчетов», создали с разрешения Советского правительства Комитет помощи голодающим. История с ее любовью к грубоватой, полной глубокого смысла шутке сделала руководителями этого комитета Прокоповича, Кускову, Кишкина, будто нарочно подобрав их так, чтобы начальные слога их фамилий образовали выразительное слово «Прокукиш». В особняке на Собачьей площадке, где обосновался этот самый «Прокукиш», меньше всего думали о помощи голодающим. Там были озабочены другим — установлением связей с заграницей, превращением «Прокукиша» в ядро будущего правительства, которое займет место Советского».²⁹ Схема Драбкиной повторяет, быть может чуть уклончивее, схему Трифонова. В нее добавлено лишь, что Комитет был создан «с разрешения Советского правительства».

Ю. Поляков (1975): «Курс на использование голода в антисоветских целях особенно наглядно проявился в деятельности так наз. «Всероссийского комитета помощи голодающим». Этот комитет был создан группой буржуазных деятелей кадетской партии под эгидой бывших видных деятелей кадетской партии С. Прокоповича, Е. Кусковой, Н. Кишкина».³⁰

В сборнике документов «Ленин и ВЧК» (1975) говорится дословно то же самое: Комитет «организовали бывшие члены партии кадетов, представители реакционно настроенной части интеллигенции. Во главе комитета стояли Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович».³¹

В 3-м издании Большой советской энциклопедии в статье о Всероссийском комитете помощи голодающим (в предыдущих изданиях БСЭ статьи на эту тему не было) указывается: Комитет «создан в Москве с согласия Советского правительства 21 июля 1921 г. группой дореволюционных буржуазных общественных и

культурных деятелей, среди которой преобладали кадеты... Руководители Комитета Прокопович, Кускова, Кишкин пропагандировали мысль, что борьба с голодом возможна лишь путем получения средств из-за границы и восстановления капиталистических отношений. Используя лозунг борьбы с голодом, они требовали передачи Комитету административных и хозяйственных функций, вели антисоветскую пропаганду. Установили связь с представителями ряда буржуазных правительств и белоэмигрантскими кругами».

Общим знаменателем всех процитированных (и не процитированных) оценок советскими историками Всероссийского общественного комитета помощи голодающим является прежде всего подчеркивание факта участия в Комитете кадетов, руководящей их роли. Многие из историков всех членов Комитета причисляют к кадетам. Например, автор единственной в советской исторической литературе статьи, посвященной Всероссийскому комитету помощи голодающим, заявляет: «агитационная работа Комитета проводилась прежде всего через посредство его бюллетеня «Помощь», который редактировал кадетский литератор М. А. Осоргин».³² Писатель Михаил Осоргин никогда никакого отношения к кадетской партии не имел, более того, взгляды его, близкие эсеровским, находились на противоположном от кадетов полюсе. Слово «кадеты» используется советской исторической наукой, как слово-заклинание, как слово, обозначающее — Зло. К реальной конституционно-демократической партии слово это ныне никакого уже отношения не имеет.

Второй общей чертой всех советских высказываний о Комитете помощи голодающим является обвинение в стремлении к свержению советской власти. И в подтверждение, в качестве доказательства создание Комитета представляется как действие почти нелегальное, а его руководителями неизменно называются «кадеты Прокопович, Кускова, Кишкин».

Восстановление исторической правды о многих событиях советского прошлого сопряжено с трудностями в связи с недоступностью архивов. Эпизод, связанный с деятельностью Всероссийского комитета помощи голодающим, представляет редкое исключение: о работе Комитета, на протяжении 5 недель его существования, регулярно писала советская печать, сохранились 3 номера бюллетеня «Помощь»,³³ сохранились воспоминания Екатерины Кусковой.³⁴ Важным источником для понимания причин создания Комитета и причин его гибели являются опубликованные сравнительно недавно письма В. И. Ленина.

Идея участия общественности в помощи голодающим рождается в Москве в июне 1921 г. 18 июня на VII Всероссийском съезде по сельскохозяйственному опытному делу рассматривался вопрос о засухе. 22 июня в Московском обществе сельского хозяйства выступили кооператор М. И. Куховаренко и агроном проф. Рыбников, приехавшие из Саратова. Они рассказали об огромных размерах бедствия, преуменьшаемого советской печатью. На совместном заседании съезда и общества М. Куховаренко выступил с докладом «Неурожай Юго-Востока и необходимость государственной и общественной помощи», а известный экономист проф. Прокопович, бывший министр продовольствия Временного правительства, говорил «О засухе и борьбе с голодом». Собравшиеся решили образовать при Московском обществе сельского хозяйства общественный комитет по борьбе с голодом. Прокопович заявил одновременно: «Мы не можем совершать никаких действий без согласия советской власти, без ее одобрения, без ее содействия... Надо довести до сведения советской власти о том, что мы сегодня услышали, и о том, что мы желаем по мере наших сил принять участие в помощи голодающим».³⁵ Была выбрана делегация для отправки в Кремль к председателю Совнаркома. Русские общественники — агрономы, кооператоры, экономисты — действовали по старому дореволюционному образцу, так, как многие из них действовали в 1891 г. во время голода. Они предложили свою помощь правительству, предложили совместные действия для помощи голодающим.

На следующий день стало известно, что Ленин делегацию принять отказался. Не принял ее и нарком земледелия Теодорович.

Е. Кускова и С. Прокопович отправились к Горькому, чтобы просить его снестись с Лениным. Екатерина Кускова — биография которой ждет историка — познакомилась с Алексеем Пешковым, будущим Горьким, в 1893 г. в Нижнем Новгороде. С того времени Горький питал к Кусковой симпатию, о которой он вспоминал даже в момент разрыва в письме от 22 января 1929 г.: «Искренно говорю: никому, кроме вас, я на эти упреки отвечать не стал бы, да и вам отвечаю не потому, что хочу «оправдаться», а потому, что у меня к вам есть определенное отношение, началом коего служит моя первая встреча с вами, летом 1893 г., в Нижнем, когда вы, больная, жили в Вознесенском переулке».³⁶

Горький использовал свои партийные связи. Л. Б. Каменев, председатель Московского совета, член Политбюро, приглашает делегацию в Кремль. В составе делегации: Е. Кускова, агроном

А. П. Левицкий, председатель правления с/х кооперации проф. П. А. Садырин, врач проф. Л. А. Тарасевич. Кускова не пишет в своих воспоминаниях, когда делегация встретилась с Каменевым. Можно полагать, что — не раньше середины июля. В Политбюро шли споры: ряд советских руководителей выступал против сотрудничества с представителями общественности. 12 июля против Комитета помощи голодающим возражал нарком здравоохранения Семашко. Ленин пишет ему записку, в которой излагает свою точку зрения и тактику: «Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову. Вы в «ячейке коммунистов» не зевайте, **блюдите строго**. От Кусковой возьмем имя, подпись, **пару вагонов** от тех, кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ни-че-го!».³⁷

Решение использовать «имя и подпись Кусковой» для получения «пары вагонов» продовольствия свидетельствовало о катастрофическом положении в стране. Положение было гораздо хуже, чем в 1891 г. не только потому, что засуха захватила несравненно более обширную территорию. В 1921 г. в деревне не было никаких резервов, в отличие от 1891 г. голодал и город, разрушенный транспорт затруднял перевозку зерна из тех районов, где оно было, в голодающие. Крестьянские восстания и недовольство в рабочих центрах усугубляло критическое положение правительства. Единственным источником немедленной продовольственной помощи могла быть только заграница, капиталистические страны. Понимали это и советские руководители. «Верите ли Вы, Лев Борисович, — спросила Кускова Каменева во время разговора в Кремле, — верите ли Вы, что разразившейся катастрофе можно помочь внутрирусскими средствами? — Нет, не верю, — серьезно ответил Каменев». ³⁸

Помочь могли только капиталистические страны, по существу только США, ибо истощенная войной Западная Европа была едва ли в состоянии прокормить себя. Советское правительство не решалось обратиться за помощью непосредственно, опасаясь встретить решительный отказ. В первой половине 1921 г. отказ капиталистических стран помогать государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию и свержение капиталистического строя, казался Ленину поведением как нельзя более естественным. Кускова объясняла Каменеву: «Помочь может только заграница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим». ³⁹ Запад имел все основания думать, что помощь будет оказываться очень выборочно, с учетом критериев, имевших к голоду косвенное отношение. Вскоре после Октябрьского переворота в городах вводится «классовый

пайек, категоричность питания для различных групп трудящихся и для нетрудового населения». ⁴⁰ Были введены 4 категории: 1 — рабочие тяжелого физического труда, 2 — все остальные рабочие и служащие, 3 — лица свободных профессий, 4 — нетрудовые элементы. В июне 1918 г. к двум последним категориям было отнесено в Петрограде — 13,9% населения. В сентябре было опубликовано решение, гласившее: «Народный комиссариат социального обеспечения подтверждает тем самым необходимость лишения пайков всех кулацких и буржуазных элементов города и деревни; полученные таким образом излишки пойдут на увеличение пайка городской и деревенской бедноте». ⁴¹ С первых же дней революции советское правительство присвоило себе право решать: кого нужно кормить, кого можно оставить умирать с голоду. Правительство присвоило себе право решать, кого **оно** будет кормить, а кому ничего не даст. Было формально объявлено об отказе признавать право людей на равенство перед лицом голода, голодной смерти. Это не могло не вызвать сомнений относительно использования помощи, которая могла придти в 1921 г. только с Запада. «Нужна какая-то гарантия, — заявила Е. Кускова Каменеву. — Вот мы и предлагаем дать возможность старым общественникам эту гарантию дать». ⁴²

«Старые общественники», о которых говорит Е. Кускова, это были виднейшие представители русской науки, литературы, культуры, известные на Западе, активно участвовавшие в организации помощи голодающим в 1891 г. Только они могли гарантировать распределение помощи голодающим в соответствии с категориями гуманности, отвергнутыми революцией. Они готовы были дать гарантию, но требовали «гарантий» со стороны правительства, требовали «конституции», т. е. официального утверждения статута Комитета помощи голодающим. «Вы еще так верите конституциям?» — иронически спросил Каменев ⁴³ делегацию общественных деятелей. Оказавшись в безвыходном положении, советское правительство согласилось на «конституцию». 21 июля председатель ВЦИК М. Калинин подписал «Декрет Всероссийского Центрального Комитета о «Всероссийском Комитете помощи голодающим» и «Положение о «Всероссийском Комитете помощи голодающим». ⁴⁴

ВЦИК постановил «Учредить Всероссийский Комитет помощи голодающим в целях борьбы с голодом и другими последствиями неурожая». Комитету был присвоен знак Красного Креста. Комитету были предоставлены права: приобретать в России и заграницей продовольствие, фураж, медикаменты и другие предметы,

необходимые для голодающего населения; распределять материальный фонд Комитета среди нуждающегося населения, пострадавшего от неурожая; пользоваться внеочередностью перевозов своих грузов, а также иметь и использовать свои перевозочные средства; устраивать все необходимое для общественного питания; оказывать агрономическую помощь населению в неурожайных губерниях; оказывать медицинскую помощь; устраивать общественные работы для голодающих; собирать пожертвования и вообще принимать другие меры, необходимые для достижения поставленных Комитету целей. Комитет получил право организации местных комитетов и отделений. Пункт 5 Декрета гласил: «Для привлечения помощи и средств из-за границы, Комитет в праве открывать там свои отделения, содействовать образованию заграничных комитетов помощи голодающим и командировать за границу своих уполномоченных. Комитету принадлежит право беспрепятственного сношения с названными органами и уполномоченными его за границей». Не прошло и пяти недель, как стало очевидным особое значение этого пункта. О широчайшем объеме полномочий Комитета свидетельствует и пункт 6, предоставлявший Комитету «право обсуждать те мероприятия центральных и местных властей, которые он признает имеющими отношение к делу борьбы с неурожаем и голодом, и входить с подлежащими учреждениями в сношения о согласовании упомянутых мероприятий с его планами. Все учреждения республики, как в центре, так и на местах, обязаны оказывать полное содействие Комитету. Комитет настаивал на разрешении издавать газету. Разрешение было дано с тем, однако, что газета должна была именоваться «бюллетенем». Автономия Комитета закреплялась освобождением «от ревизии Рабоче-Крестьянской Инспекции», которой подлежали все организации и учреждения советской республики. ВЦИК утвердил «первоначальный состав» Комитета, предоставив ему право дальнейшего избрания новых членов.

Никогда в истории советского государства, ни до июля 1921 г., ни после августа того же года ни одна общественная организация не получала таких прав. Быть может потому, что никогда положение советской власти не было таким шатким. В памяти руководителей большевистской партии были живы недавние сравнительно события февраля 1917 г., когда задержка с доставкой хлеба в Петроград стала толчком, свалившим царское правительство. Ленин хорошо помнил июль 1917 г.: «Прятал нашего брата, конечно, рабочий, — пишет в своих воспоминаниях В. Бонч-Бруевич. — В далеком рабочем предместье Питера, в маленькой рабочей

квартире подают обед. Хозяйка приносит хлеб. Хозяин говорит: «Смотри-ка, какой прекрасный хлеб. «Они» не смеют теперь, небось, давать дурного хлеба...» «Они» — Временное правительство — давало «прекрасный хлеб» и было свергнуто. Правительство Ленина давало в течение трех с лишним лет отвратительный хлеб, в ничтожных количествах — и держалось. Но в июле 1921 г. возникла серьезная опасность прекращения снабжения хлебом вообще. И советское правительство в отчаянной попытке сохранить власть идет на уступки, привлекает на помощь общественность.

Комитет помощи голодающим

ВЦИК утвердил первоначальный состав Комитета из 63 человек. Знакомство со списком членов Комитета, опубликованным в «Известиях» и в «Правде», позволяет прежде всего установить факты, расходящиеся с утверждениями советских историков о том, что «комитет был создан группой буржуазных деятелей кадетской партии»,⁴⁵ что «во главе комитета стояли Е. Д. Кускова, Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович...»⁴⁶ Председателем Комитета был назначен председатель Московского Совета Л. Б. Каменев, его заместителем — заместитель председателя Совета Труда и Оборона А. И. Рыков. В состав Комитета была включена — по выражению Ленина — «ячейка коммунистов» — насчитывавшая, вместе с Каменевым и Рыковым, 12 человек. О серьезном намерении советского правительства сотрудничать с Комитетом свидетельствует включение в его состав представителей важнейших народных комиссариатов: иностранных дел (М. Литвинов), внешней торговли (Л. Красин), здравоохранения (Н. Семашко), земледелия, продовольствия, социального обеспечения, путей сообщения, просвещения (А. Луначарский), профсоюзы представлял А. Шляпников.

«Ячейка коммунистов» составляла, однако, незначительное меньшинство в Комитете, состоявшем из виднейших представителей русской науки, культуры, общественной мысли. Инициаторы создания Комитета составили список кандидатов и каждый из кандидатов долго колебалась: многие еще не были готовы к сотрудничеству с большевиками, другие были категорически против такого сотрудничества. После утверждения ВЦИКом основного состава — 63 члена, — Комитет дополнительно выбрал 1 августа еще 10 членов. Из 73 членов Комитета — 12 представляли советское

правительство, составляли «ячейку коммунистов», 61 — русскую общественность. Наиболее широко — 20 человек — были представлены специалисты сельского хозяйства — агрономы, экономисты, статистики. Широкой известностью пользовались среди них профессора С. Н. Прокопович, Н. Д. Кондратьев, председатель правления с/х кооперативов П. А. Садырин, экономист А. В. Чайнов, ректор зоотехнического института М. М. Щепкин, председатель московского общества сельского хозяйства А. И. Угрюмов и др. Всем своим авторитетом поддержала Комитет помощи голодающим Академия наук. В состав Комитета вошли президент Академии А. П. Карпинский, вице-президент — В. А. Стеклов, председатель Комиссии по изучению производительных сил России П. П. Лазарев, академики В. Н. Ипатьев, А. В. Ферсман, Н. И. Курнаков, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург. Среди представителей русской культуры были А. М. Горький, К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин, П. П. Муратов, А. К. Джигелегов и др. Кроме того в Комитет вошли известные врачи, толстовцы, имевшие опыт помощи голодающим, — П. И. Бирюков, В. Ф. Булгаков, А. Л. Толстая, представители сектантов — меннонитов, баптистов, адвентистов, — имевших широкие международные связи, старая революционерка В. Фигнер. Пост почетного председателя Всероссийского Комитета помощи голодающим принял В. Г. Короленко, единственный человек в России, моральный авторитет которого признавали все.

Советские историки, представляющие Комитет помощи голодающим бандой контрреволюционеров, готовившей захват власти, упоминают только имена бывшего члена Временного правительства, члена ЦК партии КД Н. М. Кишкина, бывшего члена Временного правительства проф. С. Прокоповича, «бывшую кадетскую деятельницу» Е. Кускову. Иногда добавляя к ним «бывшего царского министра Кутлера» и «бывшего председателя 2 и 3 Государственных дум Головина». Все они объявляются кадетами, а следовательно — врагами советской власти, контрреволюционерами и заговорщиками. В действительности «кадетов», т. е. членов партии конституционных демократов в Комитете было всего несколько человек — Кишкин, Головин, Щепкин, Кутлер, Садырин. Советский историк И. А. Чемерисский, понимая, видимо, очевидную нелепость представления нескольких «кадетов» силой, руководившей деятельностью Комитета, значительно расширяет категорию врагов. Например, «бывшими меньшевиками являлись В. Шер,⁴⁷ боровшийся против Советской власти, и Э. Л. Гуревич». Кондратьев⁴⁸ и Чайнов — идеологи кулачества, первый во-

дил в 1919 г. в контрреволюционный Тактический центр, а второй опубликовал свой на шумевший советский памфлет «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии...» Участницей Тактического центра была А. Толстая. На буржуазных позициях стояли также некоторые кооператоры и специалисты сельского хозяйства, представители религиозных сект, писатели Зайцев, Муратов, Осоргин...⁴⁹

Советские историки представляют ныне создание Комитета как антисоветский акт, совершенный в подполье и несказанно удививший правительство, захвативший его врасплох. Карл Радек писал после первого заседания Комитета: «Мы нисколько не сомневаемся в том, что буржуазные элементы, которые теперь объединились для того, чтобы под контролем советского правительства помочь преодолеть стихию голода, отнюдь не проникнуты коммунизмом и в Советском правительстве не видят осуществления своих идеалов. Ни царский министр и лидер кадетов Кутлер, ни председатель 2 и 3 Дум Головин, ни министр Керенского Кишкин, ни полуменьшевики Прокопович и Кускова, ни старый член «Народной Воли» В. Фигнер — не являются приверженцами коммунизма. Наоборот, все они — «буржуазные элементы». Мотивы, которые заставили их сплотиться под контролем Советского правительства, под председательством председателя Моссовета Каменева, конечно, весьма различны. Для одного вопрос идет о чисто гуманном деле, у другого здесь может быть элемент политического расчета. Советское правительство приветствует гуманные тенденции и не боится задних мыслей».⁵⁰ Почти слово в слово повторяет это через два дня Каменев в беседе с корреспондентом «Правды»⁵¹: «Комитет создан под знаком Красного Креста, его цель — сбор добровольных пожертвований... Задние мысли, которые могут иметь те или другие деятели, желающие работать под знаком Красного Креста, не могут ничего изменить в объективном значении факта добровольного сотрудничества оставшихся в России деятелей буржуазного лагеря с советской властью. Диктатура пролетариата ничуть не потрясена, что бывшие министры и члены ЦК кадетской партии, руководители мелкобуржуазной кооперации и агрономических и сельскохозяйственных союзов работают ныне под руководством советской власти в деле изыскания способов быстрой ликвидации последствий стихийного бедствия. Советская власть в трудный момент оказалась достаточно сильной и достаточно зоркой, чтобы не оттолкнуть предложений, исходящих из рядов разбитой в открытом бою буржуазии».

«Медовый месяц» сотрудничества советской власти и русской общественности длился менее шести недель: постановление президиума ВЦИК об учреждении Всероссийского комитета помощи голодающим было подписано председателем ВЦИК М. И. Калининым 21 июля 1921 г., постановление о ликвидации Комитета было подписано заместителем председателя ВЦИК П. Залуцким 27 августа того же года.⁵²

Ликвидация ВКПГ не была полной неожиданностью для членов Комитета и для наиболее проницательных наблюдателей советской внутренней политики. Е. Кускова рассказывает, что через несколько дней после декретов об учреждении Комитета «пришел человек, входящий в Кремль»⁵³ и предупредил, что «комитету грозит величайшая опасность». После ареста членов Комитета один из лидеров партии эсеров А. Гоц, встретив в тюрьме на Лубянке С. Прокоповича, сказал ему: «Как только мы прочли декрет и положение о Комитете, я сказал товарищам: Товарищи! Надо готовить камеры для инициаторов этого дела...» М. Горький, «человек, входящий в Кремль», объяснил Кусковой, что «декрет дал Кремль... Но кроме Кремля есть еще Лубянка. Лубянка заявляет прямо и определенно: мы не позволим этому учреждению жить...»⁵⁴

Опубликованные документы позволяют говорить о наличии разногласий среди большевистских руководителей по вопросам внутренней политики, в частности продовольственной политики и отношения к крестьянству. В сборнике воспоминаний и документов «Хлеб и революция» (Москва, 1972) приводятся высказывания противников «большого прыжка», который потом назвали «военным коммунизмом». За менее жесткое регламентирование, против полной национализации торговли. На основании имеющихся документов можно предположить, что выразителем политики «лавирования» выступал прежде всего Л. Каменев, но, как и в октябре 1917 г., отстаивавший свои взгляды нерешительно, робко, немедленно отказываясь от них под ураганным огнем ленинской критики. Ленин — непреклонно против всякого «лавирования», против всяких «гнилых уступок».

Ленин держится за свою политику до пределов возможности. И даже позже, 14 апреля 1921 он пишет Каменеву: «Говорят, рабочие через 3-4 месяца потребуют отмены свободной торговли. Де не хотим, чтобы булочка ели бюрократы».⁵⁵ Рабочие — в том числе в Москве и Петрограде — выражали свое недовольство голодной политикой правительства забастовками. «...На некоторых петроградских заводах, — вспоминает Е. Драбкина, — началось

то, что было прозвано метким словом «волынка». Это была своеобразная форма ничего неделания: рабочие не бастовали, но и не работали».⁵⁶ Старой большевичке Драпкиной не проходит через горло слово «бастовали» по отношению к пролетариату колыбели революции. Ленин, однако, понимал, что если рабочие «не работают», то каким бы словом это не называть — результат один: заводы стоят. И он находит выход. Председатель Совета народных комиссаров предлагает Каменеву «тотчас налечь на дома отдыха изо всех сил. Увеличить за лето и за осень число их. Потом будем покупать «отдыхающим» изредка, по очереди и «булочки».⁵⁷ Для того, чтобы поощрить крестьян к поднятию производительности, Ленин предлагал их премировать «предметами потребления и домашнего обихода, от чего жизнь будет красивее и лучше в домашнем быту» и давать, кроме того, «конечно, знаки отличия», например, орден Трудового Красного Знамени.⁵⁸

И лишь когда и Ленину стало очевидно, что ни обещание «булочек» по очереди, ни премии или ордена положения не спасают, он решает отступить. Отступление, на которое решился Ленин, после того как выяснилось, что «жить дальше в условиях военного коммунизма стало невозможно»,⁵⁹ включало и ВКПГ. Председательствовать в Комитете, вести разговоры с представителями общественности, поручается Каменеву. Ленин, соглашаясь на создание ВКПГ, рассматривал уступку, как своего рода Брестский договор, как возможность получить передышку, воспользовавшись «именем и подписью Кусковой». В записке Семашко Ленин объясняет, что «имя и подпись» нужны для того, чтобы вырвать «пару вагонов». Всероссийский Комитет помощи голодающим, «имя и подпись Кусковой» нужны были в еще большей степени для того, чтобы во-первых получить помощь из-за границы, помощь, которую западные страны не хотели давать советскому правительству, а во-вторых, для того, чтобы обходным путем установить дипломатические — если не де-юре, то де-факто — отношения с капиталистическим миром. Едва лишь цель была достигнута — Комитет был разогнан. 21 августа Литвинов подписал в Риге соглашение с представителем Американской организации помощи (АРА), возглавляемой Гербертом Гувером. Е. Кускова вспоминает, что узнав о подписании соглашения Н. Кутлер резюмировал: «Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35% населения голодающих районов, а не все 50 или 70...»⁶⁰ Кутлер был прав частично. Комитет «сделал свое дело», американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов продовольствия, причем Гу-

вер обещал, что ежемесячно будет расходоваться 1,2-1,5 млн. долларов на продовольственные поставки в Россию. Но «по домам» члены Комитета помощи голодающим разойтись не смогли. 27 августа от имени международной организации помощи соглашение с Москвой о поставках продовольствия голодающим подписал Фритюф Нансен. Однако знаменитый полярный путешественник еще до подписания соглашения совершил серьезную ошибку: назначил в число сотрудников своей организации члена ВКПГ.

М. Горький говорил Кусковой о различном отношении к Комитету в «Кремле» и на «Лубянке». Главным врагом Комитета, руководителем «Лубянки» в «Кремле» был Ленин. 26 августа пишет он письмо «Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)», в котором детально излагает инструкцию по ликвидации Комитета помощи голодающим. «Предлагаю, — пишет Ленин, — выразив возмущение «наглейшим предложением Нансена» и поведением «кукишей», — сегодня же, в пятницу 26.8. постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш»... Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи¹⁶ и продержать месяца три... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же, выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор». В одном лице сочетает Ленин следователя, прокурора, судью и надзирателя, в одной фразе формулирует он обвинение, приговор и меру наказания. Трижды повторяет он: «сегодня же».

Вторая часть письма посвящена обработке общественного мнения. И здесь Ленин деловит и конкретен: «Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места... Изю всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев». Ленин резюмирует: «Большой зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях... Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей»...»⁶²

Инструкция Ленина была энергично поддержана в Политбюро Троцким, пригрозившим отставкой, если Комитет не будет немедленно ликвидирован, а его члены арестованы. Троцкий подчеркнул, что во время рижских переговоров с АРА американцы ни разу не упомянули Комитет, следовательно его можно разгромить безнаказанно.⁶³ Резкий тон Ленина и ультиматум Троцкого позволяет предполагать наличие в Политбюро противников

разгона ВКПГ, которые, однако, конкретно ничем себя не проявили. Письмо Ленина стало руководством к — почти — немедленному действию. Не «в тот же день», но на следующий, в субботу 27 августа, члены Всероссийского комитета помощи голодающим собрались на очередное заседание. Председатель Комитета Л. Б. Каменев — задерживался. Вместо него явился отряд чекистов, окруживших дом. Весь состав Комитета, за исключением Веры Фигнер и председателя сельскохозяйственной кооперации П. А. Садырина, был арестован и привезен на Лубянку.

На следующий день началось выполнение второго пункта ленинской директивы: «высмеивание и травля» Комитета. О характере этой кампании достаточно красноречиво говорят заголовки статей: «С голодом не играют» («Правда», 30.8), «Оставьте ваше воображение» («Известия», 31.8), «Комитет помощи... контрреволюции» («Коммунистический труд» 30.8), «Спекуляция на голоде» («Коммунистический труд», 31.8). Популярнейшие «юмористы» — Демьян Бедный, Яша Зуб и другие — заполняли страницы газет фельетонами — в стихах и прозе, высмеивавшими «кукишей» и «прокукишей».

8 сентября «Правда» опубликовала «Сообщение В.Ч.К. об арестах во Всероссийском комитете помощи голодающим». В «Сообщении» были перечислены обвинения против членов Комитета. Обвинения представляют интерес по двум причинам: во-первых, как свидетельство отсутствия веского состава преступления, во-вторых, потому что всё они повторяются неизменно всеми советскими историками и в 1978.⁶⁴ «Сообщение ВЧК» открывается информацией о раскрытии в Тамбове «главной разведывательной организации Антонова». Эта организация установила — как удалось выяснить ВЧК — связь с кадетами в Москве. Двое арестованных в Москве представителя Антонова сознались, что «должны были связаться с Н. М. Кишкиным», но «не успели лично с ним связаться». Тем не менее Н. Кишкин был обвинен в связях с «антоновщиной». В бумагах его секретаря, во время обыска была обнаружена «подробная схема переустройства Советской России с верховным правительством во главе, с канцлером, с Государственной думой и государственным советом»... «Экспертиза установила», что схема написана «рукой гражданина Кишкина». Н. Кишкин не отрицал написания этой схемы, отмечая лишь, что сделал это в 1907 г. Следователь оторвал дату и вложил схему в «Дело», как второй пункт обвинения. Член ВКПГ В. Ф. Булгаков обвинялся в том, что «в своем дневнике, касаясь политической деятельности комитета, пишет, что «и мы и голод — это средство

политической борьбы». ⁶⁵ Быть может единственный раз в истории советского государства советскому гражданину удалось публично, в печати ответить на обвинение «органов» и его опровергнуть. 18 сентября газета «Коммунистический труд» опубликовала «Разъяснение В. Ф. Булгакова. Из письма в редакцию». «Быв. член Всероссийского Комитета Помощи Голодающим, хранитель Толстовского Музея В. Ф. Булгаков, просит сообщить, что приведенные в сообщении ВЧК от 9 сентября с.г. слова «мы и голод — это средство политической борьбы» заимствованы были не из его дневника, а из конспекта речи по поводу выступления в Комитете одного из представителей правительства, причем выражали они не одобрение, а порицание всякому возможному внесению политики в деловую работу Комитета. Гр. Булгаков полагает, что он, как «толстовец», не мог быть причастен ни к каким политическим комбинациям вообще...» Публикация этого письма не мешает советским историкам и сегодня повторять обвинение, предъявленное В. Булгакову. Члены комитета обвинялись и в том, что, как показал ректор Московского зоотехнического института проф. М. М. Щепкин, «в неофициальной обстановке высказывались о возможности падения Советской власти из-за голода и разрухи». ⁶⁶

Обвинения против Комитета сводились к изображению его антисоветской террористической организацией, готовившей свержение советской власти. В «Сообщении ВЧК» Комитет связывался оккультным образом с Антоновым. Одновременно с декретом о ликвидации ВКПГ газеты опубликовали сенсационные материалы о раскрытии т. н. «Петроградской организации», возглавляемой проф. Таганцевым, и расстреле группы арестованных. Советский историк так и пишет: «Ликвидация ВКПГ совпала с ликвидацией ряда других контрреволюционных заговоров». ⁶⁷

М. Осоргин — вместе с Е. Кусковой — подлинный историк Комитета, неоднократно писавший о его деятельности и судьбе его членов, очень хорошо понимал смысл и причины ликвидации ВКПГ. После ареста, в ожидании отправки в тюрьму, Кускова спросила его: «— Как думаете, Михаил Андреевич, расстреляют нас? — Думаю, Екатерина Дмитриевна, что да. — И я тоже думаю». ⁶⁸ Они — логически мыслящие люди, — продолжает М. Осоргин, «ясно понимали затруднительное положение правительства. Обвинять нас, конечно, не в чем: единственное, в чем виноваты — хотели сделать то, чего правители сами сделать не могут — помочь голодающим». ⁶⁹ Во «Временах» М. Осоргин с присущей ему лаконичностью сказал о деятельности Комитета: «Не-

скольких дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из центра и Сибири, как в кассу общественного Комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать Комитету официально. Огромная работа была произведена разбитыми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный Комитет, никакой властью не облеченный, опиравшийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряженья, которые исполнялись с готовностью и радостно всеми силами страны... Октябрьская власть должна была убить Комитет прежде, чем он разовьет работу. В Приволжье погибло пять миллионов человек, но политическое положение было спасено». ⁷⁰

Писатель М. Осоргин сказал о деятельности Комитета скупой и по-деловому. «Один из ведущих руководителей ВЧК» охарактеризовал эту деятельность лирико-поэтически. Хлопотавшему за арестованных членов Комитета он заявил: «Вы говорите, что Комитет не сделал ни одного нелояльного шага. Это — верно. Но он являлся центром притяжения для т. н. русского общества... Это мы не можем допустить. Знаете, когда нераспустившуюся вербу опустят в стакан с водой, она начинает быстро распускаться. Так же быстро начал обрастать старой общественностью и Комитет... Вербу надо было выбросить из воды и растоптать...» ⁷¹

В поэтическом образе распустившейся вербы была реальная правда. Всероссийский Комитет помощи голодающим становился — хотел он этого или нет — центром восстановления разгромленного революцией русского общества, восстановления которого больше всего на свете опасался Ленин. Преступлениями Комитета были его существование, глубокий кризис, вынудивший советскую власть дать согласие на это существование, наконец, политика Комитета, стремившегося объединить всех, кто мог помочь спасти от голодной смерти миллионы людей. Преступлением было и непонимание того, что спасение от голодной смерти силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом политическим. Преступлением, наконец, было обращение к православной церкви за помощью. Комитет решил обратиться к церкви, прежде всего к патриарху Тихону, «проживавшему в кельях Троицкого монастыря под строжайшим чекистским надзором», по двум главным мотивам: священники были крепче всех связаны с крестьянством; только русская церковь и, прежде всего, патриарх Тихон могли побудить за границу к помощи голодающим. Узнав о посещении двумя членами ВКПГ

— Н. Кишкиным и С. Прокоповичем — патриарха Тихона, благословившего деятельность Комитета и обещавшего помощь, Каменев выразил неудовольствие: «Для чего Комитет берет на себя эту организацию сил контрреволюции?» Но тем не менее правительство согласилось разрешить публикацию в бюллетене «Помощь» Воззвания патриарха Тихона, напечатанного 100-тысячным тиражом, и даже передать его по радио. Каменев пытался процenzуровать Воззвание патриарха и потребовал выкинуть: «Молитвою у престола Божия, у родных святых, исторгайте прощение неба согрешившей земле». Е. Кускова вспоминает, что Каменев возмущался: «Что такое? Какой согрешившей земле? Мы не можем печатать весь этот мистический бред!» И тем не менее Воззвание было напечатано полностью. И этого Комитету не забыли. «Не знаю, — пишет Е. Кускова, — подозревал ли покойный патриарх, что развернув столь могучую энергию и подняв на дело спасения всю верующую Россию и за границу, он наносит смертельный удар самому делу вмешательства общественных сил? Ведь в глазах большевиков проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции».⁷²

Всероссийский комитет помощи голодающим был ликвидирован, члены его арестованы и заключены во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке. «Тюрьма была страшная, — вспоминает М. Осоргин, уже побывавший на Лубянке в 1919 г., знавший и царскую тюрьму, — без всякой возможности общения между камерами и с внешним миром; в царских тюрьмах эта возможность была. Не было книг, никогда не водили на прогулку. Нас кормили супом из воблы и воблой из супа; вобла гнилая и червивая...»⁷³ Е. Кускова пишет, что «Чека приговорила к смертной казни» трех членов Комитета: ее, Н. М. Кишкина и С. Н. Прокоповича.⁷⁴ М. Осоргин говорит о шести приговоренных к расстрелу, добавляя двух видных кооператоров: Д. С. Коробова, И. А. Черкасова и себя — редактора бюллетеня «Помощь».⁷⁵ Вмешательство Фриггофа Нансена спасло членов Комитета от расстрела. Арестованных стали освобождать. «Зачинщики» — Е. Кускова, Н. Кишкин, С. Прокопович, М. Осоргин, Д. Коробов и А. Черкасов — после нескольких месяцев заключения были высланы «во внутренние губернии». Советская власть впервые использовала эту — старую, испытанную — и гуманную — форму репрессии — для устранения неугодных ей лиц. «Тогда это делалось так, — вспоминал М. Осоргин: ночью вывезли нас на грузовике из тюрьмы Особого Отдела, втокнули в вагон с разбитыми окнами и трое суток везли по морозу до первого этапа (моим была Казань). Зима

была свирепая, а вагоны не отапливались. Кроме того был сыпняк, и некуда было укрыться от насекомых».⁷⁶

«Преступления» ВКПГ не были, однако, забыты. Арест и ссылка были только началом репрессий по отношению к его членам. Деятельность Комитета была воспринята Лениным, как еще одно свидетельство враждебности «старой интеллигенции» революции, как свидетельство смертельной опасности, которую она представляет для советской власти.

История Всероссийского Комитета Помощи Голодающим — модель отношения советской власти к противникам, к тем, кто хочет ей помочь, но с оговорками, к интеллигенции: 1) уступки, если нет никакого иного выхода, 2) отказ от уступок едва лишь опасность миновала, 3) месть за уступки.

Вместо смертной казни

Советские историки непосредственно связывают деятельность Комитета и его ликвидацию с первым применением в Советской республике особой меры наказания, неизвестной царской России: высылки за границу.

И. Трифонов утверждает: «Постановлением ВЦИК от 30 августа 1921 «Комитет» был распущен, а лица, замешанные в контрреволюционной деятельности — Кишкин, Прокопович и другие высланы за границу».⁷⁷ Советский историк в одной фразе допускает несколько фактических ошибок: постановление ВЦИК было подписано 27 августа, Н. Кишкин не был выслан за границу, но смысл его утверждения ясен: в наказание за их деятельность члены Комитета были высланы за границу, хотя высылка произошла только летом 1922 г. И. Чемерисский, тоже путая дату, согласен с Трифоновым по существу: «Летом 1922 г. наиболее непримиримые члены Комитета (Прокопович, Кускова) были высланы из советской страны. Вскоре эмигрировали их сторонники, например, Зайцев».⁷⁸ Официальный историк органов Д. Голиков согласен со своими коллегами: «Советское правительство постановило ликвидировать Комитет. Наиболее активные его «деятели» — Н. М. Кишкин, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова и другие — были в административном порядке высланы из Советской страны».⁷⁹ Д. Голиков уточняет, что высылка была произведена «в административном порядке», т. е. по решению ГПУ, без суда. Это, однако, всего лишь деталь. Для всех советских историков

бесспорна связь: голод в России — деятельность общественного Комитета помощи голодающим — высылка за границу.

Между разгоном ВКПГ и высылкой за границу проходит год. Целый ряд причин вызвал эту задержку. Прежде всего, после ареста членов Комитета шла подготовка к расстрелу инициаторов создания ВКПГ и заключению других в тюрьму. Давление за границы вынудило Ленина отказаться от этих мер, ограничившись ссылкой в «места отдаленные». Затем необходимо было «изобрести» высылку. Представление о высылке за границу, как мере наказания, казалось совершенно необычным. Один из высылаемых вспоминал, что при посадке на пароход на лицах провожающих «было изумление и тоска: ни один человек, как и мы сами, не мог повидимому понять смысла нашего странного наказания — высылки за границу, — в то время, когда каждый почел бы для себя за спасение уход из советского эдема».⁸⁰

Решение о применении новой карательной меры было принято, видимо, весной 1922 г. Когда Е. Кускова приехала в Берлин, она получила письмо от Горького, выехавшего из советской России в октябре 1921 г. «Дорогая Екатерина Дмитриевна! — писал Горький. — Приездом вашим не удивлен, ибо еще в апреле знал, что всех членов комитета решено «выселить» из России».⁸¹ 19 мая 1922 г. Ленин пишет письмо Дзержинскому, в котором детально излагает инструкцию по подготовке «высылки за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции».⁸² В первой же фразе письма Ленин называет социальную группу, которая должна подвергнуться репрессии, и обвинение, которое следует им предъявить. М. Осоргин считал, что инициатором изгнания за границу, «остракизма», был Троцкий. Нет сомнения, однако, что полное руководство операцией осуществлял лично Ленин. В мае Ленин редактирует Уголовный кодекс, указывая, в частности, в письме наркому юстиции: «г. Курский! По моему надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)».⁸³ Идея Ленина, (найденная им или Троцким быть может у Платона), получит свое юридическое оформление в декрете об административной высылке (принят 10 августа 1922 г.), разрешающем без суда «применять высылку за границу или в определенные местности РСФСР на срок не свыше трех лет лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям».⁸⁴

Болезнь Ленина задерживает проведение операции, но не прерывает подготовку к ней. Когда в сентябре 1922 г. арестованному Е. Замятину в тюрьме был вручен документ о «бессрочной высылке» за границу, в нем говорилось, что удостоверение

выдается на основании постановления Совнаркома от 10 мая 1922 г.».⁸⁵

В августе Ленин начинает постепенно возвращаться к делам. И — к главному делу, к решительному наступлению на новом «идеологическом фронте». ЦК партии отмечал: «...Выявились в первые месяцы 1922 г. оживление деятельности остатков старой буржуазной интеллигенции», созданся т. н. идеологический фронт («возрождение буржуазной идеологии».⁸⁶ Возрождение «буржуазной идеологии» проявилось в открытии частных издательств и возобновлении выпуска журналов («Былое», «Голос минувшего»), в возобновлении деятельности профессиональных ассоциаций и объединений — инженеров, врачей, агрономов. В марте 1922 г. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» («Под знаменем марксизма») настаивает на необходимости «систематической, наступательной борьбы с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики», объявляя эту борьбу «первенствующей обязанностью коммуниста».

Борьба на «идеологическом фронте» означала борьбу, войну с интеллигенцией. Статья «О воинствующем материализме» была георией этой войны. Письмо Дзержинскому от 19 мая — практическим руководством. Ленин председателю ГПУ намечает конкретные меры по подготовке «высылки за границу писателей и профессоров»: собрать специальное совещание руководящих работников ГПУ,⁸⁷ обязать членов Политбюро принять участие в цензорской деятельности: просмотр книг и периодических изданий, собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. И тут же Ленин дает пример «отзыва», образец цензорской работы, характеризуя два петербургских журнала. Закрытая «питерскими товарищами» «Новая Россия» кажется цензору не совсем потерянной для советской власти. Во всяком случае, замечает председатель Совнаркома, «не все сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу». Зато второй журнал — «Экономист», орган XI отделения Русского технического общества — никакого снисхождения не заслуживает: «Это, по-моему, явный центр белогвардейцев».⁸⁸ В № 3 (только третьем!!! это nota bene!) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, почти все — законнейшие кандидаты на высылку за границу». И Ленин резюмирует: «Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных

шпионов изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу».⁸⁹

Война была объявлена. «Профессора и писатели» обвинены в воинских преступлениях — шпионаже, контрреволюции, а также в «растлении молодежи». Письмо Дзержинскому было секретным. На этом настаивал Ленин, подозревая, возможно, что обвинения чуть преувеличены. Но и в печати он не стеснялся в выражениях. 5 мая 1922 г. Ленин называет в «Правде» сборник «Освальд Шпенглер и закат Европы» «литературным прикрытием белогвардейской организации». Авторы статей сборника — Н. Бердяев, Я. Бухшпан, Ф. Степун, — не будут забыты при составлении списков высылаемых за границу.

Историк ВЧК-ОГПУ Д. Голиков расшифровывает употребляемое Лениным понятие — «профессора и писатели». Это — интеллигенция: «антисоветские партии, действуя через интеллигенцию (профессуру, специалистов, литераторов), вели работу среди учащейся молодежи, мелкобуржуазных и обывательских элементов, создавали опорные пункты в высшей школе, в печати, литературных кругах, кооперации... В некоторых философских трактатах протаскивалась буржуазная идеология. Публиковались формалистические, далекие от жизни литературные произведения. На съезде врачей раздавались голоса, направленные против «коммунистического окружения». Антисоветские выступления прозвучали на агрономическом съезде и съезде сельскохозяйственной кооперации».⁹⁰

Переход к новой экономической политике показался русской интеллигенции началом новой эры. Разгон и арест членов ВКПГ не смог охладить надежд на возможность демократизации режима. На II Всероссийском съезде врачей (май 1922), о котором упоминает Д. Голиков, критиковалась «советская медицина» и «восхвалялась медицина земская», выдвигались требования «полной демократии», врачи требовали разрешения создания самостоятельного профсоюза и выпуска своего печатного органа. На III агрономическом съезде (март 1922) крупнейшие русские экономисты сельского хозяйства — профессора Б. Бруцкус, Н. Кондратьев, А. Чайнов и др. — выступали против вмешательства государства в сельское хозяйство, за развитие частной инициативы. 10 марта в Доме союзов был организован публичный диспут между «марксистами-аграрниками» и их критиками. «Правда» писала на другой день, что огромное количество людей, не доставших билеты, рвалось в зал, до позднего вечера осаждая все входы и выходы Дома Союзов.⁹¹ Все рвались послушать Б. Бруцкуса и А. Чайнова.

Голод еще свирепствовал на русской земле и многим хотелось услышать объяснение его причин. Для проф. Бруцкуса сомнений не было: политика советской власти и разверстка повинны в голоде. «Мы не можем признать принципа национализации земли совместимым с требованием нормального развития народного хозяйства». Аграрник-марксист С. Дубровский отвечал проф. Бруцкусу в поэтической форме: «Бруцкус оттачивал стрелы частной собственности, чтобы их направить в сердце земельной политики Советской власти — в национализацию земли».⁹²

Этого рода ответы, научные дебаты представляются Ленину опасными и бессмысленными. Он считает необходимым использовать вместо оружия критики критику оружием. На тексте записки наркомздрава Семашко о «важных и опасных течениях в медицинской среде», проявившихся на съезде врачей, Ленин пишет указание «т. Сталину» поручить «Дзержинскому (ГПУ) при помощи Семашко выработать план мер и доложить в Политбюро в (2 недели/срок)». Записка Сталину следует сразу же после письма Дзержинскому о подготовке высылки «профессоров и писателей».

В июне 1922 г. начинается процесс эсеров, который М. Горький, по настоянию Ленина выехавший за границу, рассматривает, как очередной удар по интеллигенции. Обратившись сначала с письмом к Анатолию Франсу, в котором Горький называет «суд над социалистами-революционерами... публичным приготовлением к убийству людей искренно служивших делу освобождения народа» и просит французского писателя ходатайствовать о «сохранении ценных жизней социалистов». Буревестник революции обращается затем с письмом к Рыкову, подчеркнуто минуя председателя Совнаркома: «Алексей Иванович! Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство. Я прошу Вас, сообщите Л. Д. Троцкому и другим (нетрудно понять, кого имел в виду автор письма под «другими». М.Г.), что это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступление истребления интеллигенции в нашей безграмотной некультурной стране...»⁹³

В дни, когда начался процесс эсеров, в защиту которых Горький выступал сам и мобилизовал западную общественность, был утвержден приговор о расстреле 5 из 11 обвиняемых по делу «о сокрытии церковных ценностей». Этот приговор должен был «не только отрезвить горячие контрреволюционные поповские головы, но и преподать уроки элементарной политической азбуки

новому Высшему Церковному Управлению».⁹⁴ В августе, полагая, видимо, что московский «урок элементарной политической азбуки» был недостаточен, президиум ВЦИК утвердил еще 4 смертных приговора (из 10) по делу петроградского духовенства и верующих. В числе расстрелянных был митрополит Вениамин.

К смертной казни были приговорены 12 из обвиняемых по делу эсеров, но «исполнение приговора» суд решил «приостановить». Тем самым было выполнено и пожелание Ленина, настаивавшего на расстреле и негодовавшего на Бухарина и Радека, обещавших за поддержку советской власти социалистическим интернационалом пощадить обвиняемых, но суд прислушался и к пожеланиям Горького и мирового прогрессивного общественного мнения. Приговор был приведен в исполнение несколько лет спустя.

Духовенству и эсерам были предъявлены конкретные обвинения: отказ сдать церковные ценности в фонд помощи голодающим, антисоветские террористические акты. И хотя церковь соглашалась сдать ценности, хотя деятельность эсеров относилась к годам гражданской войны и была амнистирована или однажды уже наказана — обвинения легко было использовать в пропагандных целях. Труднее было подыскать обвинения для «профессоров и писателей»: можно было попытаться представить Комитет помощи голодающим, как белогвардейский центр, связанный, одновременно, с Антоновым, Милюковым и Клемансо, труднее было изобразить контрреволюционными заговорщиками авторов философских книг, ученых-экономистов, врачей, только за высказывание неортодоксальных идей.

Высылка за границу была решением радикальным и, одновременно, по сравнению со смертными приговорами, выносимыми на публичных процессах, мерой «гуманной». Возможность массовой высылки «профессоров и писателей» впервые упоминается Лениным в мае 1922 г. в письме Курскому как наказание, заменяющее расстрел. Это наказание имело (среди других) и то преимущество, что могло быть массовым, единовременный расстрел ста или двухсот виднейших представителей русской интеллигенции представлялся в начале 20-х годов предприятием рискованным, могущим вызвать неблагоприятное впечатление за границей. К тому же малочисленность русской интеллигенции казалась бы препятствовала ее дальнейшему резкому сокращению. М. Горький писал 10 июня 1922 г. из Берлина американке Джейн Адамс, что «творцов русской науки и культуры», без которых «нельзя жить, как нельзя жить без души», во всей России «только

9000».⁹⁵ В середине 1921 г. происходит событие, которое открывает коммунистической партии новые возможности в борьбе на идеологическом фронте. В Праге выходит сборник «Смена вех», оформляющий «сменовеховство», движение, начавшееся в Советском Союзе и активно поддержанное партией.⁹⁶

«Сушность всех статей сборника, — писали «Известия», — сводится к приятию Октябрьской революции и к отречению от всякой борьбы против ее результатов».⁹⁷ «Известиям» вторит «Правда»: «Жизнь учит (авторов книги), и они способные ученики. Логика жизни заставит их идти все дальше и дальше по пути сближения с революцией».⁹⁸ Выступая на II Всероссийском съезде политпросветов (октябрь 1921), Троцкий настаивает: «Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки «Смена вех».⁹⁹ Наконец, Ленин на XI съезде партии (март-апрель 1922) заявляет: «Сменовеховцы выражают настроения тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики».¹⁰⁰

Сменовеховство дает идеологию той части русской интеллигенции, которая боролась с советской властью, потерпела поражение и решила сдаться на милость победителям. Идеологией этой был патриотизм, признание Октябрьской революции — русской революцией, советской власти — русской властью. Как выразился Троцкий о сменовеховцах: «Они подошли... к советской власти через ворота патриотизма».

Для партии «ворота» значения не имели, имело значение место прибытия через эти ворота. Не имело значения и то, что идеологами сменовеховства были представители крайне правых партий: октябристов, правых кадетов, даже монархистов. Большевики всегда относились подозрительно к «левым».

Имело огромное значение прежде всего то, что «сменовеховство» позволило расколоть интеллигенцию и дать модель «полезной советской интеллигенции». «Полезная интеллигенция», сдавшаяся на милость победителей, отказывалась от всех претензий на участие в руководстве страной, наукой или культурой, от критики. Она просила лишь одного: дать ей возможность работать под руководством коммунистической партии, выполнять задания партии.

В письме Дзержинскому¹⁰¹ Ленин делает тонкое различие между двумя «интеллигентскими» изданиями: он настаивает на возобновлении деятельности «сменовеховской» «Новой России», закрытой излишне ретивыми «питерскими товарищами», и закры-

тии «явного центра белогвардейцев» — журнала «Экономист». В конце 1921 г. начинается возвращение «сменовеховцев» на родину. В числе первых возвращается обер-прокурор Священного Синода В. Н. Львов.

Хлыст диктатуры

В мае 1922 г. Ленин, незадолго до первого приступа своей болезни, поручает Дзержинскому начать подготовку к высылке «писателей и профессоров». Письмо это секретное. Но 2 июня «Правда» публикует статью под истерическим заголовком «Диктатура, где твой хлыст», в которой излагает проект Ленина и определяет круг жертв. Статья «Диктатура, где твой хлыст?», подписанная одной лишь буквой «О»,¹⁰² выделяется своим беспримерно грубым языком на фоне публицистики 20-х годов и могла бы фигурировать в хрестоматии советской журналистики рядом с ярчайшими ее образцами 1937-38, 1948-52 годов. Поводом для статьи послужила книжечка Ю. Айхенвальда «Поэты и поэтессы», содержащая 96 страниц, посвященных истории русской поэзии. «Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать, — предупреждает анонимный автор статьи. — Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее — мы зовем к политическому ответу». Анонимный автор констатирует: «Книжка г. Айхенвальда насквозь пропитана трусливо-пресмыкающейся, гнилой, гневной ненавистью к Октябрю... Это философское, эстетическое, литературное, религиозное лизоблюдство, т. е. мразь и дрянь...» И т. д. и т. п. Конкретные обвинения, предъявленные Ю. Айхенвальду, носят литературный характер: критик «мимоходом лягает Некрасова... Некрасову противопоставляются **истинные** поэты — Фет и Тютчев». Автор статьи убежден, что Некрасов лучше Фета и Тютчева. Более серьезно обвинение в том, что Ю. Айхенвальд пытался мимоходом лягнуть Брюсова за его «безвкусице», ибо «Брюсов... не отшатнулся от Октября». Еще серьезнее обвинение в том, что «отравленный собственной ничтожностью реакционера Айхенвальд с безграничным восторгом цитирует поэта, который поднял меч против революции и от меча погиб... «Однако все эти обвинения вряд ли заслуживали бы исступленной статьи в «Правде». С. Бобров опубликовал рецензию на книжку Ю. Айхенвальда в «Печати и революции»,¹⁰³ в которой так же упрекает критика за восторженный отзыв о Гумилеве, но в конечном счете сводит все к глупости автора «Поэтов и поэтессы». «Глупо, скучно и черносотенно», — заключает С. Боб-

ров. Заключение статьи анонимного автора в «Правде» объясняет причину ее публикации: «Но у диктатуры есть в запасе хлыст, и есть зоркость, и есть бдительность. И этим хлыстом пора бы заставить Айхенвальдов убраться за черту, в тот лагерь содержания, к которому они принадлежат по праву со всей своей эстетикой и со своей религией».

В июне 1922 г. не было специальной необходимости напоминать о «хлысте» диктатуры, память о нем жила у всех граждан республики. К тому же статья была опубликована в дни процесса эсеров, в дни процессов духовенства. Статья в «Правде» наметила круг новых жертв, назвала новую форму репрессий.

В числе первых были высланы в июне 1922 г. Е. Кускова и С. Прокопович. Основная группа выслаемых была «подготовлена» к августу.

31 августа «Правда» публикует сообщение о мерах по «очистке» Советской республики под заголовком: «Первое предостережение». «Определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью», — констатирует «Правда». И далее перечисляются «опорные пункты» антисоветской работы: «Важнейшей их цитаделью была высшая школа... Политиканствующие ученые-профессора на каждом шагу оказывали упорное сопротивление советской власти, приступившей к реформированию высшего образования. Эти группы... упорно, злобно и последовательно старались дискредитировать все начинания Советской власти, подвергая их якобы научной критике. В области публицистики они гнули ту же линию. Художественная литература, издаваемая в этих кругах, была также антисоветская. В области философии они проповедовали мистицизм и поповщину... Группа антисоветски настроенных врачей усердно фабриковала антисоветское мнение в своей среде... контрреволюционные элементы из агрономов вели ту же работу в своей области... В кооперации ту же работу вели меньшевики и эсеровские элементы... Наконец, некоторые группы этих антисоветских элементов искали тоже сближения с контрреволюционным движением той части духовенства, которая активно выступила против изъятия церковных ценностей...»

Приговор: «По постановлению Государственного Политического Управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов высланы в северные губернии, часть за границу». В сообщении выражается уверенность, что «принятые советской властью меры предосторожности будут, несомненно, с горячим сочувствием

встречены со стороны русских рабочих и крестьян, которые с нетерпением ждут, когда, наконец, эти идеологические врангелевцы и колчаковцы будут выброшены с территории РСФСР». Формула эта представляет собой исторический интерес как первый вариант обязательного позднее клише: «идя навстречу пожеланиям трудящихся...» Клеймо «идеологические врангелевцы и колчаковцы» полвека спустя, при высылке А. Солженицына превратилось в «литературный власовец».

Сообщение успокаивало: «Среди высланных почти нет крупных научных имен» и, возвращаясь к заголовку, предупреждало: «Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением советской власти по отношению к этим слоям...»

30 августа Троцкий в интервью американской журналистке Луизе Брайант, (подруге Джона Рида), корреспондентке «Интернейшенел Ньюс сервис», объяснил причины высылки: «Те элементы, которые мы высылаем и будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, — все эти наши непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политическими агентами врага. И мы вынуждены будем расстрелять их по законам войны. Вот почему мы предпочли сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением». Троцкий, следовательно, чувствуя себя, как народный комиссар по военным и морским делам, ответственным за безопасность страны, был рад очищению советской республики от потенциальных «военно-политических агентов врага». И требовал благодарности за «предусмотрительную гуманность».

Виднейший идеолог «сменовеховства» Николай Устрялов, который на протяжении всей первой половины 20-х годов будет вести подлинный диалог с вождями партии — Лениным, Троцким, Зиновьевым, Сталиным, отмечая, что «самый факт репрессий», сама высылка могут произвести неблагоприятное впечатление, приводит три соображения, «помогающие преодолевать пессимистические порывы, рождающиеся в чересчур впечатлительных людях, в связи с мерой советской власти». Первое соображение — повторяет слова Троцкого: «мера пресечения» — относительно гуманная; если так пойдет и дальше, если режим будет и дальше смягчаться такими же темпами — жаловаться грех. Второе со-

ображение можно назвать — физиологическим: в России, — рассуждает Н. Устрялов, — происходит чисто животный процесс восстановления органических государственных тканей. «Мозг страны» не должен мешать этому процессу, должен (на короткое время, полагает публицист) воздержаться от выполнения своей прямой функции — мысли. Мозг мешает восстановительному процессу и его как бы изымают — на время — из организма. Наконец, третье соображение — историческое: разве мы, русские интеллигенты, люди мысли не ждали революции, не способствовали ей, не тосковали о «новых гуннах», не звали их растоптать старый мир? Так нечего жаловаться, когда и впрямь появился «скиф» с исконными чертами варвара». Атилла, — напоминает Н. Устрялов, — «не знал хорошего тона. И покуда он был нужен истории, молчало римское право».¹⁰⁴

Н. Устрялов убежден, что большевики, Октябрьская революция нужны истории, нужны России.

Некоторые из высланных считали инициатором высылки Троцкого. Ю. Айхенвальд убежден был, что Троцкий написал статью «Диктатура, где твой хлыст?», хотя вряд ли были у него основания прикрываться псевдонимом. Другие полагали, что инициатива высылки принадлежит Зиновьеву¹⁰⁵ или Дзержинскому. Документы, опубликованные до сегодняшнего дня, не оставляют сомнения в том, что инициатором высылки был лично Ленин. Неизвестно, были ли противники этой новой формы репрессий. Известно зато, что XII партийная конференция, работавшая с 4 по 7 августа 1922 г. утвердила инициативу Ленина: «...Нельзя отказываться и от применения репрессий не только по отношению к эсерам и меньшевикам, но и по отношению к политиканствующим верхушкам мнимо-беспартийной, буржуазно-демократической интеллигенции, которая в своих контрреволюционных целях злоупотребляет коренными интересами целых корпораций и для которых подлинные интересы науки, техники, педагогики, кооперации и т. д. являются пустым словом, политическим прикрытием».¹⁰⁶ «Буржуазно-демократическая интеллигенция» прямо обвинена в контрреволюционной деятельности, а в сообщении ГПУ о высылке оставлены только контрреволюционные цели, без всякого упоминания «буржуазной демократии». Для Ленина демократия и контрреволюция — после прихода к власти — были взаимозаменяемыми синонимами. Ленину принадлежит и первый проскрипционный список: обозначение круга лиц и профессий, подлежащих изгнанию, а также ряд имен.

Численность высланных до сих пор с точностью не установ-

лена. Сами изгнанники о составлении списка не позаботились, из советских историков лишь С. Федюкин называет цифру — «160 наиболее активных буржуазных идеологов»,¹⁰⁷ прибавляя, однако, что часть из них были высланы «за рубеж», а часть «в северные губернии».

Кто же был выслан? Вопрос этот представляет значительный интерес, ибо это был первый в истории России случай изгнания за границу значительной группы «людей мысли», которых, к тому же, так стране не хватало. Кроме того, ответ на этот вопрос позволяет выявить источники важнейшего принципа позднейшего, сталинского «большого террора». Анализируя составленный сегодня, далеко не полный список высланных, следует прежде всего отказаться от вопроса: за что выслан? Ставя такой вопрос, историк немедленно попадает в ловушку, поставленную организаторами высылки. В ловушку эту попадают даже некоторые советские историки, утверждающие, например, что Н. Кишкин, обвиняемый по делу Комитета помощи голодающим в сношениях с Антоновым, в составлении плана нового «антисоветского» устройства России, был выслан. Это было бы логично, если бы обвинения были подлинными, если бы выслали «за дело». В действительности, Н. Н. Кишкин оставался в Советском Союзе до своей смерти в 1930 г. С другой стороны, Е. Замятин был арестован и получил приговор, подписанный Ягодой, о высылке за границу. Писателю удалось сравнительно легко добиться отмены этого решения.

Можно полагать, что было принято решение нанести удар по интеллигенции и намечены основные центры независимой мысли, которые предполагалось парализовать. Были — Лениным — названы некоторые имена — людей, которых необходимо было выкинуть из страны. В остальном инициатива оставалась ГПУ, влиятельным партийным деятелям и их приближенным, сводившим личные счеты. Ю. Айхенвальд, например, был убежден, что его высылка была делом рук Брюсова. Журналист Н. Волковыцкий был включен в список высылаемых, ибо входил в состав «комитета по поискам Н. Гумилева» и участвовал в розысках поэта до публикации сообщения о его расстреле.

Профессиональный состав высланных красноречив. Были высланы ректор Московского университета проф. Новиков (зоолог) и ректор Петербургского университета проф. Карсавин (философ), значительная группа математиков во главе с деканом математического факультета МГУ проф. Стратоновым¹⁰⁸; значительный урон понесли сельскохозяйственные науки — агрономия, экономика —

в числе высланных — профессора Бруцкус, Зворыкин, Лодыженский, Прокопович, агрономы — Угримов, Волихов и др., в ту же группу следует отнести кооператоров А. Изюмова, В. Кудрявцева, А. Булатова (с их выселкой был ликвидирован кооператив «Задруга»); тяжелый удар был нанесен истории: высланы такие известные историки, как А. Кизеветтер, А. Флоровский, В. Мякотин, А. Боголепов; социолог Питирим Сорокин.

В сообщении ГПУ подчеркивалось — «среди высылаемых почти нет крупных научных имен». Почти нет... Все же, следовательно, даже ГПУ признавало наличие какого-то количества «крупных научных имен». Список высланных философов сегодня представляет собой перечень крупнейших русских философов XX века: Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, С. Булгаков, Ф. Степун, Б. Вышеславцев, И. Лапшин, И. Ильин, Л. Карсавин, А. Изгоев, С. Трубецкой. Этот список почти целиком составлен Лениным. Не забыт был, конечно, Всероссийский комитет помощи голодающим. Были высланы члены Комитета Е. Кускова, С. Прокопович, М. Осоргин, В. Булгаков, профессора П. Велихов, В. Ястинский, А. Угримов. Помня, видимо, слова Платона: нет политики без философов, Ленин, изгоняя философов, надеялся избавиться от политики.

В список высланных были кроме того включены люди, которые не переставали задавать себе вопрос: за что меня?, о которых знакомые и друзья не переставали себя спрашивать: за что же его? Эта неопределенность, отсутствие конкретных обвинений, вынуждавшее жертву искать самой свою «вину», создавала атмосферу всеобщей виновности, было сутью новой репрессивной политики.

Операция «высылка за границу» была произведена по всей стране: в Москве, Петрограде, Киеве, Ялте и других городах были произведены аресты включенных в список, все они были препровождены в тюрьмы, где, просидев — в зависимости от порядков в данной тюрьме — от нескольких дней до двух месяцев, должны были подписать бумагу, в которой говорилось, что в случае возвращения в РСФСР высылаемый будет подвергнут расстрелу.¹⁰⁹ Как справедливо замечает юрист по образованию М. Осоргин, «по закону» это не полагалось, закон предусматривал высылку на три года, но «устно» было разъяснено, что высылка «навсегда».¹¹⁰ Высылаемым разрешалось взять с собой: одно зимнее и одно летнее пальто, один костюм и по две штуки всякого белья, две денные рубашки, две ночные, две пары кальсон, две пары чулок. Золотые вещи, драгоценные камни были к вывозу запре-

щены, надо было снять с шеи даже нателные кресты. Кроме вешей разрешалось взять по 20 долларов валюты.

Осенью 1922 г. два немецких парохода «Обербюргермейстер Хакен» и «Прейссен» привезли в Германию «единственный товар, который нынешнее русское правительство поставляет Европе обильно и бесплатно: хранителей культурных заветов России».¹¹¹

Особый случай

Член Комитета помощи голодающим А. М. Горький покинул советскую республику раньше всех — в октябре 1921 г., когда шесть его товарищей по Комитету еще сидели в Лубянской тюрьме. Отъезд его не был формально высылкой: Горького не арестовали, не заставили дать подписку под приговором. И в то же время отъезд самого знаменитого из русских писателей того времени не был целиком добровольным. Выезд Горького за границу был особым случаем высылки.

Разногласия отца пролетарской литературы с большевиками начинаются еще до Октябрьского переворота. В июле 1918 г. закрывается газета Горького «Новая жизнь», в которой писатель регулярно публикует свои «Несвоевременные мысли» — беспощаднейшее разоблачение политики большевистской партии и поведения ее вождей, «отравленных гнилым ядом власти». Личная вражда с Зиновьевым, которого Горький высмеял в комедии «Работяга Словотеков», запрещенной после двух представлений (июнь 1920), сделала положение писателя еще более затруднительным. Тем более, что Ленин начинает все энергичнее настаивать на отъезде Горького. Следы этого настойчивого желания избавиться от бывшего друга и верного источника финансирования партии обнаруживаются в опубликованной корреспонденции Ленина. 24 июня 1921 г., например, Ленин пишет записку начальнику секретно-оперативного управления ВЧК с просьбой как можно быстрее удовлетворить просьбу Горького, «ибо он из-за этого не едет за границу». Ленин настаивает: «Распорядитесь экстренно, проявите власть, добейтесь исполнения».¹¹² Главное — чтобы Горький поскорее уехал. «У него кровохарканье!», — добавляет председатель Совнаркома. К этому времени писатель уже 30 лет болел туберкулезом и «кровохарканье» стало ритуалом, который использовался и во благо и во вред Горькому до самой его смерти. 15 лет спустя.

Горький тянет с отъездом. В те дни, когда Ленин так хочет от него избавиться, Горький содействует установлению связей между представителями общественности, желающими организовать помощь голодающим, и властью. Позиция писателя единственная в своем роде: он вхож в оба «дома». И в Кремль, где очень недовольны, но где его принимают, и в интеллигентские круги, где помнят не только о том, что он писатель, но и о том, что он многое сделал для спасения «людей мысли» от голода и правительственных преследований. Горький, однако, не чувствует себя ни в одном из этих «домов» — дома. Он недоволен политикой партии. Он пренебрежительно относится к инициативе интеллигенции. Горький входит в состав Комитета помощи голодающим, но не принимает участия в его работе. От своих кремлевских друзей он знает, что Комитет обречен. Горький пишет обращение к мировой общественности с требованием помочь голодающим в России. Обращение это поражает своим раздраженным тоном и обидой на весь мир за голод в России: «...Несчастье, которое поразило Россию, предоставляет превосходный случай защитникам гуманности доказать жизненность их идей. Я полагаю, что особенно ревностное участие в этом деле должны принять те, которые во время постыдной войны возбуждали народы друг против друга, уничтожая этой пропагандой воспитательное влияние прекрасных идей, выработанных человечеством с такими усилиями и так легко убитых культом золота и глупости».¹¹³ Но именно на это обращение Горького немедленно откликнулся Герберт Гувер, предложив хлеб голодающим.

Раздраженность Горького, его неудобное положение между двух стульев объясняются его расхождением с Лениным. Находясь уже в Берлине, Горький заявляет: «В принципе я совершенно разделяю теорию Ленина и твердо верю в международную социалистическую революцию».¹¹⁴

«В принципе» писатель разделял «теорию Ленина». С практическим ее осуществлением, прежде всего в одном вопросе, Горький был не согласен: в вопросе отношения к интеллигенции.

В своем обращении к мировой общественности Горький говорит о «несчастье, которое поразило Россию». В обращении к рабочим Франции,¹¹⁵ писатель объясняет, что же он имеет в виду под «несчастьем»: «Голод — следствие небывалой засухи... может уничтожить лучшую энергию страны, в лице рабочего класса и научных сил...»

Голод обрушился на огромную территорию, населенную в своем подавляющем большинстве крестьянами, это они гибнут

от голода сотнями тысяч, миллионами. Но они пролетарского писателя не интересуют. С поразительным хладнокровием скажет он, приехав в Берлин: «Я полагаю, что из 35 миллионов голодных большинство умрет».¹¹⁶ Пять лет спустя, когда было уже известно, что умерло от голода всего каких-нибудь 5 миллионов, Горький утешал А. Воронского: «Если мужик со своей пшеницей исчезнет, горожанин научится ее делать в лаборатории. Творческий труд революционен, труд собирателя — консервативен».¹¹⁷

Незадолго до своего отъезда за границу в беседе с корреспондентом «Дейли ньюс» в Петрограде, А. М. Горький изложил свои взгляды на положение, объяснил свое отношение к крестьянству: «на будущее я смотрю мрачно. Если хотите даже пессимистически. Население нашей страны я разделяю на две противоположные группы: городское и крестьянское. Они различаются друг от друга не только по месту жительства и культурному уровню, но по интересам, по историческим воспоминаниям и психологии... В деревне нашей сильны анархистские тенденции, она, по природе своей, антигосударственна. Она не приемлет и не признает **никакой** государственной власти и особенно жестоко брыкается, когда делается малейшее покушение на ее собственность... В будущем я предвижу стихийное столкновение с деревней, в исходе которого пострадает мы».¹¹⁸

Едва выехав за границу, Горький пишет статью «О русском крестьянстве», наиболее безжалостное осуждение русского народа, когда-либо написанное русским писателем. Только интеллигенцию очищает Горький от всех обвинений и грехов. И в заключение выражает надежду: «...вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень — все те, почти страшные люди, о которых говорилось выше, и место их займет новое племя — грамотных, разумных, бодрых людей».¹¹⁹

А. М. Горький, считавший политику Ленина по отношению к интеллигенции слишком суровой, а политику по отношению к крестьянству излишне уступчивой, был вынужден покинуть советскую республику. После опубликования им писем в защиту интеллигентов-эсеров и статьи «О русском крестьянстве», буревестник революции был включен в список тех, кого следовало систематически «высмеивать и травить».

20 июля 1922 г. профессионал «высмеивания и травли» Демьян Бедный выносит Горькому приговор в «Правде»: «...Он, конечно, нездоров: насквозь отравлен тучей разных остервенелобуржуазных белогвардейских комаров. Что до меня, давно мне

ясно, что на него, увы, напрасно, мы снисходительно ворчим: он вообще неизлечим».

А. М. Горький — на время, до «излечения» — сопричисляется к изгнанным. Оставаясь, тем не менее, особым случаем.

Отсутствующий фактор

Трудно (если вообще возможно) оценить влияние на жизнь страны и народа — отсутствующего фактора — группы «профессоров и писателей», «людей мысли», людей независимо мыслящих. Быть может, значение «отсутствующего фактора» становится очевидным при изучении духовной жизни Германии, другой страны, которая позволила себе роскошь изгнания «людей мысли», которая жила без них всего 10-12 лет, но ощущает их отсутствие и сегодня, через четверть века после падения гитлеризма.

Изгнание «людей мысли» из Советской республики было результатом кризиса 1921 г., когда советское государство, оказавшись перед лицом катастрофы, неразрешимой собственными средствами — голода, угрожавшего гибелью десяткам миллионов граждан, вынуждено было заключить «похабный договор» с общественностью и согласиться на создание Всероссийского комитета помощи голодающим, уступив тем самым частицу своей власти, нарушив тем самым священный принцип ленинской политики — нераздельность власти. Создание ВКПГ было первым и последним нарушением — доктрины ленинизма.

Существование Комитета, плодотворность его, прерванной в самом начале, деятельности показали Ленину, что «красный террор» периода «военного коммунизма» еще не уничтожил общества, общественных связей, не ликвидировал памяти о прошлом. «Сменовеховство», идеология капитуляции, признания за победителями права на выражение «русской идеи», признания легитимности, дополнив революционную идеологию, облегчило Ленину нанесение тяжелейшего удара по русской интеллигенции. Той, которая, оставшись в стране, отказавшись от эмиграции, надеялась найти модус вивенди с победителем на основе взаимного уважения и — даже сотрудничества. Высылка за границу означала — на советском языке — ультиматум интеллигенции: сдача на милость победителя или гибель.

Интеллигенция приняла ультиматум. Сдалась. М. Осоргин рассказывает, как идя перед отъездом за границу на последнее за-

седание Всероссийского Союза писателей, одним из организаторов и руководителей которого он был, он подготовил краткую речь в ответ на «прощальное приветствие, которое естественно ожидал». Приветствия не было. «И внезапно я догадываюсь, — пишет М. Осоргин, — что Союз уже достаточно напуган, что он уже не тот, и будущее его predetermined». ¹²⁰

Будущее на долгие десятилетия — predetermined. В процессе ликвидации русского общества, в процессе порабощения интеллигенции период август 1921 — август 1922 г. — играет важнейшую роль. Для тех, кто был выслан, выброшен с родной земли, годы изгнания были временем плодотворной творческой деятельности, размеры которой становятся по-настоящему понятны лишь сегодня, в частности после публикации парижским «Славянским институтом» библиографии М. Осоргина, С. Франка, Н. Бердяева, Н. Лосского и др. Не все еще из сделанного ими вернулось на родину. Но это — дело времени. Люди живут десятилетия. Народы — века. И если сравнить сделанное изгнанниками и теми, кто остался, или — вернулся из эмиграции, становится очевидным, что свобода в изгнании была неизмеримо плодотворнее пребывания на родине и несвободы.

Артур Кестлер сравнивает коммунистический режим с героем знаменитого рассказа Стивенсона, имевшим два лица. Для «людей мысли», изгнанных из РСФСР в 1922 г., режим обернулся лицом доктора Джекиля, оставшаяся на родине интеллигенция увидела перед собой облик товарища Хайда. Это было — первое предостережение.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Д. Л. Голиков — Крах вражеского подполья. М. 1971, стр. 302.

² С. А. Федюкин — Великий Октябрь и интеллигенция. М. 1972, стр. 287.

³ Anatol G. Mazour — The Whriting of history in the Soviet Union. Stanford, 1971.

⁴ Николай Бердяев — Самопознание (опыт философской автобиографии), Париж, 1949, стр. 263.

⁵ Михаил Осоргин — Времена, Париж, 1955, стр. 182.

⁶ Николай Бердяев — Самопознание, стр. 263.

⁷ Первая группа — московская — выехала в конце сентября; петербургская группа — в ноябре; С. Булгаков — из Севастополя — в декабре 1922г.

⁸ А. Иванский — Молодой Ленин. М. 1964, стр. 640.

⁹ Ю. А. Поляков — 1921-й: победа над голодом. М. 1975, стр. 14, 19-20.

¹⁰ В. Водовозов — В. И. Ленин в Самаре. М. 1933, стр. 101.

¹¹ 12, 13 А. Беляков — Юность вождя. М. 1960, стр. 75-82.

¹⁴ В. И. Ленин — Полное собр. соч., т. 45, стр. 285.

¹⁵ «Правда», 21 июля 1921 г.

¹⁶ В. И. Ленин — Полное собр. соч., т. 36, стр. 529.

¹⁷ Там же, т. 50, стр. 144-145.

¹⁸ Там же, т. 50, стр. 154.

¹⁹ Там же, т. 50, стр. 185-186.

²⁰ Там же, т. 37, стр. 137.

²¹ М. И. Калинин — За эти годы. Книга вторая, М.-Л., 1926, стр. 106.

²² И. Я. Трифонов — Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа. Л. 1964, стр. 216.

²³ И. Я. Трифонов, оп. цит., стр. 250.

²⁴ И. Я. Трифонов, оп. цит., стр. 252.

²⁵ Там же, стр. 267.

²⁶ Там же, стр. 297.

²⁷ «Правда», 2 июля 1921 г.

²⁸ И. Трифонов — Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы НЭПа. М., 1960, стр. 21.

²⁹ Старая большевичка, дочь близкого сотрудника Ленина С. Гусева (Е. Дабкина), выступала в роли свидетельницы правильности ленинской политики, слегка искаженной Сталиным. Полтора десятка лет, проведенных Е. Дабкиной в лагерях, должны были придать вес ее свидетельству.

³⁰ Ю. Поляков — оп. цит., стр. 95.

³¹ «Ленин и ВЧК». Сборник документов (1917-1922). М. 1975, стр. 501.

³² И. А. Чемерисский — Из истории классовой борьбы в 1921 г. «Исторические записки», № 77, 1965.

³³ 2 номера вышли из печати, 3-й был запрещен цензурой, сохранился в матрицах.

³⁴ Е. Кускова — Месяц соглашательства. «Воля России», №№ III-V, 1928.

³⁵ Е. Кускова — Месяц соглашательства. «Воля России», № III, 1928.

³⁶ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького. «Новый журнал», № 38, стр. 240-241.

³⁷ Ленинский сборник, XXXVI, стр. 287.

³⁸ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

³⁹ Там же.

⁴⁰ «Хлеб и революция», М. 1972, стр. 43.

⁴¹ «Правда», 28.9.1918.

⁴² Е. Кускова, оп. цит.

⁴³ Там же.

⁴⁴ «Известия», 23.6.1921.

⁴⁵ Ю. Поляков — оп. цит., стр. 95.

⁴⁶ Ленин и ВЧК, стр. 501-502.

⁴⁷ В. В. Шер и Э. Л. Гуревич (Смирнов) известные литераторы, члены с.д. партии меньшевиков.

⁴⁸ Проф. Кондратьев — один из крупнейших русских экономистов, обвинялся по делу т. н. Тактического центра в 1920 г., был осужден условно, с 1920 по 1928 г. руководил Конъюнктурным институтом, в 1929 г. был обвинен — вместе с А. В. Чаиновым и многими другими в принадлежности к мифической “Трудовой крестьянской партии”. Видимо погиб в тюрьме.

⁴⁹ “Исторические записки”, № 77, 1965.

⁵⁰ К. Радек — Мы, голод и они. “Правда”, 2.8.1921.

⁵¹ “Правда”, 4.8.1921 .

⁵² “Известия”, 28.8.1921 г.

⁵³ Е. Кускова — Месяц соглашательства. “Воля России”, III-V, 1928. В статье “Трагедия Максима Горького” (“Новый журнал”, XXXVIII), опубликованной в 1954 г., Е. Кускова раскрывает имя “вхожего в Кремль” человека.

⁵⁴ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького, стр. 236.

⁵⁵ Ленинский сборник, т. XX, стр. 277.

⁵⁶ Е. Драбкина — Зимний перевал. “Новый мир”, № 10, 1968, стр. 40. Меткое слово “волынка” появилось в “Правде” после долгого перерыва в июне 1953 г. для обозначения рабочих волнений в Восточном Берлине.

⁵⁷ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 36, стр. 533.

⁵⁸ Ленинский сборник, XXXVI, стр. 149-153.

⁵⁹ И. В. Сталин — Собрание соч., т. 6, стр. 37.

⁶⁰ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁶¹ Прокопович вызвал особый гнев Ленина тем, что, по доносу некоего Рунова, “своего человека”, присутствовавшего на каком-то собрании, член ВКПГ “держал противоправительственные речи”.

⁶² В. И. Ленин — Собрание соч., т. 53, стр. 140-142.

⁶³ См. Benjamin Weissman — Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia 1921-1923. Hoover Institutions Press. 1974, p. 76.

⁶⁴ См. например, Д. Л. Голиков — Крушение антисоветского подполья. Книга вторая. М. 1978, стр. 118-119.

⁶⁵ “Правда”, 8.8.1921.

⁶⁶ “В. И. Ленин и ВЧК”, стр. 506-507.

⁶⁷ И. А. Чемерисский — оп. цит., стр. 206.

⁶⁸ Мих. Осоргин — Чтобы лучше ощущать свободу. Из “Воспоминаний”. “На чужой стороне”. Историческо-литературный сборник, 1924, стр. 112.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ М. Осоргин — Времена, стр. 161.

⁷¹ Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁷² Е. Кускова — Месяц соглашательства.

⁷³ Мих. Осоргин — Времена, стр. 163.

⁷⁴ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького, “Новый журнал”, XXXVIII, стр. 23.

⁷⁵ Мих. Осоргин — Нансен и “Общественный комитет”, “Последние новости”. 18.5.1930.

⁷⁶ Мих. Осоргин — Л. Д. Троцкому — напутственное. “Дни”, 22.1.1928.

⁷⁷ И. Трифонов — Очерки истории классовой борьбы в СССР, стр. 31.

⁷⁸ И. Чемерисский — оп. цит, стр. 206. Высылка проводилась осенью.

⁷⁹ Д. Голиков — Крушение антисоветского подполья в СССР, книга 2, стр. 119-120.

⁸⁰ И. Матусевич — Затаенная пламенность (памяти Ю. Айхенвальда).

⁸¹ Е. Кускова — Трагедия Максима Горького. “Новый журнал”, XXXVIII, стр. 237 (письмо М. Горького датировано 30 июня 1922 г.).

⁸² В. И. Ленин — Собрание соч., т. 54, стр. 265.

⁸³ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 45, стр. 189.

⁸⁴ История советского государства и права, т. 2, М. 1968, стр. 580.

⁸⁵ Ю. Анненков — Дневник моих встреч, т. 1, Нью-Йорк, 1966, стр. 262.

⁸⁷ В феврале 1922 г. ВЧК получила новое имя — ГПУ.

⁸⁸ “Экономист” — орган промышленно-экономического отдела Русского технического общества — выходил с декабря 1921 г. по июнь 1923 г. В числе его сотрудников были Питирим Сорокин, Б. Бруцкус, Н. Кондратьев, Н. Бердяев.

⁸⁹ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 54, стр. 265-266.

⁹⁰ Д. Голиков — оп. цит., стр. 156-157.

⁹¹ “Правда”, 11.3.1922.

⁹² С. М. Дубровский — Фетишизм частной собственности (ответ Б. Д. Бруцкусу). “Сельское и лесное хозяйство”, 1922, № 7-8, стр. 56.

⁹³ Ленин откликнулся письмом Бухарину (7.9.1922), начинавшимся словами: “Я читал (в “Социалистическом вестнике”) поганое письмо Горького...” В примечаниях говорится: “Речь идет о письме Горького А. Франсу от 3 июля 1922 г. по поводу процесса над эсерами”. В действительности речь идет о двух письмах Горького, никогда в Советском Союзе не публиковавшихся.

⁹⁴ Михаил Горев — Агония церковной контрреволюции. “Известия”, 2.6.1922.

⁹⁵ Письмо опубликовано в “Новом журнале”, № 79, 1965, стр. 287.

⁹⁶ Летом 1920 г. “Известия” публикуют серию статей проф. Гредескула, одного из бывших руководителей кадетской партии, призывающих к переходу интеллигенции в лагерь большевизма.

⁹⁷ “Известия”, 13.10.1921 г.

⁹⁸ “Правда”, 14.10.1921 г.

⁹⁹ цит. по парижскому журналу “Смена веков”, № 6, 1921 г.

¹⁰⁰ В. И. Ленин — Собрание соч., т. 45, 94.

¹⁰¹ См. стр. 36.

¹⁰² М. Ольминский подписывал иногда свои статьи буквой “О”. В. Воронский использовал псевдоним — “Орловский”. Однако серьезных оснований для приписывания им авторства статьи нет.

¹⁰³ “Печать и революция”, № 6, 1922.

¹⁰⁴ Н. Устрялов — Обмирщение. “Новости жизни”, 10.12.1922. См. “Под знаком революции”, Харбин, 1927, стр. 143-144.

¹⁰⁵ См. Б. Харитон — К истории нашей высылки. “Дни”, 13.2.1923. Можно полагать, что вождь Северной коммуны, петербургский тиран,

“Гришка Третий”, как называли его, подготовил местный список высылаемых. См. воспоминания Питирима Сорокина.

¹⁰⁶ “КПСС в резолюциях и решениях”, т. 2, стр. 395.

¹⁰⁷ С. Федюкин — Великий Октябрь и интеллигенция, стр. 287.

¹⁰⁸ По свидетельству Н. Лосского, “математик проф. Селиванов был арестован за “буржуазный” метод преподавания математики инженерам”. См. Н. С. Лосский — Воспоминания. Мюнхен. стр. 218. Проф. Селиванов был в числе высланных.

¹⁰⁹ См. Н. Бердяев — Самопознание, стр. 263; М. Осоргин — Как нас уехали, “Последние новости”, 28.8.1932; Ф. Степун — Бывшее и несбывшееся, т. 2. Нью-Йорк, 1956, стр. 419; Pitirim Sorokin — Leaves from a Russian Diary, N.Y. 1924.

¹¹⁰ Ф. Степун — там же, стр. 420-421.

¹¹¹ Мих. Осоргин — Татьянин день. “Дни”, 25.1.1923.

¹¹² В. И. Ленин — Полное собрание соч., т. 52, стр. 289.

¹¹³ Цит. по “Последние новости”, 19.7.1921.

¹¹⁴ “Последние новости”, 11.XI.1921.

¹¹⁵ “Юманите”, 9.VIII.1921.

¹¹⁶ “Последние новости”, 11.XI.1921.

¹¹⁷ “Горький и советская печать”. Архив А. М. Горького, т. X, М. 1965, стр. 31-32.

¹¹⁸ Цит. по “Последние новости”, 29.9.1921.

¹¹⁹ Максим Горький — О русском крестьянстве. Изд. И. П. Ладьяникова, Берлин, 1922, стр. 43-44.

¹²⁰ Мих. Осоргин — Времена, стр. 184.

● РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ СЕГОДНЯ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ О. ДИМИТРИЯ ДУДКО

Вот уже несколько лет священник отец Димитрий Дудко за свою истинно пастырскую деятельность подвергается непрестанным гонениям, преследованиям.

Он был лишён прихода в Москве: власти не могли пережить, что его проповеди и религиозные беседы, которые он проводил в Никольском храме на Преображенке, собирали всё больше и больше людей, что к нему тянется молодежь. Они хотели вообще запретить ему служить, но по требованию верующих вынуждены были дать ему приход. Но теперь в селе Кабаново, находящемся в 100 километрах от Москвы.

Власти стремились оторвать от отца Димитрия его духовных детей, сузить круг людей, могущих услышать его проповедь. Но ничего у них не получилось. И сюда в Кабаново постоянно приезжали люди.

Тогда вдруг происходит странная автомобильная катастрофа, в результате которой отец Димитрий, чудом оставшись живым, получил серьезные травмы, в частности открытый перелом ног. Есть все основания полагать, что эта авария была заранее задумана и устроена по определенному плану. А когда отца Димитрия доставили в больницу, куда тут же прибыли кагэбисты, ему очень долго не оказывали необходимую медицинскую помощь.

В 1975 году отца Димитрия лишают прихода и в селе Кабаново. Но вновь в его защиту раздался голоса христиан в России и за рубежом. Тогда, ещё вынужденные пока считаться с мировым общественным мнением, власти снова отступают.

В 1976 году отец Димитрий получает возможность служить в селе Гребнево Московской области Щёлковского района. Оно гоже находится далеко от Москвы — около двух часов дороги. Но это не серьёзное препятствие для тех, кто хочет услышать его проповедь, побывать на его беседах, и совсем не препятствие для его духовных детей.

В маленькой квартире при храме, где по воскресеньям собирается до ста и более человек, после братской трапезы идут беседы о Священном Писании, о творениях Святых Отцов, о

работах религиозных мыслителей, о том, что волнует всех, что наболело на душе. И о том, что случилось с семьёй и как нам надлежит её строить; и о пороках, которые захлестнули атеистический мир: пьянство, преступность, развращённость, озлобление, что делать, чтобы помочь ближнему избавиться от них; и о том, как быть христианину в ситуациях сложных, когда обстоятельства толкают на грех; здесь читают духовные книги и делятся мнениями о них; происходят дискуссии о произведениях современного искусства и литературы, читаются доклады об интересных явлениях в искусстве и науке, которые анализируются с религиозной, христианской точки зрения.

Двери дома отца Дмитрия Дудко открыты для всех и каждый может войти к нему и принять участие в беседе, обсуждении. И каждый может убедиться, что разговор, само общение имеют тут чисто религиозную основу.

Власти не могли найти здесь ничего противозаконного. Но и эти встречи у отца Дмитрия Дудко вызывали у них всё большее и большее раздражение. Ведь это живая деятельность прихода, которой они препятствуют всеми способами. Ведь в результате такого общения люди освобождаются от ценностей атеистического мира и строят свою жизнь так, как требует вера.

Вначале власти хотели запретить это общение через церковный совет. И его же члены охотно и послушно следовали их указаниям, создавая нервную обстановку, предлагая даже отцу Дмитрию заключить заново договор, чтобы записать новые ограничения в его пастырской деятельности.

Но потом они решили действовать открыто. Летом 1978 года секретарь Щёлковского райисполкома Бородкин официально заявил отцу Дмитрию, что если он будет по-прежнему принимать у себя людей, вести с ними беседы, то его лишат возможности служить в храме. На что отец Дмитрий ответил, что требование это незаконное: государственные органы не имеют права вмешиваться в церковную жизнь, выполнять его он, разумеется, не будет.

Конечно же, это не было инициативой чиновника райисполкома: он выполнял указания высших государственных органов, которые разработали план репрессий в отношении отца Дмитрия Дудко, верующих. И вскоре в центральной прессе, в частности журналах «Огонёк», «Наука и религия» одновременно появились статьи, пронизанные откровенной ложью, клеветой на отца Дмитрия, в которых его пастырская деятельность расценивается

как антисоветская. Такие статьи в советской прессе являются, как правило, предвестием ареста или других серьёзных репрессий.

И в Гребневе у храма стала регулярно появляться милиция. Милиционеры требовали у тех, кто шёл к отцу Дмитрию, документы, записывали их адреса, место работы, чтобы их потом преследовать за религиозные убеждения, за то, что они бывают в Гребнево.

А от отца Дмитрия снова и снова требуют, чтобы он никого не принимал у себя дома. Было устроено нападение на него неизвестных лиц. Это весьма распространённый метод КГБ. Но отец Дмитрий был не один и этот план не удался.

Однажды приехал большой отряд оперативников во главе с председателем Гребневского сельсовета. Человек 15 вошли в дом, остальные окружили двор. Председатель сельсовета требовал, чтобы все пришедшие к отцу Дмитрию покинули квартиру. «Иначе мы будем применять силу», — заявил он. Однако в этот день у отца Дмитрия было много мужчин и силу оперативники на этот раз применить побоялись. Но ещё долго сыпались угрозы. Отец Дмитрий спокойно ответил:

— Да вы не пугайте, я уже многое повидал, испытал.

И вдруг председатель сельсовета со вздохом признался:

— Да в том-то и дело. Поэтому нам с вами трудно бороться.

Это признание вызвало аплодисменты, дружный смех духовных детей отца Дмитрия. После этого отряд оперативников с позором покинул дом.

А по воскресеньям у отца Дмитрия по-прежнему шли беседы, обсуждались доклады. Гонения эти ещё более сплотили духовных детей вокруг своего духовника, соединили их между собой. И тогда власти решили действовать откровенно.

11 ноября, утром, около 10 часов, на виду у верующих (в это время закончилась в храме служба) милиционеры в форме и кагэбисты в гражданском с выкриками: «Мы вас всех перестреляем», бревном взломали двери, с пистолетами в руках, громко матерясь, круша мебель, ворвались в квартиру отца Дмитрия Дудко. Они схватили одного из духовных детей отца Дмитрия, который всегда бывает с ним — Владимира Седова. Стали бить его рукояткой пистолета, дергать за волосы. Раздетого, в холод, они поволокли его по земле, бросили в машину, и отвезли в милицию. Он был арестован на десять суток.

Об этом беззаконии было срочно сообщено министру внутренних дел Щёлкову, Генеральному прокурору Руденко. Приехавший представитель МВД вынуждал Седова подписать бумагу, что милиция сделала всё правильно, что его не били. Он клеветал на отца Димитрия, говоря, что тот был осуждён дважды. Известно, что отец Димитрий после войны был в сталинских лагерях Архипелага ГУЛага, потом был реабилитирован. Этот же представитель министерства внутренних дел распространяет клевету, что отец Димитрий не был реабилитирован, и что он второй раз был осуждён в шестидесятые годы. Такая клевета даже по советским законам наказуема. Но откровенные действия представителя МВД только подтверждают тот факт, что действовать против отца Димитрия разрешено властями любыми способами.

Следователь Щёлковского районного управления милиции Валерий Карбышев в своей клевете на отца Димитрия пошёл ещё дальше. Он заявил, что читал секретные документы, в которых якобы говорится, что отец Димитрий расстреливал молодых христиан.

Другой крупный чин Щёлковского управления милиции кричал:

— Мы с вами расправимся.

Эта грязная клевета, эти угрозы дают основания думать, что отца Димитрия и его духовных детей ждут ещё более жестокие репрессии.

Гонения на священника отца Димитрия Дудко и его духовных детей продолжаются, атмосфера становится всё тревожней и тревожней.

ЗА ЖИЗНЬ ПРИХОДА

Пока мы слишком громко называем этот наш «Гребневский листок» еженедельной православной газетой. Ну что ж, как по пословице: «Бери выше, чтоб получить ниже». Все мы горьким опытом научены, что если берешь низко — ничего не получишь.

Итак, мы замахиваемся на многое.

Наша газета является отражением жизни прихода. Но где он — приход? Его нужно собирать по кусочкам, а кусочки эти по всей России, так что, пожалуй, волей-неволей придется обращаться ко всей церковной православной жизни, а там еще прихватишь и инославных вероисповеданий, ведь судьбы наши тесно переплетаются под одним молотом безбожия.

Приход развалился. Идет только богослужение и то подчас таким косноязычным языком, что хоть святых выноси, исполняются требы, как будто что-то покупаешь в магазине: «Тебе треба эта? — вот такая цена. Получай и уходи».

А нужен стройный сплоченный приход, потому что враг вооружен до зубов. У него не только что-то подобное листку, у него вся печать, все искусство, школа, работа — всё в руках, развалить

может любое — не только приход.

Но — «не бойся, малое стадо», — сказал Христос. Церковь создана всемогущим Богом и врата адавы одолеть её не могут! Но нас лично — могут! Поэтому, чтобы быть неодолимыми вместе с Церковью — надо дерзвать!

И мы — дерзнули... С Богом!

Наш приход начал собираться с того, можно сказать, момента, когда по нас чувствительно ударили на Преображенском кладбище в г. Москве и погнали: Кабаново, Гребнево... хотели доконать, но отсюда и началось возрождение, вернее, преобразование: всё преобразить и воссиять фаворским светом — это еще не воскресение из мертвых, это чтоб воскреснуть: из пепла, из-под развалин... Не случайно мы свою газету назвали «В свете преобразования».

Говорят, русский человек расквашивается, когда всё приходит к концу. Дай Бог, чтоб расквашился. Вот тут они (ну кто? — каждому понятно) и могут ударить еще сильнее... Пока — приказ расторгнуть договор, вызов в райисполком, неожиданный приход милиции... Это выискивают слабые места. Ах, слабые места выискиваете? — Значит не уверены, что все можете.

* Осенью 1978 г. для оживления приходской жизни о. Дмитрий Дудко начал издавать еженедельную машинописную газету. Ниже «Вестник» печатает три дошедших до нас номера.

Братья, не могут. Честное слово — не могут! Они нас боятся. Дружнее за дело Божие! С нами Бог, разумеете языцы (т. е. безбожники) и покоряйтесь, яко с нами Бог!

НА СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Сегодня мы продолжим беседы о семье, почему она развалилась и как её собрать?

Семья — это тоже приход, наш народ всегда говорил: «Семья — домашняя церковь». Приход и все наше общество зависят от состояния нашей семьи.

Будем разбирать и богословский вопрос, что такое свобода: это свобода выбора или что-то другое?

НАШ УСТАВ

Придя сюда, ты не должен быть праздно интересующимся, как и наш враг, который тоже может придти, благо — двери для всех открыты. Ты должен принять самое живое участие, пусть твое горячее неравнодушное сердце подскажет тебе, что делать?

Мы все ответственны за Истину, друг за друга и — за наших врагов!

Всех привести к Богу, чтоб было едино стадо и один пастырь.

ДВЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Нами получены две телеграммы: одна из-за границы, другая из России. Считаю не лишним привести их на страницах нашей газеты.

Ну для чего? — хотя бы, чтоб немного подумать и взвесить.

Правда, первая телеграмма послана — еще к Рождеству этого года, вторая не совсем давно, но это ведь не мешает подумать. Как мудрец сказал: всё не ново, что под луной, а мы еще добавим: всё актуально, что сказано под нашим солнцем.

Итак, читай и думай.

1.

СССР, РСФСР, Московская область, село Гребнево, Священнику Дмитрию Дудко.

Поздравляем с праздником Рождества Христова и Богоявления. И с Новым годом. Желаем Вам успеха в деле проповеди Православия на Руси.

Съезд Русской православной молодежи.

Котенко — председатель,
Курдина — секретарь.

Австралия, Сидней.

2. (Два адреса)

Москва 475, улица Дыбенко 14 корпус 1, квартира 76

Дудко Дмитрию Сергеевичу
Москва 278, улица Павла Корчагина 10. Уполномоченному по делам религии.

Вы незаконно у себя на квартире без согласия родителей крестили моего взрослого внука Мишу.

Вы объявили себя его крестным отцом.

Вы снабжаете его недозволенной литературой зарубежных издателей.

Вы единолично решаете быть или не быть моему внуку в комсомоле.

Вы обязываете его соблюдать угнетающие посты, граничащие с голодовками.

Вы заставляете его посещать Ваш храм, находящийся в четырех часах езды от Москвы, не пропуская ни одной службы.

Вы продолжаете принимать моего внука у себя на квартире и настойчиво провоцировать его на исключение его из спецшколы, где он учился десять лет.

Я решительно протестую против Вашего незаконного и никем не прошенного зловредного вмешательства в дело воспитания моего внука и требую незамедлительно прекратить свое пагубное влияние на него.

Я осуждаю Ваши действия по духовному растлению молодежи и считаю их несовместимыми с высоким саном священника.

Воробьев.

Крепко сказано. Остается только взять и посадить!

Но вот что интересно: «несовместимо с высоким саном священника», — что он считает? И что по его понятию — совместно? Не крестить, гнать от себя молодежь? Быть священником по образу и подобию — безбожников: разрушать Церковь Божию, так, что ли?

Трушин — уполномоченный по делам религий пока еще не реагировал, наверно понял, что с такой клеветой ничего не состреляешь.

Но вот что поразительно. Я думал, что только власть имущие безбожники гонят, а вот судя по телеграмме и не имущим власти это делать хочется...

А мы на все скажем: «Бог не выдаст — свинья не съест».

Мне хочется привести свое стихотворение, может быть написанное даже в момент уныния.

Круги становятся всё уже,
Весь в кольцевом охвате я.
Неужли никому не нужно
Сиянье моего огня?

Вот вспыхнул, прогорел
и гасну —

Не освятил и не зажгёт.

И всё, что было —

всё напрасно,

Как тот последний уголёк?

И сумерки, сойдясь, залягут,

Всё безнадежно придавив.

Но и тогда — назад —

ни шагу!

Жив Бог! — я тоже значит

жив!

24-1-1976

К читателю

Принимайте участие в выпуске нашей газеты. За недостатком места пишите очень кратко, почти афористично.

Благословение Господне на Вас.

Редактор священник

Димитрий Дудко

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК

КРАТКОЕ СООБЩЕНИЕ

11 ноября 1978 года в девятом часу в наш дом при храме села Гребнево ворвалась милиция, взломав три двери, скрутила и избивала, по всей вероятности, заранее намеченного человека, Вл. Седова, постоянно находившегося около меня, в одном белье, босиком, при температуре не более + 3 градуса потянула по земле на расстояние 100-200 метров в милицейскую машину. В машине, как рассказывают наблюдавшие эту сцену, на замечание Седова: «Вы не имеете права этого делать!» ударили рукояткой револьвера в грудь и он замолчал, некоторые думают, что потерял сознание.

С Седовым также увели трех человек, бывших в нашем доме.

В милиции с Седова был сорван крест, составлен акт якобы милицию вызвала староста, так как в нашем доме скрываются преступники (староста это отрицает). Седову якобы за сопротивление властям дали десять суток заключения, остальных двух взятых отпустили, один из них не подписал акта, он требовал, чтоб в акт были вписаны слова: «мы вас всех перестреляем, зарубим топором», которые были произнесены нападающими.

Всю сцену происходящего на-

блюдали верующие, в это время в храме шла служба.

Как рассказывают, милиции в форме было несколько человек, без формы еще более, но кто они? — нам неизвестно. Никаких документов, кто это был? — не оставлено.

Поданы телеграммы о случившемся Министру Внутренних Дел Щелокову, Генеральному Прокурору Руденко, министру по культурам Куроедову. Ответы получены также телеграммами.

В первый день мы в милиции требовали, чтоб было произведено медицинское освидетельствование Седова, нам отказали, освидетельствование, по их словам, произведено, но на третий или четвертый день. Акта освидетельствования не показали, сообщили только устно, что побоев не обнаружено, состояние здоровья нормальное.

Подробности будут по выходе Седова из заключения.

ЧТО Я ВИДЕЛ

На страшный грохот в дверь я вышел из своей комнаты, в которой я отдыхал. Увидел выломанную дверь, милиционеров с обнаженными револьверами и людей в гражданской одежде, все запыхавшиеся, как после тяжелой работы. В дверной просвет

заметил, как уволакивали Седова. Ко мне подошел один милиционер, очень смущенный. На мой вопрос, что вы делаете? — это же хулиганство, ничего не ответил и не предъявил никаких документов.

ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ

Так безбожники преследуют верующих! Сначала приходил участковый милиционер и составил акт на койки, потом милиционеры приходили проверять документы, потом приходили не милиция, а представители райисполкома и сельсовета, чтоб мы разошлись, у нас после службы бываю отеды, чтение духовной литературы и беседы, а еще раньше райисполком приказывал церковному совету расторгнуть со мной договор. Им не нравится, что ко мне идет молодежь, что я работаю с верующими.

**ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ
ЗА ГОНИТЕЛЕЙ**

С 14 ноября мы установили устраивать общественные моления (всенощная, литургия, молебен) за наших гонителей, за всех спившихся и развратившихся.

Первая служба была удивительна тем, что на ней присутствовали гонители и гонимые. Нужно отметить, что гонители наравне с гонимыми смогли выстоять всю службу, а она с непривычки наверно довольно томительна и длинна.

На нашей службе молился один военный, в форме, приехавший

в отпуск. Он в этот день исповедовался и причащался, часто становился на колени. За ним наблюдали. Когда после службы мы с ним ехали в Москву, нас остановили (проверка документов!), якобы кто-то сбежал из армии. Документы были в порядке, однако военного задержали. Почему приехали сюда? Ответ: — верующий, приехал к духовному отцу. Продержали минут сорок, отпустили мирно, может быть потому, что я был здесь.

После посланных мной телеграмм, со мной заискивающе вежливы.

Останавливают и задерживают также и других верующих, идущих в наш храм, иногда избивают непонятные люди.

БЕЗБОЖИЕ - ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Господи, до чего же безбожие вылилось в преступление, как настраивают друг против друга. В милиции одному нашему человеку сказали: «Нас замучили чекисты». Чекисты-безбожники не хотят показывать свое лицо, загребают жар чужими руками. Если станут разбираться, то наверно, найдут козла отпущения кого-либо из самых невинных. Но это мало вероятно, чтоб разбирались, в беззаконии искать закона — бесполезно. Господи, прости им и наставь на верный путь!

Дадут ли нам продолжить общественные моления за врагов? — неизвестно. Настоятель вот

уже намекает, почему мол его не поставил в известность. Как буд-то и молитва к Богу может быть только с ведома. Кого? Наверно чекистов-безбожников.

Мне говорят: ну что ты делаешь? — плетью обуха не перешибешь, но стоять в стороне священнику и глядеть спокойно на страдания людские — это страшнее смерти. Поэтому — прочь всякие расчеты! — вот тут и происходит проверка нашей веры. С Богом один сильнее всякой могучей армии. С нами Бог, разумеете языцы-безбожники... Да воскреснет Бог и расточатся врази Его.

О ЖИВОМ ПРИХОДЕ

Безбожники боятся живого прихода. Как музей, только старушек они потерпят и то до времени, потому что им даже видеть крест на храме — тошно, фотографируя храмы, обязательно срезают кресты. Живой приход, особенно когда много молодежи — этого они терпеть не могут.

Но прошлого не возратить, когда молодежь, одураченная ими, шла штурмом на храмы, теперь молодежь идет в храмы, их не удается одурачить никакими стараниями безбожных родителей.

ВЫЗОВ

Безбожники! У вас всё в руках, у меня ничего нет, кроме веры в Бога. Неужели Вы не видите: то, что в Ваших руках — это ничего не стоит. Выходить во-

оруженной армией на безоружного священника позорно и стыдно.

Чтоб несколько убрать Ваш позор, предлагаю:

1. Предоставить мне типографию — выпускать религиозный журнал и газету.

2. Предоставить мне право выступать с религиозными лекциями, где захочу.

3. Предоставить мне право служить в одном из кремлевских храмов г. Москвы.

Это чуть-чуть уравнивает силы. Мне как-то становится неловко за Вас.

ПИСЬМО В ЩЕЛКОВСКИЙ РАЙСПОЛКОМ.

Я Вас неоднократно ставил в известность, что Вы делаете незаконное, вмешиваясь в дела Церкви. После каждого моего заявления Вы всё делали грубее и грубее. Наконец дошли до преступления: натравили милицию, которая взломала мой дом при церкви, избивала на моих глазах моего духовного сына Седова Владимира. Он давно уже был намечен жертвой, об этом можно судить хотя бы по выкрику, когда милиция ворвалась в мой дом: — Вот этого!.. — Седов Владимир действительно был всегда около меня, это ему как бы в отместку.

Каких еще нужно преступлений ожидать от Вас?

14 ноября 1978 г.

НАРОДОПОТРЕБНИКИ

Любовью зло окроплять — Самим Богом велено.

Чем больше Богу дать поклонны, тем меньше будет в душе стону.

Кто Бога хулит, тот всю жизнь скулит.

Где любовь и лады, там Божии плоды.

Божья воля — душе раздолье.

С Богом в душе и в темноте свет.

Кто бесу угождает, тот в муках погибает.

Кто Христу угождает, тот всегда воскресает.

Поклонами Богу не лоб расшибают, а беса из души изгоняют.

Бог всё в меру дает, сатана же — безмерно.

Исповедь для беса, что дымовая завеса. Чихнет, чихнет и прочь уйдет.

Откровение — это Богом открытые двери.

Глубинный вздох — это Богом устроенный в душе переполох.

У каждого Христова чада свой крест и нести этот крест — великая честь.

Записал Иоанн
(Амалдан Кукуллу)

Редактор священник

Димитрий Дудно

В СВЕТЕ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Еженедельная православная газета-проповедь.

Ноябрь, 1978 г.

№ 13. Воскресенье, 26 ноября

ПРОДОЛЖЕНИЕ

21 ноября вышел из заключения Седов Владимир. Встретили мы его с цветами. Он цветы захотел подарить милиции, мол чтоб не было вражды, они нахмуренно отвернулись. Может быть, невинные цветы заглянули в их души и вызвали упреки совести.

То, что Седов увидал — это страшно. Людей избивают и убивают. Избиваемые принимают всё, как должное. Администра-

тивный суд — это произвол власть имущих, на него нельзя даже пожаловаться. Хотя и сама жалоба ничего не составляет, но тут нельзя даже этого.

Седова держали без вывода на работу. По телеграмме, посланной министру МВД, выезжал следователь, очень холерный, ласковый лет 32-х человек. Всё хотел доказать, что сделано правильно, законность не нарушена. Хотел убедить, что Седова не избивали, вроде мол ему показалось. Седов

сказал, что избивали, только вроде не заметил у них оружия. Может быть, в самом деле не заметил. Во-первых, он близорукый, во-вторых, может быть, потерял сознание, или в самом деле не заметил, до этого ли было.

Обо мне следователь говорил, что вот только что познакомился с секретными бумагами, в которых говорится, что я участвовал в расстреле детей при фашистах. Заместитель начальника милиции г. Щёлкова угрожал, что мы разгоним «отряд дудковский»... Злоба ослепила им глаза и хотя знают, что придумывают, однако не могут удержаться, чтобы во что бы то ни стало опорочить.

Тут действительно только Бог помощник, Господи, помоги нам стоять не отступив!

На 22 ноября меня специальным извещением вызывали в райисполком для беседы. На извещении написал: «От беседы отказываюсь, она ни к чему не ведет. А угрозы от Вас я уже слышал».

Настоятель, староста, вообще церковный совет ездили к митрополиту. По словам настоятеля митрополит на него кричал: вы распустили его. Настоятель говорит, что его руками хотят сделать черное дело. Ему мол, говорит, приходится всё извещать обо мне.

Да, страшное дело. Свои своих своим же предают. Хорошо бы у своих только оставалось. Через

своих еще действуют чужие. Вот что замыслили, что готовят?

Приезжавшего ко мне студента избивали как будто хулиганы. Эти же «хулиганы» похвалялись Седову, когда тот сидел в КПЗ: мы мол одного сектанта избивали, у него там нашли литературу, библиотеку... Нас, мол, оправдали, поскольку студент занимался не тем, чем следует... Мы мол всё можем, нам многое позволено.

Создается впечатление, что в борьбе с верующими используют преступников. До чего же могут дойти с такой постановкой дела! Неужели они думают, что преступники могут пройти мимо них, не заценив? Вот в Москве ограбили одного полковника милиции, днем вывезли из его дома всю библиотеку, и всю обстановку, весь его хрусталь, как говорят рассказывающие...

Наши эксперты делают вывод. Всё: суд, милиция, церковный совет, медицина в их руках. Трудно что-либо сделать юридически, все могут подогнать. Но мы на это давно махнули рукой. Главная наша задача — победа нравственная, моральная. Сколько поэтому от нас потребуются нравственного героизма, стойкости, решительности.

СУДЬБА МОЕГО ДУХОВНОГО СЫНА

На днях моего духовного сына, преподавателя по кафедре лите-

ратуры, выгнали из института, заставив его написать заявление об уходе по состоянию здоровья. Причина — его объективное преподавание с упоминанием имени Божьего. Теперь ему грозит скитание в поиске работы, а может быть, и худшее. Он доволен тем, что не развращал студентов ложным преподаванием. Некоторые студенты, прослушав его лекции, крестились. Дай Бог ему дальнейшего мужества.

Как жизнь спешит, как время
быстро мчится!
Сгорают мой неведомый запас...
Я никогда не смею поручиться,
Что станется со мною через час,
Бегут, бегут дареные мгновенья,
И каждый миг последним
может стать...
Каким добром, любовью,
вдохновеньем
Я должен постоянно обладать!

Н. Марьям

ДЕНЬ АНГЕЛА О. ИОАННА КРОНШТАДСКОГО

День св. Иоанна Рыльского особенно отмечается петербуржцами. В этот день Ангела дорогого батюшки на Карповку, к Иоанновскому монастырю приходят сотни людей припасть к одному из окошечков, где за стеной могила о. Иоанна. Собираются всегда маленькими группками по 20-30 человек, читают акафист

ему и молятся, а остальные ждут у моста издали глядя, когда можно будет подойти, иначе милиция может испортить праздник, разогнав большую группу. Поэтому понемногу целый день приходят и уходят люди. Некоторые приезжают издали и из других городов.

Есть в Петербурге дома, где особенно почитают батюшку и после могилки обычно собираются у кого-нибудь, и так много лет уже по традиции. В одном из таких домов пришлось побывать в этот день. Здесь хранятся вещи о. Иоанна — это святые вещи, освященные его благодатным духом, также фотографии, редкие, с дарственными надписями. Сюда приходят уже старушки, которые помнят о. Иоанна, его знали и видели или удостаивались его помощи после его смерти. Целый день после молитвы и акафиста великому угоднику Божию они за праздничным столом вспоминают всё замечательное, связанное с драгоценным именем кронштадского пастыря. Их рассказы — история нашей церкви. Вот некоторые из них.

В Иоанновском монастыре, так называли женский монастырь, построенный стараниями и на средства о. Иоанна, одна из послушниц, которой сейчас под девянностю, не видела о. Иоанна при жизни. Она была сирота и ее не брали, еще девочку, в Кронштадт, где служил о. Иоанн. В монастыре лишь похоронили батюшку, и она, часто видя сестер у могилки, роптала и осуждала их: «Чего же они

обращаются к нему, как к святому, ведь о. Иоанн еще не прославился всей Церковью, а они к нему, как святому: и просят, и берут благословение, каются и благодарят». И вот она после очередных таких помыслов сильно плакала в своей келье и заснула. И вот, всё ее существо было потрясено страшным видением. На месте окна появляется ослепительное облако света, и сияет, как солнце, а в нем о. Иоанн с крестом и кропилом, а рядом Спаситель и Божья Матерь, как на иконе св. Николая. Она проснулась и долго молилась и плакала, прося прощения у о. Иоанна «за свое недоверие», но плакала другими слезами, так и сейчас, вспоминая это через 60 лет.

Другая старушка, еще девочкой, видела о. Иоанна, когда он бывал в их доме. Родители, состоятельные лавочники, очень почитали его и отец каждое воскресенье ездил в Кронштадт на божественную литургию батюшки.

Через несколько лет Всероссийской известности Иоанна Сергиева отец тяжело заболел туберкулезом легких. Врачи сказали прямо, что ему остались считанные дни, т. к. это была одна из самых тяжелых форм этого заболевания. Отец чах и желтел с каждым днем. Они с матушкой решили пригласить домой о. Иоанна. В условленный день они ждали батюшку, гоняли прислугу, и советовались, сколько заплатить о. Иоанну. После предложений, матушка и говорит отцу: «Зачем так много, о. Иоанн богатый, у

него денег много». Прислуга торопится, спешит и приготовить и встретить у парадного входа, а отец у черного входа тоже ищет, чем угостить батюшку, и вот подъезжает о. Иоанн, и папа встречает его, а о. Иоанн и говорит: «Вези к черному ходу». А папа очень не хотел и говорит о. Иоанну: «Здесь пожалуйста, батюшка, здесь. У нас здесь и парадная и все ждут, а там и темно и пыльно, и всяких вещей много, так что не пройти». «Вези во двор», — говорит кучеру о. Иоанн, еще больше изумляя папу тем, что откуда мол он знает об этом ходе и зачем туда-то именно. Но пошел открывать для такого гостя этот мрачный, заброшенный вход со двора. Когда он открыл дверь о. Иоанну, батюшка вместо слов изо всей силы об стену собою как ударит папу, и так и прижал его к стене своим телом. Папа подумал — конец. Его чахлая грудь от такого удара, казалось, сжалась, и от боли отец, теряя сознание на минуту, думал: «вот и смерть пришла». Но через секунду он почувствовал грудь о. Иоанна, почувствовал, что это не смерть, а исцеление. Они прошли в дом, где недоуменно ожидала прислуга и матушка задержавшихся гостей.

Во время чая отец объяснил на ухо матушке: «А ведь о. Иоанн меня уже исцелил там». О. Иоанн торопился и на молчаливый помысел матушки: сколько же теперь заплатить ему? — предупредительно ответил: «О. Иоанн богатый, у него денег много». Отец и мама в сильных слезах пали к ногам о. Иоанна и проси-

ли прощенья, как всегда утвердившись любовью Христовой, которую имел о. Иоанн. Через некоторое время о. Иоанн прислал им еще огромную, почти метровую фотографию свою с надписью счастливым супругам. Она и сейчас в доме хранит живое присутствие батюшки — о. Кронштадского.

Вечером пришли еще какие-то издалека приехавшие женщины

от могилки о. Иоанна и одна из них всё спрашивала, как же поминать о. Иоанна: то ли как усопшего или как святого. И вот в свете и в славе Духа Святого видевшая о. Иоанна 90-летняя инокиня Иоанновского монастыря ей твердо сказала: «Святой и праведный отче Иоанне, моли Бога о нас».

Сообщил наш корресп. А.С.

Редактор священник

Димитрий Дудко

ХРИСТИАНСКИЙ СЕМИНАР ПО ПРОБЛЕМАМ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

В поисках ответа на большие вопросы, стоящие перед современным религиозным сознанием, мы, группа молодых православных христиан, пришли в 1974 г. к идее религиозно-философского семинара. Нас привела к этому:

- жажда живого христианского общения любви,
- потребность в богословском образовании, которого иными путями получить не могли,
- жизненная нужда в построении православного мирозерцания,
- долг свидетельства о Христе,
- утверждение религиозной свободы и защита христианских ценностей перед лицом атеистического мира.

В разрешении этих проблем мы видим подлинно действенную правду православного делания, стремящегося обрести в глубинах церковного опыта ответ на вопрошания тоскующего мира: исторический разрыв между Церковью и миром, рассекающий народное и личное сознание, есть глубинная причина современного духовного кризиса. Жертвенный подвиг русских мучеников, онтологически преодолевших этот разрыв, стал тем нравственным фундаментом, на котором только и возможно построение грядущего христианского синтеза.

Россия ныне переживает религиозное Возрождение, предсказанное еще русскими святыми подвижниками и религиозными мыслителями. Оно обнаруживает неожиданное многообразие форм, бурное, порою хаотическое, требующее своего исследования и осмысления. Жертвенная кровь Церкви стала семенем нашего Возрождения, а условия гонений определили его вынужденно сокрытый характер. И потому так определяет Семинар свои цели:

- служение делу духовного Возрождения России,
- построение общины как преодоление кризиса современной религиозной жизни и «ненавистной раздельности мира»,
- поиск путей соборного единения тех, кто страдает от унижения личности и переживает нашу разделенность как русскую трагедию,
- диалог с инославными братьями во всем мире для изыскания выхода из мирового духовного кризиса.

На собраниях нашего Семинара обсуждаются проблемы Священного Писания, истории Церкви, святоотеческого богословия (кроме тем, уже названных), как в форме цикла лекций, докладов и сообщений, так и в форме свободного диалога.

Семинар принципиально открыт для всех ищущих и в России и во всем мире и стремится к соборному размышлению для христианского действия.

Семинар издает религиозно-философский журнал «ОБЩИНА».

Обращайтесь к нам по адресу:

Дом Семинара: Калининская обл., Конаковский р-н, пос. Редкино, ул. Ленинская, 12, ОГОРОДНИКОВ Александр Иоильевич (ехать 2 часа с Ленинградского вокзала г. Москвы в электричке на Калинин до ст. Редкино).

Представители

Семинара: г. Ленинград, ул. Матроса Железняка, 17, кв. 70. ПОРЕШ Владимир Юрьевич.

г. Смоленск, ул. Кирова, 15 кв. 31. ШИПКОВА Татьяна Николаевна.

Интересы нашего Семинара на Западе представляет

Анатолий Эммануилович ЛЕВИТИН-КРАСНОВ,
Люцерн, Швейцария.

Июль 1978 г.

«ОБЩИНА». Журнал христианского (религиозно-философского) Семинара. Отв. редактор А. И. Огородников. № 2. Москва-Ленинград, 1978, май, 200 стр. маш.

Аннотация

Религиозно-философский журнал «Община», издающийся Христианским Семинаром по проблемам религиозного Возрождения (основатель Семинара — А. И. Огородников), отражает процесс работы Семинара, состоящий в обсуждении и разработке религиозно-культурных проблем нашего времени и актуализации православного мирозерцания с целью служения делу духовного Возрождения России. Первый № журнала был конфискован агентами КГБ летом 1977 г. и утрачен безвозвратно. В настоящее

время (май 1978 г.) вышел № 2 (был изъят в г. Смоленске агентами КГБ 21 мая и в большей части восстановлен).

Журнал открывается статьей А. Огородникова «Истоки и надежды. Предварение», в которой кратко очерчивается духовный путь тех молодых людей, которые, испытав ложь и нищету марксизма, через опустошенность, нигилизм и индивидуализм пришли к Православию.

В разделе «Семинар» помещена 1-я редакция для обсуждения Декларации принципов Семинара (после обыска восстановлено менее трети первоначального текста), где, с точки зрения Семинара, описывается кризис официальной церкви и религиозно-нравственное состояние мира, а также излагаются принципы, на которых возможно, через построение общин и семинаров, создание новой религиозной общественности как выход из кризиса. В статье В. Пореша «Дай крови — прими Дух» утверждается духовное значение общественного действия. В статье А. Огородникова «Культура катакомб. К опыту истории поколения» описывается и анализируется история становления общественного сознания нашего поколения. В этом же разделе публикуются свидетельства участников Семинара о значении последнего в жизни каждого из них.

В разделе «Истоки и аналоги» перепечатываются в отрывках некоторые исторические и литературные материалы, способствующие, по мнению Семинара, уяснению духовной истории нашего времени, а также выявляющие близкие Семинару идеи: записка Кавелина о нигилизме, статья художника В. Н. Чекрыгина о задачах искусства с предисловием В. Пореша о соборном творчестве, отрывок из воспоминаний А. Белого и др.

В разделе «Духовная жизнь. Философия. Богословие» начата публикация писем отца Сергия Булгакова к А. С. Глинке-Волжскому. Помещены также богословская статья В. Капитанчука «Онтологические проблемы русской софиологии», перевод из Л. Шестова «Борьба против очевидности» и др.

Следующий раздел — «К межконфессиональному единству» — посвящен диалогу с молодыми католиками Италии. Здесь же публикуется и письмо Семинара чешскому христианскому семинару.

Раздел «Религиозное движение» содержит в себе письма и обращения, призывающие открыть Киево-Печерскую Лавру, письмо из лагеря Игоря Огурцова, материалы о репрессиях КГБ против Семинара и др.

Значительную часть журнала составляет последний, литературный раздел. Он содержит поэму Даниила Андреева (1906-1959) «Ленинградский апокалипсис» и большую подборку стихов ленинградского поэта Олега Охупкина.

Прим. Ред.

Как известно Александр Огородников был арестован 10 января 1979 и осужден «за тунеядство» на год лагерей строгого режима.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Профессору-Протоиерею
Иоанну Мейендорфу

Высокопочтимый о. Иоанн!

С опозданием узнав о визите в Москву делегации Американской Церкви, в составе которой были и Вы, и о посещении Владыкой Феодосием и др. делегатами Николо-Кузнецкого храма, мы сочли необходимым незамедлительно опубликовать это открытое письмо к Вам.

После того, как в «Русской Мысли» от 9 марта с.г. появилось наше заявление Патриарху Пимену о провокаторе, агенте КГБ, переводчике ОМЦС Московской Патриархии Александре Шушпанове, руководству пришлось «засвеченного» агента перекинуть на другой объект.

Замкнутость и разделенность нашего общества, отсутствие свободной и широкой информации создают условия, когда разоблаченные в одном месте, Шушпановы могут продолжать творить зло в другом.

Лишний раз убеждаешься в мудрости афоризма «Родина должна знать своих стукачей» и проникаешься уважением к братьям-католикам Литвы, постоянно и эффективно, в отличие от нас православных, воплощающих этот девиз в жизнь.

А мы лишь после раскрытия подлинного лица Шушпанова через наш личный опыт задним числом узнали о его ключевой роли свидетеля в последнем процессе Владимира Буковского.

Мы лишь недавно узнали, что он, атеист, католикам выдавал себя за православного, а многим православным, в том числе и нам, Звиаду Гамсахурдии, участникам семинара Огородникова — за

католика, и даже иезуита — осбо доверенное лицо Римской курии (очевидно с двойной целью — скрыть свою некомпетентность в религиозных вопросах и в надежде, что кто-нибудь «клюнет» на установление контакта через него). Шушпанов опасен: он навязывал нам знакомство и свое посредничество в знакомстве с уважаемым пастором д-ром Майклом Спенглером, штатным священником Посольства США в Москве с целью, как нам удалось вовремя случайно узнать, разыграть «церковный» вариант «дела Щаранского», где Шушпанову отводилась роль Липавского.

В семинаре Огородникова он выведывал места хранения сигнальных экземпляров самиздатского семинарского журнала и наводил ГБ на обыски. Одновременно он настойчиво предлагал группе Огородникова взрывчатку и огнестрельное оружие.

Теперь, разоблаченный, он переброшен на должность старосты в общину Николо-Кузнецкого храма, одного из лучших в Москве. Авторитетное духовенство, живые проповеди, прекрасный хор сделали этот храм привлекательным для верующих, молодежи и даже иностранцев.

Назначение Шушпанова вызывает глубокую тревогу за дальнейшую судьбу этого прихода.

Имея горький опыт общения с А. Шушпановым, мы сочли долгом публично еще раз предупредить Вас, уважаемого священника и богослова, и в Вашем лице всех, кто сможет посетить Николо-Кузнецкий храм и его настоятеля о. Всеволода Шпиллера: входя туда, будьте бдительны, вспомните, что староста А. Шушпанов опасный провокатор.

16 октября 1978 г. Москва

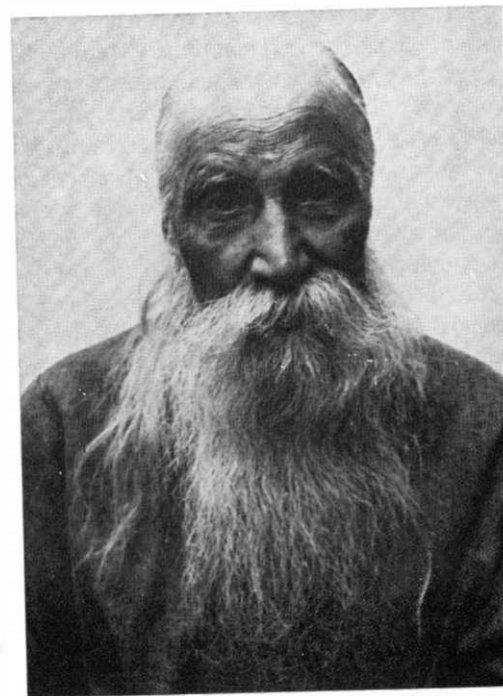
Члены Христианского Комитета защиты
прав верующих в СССР:

Г. Якунин

В. Капитанчук

АРХИМАНДРИТ ТАВРИОН (БАТОЗСКИЙ)

13 августа 1978 года в 6.20 утра по московскому времени в Спасо-Преображенской пустыни Рижского Свято-Троицкого монастыря после тяжелой изнурительной болезни (рак пищевода) почил архимандрит Таврион (Батозский). Он родился 10 августа

Архимандрит Таврион (Батозский)
за месяц до смерти

1898 года в Харьковской губернии в г. Краснокутске. Еще мальчиком Тихон (мирское имя) убежал из дому в Глинскую пустынь, но по требованию отца был возвращен домой. Мальчик не смирился, постоянно умолял отца и вскоре тот смягчился и отпустил его. С 1911 года Тихон подвизался в Глинской пустыни, прохо-

дил иконописное послушание. В 1921 году был рукоположен во иеродиакона в Ново-Спасском монастыре г. Москвы еп. Павлином (Крошечкиным), с которым не расставался до его смерти. В 1925 году рукоположен во иерея и с этих пор ежедневно служит литургию. В 1926 году настоятель Витебского Марковского монастыря. В 1927 году настоятель Феодоровского храма. В этом же году участвует в тайных выборах патриарха. В качестве посланника еп. Павлина объезжает владык. Россия была поделена на четыре части. Двое из четырех посланников, отец и сын Кувшиновы И. А. и И. И., московские коммерсанты, были схвачены ОГПУ со списками и были расстреляны. В 1928 г. архимандрит Таврион вместе с архиеп. Павлином в Перми, в ссылке. Вскоре арест и лагерь. С этого времени начинается мученический путь архим. Тавриона. В общей сложности он отбыл 27 лет тюрем и лагерей. 1953 год — ссылка в Казахстан, самые тяжелые годы жизни. 1956 г. — Пермь, священник кафедрального собора. В 1957 году архимандрит Таврион становится наместником Глинской пустыни. Он пытается ввести один из древних иноческих уставов, дабы подвигнуть монахов жить постом и молитвой. Но братия восстает и через полтора года смещают наместника, а вскоре закрывают и пустынь. 1958 год — несколько месяцев архим. Таврион проводит в Почаевской лавре, в разгар хрущевских гонений, в этом же году уезжает в Уфу, становится настоятелем Покровского храма и епархиальным секретарем. 1961 год — служение в Ярославской епархии в селе Некрасово, затем в 1964 в селе Некоус. Там митр. Иоанн (Вендланд) запрещает ему проповедовать — стечение верующих в храм вызывает недовольство властей. С 7 марта 1969 года архим. Таврион духовник Спасо-Преображенской пустыни. За неполные десять лет его служения пустынь стала местом стечения паломников со всех уголков России. В 1975 году органы КГБ вновь пытаются по ложному обвинению арестовать архим. Тавриона, но попытка оканчивается неудачей. Вряд ли что-нибудь расскажет это длинное перечисление мест служения архим. Тавриона неискушенному читателю. Но человеку, живущему в подневольной России, этот список говорит о личности — всегда он был неугоден властям, как светским, так и церковным. Это был подвижник. Всю его жизнь он был гоним и врагами и теми, кто был призван стать его соратниками. Всегда, везде, человеческая злоба вкупе с глупостью терзали его. Последние месяцы его мученической жизни были омрачены безответственной статьей в карловацкой газете «Православная Русь». Эта статья послужила поводом для террора

по отношению к паломникам со стороны властей. Истощенный ужасными непрекращающимися болями, терзаемый кагебистами, о. Таврион более всего мучился, видя, как власти разоряют с помощью прельщенных монахинь его дело. В воскресенье, причастившись Святых Таин, пособоровавшись, слушая отходную, о. Таврион тихо заснул. Он прожил мученическую жизнь и скончался как мученик. Стояли дождливые ненастные дни, но в день погребения, 16 августа, с утра светило яркое солнце, и у могилы, во время литии, плачущие люди увидели, как играет солнце. «Пасха священная нам днесь показася... рыдания время преста, не плачите...» Вечная твоя память, приснопоминаемый отец Таврион!

Ник. Шеметов

Наталья СОЛЖЕНИЦЫНА

В ЗАЩИТУ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ

29 ноября 1978 в университетском городке Дартмут, в Новой Англии, Наталья Дмитриевна Солженицына выступила с речью в защиту узников совести в СССР. Она призвала американцев откликнуться и помочь, в частности — создать международные комиссии, которые добивались бы права побывать в советских тюрьмах и лагерях для проверки условий содержания заключённых. Это требование широко подхвачено было прессой по всей Америке.

Выступление Н. Солженицыной состоялось по инициативе ассоциации, носящей название Христианское Содружество. Ассоциация эта активна, серьёзна, и отделы её существуют по всей стране. Вечер был организован в тесном сотрудничестве с Дартмутским университетом. Несмотря на снег, мороз и опасное состояние дорог, собралось около 2000 человек и больше 60 корреспондентов газет, радио и телевидения.

Студенты Дартмута и члены Христианского Содружества решили начать всеамериканскую кампанию в защиту невинно страждущих в Советском Союзе. С этой целью они объединились в общество «Верующие — за свободу», поставив себе задачу распространять по всей Америке информацию о преследуемых в СССР за убеждения, а также предлагать и координировать действия в поддержку узников совести. Выступление Н. Солженицыной было ими задумано как первый шаг планируемой кампании.

Одновременно начат сбор подписей под петицией, содержащей 3 требования:

1. — Пересмотр дела Александра Гинзбурга и новый суд, по настоящему открытый, в присутствии международных наблюдателей и иностранных адвокатов.

2. — Публикация всех материалов следствия по делу А. Гинзбурга и других невинно засуженных.

3. — Допуск в советские лагеря международных комиссий для проверки условий содержания узников.

Петицию, адресованную правительству СССР, уже подписали несколько тысяч людей. Копии её сейчас пошли по университетам и христианским содружествам для дальнейшего сбора подписей.

Речь Н. Солженицыной слушали с напряжённым вниманием и глубоким волнением; многие из слушателей говорили, что не могли сдержать слёз. Большинство американцев совсем мало, почти ничего не знают о жизни людей в Советском Союзе. Даже те, кто не раз слышал о репрессиях в СССР, — плохо понимают, а что и как страдают там люди. Им просто трудно представить себе это измерение бесправия и страдания, — они никогда не испытывали и не видели подобного. Но когда они узнают, отзываются — немедленный, глубоко сердечный и, как всегда у американцев, конкретный: что мы можем сделать? как мы можем помочь?

На речь Н. Солженицыной коротко и взволнованно ответил знаменитый в Америке проповедник и писатель, пресвитерианский пастор Дэвид Реддинг.

В разные отделы Христианского Содружества уже стали поступать в большом числе просьбы о предоставлении информации об узниках совести и их семьях в СССР, а также предложения помощи.

Речь Натальи Солженицыной

Дорогие друзья!

Мне хочется назвать вас так, потому что никто из вас не ждал сегодня от меня развлекательных историй, — и всё же вы пришли. Пришли слушать о нашем горе. Спасибо.

Этим летом американская пресса как никогда много писала о невинно осуждённых в Советском Союзе. Тысячи, миллионы людей прошли наши концентрационные лагеря, но вот в первый раз пресса писала об этом много и с глубиной. Пресса писала, какое жестокое давление оказано было на обвиняемых во время следствия, какие непредставимые свободным западным людям условия созданы были во время суда. И пресса писала, что эти люди не признали себя виновными и не просили снисхождения у суда. Что они отстаивали свою честь, что они сохранили своё достоинство.

Они — отстаивали. Они — сохранили.

А — мы?

А что — мы? На нашу честь как будто никто не посягал, наше достоинство — при нас, оно написано на наших лицах.

В августе осуждённые поехали в лагеря, а мы поехали в наши летние отпуска. Но позвольте, скажете вы, — не может ведь жизнь остановиться, оттого что где-то творятся несправедливости. И потом — мы не знаем в точности, что там происходит, ведь это так далеко. И наконец, будем же реалистами: ну что мы можем сделать через наши океаны.

Я хотела бы отметить, что в этом мироощущении островитянина сегодня есть по крайней мере два глубоких изъяна. Первый состоит именно в забвении реальности. Сегодняшний мир связан в тесный клубок. Не нужно быть специалистом, не нужно быть политиком, экономистом, чтобы понять: незнание становится опасным для нас. Однако, не это тема нашей сегодняшней встречи. Только хотелось бы пожелать, чтобы вы изжили это опасное заблуждение прежде, чем его можно будет назвать ро-

ковым. Сегодня я хотела бы говорить об опасности другой, может быть, более глубокой.

Мне всегда казалась верной мысль, что люди мало изменились за время их исторического существования. Что человек, сжимающий рукоять меча, отличается от того, кто сегодня держит палец на кнопке «пуск», неизмеримо меньше, чем меч отличается от ракеты. Но вот уже около пяти лет живу я на Западе и начинаю сомневаться в справедливости этой мысли. В первые века христианства, когда одна община терпела жестокие гонения, она посылала гонца в другие общины, в другие Церкви. Не было типографий, чтоб отпечатать воззвания, не было радио, не было самолетов. И босоногий гонец шёл из Коринфа в Антиохию, питаясь чем Бог пошлёт, он шёл неделями, и месяцами, он приходил, доставал послание из своей нищенской сумы, — и он не слышал в ответ: «Это — внутреннее дело Римской Империи!»

Где же — в а ш ответ на послания наших мучеников?

Однако я хорошо сознаю, что сострадание не может быть абстрактным. Трудно сострадать, не зная, кому, трудно нести ответственность, не зная, за что. Но вот вы пришли, и можно понять это так, что вы хотите знать.

Мой опыт в Америке показал, что почти всегда даже те, кто интересуется Советским Союзом, не знают — за что, реально, садятся у нас в тюрьму. И почему у нас так много тех, кого называют узниками совести. А это просто. Дело в том, что наше государство, как всякое коммунистическое государство, не довольствуется только экономическими и политическими функциями. Оно претендует на роль абсолютного духовного руководителя. Не признаются, не терпят никакие, даже малейшие отклонения от тех мыслей, которые обязаны исповедовать граждане коммунистической страны. Вот потому — у нас много узников совести. Несколько примеров:

В Ленинграде, в 1967 году арестована группа студентов. Они решили самостоятельно, без приставленных комиссаров, изучать марксизм. Арестованы все, сроки от 2-х до 12-ти лет.

Священник, украинец Василий Романюк, поставил свою подпись под письмом в защиту другого украинца, историка, — 8 лет самого страшного **о с о б о г о** советского лагеря. Но ведь это долг священника — вступаться за гонимых!

Простая работница из Рязани, Светлана Шрамко. Активнее других она протестовала, что их рабочий посёлок отравляется дымом соседнего завода, — отправлена в психушку.

И наконец, Александр Гинзбург, судьба которого собрала нас сегодня здесь, свой первый срок, еще в студенческие годы, получил вот за что: он отпечатал на машинке и распространил среди друзей непроверенные цензурой стихи. Среди авторов были те, кто сегодня ездит в Европу и к вам как официальные представители советской поэзии. А преступление его — в том, что он напечатал эти стихи прежде, чем они прошли государственную цензуру: только государство может решать, что читать и чего не читать его гражданам.

Теперь попробуем сопроводить арестованного на его крестном пути. Уже в первый день, и в первый час ареста узник совести знает, что ему — пощады не будет. За 60 лет в нашей стране не было ни одного случая, чтобы оправдали политического обвиняемого. И ни одной политической амнистии за 60 лет. Кто-нибудь — может назвать другую такую страну? И уже в первый день заключённый знает, что следствие будет — жестоким, что суд будет — комедией, и что чашу ему придется выпить до конца. Вот как описывает свой первый тюремный день историк Валентин Мороз, и сейчас сидящий в лагере:

«Первый тюремный день — это бесконечность, заполненная болью. Абсолютно всё: звуки, запахи, формы, слова — сотканы из боли. Первый тюремный день — это человек без кожи. Каждое воспоминание — раскалённая капля... Первый тюремный день — это мир, разрубленный на две половины. Разрубленный посреди не каждый нерв».

Это — первый день, а сегодня у Мороза их уже 2800. В том лагере, где он сидит, и где сегодня сидит Александр Гинзбург, есть заключённый Даниил Шумук, который сидит 34-й год! И другой, литовец Балис Гаяускас, он отсидел 25 лет, в 1973 освободился, а этим летом снова осуждён, на 10 лет.

Мы говорили о том, как труден, тяжёл первый день, но в первый день заключённый ещё не голоден, он еще помнит нежные руки жены и смеющиеся рожицы детей. А впереди? Я много изучала документы о советских лагерях, о нынешних — хрущёвских и брежневских лагерях, и я с полной ответственностью заявляю, что советские нынешние лагеря — пыточные. 6 дней в неделю, 8 часов в день — тяжёлый изнуряющий труд. Отпуска — не бывает никогда. Сырые, холодные камеры. Свет специально загорожен. Еда — чуть больше фунта сырого хлеба в день. Гнилая капуста, гнилая картошка. Категорически запрещены витамины. Библию — нельзя. Любимые книги — нельзя. Жаловаться — нельзя. Болеть — можно, но врача не будет. Вот что пишет

заклѳенный Особого лагеря Юрий Фѳedorов (это написано летом 1977):

«Мне трудно представить такую тюрьму, где не морят голодом, не терроризируют, не оскорбляют, не провоцируют зѳка на каждом шагу, дают видѳться с родными и близкими. Я в таких тюрьмах не был. Я испытал на себе всю гамму издевательств и наказаний, призванных сломить духовно и убить физически.

За 7 лет я видел свою жену и мать 5 раз. За попытку написать жалобу меня посадили в одиночку на 2 месяца. Оттуда я сразу попал в больницу, вес мой был при этом 55 кг при росте 185 см. При насильном кормлении во время голодовки мне надевали каждый раз наручники, замыкая их около локтя. Это адская боль, от которой теряешь сознание. Когда я сказал офицеру, что по закону наручники надеваются у запястья, он ответил, издеваясь: «а у нас запястья до самого плеча».

На всякий случай, я прошу позаботиться о моей семье, если я погибну. Прошу всех христиан в мире помолиться о спасении моей души».

А есть ещѳ страшное, может быть, самое страшное оружие у наших палачей: психушки. Если человек не совершил уж совсем ничего, что можно как-нибудь подsunуть под закон, — его отправляют в психушку. И там его лечат — насильно, разрушают его мозг, разрушают его душу. Вот вопль из психушки заклѳенного Чернышова:

«Взываю к верующим. Здесь свыше 25 лет томится Брославский Н. И., верующий. И Тимонин... над религиозными чувствами его издеваются, требуют, чтобы он отказался от веры, иначе не выпустят. Христиане! Ваши братья во Христе страждут. Вступитесь за мою душу! Не тело моѳ, но душу хотят распять на кресте — пусть они лучше растопчут тело. Христиане! Не допустите, чтобы здоровому человеку начали давать вещество, разрушающее его душу».

У нас сейчас вечер, а в России наступает утро. И скоро начнутся врачебные процедуры. И первый из трѳх ежедневных уколов, разрушающих душу, вгонят под кожу несчастным.

Сегодня здесь много женщин. Представьте, что это **вашего** мужа увезли, и вы не знаете, когда увидите его. И вслед за его арестом вас, может быть, уволят с работы. Я знаю, что это трудно представить, — но сделайте усилие! Вам нужно кормить детей, вам нужно ехать в лагерь на свидание. Но дорога стоит 3, 5, может быть 7 ваших месячных заработков. А с кем оставить детей? Взять их с собой — очень дорого и очень жестоко. А

может быть и так, что вы приедете — и скажет вам надзиратель, ухмыляясь: «А муж ваш — свидания лишѳн». И поедете вы обратно, глотая слѳзы.

Слѳзы, слѳзы, горе, покинутость. А где же друзья? А где организации, не государственные — общественные, которые заботились бы об этих несчастных? Естественный вопрос. А ответ на него — 60-летняя жестокая война, которую ведѳт коммунизм с милосердием в нашей стране. После революции были уничтожены все благотворительные организации, которых в России было множество. У Церкви законодательно отобрали право благотворительности. И сегодня прихожане могут собирать деньги, но не имеют права тратить их на помощь своим ближним. И каждый человек, кто в одиночку помогал своим друзьям или родным, попавшим под колеса нашего «правосудия», знал, что он тем самым уже становится неблагонадѳжным и сам попадает в опасность. Но милосердие глубоко укоренено в нашем народе, и не смогли его убить. И вот всё больше и больше, всё открытей и открытей стали помогать друг другу. И нашѳлся человек, который решил сделать такую помощь регулярной, сильной, последовательной. К тому времени человек этот уже дважды побывал на нашем Архипелаге. Его зовут — Александр Гинзбург. В 1972 году он вышел на свободу после второго срока — тяжело больным. И познакомился с Александром Солженицыным. Оба они — настоящие сыновья ГУЛага. Это ведь не всякий, кто сидел, может назвать себя сыном ГУЛага, а только тот, кто не забыл оставшихся за решѳткой. Солженицын и Гинзбург решили организовать Русский Общественный Фонд помощи узникам совести. Для этой цели А. Солженицын отдал свои гонорары за литературные публикации на Западе. И помощь начала осуществляться уже в 1973 году. А когда в 74-м Солженицына силой выслали из страны, то первым действием его на Западе было утверждение в Швейцарии этого Фонда. Александр Гинзбург стал его директором-распорядителем в СССР.

Он был близким другом нашей семьи. И я могу сказать, что он — один из самых светлых людей нашего поколения. Истинный христианин, он жил в сознании, что вера без дел мертва. Тяжело больной, он никогда не отказывал тому, кто нуждался в нём. Он находил для всех время, теплое слово, участие. Он обладал редкой памятью, и в памяти держал адреса, имена сотен заклѳенных. Вы могли разбудить его среди ночи, и он точно знал, кому срочно нужны деньги для поездки к мужу, какой мальчик, сын зѳка, болен, и какое лекарство ему нужно,какая

девочка выросла из тёплой одежды — а зима приближается. И так, он — христианин. А взглянем на это с точки зрения власти. С точки зрения власти он опаснейший преступник, — поскольку наша власть рассматривает всех нас как свою собственность, не только наши тела, но наши души. Хочет не только убить физически, но сломить душу. Но ведь заключённому легче выстоять, если он знает, что дети его не будут голодные и раздетые, что жене помогают. И так, преступление Гинзбурга в том, что он посягнул на тотальность власти. Значит — враг, значит — убить, а лучше всего — убить.

Арестовали. Семнадцать месяцев длили следствие. Теперь стало известно, что все 17 месяцев ему противозаконно угрожали расстрелом. Советское законодательство не разрешает иметь адвоката в течение следствия. Вы будете один, наедине с вашими следователями, пока не закончится следствие; ни одного письма родным и ни одного свидания. И вот — 17 месяцев следствия, 400 допрошенных свидетелей; их пытали: получали ли помощь Фонда, когда, от кого, сколько? 55 пухлых томов следственного дела. И что ж это грандиозное следствие? каков же результат, какие оно вскрыло преступления? А вот потрясающий документ, обвинительный приговор Гинзбургу. Я прошу всех вдуматься в то, что вы сейчас услышите:

— В 1974 Гинзбург передал Подобайлову «Архипелаг ГУЛаг» Солженицына и сборник «Сахаров говорит».

— В 1975 дал Градобоеву «Архипелаг ГУЛаг».

— Другим гражданам (перечисляется 6 имён) давал сборник «Из-под глыб», журналы «Вестник РХД» и «Континент».

— Кроме того, Гинзбург принимал участие в составлении документов, содержащих клевету на советский общественный и государственный строй. (Речь идёт о документах, касающихся положения в тюрьмах и лагерях, и о религиозных преследованиях.)

— Также Гинзбург составил 3 документа, адресованных в Президиум Верховного Совета СССР и в Комиссию по правам человека.

И — всё?

И всё. Продолжаю читать приговор:

— Вина Гинзбурга в хранении, распространении и размножении указанной антисоветской литературы доказана.

— На основании вышеизложенного: признать Гинзбурга Александра Ильича виновным в совершении преступления по статье 70, часть II УК РСФСР и назначить ему наказание в

виде лишения свободы сроком на 8 лет с отбыванием в исправительно-трудовой колонии **особого** режима.

Для тяжелобольного Гинзбурга — лагерь особого режима это смерть, и судьи прекрасно знали это. И так — убили. Но они были бы не они, если бы этим удовлетворились. Все наши суды всегда сопровождаются ещё издевательствами. Вот только несколько:

Больной Гинзбург с трудом стоял во время заседания и в какой-то момент попросил разрешения сесть. Судья отказал.

Суд основывался на показаниях уголовного Градобоева, четырежды осуждённого за кражи, подделку документов, порнографию. После того как в первый же день он обрушил на Гинзбурга град грязных лжесвидетельств, жена обвиняемого сказала ему в перерыве: «Бог тебе судья за слёзы моих детей». Этот свидетель принёс жалобу судье, и жену Гинзбурга выгнали из зала суда, до конца.

Друзья Алика, ни один из которых не был допущен в зал суда, все 4 дня простояли, буквально — простояли перед зданием суда. Там напротив, в сквере, всегда стояли садовые скамейки, накануне суда их унесли.

И наконец, финальная сцена. Очевидцы, описавшие её, говорят, что не забудут её никогда. Жена Гинзбурга и все друзья молча и скорбно стоят на улице в ожидании, когда будет прочтён приговор. Они все принесли в последний день цветы. Для того чтобы бросить под колёса машины, которая будет увозить Алика Гинзбурга. Они не могут его обнять, пожать руку, даже увидеть, — только бросить цветы на затоптанную мостовую. Они знают машину, в которой его увозят каждый день, и ждут, когда она тронется. В молчании, в неподвижности, у каждого цветок, — как погребальные свечи. Машина трогается, и друзья двигаются за ней. Они начинают скандировать: «А-лик! А-лик!» Академик Сахаров, наша гордость и совесть, с седой головой, задыхаясь, бежит за машиной и кричит: «А-лик!» И вдруг машина останавливается, а вокруг поднимается гогот, топот, хохот — кагебешников. Они распахивают задние дверцы и хохочут: «Вот ваш Алик!» Там — ящики с пустыми бутылками из-под молока.

Не правда ли, как смешно?

Наши хозяева сегодня здесь — студенты. Вы наследуете мир, ликующий и страдающий, огромный и сложный. Родителей не выбирают, и также не выбирают родину. Ваша родина лидирует в свободном мире, и — хотите вы этого или нет — это налагает

на вас ответственность. Судьбы мира зависят не только от богатства вашей страны, не только от мудрости ваших политиков, но от её духа, значит — от вашего духа. Я знаю, что гордый дух свободных людей сохранить трудно. Тем более, что многие из ваших лидеров учат вас выгоде сегодняшнего дня, цинизму и равнодушию. Осенью советник Президента Маршалл Шульман сделал доклад о советско-американских отношениях. Он перечислил различные якобы добрые движения СССР, означающие, по мнению советника, стремление к улучшению отношений. Среди этих «добрых» движений он цинично назвал: Советский Союз дал не самые жестокие приговоры своим гражданам. «Не самые жестокие», — однако достаточные, чтобы умереть. Не самые жестокие, однако они даны — невинным людям. Этот доклад, и этот аргумент Голос Америки передал на Советский Союз. И масса людей так и восприняла это — как цинизм. А на прошлой неделе председатель Олимпийского Комитета опубликовал заявление, что каждый западный спортсмен, который в Москве делает действие, могущее быть квалифицировано, как политическая демонстрация, будет лишён медалей. Но с точки зрения советского правительства дать Библию тому, кто в ней нуждается — политическая демонстрация. И если вы попытаетесь без стукачей, без переодетых полицейских поговорить с советским человеком — это политическая демонстрация. Итак, этот уважаемый лидер призывает вас: не думайте о страдающих, не думайте об их жёнах и детях, не думайте о тех, кто хочет Библию, — думайте о фотографиях, о медалях, об успехе. Но молодёжь, если станет такой, какой хочет видеть её Олимпийский Комитет — нужна ли она вообще будет человечеству? что может она дать ему?

Студенты! Вас учат проверять теорию практикой. Я не прошу вас **поверить** мне, но я прошу вас **проверить** то, что я сегодня сказала. Я прошу вас только об одном: не будьте равнодушны. Сомневайтесь. Но проверьте. Создайте комиссии, — не государственные, общественные, вот ваши, студенческие, — и добивайтесь, чтобы вас пустили — только **посмотреть** советские лагеря и тюрьмы. Никогда ни один иностранец не был в наших лагерях. А в этом году Чили — пустила вашу американскую комиссию в свои тюрьмы. Вас не будут пускать, вам не будут отвечать, или будут отвечать оскорбительно, но уж одним только требованием этим вы облегчите участь узников в лагерях.

Христиане! Я ни к чему не буду призывать вас, потому что каждый из вас, кто правда христианин, — уже призван. Но позволительно будет спросить — где вы? Ведь в XX веке от России

до Америки гораздо ближе, чем от Коринфа до Антиохии в первые века. Где вы были, когда уничтожали нашу Церковь? Нас лишили пастырей: 300 тысяч священников было в России в конце прошлого века, сейчас — 14 тысяч. Умолк колокольный звон. 60 тысяч церквей, 25 тысяч часовен, около 800 монастырей было в России. Сегодня монастырей меньше десяти, а церквей — 6500. Люди едут за несколько сотен километров, чтоб попасть в церковь. А на праздники толпа стоит так тесно, что руку нельзя поднять, чтобы перекреститься. И молодые отцы часами держат на руках детей, и лица их светлы.

В наше время очень часто употребляют слово «чудо». Ракета летит на Венеру — чудо. И научились делать операции на сердце — чудо. Я по образованию — математик. И я знаю, какое глубокое волнение, радость, даже восторг может вызвать в нас сильная и светлая человеческая мысль. Но я бы всё-таки назвала чудом только то, что связано с Духом. И я счастлива сказать вам сегодня, что такое чудо произошло в моей России. Убитая, заплёванная, растерзанная Церковь — жива. Вера не умерла — она возродилась. Вас не было с нами, когда нас убивали. Но придите сегодня, когда мы встаём. Ещё будет много жертв. Прекрасный, светлый, сильный человек — Игорь Огурцов, которым мог бы гордиться любой народ, и ещё будет гордиться Россия, — получил 20 лет! — за то, что раздумывал о путях христианизации нашей родины. 11 он уже отсидел, и здоровье его разрушено необратимо, он погибает в лагере. Может быть, на следующей неделе будет суд над 83-летним главой адвентистов Владимиром Андреевичем Шелковым. Это его 4-й арест, и в тюрьмах Советского Союза он уже провёл 23 года. А вчера до Запада дошла весть, что арестован молодой Александр Огородников. Его преступление в том, что он вёл семинары — молодёжные, христианские семинары. Ведь у нас — уголовное преступление, если вы собрали группу детей больше трёх и учите их Закону Божьему.

Кто будет заботиться о старых и молодых, брошенных в тюрьму? О женщинах и мужчинах? Об их детях и старых родителях? Наш Фонд — будет заботиться. Но и Фонд под угрозой. Сейчас им руководит жена Гинзбурга Ирина. И вот уже ей угрожают. Вокруг неё пляшет уголовный спектакль. И грозят убить её детей, если она не отдаст деньги, не откажется от Фонда. Может быть — сегодня вы придёте, чтоб помочь?

Я не буду ни к чему призывать христиан, но я хочу поделиться с ними своей недавней радостью. Три недели назад я

получила, конечно не по почте, Обращение из Советского Союза. Письмо это написал рабочий, дважды уже сидевший на нашем Архипелаге. Он писал о том, как важен Фонд — не только помощью материальной, но помощью моральной. Он благодарил — и, конечно, получить такое письмо приятно. Но главная, огромная, неизреченная радость, которую я испытала — вот в чём. Эпиграфом к Обращению он поставил слова Спасителя:

ибо алкал Я, и вы дали Мне есть;
жаждал, и вы напоили Меня;
был наг, и вы одели Меня;
был болен, и вы посетили Меня;
в темнице был, и вы пришли ко Мне.

Поверьте, вот это — наибольшая радость, какую может испытать христианин. Работайте, помогите — и вы разделите эту радость.

Слово пастора Дэвида Реддинга

Сегодня я обращаюсь ко всем друзьям свободы с призывом откликнуться на слова Наталии Солженицыной. Она говорит в защиту наших братьев христиан, евреев и других верующих и в защиту всех тех, кто страдает в тюрьмах за железным занавесом за свои верования и убеждения. Александр Гинзбург недавно был приговорён к принудительному труду в лагере — на самом деле за своё христианское служение, за то, что он был милосерден к преследуемым семьям узников совести.

Вы — их единственная надежда. Голос их только и может прозвучать в свободном мире. Не секрет больше, что ленинская тирания страха и ненависти не терпит сострадания.

Томас Пейн, один из основателей нашей страны, предупреждал, что «кто хочет сделать прочной свою собственную свободу, должен защищать от репрессии даже своих врагов, ибо если он нарушит этот долг, он установит тем прецедент, который в конце концов поразит его самого».

Это случилось во Вторую Мировую войну в Германии при Гитлере. Лютеранский пастор Мартин Нимёллер посажен был в тюрьму, в которой было убито 76000 евреев. Его спросили: «как мог мир допустить?» Он отвечал: «Нацисты пришли за евреями, и я не вступился, потому что я не еврей. Потом они пришли за профсоюзниками, и я не вступился, потому что я не профсоюзник. Потом они пришли за католиками, и я не вступился, потому что

я — протестант. А потом они пришли за мной, и к тому времени некому уже было вступить за меня».

Вот, мы сознаём, что мы призваны к великой духовной битве: любви против ненависти, правды против лжи. Мы уже не можем себе позволить разыгрывать роль религиозных людей. И мы сможем остаться свободными, только если эта страна останется родиной храбрых. Неужели вы не напишете хотя бы письма в тюрьмы, где страдают люди за свою веру? А если не можете написать, то не расскажете ли вы о них? Пусть мир узнает, что есть ещё люди, которые плачут и не спят по ночам потому, что думают о невинных жертвах такой несправедливости.

Ведь если мы будем молчать, то сами камни возопят и в конце концов падут на нас. Найдём в себе силы и будем молиться, чтобы эти несчастные получили силу от нас. Ведь мы не одни. Сейчас мы — в долине скорби, но пойдём за Тем, Чье есть Царство и Сила и Слава во веки веков.

ТЕЛЕГРАММЫ, ПОСЛАННЫЕ ИЗ АМЕРИКИ

А. ГИНЗБУРГУ К ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Эдуард Олби, писатель: телеграмма послана 20 ноября 1978 г. «Писатели в Соединенных Штатах думают о Вас сегодня в Ваш день рождения».

Роберт Бернштин, председатель издательства Рэндом Хауз (20 ноября 1978): «Думаю о Вас в этот день».

Ричард Хоуард, Президент американского Пен Клуба (20 ноября 1978): «1600 писателей в Америке посылают Вам поздравление и привет по случаю Вашего дня рождения».

Алберт Шенкер, председатель всеамериканского профсоюза учителей: «Наилучшие пожелания от всех нас к Вашему 42 дню рождения. Мы надеемся и верим, что 43 будем праздновать вместе с Вами на свободе. Пусть Ваше благополучное и скорое освобождение будет задолго до этого». 20 ноября 1978.

Курт Воннегут: «Думаем о Вас не только сегодня, но каждый день. Пусть Вы скоро обретете свободу».

Роберт Месси, писатель: «Приветствую мужественного человека, стойкость которого вызывает преклонение всех свободных людей».

Поль Шерри, религиозный издатель: «Надежды всех любящих свободу людей с Вами в этот день. Мы молимся за скорейшее Ваше освобождение из несправедливого заключения».

Михайло Михайлов, югославский писатель, сейчас в Америке: «Александр Гинзбург, поздравляю Вас с днем рождения. В прошлом я был на Вашем месте, теперь я очень надеюсь, что скоро Вы будете на моем».

Джордж Минни: «Приближается Ваш 42 день рождения и я хочу, чтобы Вы знали, что рабочие Соединённых Штатов Америки Вас не забывают. Ваше мужество вдохновляет нас. Мы не ослабим усилий в Вашу защиту и в защиту тех идеалов, за которые Вы стоите».

Эдвард Беннет Уиллиамс: «Ваши друзья во всем мире глубоко опечалены тем, что Вы должны сегодня провести ещё один день рождения за стенами советского Архипелага ГУЛаг. Вы стали символом надежды и мужества для всех свободных людей мира. В Соединенных Штатах Ваше имя известно миллионам как символ борьбы за права человека в Советском Союзе. Наши мысли с Вами и Вашей семьей в то время как мы продолжаем молиться и работать для Вашего скорейшего освобождения».

Сенатор Даниель Патрик Монихэн: «Дорогой Александр Гинзбург, посылаю Вам самые тёплые поздравления по случаю Вашего 42 дня рождения. Пожалуйста, будьте уверены, что наши мысли и молитвы с Вами как всегда. С пожеланием, чтоб Вы праздновали Ваш следующий день рождения, и ещё много раз после этого, в мире и на свободе, и с сердечным приветом».

Байдер Рестин, председатель негритянского профсоюза и крупный защитник прав меньшинств: «Дорогой г. Гинзбург, я рад послать Вам тёплый и братский привет от 180 членов правления нашего профсоюза по случаю Вашего дня рождения. Ваше неизменное мужество перед репрессией и несправедливостью — источник вдохновения для всех представителей меньшинств и профсоюзного движения в Америке. Мы желаем Вам всего лучшего и просим рассчитывать на нашу поддержку и солидарность. С самыми добрыми и искренними пожеланиями».

Артур Миллер: «С надеждой на Ваше освобождение».

Джером Шестак, Президент Международной Лиги Прав Человека и **Роджер Балдуин** почётный Председатель и основатель той же Лиги: «Ваше мужество в деле защиты прав человека отмечается особенно сегодня, когда Вы находи-

тесь в заключении за Вашу совершенно законную деятельность в рядах Хельсинкских групп. Международная Лига Прав Человека посылает Вам поздравления ко дню рождения и желает Вам здоровья и успеха в борьбе за права человека».

Отец Теодор Хезберг, председатель католического университета Нотр Дам, известный католический писатель и общественный деятель с всеамериканским именем и престижем: «Дорогой Александр, хочу написать Вам особо ко дню Вашего рождения, который будет завтра. Я буду совершать Литургию с молитвой за Вас, чтобы Господь Бог дал Вам силу жить во имя тех идеалов, в которые Вы так глубоко верите. Не важно, получите ли Вы это послание, но важно, что за Вас всё время возносятся особые молитвы и они дойдут. Вы и я оба верим в это и знаем, что в истинной перспективе вечности это — самое важное. К этому я хочу добавить поздравление и добрые пожелания к Вашему дню рождения, от всего сердца. С наилучшими пожеланиями и непрерывной молитвой искренне Ваш Теодор Хезберг».

Правление американского Фонда Дом Свободы: «Дорогой г. Гинзбург, члены правления Дома Свободы, всеамериканской организации, деятельность которой посвящена защите прав человека у нас и за границей, хотят, чтобы Вы знали, что мы будем особенно много думать о Вас 21 ноября, Ваш 42 день рождения. Мы надеемся, что в будущем году Вы сможете отметить этот день на свободе».

Клайв и Патришия Барнт, писатели-критики: «С глубоким уважением мы думаем о Вас в Ваш день рождения».

Франсуа Сози, гл. редактор журнала «Триалог» (публикация международного сильнейшего политико-экономического общества Трёхсторонняя Комиссия): «Желаем Вам столько радости ко дню рождения, сколько возможно. Помните, что мы думаем о Вас всё время».

Роберт Котловиц, председатель некоммерческой телевизионной сети: «Самые лучшие пожелания ко дню рождения».

Комитет защиты Александра Гинзбурга: «Посылаем Вам самые искренние добрые пожелания к Вашему 42 дню рождения и молимся, чтобы Вы нашли силы переносить тяжкую судьбу. Мы всё время о Вас думаем».

ПАМЯТИ И. В. МОРОЗОВА

(1919 — 1978)

6-го ноября трагически оборвалась жизнь Ивана Васильевича Морозова, первого редактора «Вестника РСХД» после его возобновления в 1948 году, долголетнего секретаря местного Движения и директора издательства YMCA-PRESS и книжного магазина LES EDITEURS REUNIS.

Родом из Эстонии, сын крестьянина-хлебороба, И. В. Морозов был вовлечен в работу Движения еще в Прибалтике И. А. Лаговским. Загоревшись как многие юные движенцы мыслью послужить Церкви, И. В. Морозов в 1939 году приехал в Париж учиться в Богословском институте. Война, а затем оккупация Прибалтики Советами помешали ему вернуться на родину, разлучили с близкими (вся семья: родители, братья, сестра остались в Эстонии), оторвали от почвы.

Окончив образование, Иван Васильевич не вступил на путь священства, а, с благословения о. Василия Зеньковского, целиком включился в работу Движения. После военного перерыва подобралась немалая группа молодежи, сплоченная движенческим идеалом «воцерковления жизни». Благодаря вдохновению Ивана Васильевича, его исключительному динамизму и жертвенности, Движение быстро встало на ноги и развило в трудных послевоенных условиях кипучую деятельность: возобновились кружки, съезды, лагеря. Всюду Иван Васильевич работал не покладая рук. В лагерях, не жалея себя брался за любые дела: нес всю административную нагрузку, ставил палатки, читал доклады, ездил за провизией, принимал активное участие в театральной самодеятельности, из которой потом, опять-таки благодаря его энергии, выросла постоянная театральная группа.

Когда в 1953 году Интернациональный Комитет решил передать свое русское издательство в Париже, к тому времени захиревшее, в ведение Движения, Иван Васильевич был назначен его возглавителем вместе с Б. Ю. Физом (скончавшимся в 1978 году) и Н. А. Струве. Вскоре особняк, в котором снимало помещение издательство, был объявлен к продаже, и усилиями Ивана Ва-

сильевича дело удалось перевести в самый центр Латинского квартала, в просторное помещение, ставшее с годами подлинным русским и православным центром.

По смерти А. В. Карташева Иван Васильевич, принимавший всегда деятельное участие в церковных делах, был назначен еще и преподавателем истории русской Церкви в Богословском институте.

Иван Васильевич Морозов

Такая нагрузка оказалась непосильной. Совокупность столь разнородных видов деятельности, а также ряд личных испытаний подкосили здоровье Ивана Васильевича, поколебали и его душевные силы.

В 1970 году он, по настоянию врачей, вынужден был сократить свою деятельность, сосредоточив ее на руководстве издательством и на преподавании в Институте. Однако душевные силы его не восстановились. Ответственность все больше тяготила его, ещё недавно неутомимого жизнерадостного общественного деятеля, каким его знал русский Париж в течение четверти века.

В апреле 1978 года, по просьбе друзей, ему пришлось отойти и от руководства издательством. После летних каникул он возобновил преподавание в Институте, был избран кандидатом на пост председателя местного Движения, и вдруг — неожиданный для всех конец, акт отчаяния, вызванный, возможно, обострением болезни, столь долго мучавшей его и мешавшей не только в работе, но в чем-то более главном, — быть на уровне самого себя, быть самим собой.

Но последние годы не затемняют тот светлый образ, который запечатлелся у всех, кто близко знал его, — человека редкой доброты, отзывчивости, исполненного горения, стремления жертвовать собой, семьей, всем, ради служения высшим целям. Не умалят они и все то значительное, что сделал Иван Васильевич для Русского Студенческого Христианского Движения, для издательства, а через них для православия и русской духовной культуры.

Редакция

В Е Н О К

*Господи, путь наш средь камней и терний,
Путь наш во мраке.
Ты, Свет Невечерний, нас осияй!..*

Осиянное этим Светом прошло церковное утро нашей движеньской жизни. Прибалтика, Печерский монастырь, кружки, съезды, Содружество. Иван Аркадьевич Логовской, Татьяна Евгеньевна Дезен, Николай Николаевич Пенькин, умученные в застенках НКВД в сороковых годах. Но годы тридцатые были полны сиянием новой жизни, нового раскрытия Церкви, нового оцерковления повседневного нашего существования. Эти три имени светятся особым светом, ибо под их влиянием все мы — молодые, неопытные — набирались того духовного багажа, которого никогда не вынести было ни из одной из богословских школ.

Пещеры — русская провинция в Эстонии, окруженная русскими же деревнями, в одной из которых родился мальчик Ваня Морозов. Н. Н. Пенькин и Т. Е. Дезен были теми преемниками русских интеллигентов, которые «шли в народ». Только в народ несли они не разрушительные идеи революции, а весть о Царствии

Божием, о Христе, о возможности и радости жить по Правде Божией. Так рядом с движением студенческим, и так привлекавшим в свои ряды далеко не только студентов матрикулированных, появилось Русское Крестьянское Движение.

Иван Морозов учился в печерской гимназии, и прямо из нее попал в кипучую тогда деятельность и жизнь прибалтийского РСХД. Полный некоей исконной, из рода в род передававшейся, русской крестьянской силой, Ваня всю ее отдал служению Православию через Движение. Если и был он «однодумом», то однодумность его с тех ранних лет духовного рождения и через всю жизнь в Прибалтике и во Франции сосредотачивалась на мысли о жизни в Боге. Если у других можно было подозревать рационализацию веры и неверие Фомино, в Иване Васильевиче — в плане Духа и Церкви — была несокрушимость детская и мужественная.

Путь наш средь камней и терний... Много этих «камней и терний» оказалось и на жизненном пути Ивана Васильевича, особенно на последнем его отрезке. Об этом пишут теперь его друзья, об этом и сам он писал своим друзьям. Но связывать его трагическую кончину с «камнями и терниями» жизненных испытаний, какими тяжкими они ни были бы, нельзя и не хочется. Слишком сильна была в нем вера, слишком непоколебимым было его христианство, чтобы лишиться сил «взять крест и следовать» по раз и навсегда избранному пути. Страшная его смерть, лишение себя жизни могло быть только результатом глубокого душевного распада, страшной внутренней болезни, которая, помимо веры и воли, затмила разум, убила сердце...

Духовное понимание его трагедии будет лучшим венком на его могилу. Не нужно искать «житейских причин», «неудач», обид, лишений. Иван Васильевич всех их пережил бы, если б не эта таинственная внутренняя болезнь души, хорошо известная пастырскому опыту, убивающая без ножа, без рака, без катастрофы. Нужно все остальное исключить из поля нашей к нему любви и памяти о нем, и молиться о нем и о себе этой вот молитвой:

«Ты, Свет Невечерний, нас осияй».

А рабу Божию Иоанну — светлому в вере, крепкому в уповании, преданному в дружбе, стойкому в православной церковности и павшему жертвой темной болезни души — Вечная Память.

Протоиерей Георгий Бенигсен

Милостивый государь!

В своей статье о сборнике «Самосознание» (Вестник № 125) г. И. Дубровский делает ряд весьма саркастических замечаний по поводу одной фразы в одиннадцатой главе моей книги «Россия при старом режиме», помещенной в данном сборнике в русском переводе. Соответствующее предложение книги звучит так: «Теоретически, разумеется, монархия могла вернуться к порядкам Московской Руси, экспроприировать всю частную собственность, взнудать все классы населения государственной повинностью — тяглом, отгородить Россию от остального мира непроницаемой стеной и объявить себя Третьим Римом». Цитировав эту фразу, г. Дубровский обвиняет меня в незнании значения двух важнейших терминов в истории Московской Руси, а именно тягла и вотчины. Мне думается, что до того, как выдвигать эти обвинения, г-ну Дубровскому стоило бы взять на себя труд ознакомиться с полным текстом книги, в которой глава одиннадцатая является заключительной; а если же он был не в состоянии это сделать по причинам, от него независящим, он пока мог бы, по крайней мере, истолковать сомнение в мою пользу.

У г-на Дубровского имеется подозрение, что я не имею понятия о значении термина тягло, поскольку цитируемое предложение может навести на мысль, будто в Московской Руси его несли все классы населения. На самом же деле, сообщает он нам, тягло представляло собою повинность, которую нес лишь один класс московского населения и от которой были избавлены служилые люди, холопы, духовество и монашество. Совершенно верно, и именно так определяется тягло на стр. 98 моей книги. Однако г-ну Дубровскому следовало бы знать, что тягло, как и многие другие политические термины, бывшие в ходу в Московской Руси, имеет не только одно значение. Историки государственной школы (взгляды которой я, в общем, разделяю) иногда применяли его в более широком значении, называя Московскую Русь «тяглым государством». Так, например, в книге Бориса Чичерина «Опыты по истории русского права» (М., 1858) после описания закрепощения крестьян встречается следующее высказывание:

Если мы на эти постановления взглянем отрешенно от существовавшего в то время порядка вещей, то нам покажется

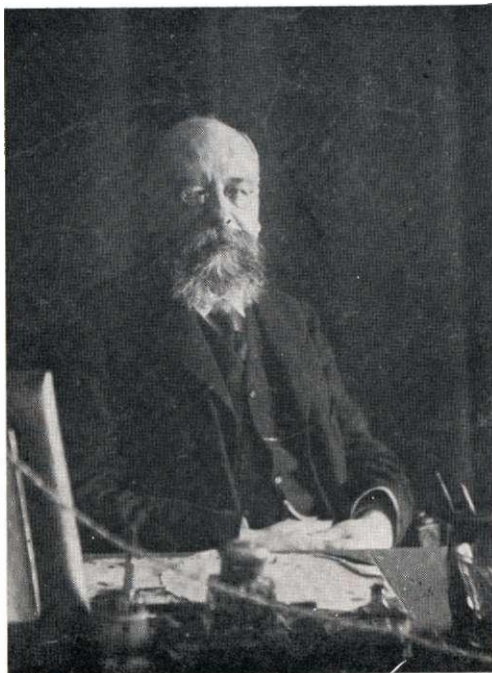
весьма странным и непонятным делом уничтожение одним указом свободы целого сословия, которое искони пользовалось правом перехода. Но если мы рассмотрим их в связи с другими явлениями жизни, в связи с предыдущей историей, мы убедимся, что в этом не было ничего исключительного и несправедливого. Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; **это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был.** Все равно должны были всю жизнь свою служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей; наконец, вотчинные крестьяне, кроме уплаты податей и отправления повинностей, также службою своему вотчиннику... (стр. 227, курсив наш — Р.П.)

Второе критическое замечание г-на Дубровского касается вывода о том, что в Московской Руси не было частной собственности: «Вероятно, проф. Пайпс что-то слышал о вытеснении вотчинного владения поместным, об общинной собственности — и не разобрался, о чем идет речь». Если г. Дубровский просмотрит третью и четвертую главы моей книги, он обнаружит, что я вполне знаком с историческими данными и литературой по данному предмету. Не вдаваясь в подробности, я скажу только, что мой довод об отсутствии настоящей частной собственности в Московской Руси обосновывается тем обстоятельством, что в XVI и XVII вв. нести государственную службу полагалось со **всей** вотчинной земли, иначе право на вотчину утрачивалось. По этой причине с юридической точки зрения вотчина была не владением на правах собственности, а условным владением.

Смею надеяться, что вышесказанное содержит ответ на необоснованные обвинения г-на Дубровского.

С искренним уважением

Ричард Пайпс

**Федор Дмитриевич
САМАРИН († 1916)**

В «Вестнике» № 125 на стр. 251 была помещена фотография о. Павла Флоренского, под которой ошибочно было указано, что вместе с ним сидит за столом Ф. Д. Самарин. На самом деле вторым лицом на фотографии был М. А. Новоселов.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

ИНТЕРВЬЮ С И. И. САПИЭТОМ, ВВС

(Февраль 1979)

Вопрос: Александр Исаевич, со времени Вашей высылки прошло 5 лет — с точки зрения истории срок небольшой, но для писателя столь тесно связанного с судьбами России это уже мучительно долго. В 1967 году на заседании Секретариата Союза писателей Вы сказали — цитирую — «Под моими подошвами всю мою жизнь — земля отечества, только её боль я слышу, только о ней пишу.» Теперь, когда Вы оторваны от этой земли, не отошла ли эта боль в прошлое, не стала ли она чуждой?

Осталось всё так, как если б меня и не выслали. Вся моя жизнь, и работа, и направление — те же.

В Вашей книге «Бодался телёнок с дубом» Вы говорите о моментах, когда Вы мечтали уехать на годы в глушь и «меж поля, неба, леса, лошадей — да писать роман неторопливо.» Насколько эта мечта теперь близка?

Вот «неторопливо» уже в моей жизни наверно никогда не получится, потому что я от задачи своей отстаю, а знаю, что она нужна. Всё поколение наше отстало от задачи. А в остальном — что-то похожее создалось. Внешне-покойная жизнь, не надо конспирации, прятков, рассредоточения бумаг — в голове одна работа. К тому же и все исторические материалы доступны, которые раньше так трудно было доставать.

Говорят, что Вы совершенно отошли от действительности, что Вы живёте чуть ли не жизнью отшельника. Что же Вам лично дал Запад? Свободу или новые узы?

От сегодняшней действительности не очень-то отойдётся, потому что она жжёт, со всех сторон припекает. Как вы знаете, я немало поездил по странам, выступал — но просто от страсти: не могу спокойно смотреть, как они сдают весь мир и самих себя. А в общем — это не моя задача, в нашей стране дела ждут. Для работы же над моей темой Запад, да, не может мне дать питающих впечатлений. Вот если б я сейчас жил на родине! да мог бы передвигаться без преследования, без надзора (как почти никогда не бывало) — я, конечно, жил бы не так, как сейчас, я много бы ездил! Там — каждое место, каждый говор, каждая встреча — это толчок и помощь замыслу.

А здесь — только отвлечение ненужное, на которое уже нет лет. К счастью, я в своё время очень много ходил по... вот положение, трёхмиллионный город, а названия не имеет. Говорить «Ленинград» — уже стыдно. К императору Петру я тоже почтения не имею, — да город был назван не по императору, по апостолу... Но уже и к «Санкт-Петербурху», по-голландски, пути не будет... А «Питером», как сейчас выходят из положения, все большевики его называли. Я б его назвал — Нёвгородом. Это в духе русского языка — Невгород, Новгород... Да, так вот, два месяца я пешком исходил весь город, изучал все места. А Февральская революция она почти вся происходит в Петрограде, — и теперь я с закрытыми глазами любой уголок города отлично вижу, это здорово помогает. Ну, и карта старая есть, и много снимков.

Десять лет назад, в письме в редакцию «Литературной газеты» Вы писали, что Ваша единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России. Что же может эта читающая Россия ждать от Вас теперь, когда Вы вот уже 5 лет на чужбине? Что эти последние годы дали Вам? Что Вы пишете и в чём Вы видите смысл Вашей работы?

Моя работа, Иван Иваныч, началась — 42 года назад, в 36-м году, я только кончил школу. Тогда мне представлялось так: надо описать и объяснить — Октябрьскую революцию и гражданскую войну. А начать — всё показывало — с 14-го года. И я избрал Самсоновскую катастрофу. Но думал как-нибудь скорей всё это пройти, ближе к Октябрю. Впрочем, я и тогда уже заметил, что в самом 17-м году будет несколько Узлов, это такой год, где каждый месяц — новая эпоха. Но навалилось сопротивление многих лет — война, тюрьма, ссылка, болезнь, потом все виды государственной травли, борьба, на которую я был вынужден, и — другие книги, обо всей этой жизни. И «Август 14-го» разросся в два тома, и «Октябрь 16-го» в два — и так сильно, сильно опоздал. Только с переездом в Америку, три года назад, я серьёзно взялся за Февральскую революцию.

Но вник я в Февральскую революцию — и всё мне переосветилось. Я-то рвался к Октябрьской, Февраль казался только по дороге — а тут я понял, что несчастный опыт Февраля, вот, его осознание — это и есть самое нужное сейчас нашему народу. Именно опыта Февраля мы — не поняли, забыли и во внимание его не принимаем.

Тут — клубок легенд. Вся наша новейшая история представлена нам выдумками да легендами — конечно, пристрастными, не случайными.

Легенда, что царь вёл с немцами переговоры о сепаратном мире — никогда ни малейших. Николай II потому и потерял трон, что был слишком верен Англии и Франции, слишком верен этой бессмысленной войне, которая России не была нужна ни на волос. Он именно дал увлечь себя тому воинственному безумию, которое владело либеральными кругами. А либеральные круги очень стремились выручить западных союзников жизнями русских крестьян. Боялись получить плохую оценку у союзников.

Потом — легенда, что в Феврале был избран Совет Рабочих Депутатов. Совет, 1000 человек, значенья не имел, принимать практически решений не мог, а всё повёл узкий Исполнительный Комитет — а туда верхушка избрала сама себя. Второстепенные затруханные партийные социалисты — сами себя избрали и повели Россию в пропасть.

Потом — само Временное Правительство, легендарное навыворот. Это были те самые либеральные деятели, которые годами кричали, что они — доверенные люди России, и несравненно умны, и всё знают, как вести Россию и конечно будут лучше царских министров — а оказались паноптикумом безвольных бездарностей, и быстро всё спустили, к большевистскому концу.

(Да разобраться: они не только упустили власть — они её и взять-то не смогли. Временное Правительство существовало, математически выражаясь, **минус 2 дня**: то есть, оно полностью лишилось власти за 2 дня до своего создания.)

Да и сам Февраль-то был делом двух столиц. И вся крестьянская страна и вся Действующая армия с недоумением узнали об уже готовом перевороте.

Потом: никогда не было никакого корниловского мятежа, всё это — ложь и истерика Керенского, он сочинил весь кризис. Сам вызвал фронтовые войска в Петроград, но из боязни левых отрёкся от этих войск по пути и избразил мятежом. То-то и Корнилов никуда не бежал, и Крымов доверчиво пришёл к Керенскому на свою смерть. Мятежа — никакого не было, но этой истерикой Керенский и утвердил окончательно большевиков.

Но, Александр Исаяевич, ведь всё наше понятие об истории России — по крайней мере на Западе — построено на предпосылке, что Февральская революция была явлением положительным и что не будь октябрьского переворота, Россия пошла бы по пути мирного общественного развития.

Вот это и есть — одна из центральных легенд. Если вникнуть в повседневное течение февральских дней, в каж-

дую мелочь и во всю реальную обстановку, то сразу становится ясно: никуда, кроме анархии, она не шла. Она заключала противоречие в каждом своём пункте. Поразительная история 17-го года — это история самопадения Февраля. Либерально-социалистические тогдашние правители промотали Россию в полгода до полного упадка. И уже с начала сентября 1917 большевики могли взять упавшую власть — голыми руками, без всякого труда. Только по избыточной осторожности Ленина и Троцкого они ещё медлили. Лёгкое взятие упавшей власти совсем не было даже и переворотом. Так что не только не было никакой Октябрьской революции — но даже не было и настоящего переворота. Февраль — упал сам.

И легенды — продолжают дальше. И гражданскую войну совсем неправильно сводят только к войне красных и белых. А главное было — народное сопротивление красным, с 1918 по 22-й. И в этой войне оказалось потерь, как теперь подсчитано — 12 миллионов! Это уже — изменение состава народа, и вот это есть первая настоящая бесповоротная революция — когда из народа выбивают 12 миллионов, да с выбором.

И дальше легенды... Что Октябрь будто землю крестьянам дал — а он и ту отобрал, которую Столыпин дал, и общинную...

Но нельзя ли сказать, Александр Исаевич, что это — дела прошлого, история — да при этом история, имеющая узкое отношение только к России? А разве не правда, что большинство Ваших читателей на Западе? Для кого же Вы пишете?

Что на Западе меня много читают — я рад. Но мои основные читатели — конечно, на родине, и именно для них я пишу. И книги мои достигнут их, да уже и сейчас достигают изрядно. Книгами — я непременно и скоро вернусь. Да надеюсь и сам.

А уроки Февраля — они имеют и всемирное значение, это и Западу не вредно. Самопадение наших либералов и социалистов перед коммунизмом с тех пор повторилось в мировом масштабе, только растянулось на несколько десятилетий: грандиозно повторяется тот же процесс самоослабления и капитуляции.

Но бесценное значение опыт Февраля, всего 17-го года, имеет конечно для нашей страны. А о нём — почти не принято думать. Прежде, чем горячо спорить о будущем пути России, предлагать проекты, рецепты — надо бы основательно знать наше прошлое. А наши спорящие, как

правило, его не знают — именно историю нашего последнего столетия от нас скрыли почти до неграмотности — а мы поддались. Советское давление приучило всех уходить вдаль — к эпохе Николая I и назад. А кто официально занимался последним столетием — тот всё искажал.

Февраль — нам надо знать, и остерегаться, потому что повторение Февраля было бы уже непоправимой катастрофой. И важно, чтоб это поняли все, прежде чем у нас начнутся какие-нибудь государственные изменения.

...Так вот и получилось, что моя историческая работа о Феврале — она в 4-х томах — настолько опоздала, настолько опоздала, что уже снова стала актуальной.

Вы говорите, Александр Исаевич, о бесценности опыта Февраля — но чему же может помочь осознание прошлого опыта в нынешнем положении?

О, осознание очень много значит! Внутренняя победа всегда предшествует внешней. Мы, действительно, не имеем пока физических сил освободиться от плиты, придавившей нас, — но самый драгоценный итог последних 60 лет мировой истории — именно то освобождение от социалистической заразы, которое наш народ прошёл насквозь. Это освобождение — начало мирового освобождения даже тех стран, которым болезнь ещё предстоит.

Да, мы в плену коммунизма, а тем не менее он для нас — мёртвая собака, когда для многих западных слоёв ещё живой лев. Это испытание мы перестояли духовно и, надо удивляться, на ногах!

Ну, конечно, теперь одного этого осознания о коммунизме нам уже мало. Хотя сегодня ещё душит всех коммунизм — а мы должны думать об опасностях будущего перехода. При следующем историческом переходе нам грозит новое испытание — и вот к нему мы совсем не готовы. Это — совсем новые для нас виды опасностей — и чтобы против них устоять, надо по крайней мере хорошо знать наш прежний русский опыт.

Может быть сейчас мой голос дойдёт до тех, кто имеет доступ, возможность и время заняться изучением нашей истории XX века. Мне удаётся сейчас наладить издание научной серии книг — Исследования Новейшей Русской Истории — ИНРИ. В ней разные авторы, старые и молодые, пытаются разыскать, очистить, восстановить уворованную подавленную искажённую истину. Я надеюсь, что и в СССР найдутся авторы, которые захотят принять участие в этой серии. Я даже уверен, что все главные мысли должны

родиться именно в России, несмотря на ужасные притеснения.

Если у кого будет такая работа, то на всякий случай адрес Всероссийской Мемуарной Библиотеки:

В. М. Б.

Post Office Box 1446

Boston, Mass. 02101

USA

Это, скажем, историческое наследие, а как по Вашему обстоят дела с художественной литературой в России?

Русская литература всего больше меня поразила и порадовала, именно в эти годы, когда я выслан. И не в свободной эмиграции она имела успех, не в раздольи так называемого са-мо-вы-ра-жения — а у нас на родине, под мозжащим прессом. И созданся этот успех даже именно на главном стержне русской литературы, который в советской критике полупрезрительно называют «деревенской литературой» — а на самом деле это труднейшее направление работы наших классиков. Так вот оно в последние годы имело замечательные результаты, несмотря на все притеснения. Я рад был бы сейчас назвать — 5, нет, 6 имён, вот я берусь их назвать, и книги каждого, даже и по две книги, и разобрать, что в них так удалось, но отсюда я... не имею права это делать, начнут к этим авторам придирааться, что, мол, недаром Солженицын их хвалил. Но я думаю: они сами поймут, что речь идёт о них, и читатели тоже разберутся.

Нам бывает трудно оценить уровень современной нам литературы. А вот: такого уровня во внутреннем изображении крестьянства, как крестьянин чувствует окружающую свою землю, природу, свой труд; такой ненадуманной, органической образности, вырастающей из самого народного быта; такого поэтического и щедрого народного языка... — к такому уровню стремились русские классики, но не достигли никогда: ни Тургенев, ни Некрасов, ни даже Толстой. Потому что — они не были крестьянами. Впервые крестьяне пишут о себе сами. И сейчас читатели могут наслаждаться тончайшими страницами у этих авторов.

Интересно, анекдот. Есть тут, в Америке, такая Ассоциация славистов, изучающая нашу страну. У неё ежегодные конференции, и среди докладчиков выступают многие новые эмигранты, ну кто пошустрей, побыстрей, может

пробиться. Вот есть такая Клепикова. И она на этой конференции на вопрос о деревенской литературе авторитетно заявила: Деревенская литература? Теперь это уже эпигонство, упадок. — И американские профессора, съехавшие со всей Америки, доверчиво записывают в блокноты: «Деревенская литература находится в упадке.» Это сейчас, когда она в расцвете. Вот так объясняют нашу страну некоторые новые эмигранты, так они используют свою свободу.

Может быть и эти мои слова услышат те молодые авторы, кто в будущем подвигнут нашу литературу. Я бы хотел им сказать, что не надо гнаться за поверхностной политической сатирой — это самый низший вид литературы. И дело совсем не в формальных поисках, никакого «авангардизма» не существует, это придумка пустых людей. Надо чувствовать родной язык, родную почву, родную историю — и они с избытком дадут материал. А материал подскажет и форму, взаимодействуя с автором.

Ещё один грустный анекдот. Осенью 77-го, во время американской книжной выставки в Москве американские издатели решили почтить званым обедом главных представителей русской литературы. А звали примерно по такому принципу: кто числится в диссидентах. И вот ирония: на этот обед собственно русская литература, стержневая — не была позвана. Вот из этих авторов, которых я сейчас мысленно перечислил — ни один не был позван, их и не знают. Был обед в честь русской литературы — а ведущих авторов не было.

Я мог бы добавить ещё по крайней мере двух первоклассных драматургов, действующих сейчас в Советском Союзе, — но опять не буду, чтоб им не повредить.

Но понимают ли эту «стержневую литературу», как Вы её называете, Александр Исаевич, на Западе?

Плохо. Официальное представительство советской литературы на Западе — никак её не представляет. Или — туполобство, пошлость какого-нибудь литературного вертухая, который Твардовского даже в последний год его жизни поносил «кулацким поэтом» — а теперь перед ним якобы млеет. И американские профессора съезжаются, записывают этого вертухая, какой он им бред тут несёт.

Или — слишком повышенная изворотливость между советским режимом и интеллектуальным Западом, умеют нравиться и тем и другим, — впрочем, оба эти мира атеистические и не так чужды друг другу. Я имею в виду,

например, Вознесенского. Радостно даёт себя выставлять, создаёт впечатление литературной свободы в СССР.

Сказал я Вознесенскому когда-то: «нет у вас русской боли». Вот нет — так и нет. Не страдает его сердце ни прошлыми бедами России, ни нынешними. Напечатал в Америке стихотворение, посвящённое мясорубке в гайянской коммуне. Одно дело, что их ангелами, конечно, изображает, но, оскорбительно: в этом изуверском саморазложении, гниении якобы увидел — самосожжение старообрядцев, — а? Старообрядцы погибали, чтобы не изменить своей вере, чтобы их пытками не вгоняли в чужую! — этих марксистов никто не трогал, никуда не вгонял, весь их конфликт с Америкой выдуманый. Вот так он унижил старообрядчество — чтобы держаться в моде, потому что американские газетчики так сравнивают. Деревянное сердце, деревянное ухо.

В своей Гарвардской речи Вы сопоставляете расслабление характеров на Западе с укреплением их на Востоке, где — цитирую — «сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем регламентированная жизнь Запада». Но разве эта «смертно давящая жизнь» тоже не создала духовную опустошённость, не привела к цинизму и материализму, не сломала тысячи и даже миллионы характеров? Как же можно тогда в то же время говорить о духовном возрождении в России? Не мечта ли это возрождение? не плод ли это скорее желания, чем реальности?

Да, конечно, пережить коммунизм без повреждения — кто бы это мог? Все мы это испытали. Повреждены духовно — миллионы. (Однако оговорюсь: повреждены — но уже не в социалистическом заражном отношении — уж в эту сторону никакими голосами нас не кликнешь: до такой тошнотворности прогадели нам головы и груди.)

Что я сказал в Гарварде о характерах?.. А что назовём характером? По-моему: если в самой враждебной обстановке и почти ничем не пользуясь от внешнего мира — выстоять и ещё дать вовне. А что назовём бесхарактерностью? В самых благоприятных обстоятельствах всё получать — и всё для себя. В Берлине в 53-м и в Венгрии в 56-м были наши офицеры и солдаты, отказавшиеся стрелять в народ, хотя знали, что за это будут расстреляны тотчас, и действительно расстреляны. И — всё, и тут же они забыты, и уже в русский характер они нам не вписываются. В Западном Берлине постоял камень в их честь, но слабодушный Запад предал и тут, снял ради детанта.

Когда я в Гарварде говорил о преимуществе наших характеров над западными: мы — под самим Драконом научились, не гнёмся, а они — издали, только от его дальнего дыхания уже гнутся, как ему угодить.

Повреждены мы, да, и многие даже близко к бесповоротности. А — не бесповоротно! И это показывается процессом оживания нашего общества. Я имею в виду сейчас не интеллектуальное и политическое оживание, не Самиздат, не письма-протесты, а изменение нравственной атмосферы вокруг гонимых. Ведь 50 лет — кто был обречён, осуждён, от того отрубивались все, не то, чтобы помогать, но даже избегали сноситься. Ставка коммунизма была — чтобы каждый гиб в одиночку. А сейчас? Сейчас к каждой такой семье тянутся руки помощи, собирают деньги, смело приходят в дом, открыто помогают! Это же — совсем другая нравственная атмосфера, как бы совсем не под советской властью. И даже — в провинции уже так прорастает, где жутче гораздо, страшнее ветер вост. И — молодёжь сильно затронута этим очищением. В этом — надежда.

Такое изменение, я скажу — глубже и перспективнее, чем даже государственный переворот. Ведут себя люди так, будто этих вурдалаков, этого дракона над нами — совсем нет. Воздух другой!

*
**

Александр Исаевич, как Вы знаете, эмигрант часто полон горечи, потерял почву под ногами, живёт одним только прошлым...

Иван Иваныч, я не эмигрант. Я не принимал такого душевного решения — уехать с родины, не принимал решения, что вот где-то начну новую настоящую жизнь. Поэтому у меня психология другая.

Да, но эмиграция всё же существует, это общественное явление, со своим — как она думает — историческим заданием.

У первой эмиграции историческое задание, конечно, было: помочь нам сохранить историческую память о годах предреволюционных и революционных — в то время как в Союзе всё затаптывали.

Но, например, на третьей эмиграции, я сомневаюсь, что историческое задание лежит. Да третья эмиграция — это лишь хвостик, отколок от израильской эмиграции. По

значению и по численности она не идёт в сравнение с двумя первыми.

Да спасение России и не может прийти ни от какой эмиграции, нечего и ждать — а изнутри самой России. Я надеюсь, что в следующий раз, в отличие от 1917, судьба страны будет определена теми, кто в ней живёт, а не теми, кто вернётся из эмиграции.

Не все понимают, что добровольный отъезд сильно уменьшает права уехавшего судить и влиять на судьбу покинутой страны. Уехал — так и сам отрезал, освободил себя от ответственности — так и от права. А страна — продолжает свою судьбу тянуть, она её и вытянет. Третья эмиграция уехала не из-под пульт, как бойцы первой, не от петли, как бойцы второй. Она уехала в то время именно, когда на родине появились и возможности действовать и силы наиболее нужны там. Извне коммунистического режима не одолеть, а только изнутри.

Среди уехавших — разные категории, конечно. Подавляющая часть поехала просто устраивать свою жизнь, к покинутой стране равнодушна.

Весьма малая часть, но политически активная, как бы продолжает на Западе деятельность демократического правозащитного движения. Но она попала в такое положение, что как бы просит у соседей помощи себе в дом. (Господи, уж куда там Западу нам помогать, уж куда там! Себя бы уберегли.) В деятельности этой эмигрантской группы в условиях свободы сказывается и недостаток взгляда. Нельзя всю философию, всю деятельность сводить: дайте нам права! то есть, отпустите заземлённую руку! Ну, отпустят или вырвем — а дальше? Вот тут, на «демдвиже», и сказывается незнакомство с новой русской историей. Они, по сути, обходят все уроки нашей истории как небывшие — и по общей теории либерализма просто хотят повторения Февраля. А это — гибель.

Потом есть категория, которая уехала с острой ненавистью не столько к советскому строю, как к самой России, к самому народу, даже с проклятиями, так называемый Телегин, известно, кто это, псевдоним. И тут печатно питают свою ненависть, от слова «православие» их конвульсия берёт. Ну, эти — открытые, я о них говорить не буду.

А есть ещё одна, опасная категория, которая может быть и выполняет историческое задание. Они приезжают сюда не просто эмигрантами, но как полномочные истолкователи, объяснители нашей страны, народа, истории, куль-

туры, чего угодно. И характерная черта: они ловко попадают тут во вкус, в заказ, чего от них ждут — и вместе с тем их выводы всегда наилучшим образом полезны для коммунистического режима в СССР.

Но нельзя ли предположить, что они в какой-то степени выражают своё искреннее мнение, дают свой ответ на большие вопросы судьбы России?

Я... не стану гадать о подлинных импульсах этой категории, но — головой покрутишь. Подумайте: тех, кто сотрудничал с национал-социалистами, тех судят, а кто десятилетиями сотрудничал с коммунистами, был весь пропитан своей красной книжечкой, — тех Запад принимает как лучших друзей и экспертов, хотя научный уровень у многих — парикмахерский. И в общем, с некоторыми вариантами, направление у них такое: всячески примирить американцев с коммунизмом в СССР — как с самым малым для них злом или даже положительным для них явлением. И наоборот: убедить, что русское национальное возрождение, даже национальное существование русского народа — это величайшая опасность для Запада.

Тут их целая вереница, всех не перечислишь. Вот — Янов. Был он коммунистический журналист, 17 лет подряд, никому не известный. А тут — с профессорской кафедры напечатал уже две книги с разбором СССР и самым враждебным отношением ко всему русскому. В «Вашингтон Пост» на целую полосу статью, что: Брежнев — миролюбец. Смысл его книг: держитесь, мол, за Брежнева всеми силами, поддерживайте коммунистический режим — и торговлей, и дипломатически, укрепляйте его, это вам, американцам, выгодно! А внутри СССР его поддержат... все покупатели магазинов «берёзки». А всякая другая власть в России будет вам хуже.

Он даже не ставит коммунистическому режиму в упрек уничтожение 60 миллионов человек. Словечко «Гулаг» подхватил, но применяет его к старой России — мол, там был Гулаг. Все его рассуждения изложены с точки зрения товара и потребления. В его книгах не найдёшь, что народ (вот, русский) может иметь какую-то религию, что это может что-то значить в его истории, в его стремлениях.

И вот такие уста истолковывают здесь Россию. Вот такие... цветки выращены коммунизмом на нашем забвении и растоптании.

А интеллектуальная Америка их всех очень подхватывает, потому что здесь очень ждут и хотят, чтобы было так: чтобы с коммунизмом дружить, а Россия — плохая. И американские профессора один за другим повторяют: вот, наконец, пришли эрудированные учёные и объяснили нам, чего нам надо опасаться: не коммунизма совсем, а национального существования русского народа! В такой здешней обстановке невозможно, например, добиться международной защиты Игоря Огурцова.

Однако, американское — да и не только американское, вообще западное образованное общество, по крайней мере часть его, информирована об истинном положении. Как же объяснить, что оно так легко поддаётся таким настроениям?

Американское образованное общество склонно прислушиваться к таким уговорам:

во-первых — потому что существует долгая традиция говорить о национальной России только плохое. Эту традицию ещё с конца прошлого века создавал тут Милуков, потом вся революционная эмиграция. (Дошло до того, что в 1-ю мировую войну американские банки давали займы Англии и Франции — при условии, чтоб эти кредиты не попали бы России, союзнику.);

во-вторых — влияет большое сочувствие американских интеллектуалов к социализму и коммунизму, они почти сплошь этим дышат. В американских университетах быть сегодня марксистом — это почёт, здесь много сплошь марксистских кафедр;

в-третьих — такая трактовка очень успокаивает весь Запад: если все ужасы СССР не от коммунизма, а от дурной русской традиции, от Иоанна Грозного и Петра, — так тогда Западу нечего опасаться, значит с ними плохого ничего не будет, если их постигнет социализм — то только добродетельный. После разоблачений советской системы западные представления отступили от траншеи к траншее: сперва сдали Сталина (и всё свалили на мифический «сталинизм»), потом, с болью, сдали даже и Ленина: если всё плохое от Ленина — так не потому что он коммунист, а, мол, потому что он русский. Раз это всё — русское извращение, так чего бояться Западу?

Запад очень боится слышать правду, всякую правду.

Запад очень падок к успокоительному самообману.

А в четвёртых — на эту симпатию интеллектуального Запада к советскому строю влияет общность их идеологического происхождения: материализм и атеизм. Движение, открыто связанное с религией, их всегда настораживает, если не пугает.

Это настроение американского научного мира закрывает им и возможность проникнуть в суть русской истории (хотя судят о ней — с апломбом, будто уже насквозь её поняли, будто можно её понять, игнорируя десять веков православия). Казалось бы, западная свобода даёт им возможности, несравненные со лживой, дремучей советской наукой. А они — остаются как загниотизированные советской исторической концепцией. Они невольно перенимают её фундаментальные положения, и спорят с ней в исправления частностей, деталей, некоторых сторон, лиц, трактовок. Но если какая область совсем запретна в СССР, как не существует, — то она остаётся и совсем неизвестна западной науке. Так блистательная западная наука 55 лет ничего не знала о ГУЛАГе, не представляла его масштабов, не верила, что он существует. Так, большевики объявили народное себе сопротивление бандитизмом — и западная наука приняла: разрозненный бандитизм. И даже вовсе игнорирует обширное народное сопротивление большевикам.

Замечательный случай: один молодой американский учёный, вот в эти годы, добивался защищать диссертацию: «Народное сопротивление большевикам и гражданская война в Сибири». Всюду ему отказывали, потом объяснили: да такой подозрительной диссертации и никто у вас не примет. Побился парень и просит: ну, дайте мне тему! И дали ему: «Сеть партийного просвещения в СССР!» У нас не то что ребёнок, но любая курица, но последний индюк смеются над такой темой, — а в американском университете это — диссертация.

Вероятно, непонимание Западом нынешнего положения в Советском Союзе и привело к тому, что Ваша встреча с Западом состоялась, если можно так сказать, под знаком конфликта. Три года назад в телеинтервью по ВВС Вы обратились к Западу, в частности к Англии, с предостережением о возможности — скорее даже неизбежности — нравственного и духовного крушения перед натиском тоталитаризма. Эта же мысль о духовной опустошённости Запада прозвучала и в Вашей Гарвардской речи в прошлом году. Означает ли это,

что опыт жизни на Западе — в Европе и в Америке — подтвердил Ваше мнение об обречённости Запада?

Нет, не обречённости, нет. Но в общем весы склоняются к худшему. Так отчётливо идёт к мировой войне — а западные деятели обманываются, что идёт к разрядке. Несколько стран ежегодно сдают коммунизму — и не вздрогнут: что ж это делается? надолго ли хватит стран?

Могут ли на Западе найтись силы, которые пробудятся, оздоровят Запад, укрепят его? Я всё же надеюсь, иначе бы не предостерегал. И особенно надеюсь на Соединённые Штаты, где много неиспользуемых, непробуждённых сил — не похожих на те, что действуют на газетной, интеллектуальной и столичной поверхности. Например, на мою гарвардскую речь народ отозвался совсем противоположно газетам. Был большой поток писем ко мне и в редакции, где читатели гневно высмеивали позиции своих газет.

А если говорить о Западе вообще, не видите ли Вы некоторые проблески пробуждения, особенно среди молодёжи, в религиозных кругах?

Да, соглашусь. В разных местах, в разных проявлениях там и сям замечаете, верно, что современная западная молодёжь чутче к истине, чем её дипломированные учителя. Эта молодёжь как будто проныривает через навал хлама и тянется, ищет... У многих из них религия вызывает уже не насмешку, а интерес, сочувствие, даже соучастие. Ну, и конечно, нельзя не счесть знаменем времени нового Папу. Это... это... слов не найдёшь. Это — дар Божий.

Но дело так запущено, отступление Запада так далеко зашло, что во всяком случае нам, в нашей стране, рассчитывать на западную выручку — бесплодно. Я думал так и живя ещё в СССР. И — никогда не обращался ни к западным правителям, ни к западным парламентам, таких иллюзий не питал. Выручка может прийти в индивидуальных случаях, от общественности. Но никто на Западе не обязан заниматься нами в целом, ни у кого нет ни сил, ни стойкости — а нужно будет откупиться нами — откупятся, как Тайванем.

Если так, то где же источник силы для узников, которые ищут свободы? К кому или к чему им обращаться? На что могут надеяться подсоветские народы?

Это — самый трудный вопрос из тех, что Вы мне сегодня задали.

С одной стороны — я считаю, что: главную победу над коммунизмом мы уже одержали: мы выстояли 60 лет и не заразились им. Ничего похожего на то идейное торжество, на тот повальный захват душ, с которым носились, неслись, рассчитывали Ленин и Троцкий. Мы — уже свободны от них духовно.

А вот — физически?..

Потому так и трудны изменения в нашей стране, что в нашу страну упёрлась вся жизнь человечества. Вся орбита земной жизни изменится, когда произойдут изменения в советском режиме. Это сейчас — узел всей человеческой истории.

В «Телёнке» Вы спрашиваете также, не то ли время подошло, наконец, когда Россия начнёт просыпаться, когда Бирнамский лес пойдёт. Двинулся ли Бирнамский лес?

Опять же: как это движение понимать. Если духовно — да, он пошёл! Если физически — нет, не двинулся.

Но я никогда не призывал к физической всеобщей революции. Это — такое уничтожение народной жизни, которое, бывает, не стоит одержанной победы. Да нам не просто же освободиться, нам надо стать на путь лечения — а революции не вылечивают. К тому же рядовой гражданин нашей страны находится в таком положении, что его **нельзя** призывать к физическим движениям: они грозят ему гибелью тотчас. Поэтому я и призывал к движению «Жить не по лжи» — отнять свои руки от их Идеологии — чтоб она грохнулась и кончилась. Это тоже будет равносильно изменению государственного строя. Движение это — развивается, дай Бог ему продолжаться. Но оно оказалось медленней, чем я ждал. Да оно по природе своей не может быть быстрым.

В письме советским вождям Вы говорили о возможности свободного соревнования между коммунистической и другими идеологиями. Как Вы смотрите на это после Вашего пятилетнего опыта на Западе?

Знаете, если говорить о «Письме Вождям», то пора дать некоторое объяснение.

То конкретное, о чём Вы спрашиваете — это вообще там игровой, иронический момент. Никакое идеологическое соревнование с коммунизмом в нашей стране не может возникнуть, потому что коммунизм идеологически уже всё проиграл. Это была в «Письме Вождям» шутка: что партийные пропагандисты в свободное от настоящей работы

время да ещё бесплатно будут пропагандировать коммунизм. Это я просто посмеялся: они — такие шкуры, что бесплатно и для своей идеологии не пошевеливаются.

Но вот что главное в «Письмо Вождям» не названо, а подразумевается: что я обращался, собственно, не к этим вождям. Я пытался прометить путь, который бы мог быть принят другими вождями, вместо этих. Которые внезапно бы пришли вместо них.

Весь этот вопрос нельзя разбирать неконкретно, без нынешней мировой обстановки. В какие испытания нас ещё бросят эти корыстные вожди?

Коммунисты не могут отказаться от агрессии. Уже так идёт: осатанелый рост вооружений. Пушки начинают стрелять сами. Этим безумцам, очевидно, удастся свергнуть и нашу страну и весь мир в войну. Они обречены повторить ошибку всех завоевателей мировой истории: им мнится, что они настолько сильны, что могут захватить весь известный мир. И каждый раз это была ошибка. И будет — в этот раз.

На самом деле они: разорят весь мир, погубят наш народ — а всё равно потерпят поражение. Но — за счёт чего? За счёт того, что на противоположной стороне будет участвовать миллиардный Китай — и, таким образом, победит снова коммунизм, только в другой форме. Американцы вырастят Китай в мирового победителя, как вырастили советский коммунизм после Второй мировой войны, себе на голову.

Так что спасение — не терпит отложения. Каждый лишний год их господства приносит непоправимый урон. То они погубили Байкал, то собираются погубить Сибирь — повернуть сибирские реки. Истощают страну, бессмысленно направляют народные усилия. Каждый год омрачают и портят миллионы юных душ. За каждый один коммунистический год нам придётся потом платить не одним годом выздоровления. Нам — тоже медлить нельзя.

Но на что же Вы сами надеетесь, Александр Исаевич, во что Вы верите? В Провидение?

Слово Провидение не хочется употреблять всеу. Прознося это слово — вступаешь в область торжественную. Я — убеждён в присутствии Его в каждой человеческой жизни, в своей жизни, и в жизни целых народов. Только мы так поверхностны, что вовремя ничего не можем понять. Все изгибы жизни нашей мы различаем и понимаем с большим-большим опозданием. Так, уверен я, когда-нибудь поймём мы и замысел о Семнадцатом годе.

У нас в стране я рассчитываю на ту степень просветления, которая уже разлилась в нашем народе и не могла не распространиться в сферах военных и административных, тоже. Ведь народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждёт от них, что они выполнят сыновий долг. Этой прослойке должно быть понятно, что всякая захватная война — есть наша национальная гибель.

Я хорошо помню наше офицерство, 2-й мировой войны, сколько пылких честных сердец кончало ту войну, и с порывом устроить, наконец, жизнь на родине. И не могу допустить, чтоб они бесследно все ушли, как вода в песок. Чтоб они или их наследники были равнодушны к ужасной судьбе, которую готовят нашей родине, гиблой международной авантюре, куда загоняют её.

Я — верю в наш народ на всех уровнях, кто куда попал. Не может быть, чтоб 1100-летнее существование нашего народа в какой-то, ещё неизвестной нам форме, не пересилило бы 60-летнего оголтения коммунистов. Всё-таки наша жила — крепче! И мы должны пересилить их, отряхнуться от них.

Это может произойти и в разгаре будущей войны — но в тысячу раз лучше, если найдутся силы изнутри остановить агрессию ещё до её возникновения.

И какой же Вы видите будущую Россию?

Я вижу её — в вы-здо-ров-лении. Отказаться от всех захватных международных бредней — и начать мирное, долгое, долгое, долгое — выздоровление.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции	3
БОГОСЛОВИЕ, ФИЛОСОФИЯ	
Акафист за единоумершего	5
О Воскресении мертвых — Преп. Макарий Египетский	12
Софиология смерти — прот. Сергей Булгаков	18
Св. Григорий Палама — прот. Иоанн Мейендорф (США)	42
■ К 40-летию смерти Льва Шестова	
Памяти Льва Шестова — А. Ремизов	67
Из неоконченной книги о Тургеневе — Лев Шестов	70
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Медитации (стихи) — Д. Бобышев (СССР)	80
Из Узла II, «Октябрь Шестнадцатого» — А. Солженицын	85
■ К 40-летию со дня смерти В. Ф. Ходасевича	
«Некрополь» В. Ходасевича — Никита Струве	105
Из неизданных писем и стихов В. Ходасевича	117
Иосиф Бродский: посвящается логике — А. Лосев (США)	124
Маньеризм и трагизм «играющего человека» — В. Евдокимов (СССР)	131
ИСКУССТВО И ЖИЗНЬ	
На выставке Ильи Глазунова — Борис Михайлов (СССР)	142
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Вопросы общественности	
Упадок ремесла историка в новейшей западной историографии СССР — М. Бернштам (США)	162
■ Из истории эмиграции	
«Первое предостережение» — удар хлыстом — М. Геллер (Париж)	187
■ Русская Церковь сегодня	
Жизненный путь о. Димитрия Дудко — (СССР)	233
«В свете преображения» — приходской листок о. Д. Дудко (СССР)	237
Христианский семинар Огородникова — (СССР)	248
Открытое письмо прот. И. Мейендорфу	251
Памяти о. Тавриона — Н. Шеметов (СССР)	253
■ Борьба за права и достоинство человека	
В защиту политзаключенных — Наталья Солженицына	256
Памяти И. В. Морозова — Редакция	270
Венок — прот. Г. Беннигсен (США)	272
Письмо в Редакцию	274
Ф. Д. Самарин	276
■ Приложение	
Интервью А. Солженицына с И. И. Сапиэтом, ВВС	279

SOMMAIRE

	pages
A nos lecteurs: La tragédie de l'émigration — N. Struve	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
Hymne acaphiste pour un défunt	5
De la résurrection des morts — Saint Macaire d'Égypte	12
La sophiologie de la mort — P. Serge Boulgakov	18
Saint Grégoire Palamas — P. Jean Meyendorff (USA)	42
■ Pour le 40-ème anniversaire de la mort de Léon Chestov	
In memoriam L. Chestov — A. Remizov	67
Inédit sur Tourgueniev — Léon Chestov	70
LITTERATURE ET VIE	
Vers — D. Bobychev (URSS)	80
Un chapitre d'«Octobre 16» — A. Soljenitsyne (USA)	85
■ Pour le 40-ème anniversaire de la mort de V. Khodassevitch	
«Necropole» de V. Khodassevitch — N. Struve (Paris)	105
Vers et lettres inédits — V. Khodassevitch	117
Joseph Brodski — A. Lossev (USA)	124
Maniérisme et tragique de l'«Homo ludens» — V. Evdokimov (URSS)	131
ART ET VIE	
A l'exposition d'Iliâ Glazounov — B. Mikhaïlov (URSS)	142
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
■ Problèmes politiques et sociaux	
La décadence des études historiques sur l'URSS aux Etats Unis — M. Bernstam (USA)	162
■ Histoire et problèmes de l'émigration	
«Premier avertissement» — M. Heller (Paris)	187
■ L'Eglise russe aujourd'hui	
Les étapes de la vie du P. Dimitri Doudko — (URSS)	233
«A la lumière de la transfiguration» — un bulletin paroissial du P. D. Doudko (URSS)	237
Le séminaire chrétien d'A. Ogorodnikov	248
Lettre ouverte au P. Jean Meyendorff — P. Gleb Iakounine (URSS)	251
In memoriam Père Tavrion — N. Chemetov (URSS)	253
■ La lutte pour les droits et la dignité de l'homme	
A la défense des détenus politiques — N. Soljenitsyne (USA)	256
In memoriam Jean Morozov	270
Lettre à l'éditeur	274
Interview donnée à J. Sapiet de la BBC (février 1979) — A. Soljenitsyne	279

Выходят из печати **НОВЫЕ КНИГИ**:

Путем взаимной переписки В. ВОЙНОВИЧ

Сборник повестей и рассказов известного русского писателя-сатирика, автора романа-анекдота «Жизнь Ивана Чонкина». В книгу входит неопубликованная часть из «Чонкина», описывающая Сталина, Хрущева, Берию и др. «народных вождей», ряд неизданных рассказов писателя и две повести — «Путем взаимной переписки» и «Хочу быть честным».

260 стр., 48 фр.

Память (выпуск второй). — Исторический сборник, составляемый в Советском Союзе. Включает воспоминания, письма и документы, статьи и библиографические материалы. В отличие от 1-го тома, который главным образом касался темы ГУЛага и разгрома всех политических партий и движений в стране, 2-й выпуск посвящен в большей своей части вопросам истории культуры, науки, литературы, религии. Множество новых интереснейших публикаций (дневник В. Г. Короленко, письма О. Э. Мандельштама, материалы по истории катакомбной церкви и т. д.)

600 стр., 89 фр.

Отверзи ми двери СВЕТОВ, Феликс

Роман посвящен духовным поискам сегодняшней интеллигенции России. Дан широкий срез самых различных слоев современного советского общества: либеральствующая «образованщина», диссиденты, отказники и еврейские активисты, «нео-славянофилы», церковные круги. Основной стержень романа — открытие Христа как единственного пути к спасению и выходу из духовного тупика современной жизни, открытие необходимости покаяния и крестного пути.

(Изд. «Les Editeurs Reunis»). 560 стр., 89 фр.

Мысли об Иконе Инок Григорий КРУГ (художественный альбом)

Г. Круг, ученик Сомова, был несомненно крупнейшим художником-иконописцем XX века. Впервые собраны оставленные им записи о богословском значении икон и богато иллюстрировано его творчество (28 репродукций, из которых 4 в красках).

160 стр., 75 фр.

Выходят из печати **ПЕРЕИЗДАНИЯ**:

Хранитель древностей ДОМБРОВСКИЙ, Юрий

Роман является как бы первой частью «Факультета ненужных вещей» (ИМКА-ПРЕСС, 1978). Обе книги объединены и главным героем и местом действия — Алма-Ата, 1937 год. Отличие «Хранителя древностей» от второго романа Домбровского в том, что он, совершенно не касаясь темы ГУЛага, показывает обычную жизнь страны, будничное и повседневное нагнетание атмосферы страха, всеобщей отчужденности и подозрительности, превращение всей страны в «большую зону».

(с издания Москва, 1964). 256 стр., 48 фр.

Вторая книга МАНДЕЛЬШТАМ, Надежда

Переиздание ставших уже классическими воспоминаний вдовы поэта. Это книга не только о Мандельштаме и событиях его жизни, она обнимает весь «век-волкодав», всю подсоветскую эпоху в жизни России, рассказывая о разрушении традиционной культуры, уничтожении ее носителей, изменении психологии людей...

720 стр. 76 фр.

Россия и Еврей

Сборник статей ведущих публицистов из среды русско-еврейской интеллигенции (Пасманник, Левин и др.). Рассматривается вопрос об участии евреев в культурной и общественной жизни России начала XX века, в политических движениях и революции. Исследуется суть большевизма и его гибельность как для русской, так и для еврейской национальной традиции и культуры.

(с изд. Берлин, 1924). 232 стр., 48 фр.

Отец Климент Зедергольм ЛЕОНТЬЕВ, Константин

Зедергольм, сын немецкого пастора, перешел в православие и стал монахом Оптиной Пустыни. Монография о нем его друга Константина Леонтьева не вошла в Собрание Сочинений и никогда не переиздавалась.

(с изд. Москва, 1887). 128 стр., 38 фр.

МАГАЗИН

Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte Geneviève
75005 PARIS — Téléphone : 033 74 46 et 033 43 81

ПЕРЕИЗДАНИЯ РЕДКИХ КНИГ ПО ИСТОРИИ РОССИИ:

	ф. фр.
БАРСОВ Е. Древние русские памятники (священного венчания царей на царство), с изд. 1883, стр. 160	60,00
БАРСОВ Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской Церковью, с изд. 1878, стр. 578	158,—
БЕСТУЖЕВ-РЮМИН К. Русская история, в 2 томах, (с изд. 1871-1885), стр. 726+319	351,—
БОГУЧАРСКИЙ В. Активное народничество семидесятых годов (с изд. 1912)	168,—
БЫЛОЕ. Журнал, посвященный истории освободительного движения (с изд. 1906), в 12 томах и 6 книгах	2000,—
ВАЛЬДЕНБЕРГ В. Древнерусские учения о пределах царской власти. (Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века). С изд. 1916, стр. 463	126,—
ЛИХАЧЕВ Д. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV - начало XVI веков), с изд. 1946	57,—
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ в начале XX века, под ред. Мартова, Маслова и Потресова. В 4 томах. С изд. 1909-12	800,—
ПОГОДИН М. Исследования: замечания и лекции о русской истории (с изд. 1846). В 3 томах	1350,—

РУССКОЙ КНИГИ

Магазин открыт все дни с 9,30 до 18,30
кроме понедельника и воскресения

	Ф фр.
ПОТЕБНЯ А. Из записок по теории словесности. (Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и лирическое. Приложения). С изд. 1907 г., стр. 652	275,—
ПРИСЕЛКОВ. Нестор-летописец	35,—
ВРЕМЕННОК ПУШКИНСКОЙ КОМИССИИ	984,—
ПРУГАВИН А. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством (к вопросу о веротерпимости), с изд. 1913 г., стр. 130	77,—
РОЖКОВ Н. Город и деревня в русской истории. (Краткий очерк экономической истории России), с изд. 1913 г., стр. 127	50,—
САВВА В. Московские цари и византийские василевсы. (К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей). С изд. 1901 г., стр. 400	132,—
СТАШЕВСКИЙ Е. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Часть 1-я: Московское общество и государство до эпохи Смоленской войны (с изд. 1913 г.)	140,—
ШАХМАТОВ А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С изд. 1908 г., стр. 686	215,—
ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ А. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период 1238-1505. В 2 томах. С изд. 1889 г.	302,—

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSÉE RUSSE »

Главный Редактор: Зинаида ШАХОВСКАЯ

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris
Tél. 824-96-47, 766-21-83, 227-05-79

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ.....	40	75	135
ЗАГРАНИЦА	47	84	150

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 4 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 40 амер. долларов

6 месяцев — 22 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 18 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO

243 West 56 Street — New York 10019, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты, с уплатой во франках:

Mr. Perepelovskiy, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris.

КОНТИНЕНТ

№ 18

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Главный редактор: Владимир МАКСИМОВ

Содержание :

- Пауль Гома — Обратная стойка. Глава из романа
Наум Коржавин — Московская поэма.
Виктор Некрасов — По обе стороны Стены... Часть первая
Иосиф Бродский — Строфы — Сан-Пьетро — «Время подсчета цыплят ястребом; скрид в тумане...» — Шведская музыка — Ода весне — «Помнишь свалку вещей на железном стуле...»
Фридрих Горенштейн — Зима 53-го. Повесть. Окончание
Феликс Серебров — Держись, держись, не падай духом... Стихи
РОССИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
Вадим Янков — О возможном смысле русского демократического движения
ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЙ ДИАЛОГ
Густав Герлинг-Грудзинский — Два эссе: Егор и Иван Денисович — Силона на Востоке
ЗАПАД — ВОСТОК
Арман Малумян — Концентрационный Интернационал
ФАКТЫ И СВИДЕТЕЛЬСТВА
Олег Соловьев — Душевнобольной? — Нет, социально опасный
РЕЛИГИЯ В НАШЕЙ ЖИЗНИ
Прот. Александр Шмеман — Ожидание. Памяти Владимира Сергеевича Варшавского
ИСТОКИ Михаил Нильский — Боркутинская трагедия
ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ
Жорж Нива — Слово и взгляд у Солженицына
ИСКУССТВО
Александр Глезер — «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..»
КОЛОНКА РЕДАКТОРА
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
С. Юрьенен — Опыт выживших ■ В. Иверни — О тюрьме идейной ■ Д. Чернявская — Вера, Надежда, Любовь ■ Флоранс Бенуа — Еврокоммунизм или евросоциализм? ■ Ф. Салказанова — Призраки ли бродит по Европе? ■ Н. Южева — К месту и вовремя
КОРОТКО О КНИГАХ
ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ
НАША АНКЕТА «Что значит Солженицын для каждого из нас?»
Круглый стол «Континента», Париж, 19 сентября 1978 года
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

Цена отдельного номера: 32 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

ВЕСТНИК

Издание Русского Студенческого Христианского Движения
53-ий год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Австралии:

M. Solovey, «Our word». P.O. Box 178, Potts point, N.S.W. 2011
Sydney, Australie.

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

В Израиле:

Michel Agoursky, ROB 7344, Jérusalem.

В Швеции:

Bishop S. Timtchenko. Box 19027, Stockholm, 19, Suède.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.